На правахъ рукописи.

ИСТОРІЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

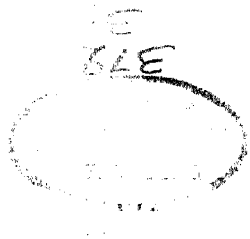
Лекціи проф. С.Н. БУЛГАКОВА,

читанныя въ Московскомъ Коммерческомъ Институтѣ

въ 1908/9 академ. году.

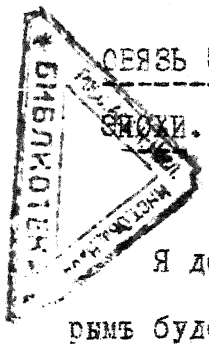
БИБЛІОТЕКА

Редактированное авторомъ
изданіе Студ. Комиссіи
О-ва Взаимопомощи Студ.
Коммерческаго Института.



Введеніе.

СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ СЪ ОБЩИМЪ МІРОВОЗЗРѢНІЕМЪ ЭПОХИ.



Я долженъ очертить передъ вами кругъ тѣхъ вопросовъ, которымъ будетъ посвящено наше изложеніе въ дальнѣйшемъ. Я не могу обойтись при этомъ безъ того, чтобы не остановиться хотя въ двухъ словахъ на вопросѣ о томъ, что же представляетъ собою та политическая экономія, или лучше сказать, тѣ экономическія ученія, исторію которыхъ я имѣю вамъ изложить. При этомъ, само собою разумѣется, мои опредѣленія будутъ имѣть въ виду только подробности именно этого изложенія. Предметъ всякой научной дисциплины можно опредѣлить какъ въ цѣляхъ предварительныхъ, для того, чтобы внѣшнимъ образомъ ограничить кругъ изученія, такъ и въ цѣляхъ обобщающихъ, когда мы подводимъ итоги изученія. Сегодняшнее наше опредѣленіе будетъ, конечно, только предварительное. Политическая экономія или наука о хозяйствѣ, есть изученіе того, какимъ образомъ человѣкъ удовлетворяетъ свои матеріальныя потребности. Для каждаго ясно, насколько человѣкъ зависитъ отъ природы въ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ потребностей. Изъ непосредственнаго опыта очевидно, какой тяжелой повседневной борьбой покупается удовлетвореніе этихъ потребностей. Съ экономической жизнью, съ экономической нуждой, съ экономическимъ опытомъ приходится имѣть дѣло каждому. Можно не имѣть никакого по-

нятія относительно, напримѣръ, химическаго состава водъ, относительно движенія небесныхъ свѣтилъ, относительно цѣлаго ряда вопросовъ, имѣющихъ хотя и въ высшей степени жизненное, но теоретическое значеніе. Но трудно уберечься отъ какого-либо отношенія къ экономической жизни и къ экономическимъ вопросамъ, лицомъ къ лицу съ этимъ ставитъ насъ сама жизнь. И въ этомъ смыслѣ каждый изъ насъ живущій и, слѣдовательно, имѣющій экономическія потребности въ большей или меньшей мѣрѣ, является экономистомъ, причастнымъ къ экономическому мышленію. Таковы условія нашего существованія, что устраниться отъ этого вполнѣ мы не можемъ и разница между научнымъ изученіемъ предмета и практическимъ, которое даетъ намъ непосредственный опытъ, заключается не въ самомъ предметѣ, а только въ характерѣ такого изученія, въ большей систематичности наблюденій и въ большемъ ихъ количествѣ. Когда этихъ наблюденій скопляется значительное количество, настолько, что они могутъ составить предметъ самостоятельной научной дисциплины, тогда создается научная политическая экономія; но не научная политическая экономія создаетъ экономическое мышленіе и экономическія нужды, а, наоборотъ, она сама создается ими. Въ этомъ смыслѣ экономическое мышленіе, а стало быть и экономическое міросозерцаніе создаются и существуютъ раньше, нежели создается ихъ систематическое изученіе въ рядѣ наукъ. Исторія политической экономіи въ этомъ смыслѣ охватываетъ болѣе обширное время, нежели сама политическая экономія, потому что политическая экономія какъ наука, относится къ концу XVIII и, глав-

внимъ образомъ, къ XIX вѣку, между тѣмъ какъ экономическое мышленіе человѣчества сопутствуетъ ему во всѣ времена его существованія. Само собою разумѣется, мы могли бы свое изученіе ограничить исторіей собственно политической экономіи и, слѣдовательно, новѣйшей исторической эпохой, но это было бы ничѣмъ не оправдываемой жертвой, потому что послѣдовательное историческое изученіе экономическаго мышленія разныхъ эпохъ является драгоцѣннымъ средствомъ для пониманія современнаго состоянія мышленія и нашей собственной эпохи. Мы могли бы изучать отдѣльныя экономическія ученія въ ихъ историческомъ развитіи, но при изложеніи спеціальныхъ экономическихъ вопросовъ и отдѣльныхъ экономическихъ ученій и безъ того часто приходится дѣлать такой историческій обзоръ. При этомъ мы повторяли бы многое изъ того, что потомъ будетъ излагаться въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ главахъ общаго курса, но совершенно пропускали бы то общее и цѣлое, что входитъ въ эти отдѣльные вопросы, именно—общее экономическое міровоззрѣніе данной эпохи и даннаго народа. Для того, чтобы уразумѣть отличительную особенность экономическаго мышленія и экономическаго міровоззрѣнія данной эпохи, какъ мы убѣдимся изъ опыта, а сейчасъ, можемъ напередъ угадать, необходимо расширить свое изученіе за предѣлы чисто экономическихъ вопросовъ, чисто экономическаго мышленія. Дѣло въ томъ, что въ человѣческой личности нераздѣльно существуютъ разныя потребности, которыя при изслѣдованіи разсматриваются обособленно, но въ то же время въ жизни они сплетаются въ одно неразрывное цѣ-

лое, при чемъ разныя стороны взаимодѣйствуютъ между собою. Потому и экономическое міровоззрѣніе, въ особенности на ранней стадіи экономическаго мышленія, когда политическая экономія не выдѣляется въ спеціальную науку, находится въ тѣснѣйшей и неразрывной связи съ общимъ міровоззрѣніемъ данной исторической эпохи, съ ея религіей и философіей, съ ея вѣрой, съ ея культурой и эта связь должна быть въ этомъ смыслѣ отмѣчена и во многихъ случаяхъ необходимо должна быть изучаема для того, чтобъ проникнуть въ самую суть даннаго экономическаго міровоззрѣнія. Я приведу вамъ нѣсколько параллелей, сопоставлю нѣсколько историческихъ примѣровъ для того, чтобы со всей наглядностью выступила эта связь экономическаго мышленія съ общимъ міровоззрѣніемъ. Остановимся, напримѣръ, на вопросѣ о цѣнности экономическаго прогресса и хозяйственной дѣятельности. Въ настоящее время экономическая жизнь нашему взору, современному пониманію, зачастую представляется какъ стихійная борьба совершенно самостоятельныхъ, совершенно обособившихся экономическихъ силъ, какъ область вполнѣ автономная отъ другихъ сторонъ жизни человѣческаго духа. Но не такъ это было въ другія времена исторіи человѣчества. У большинства народовъ въ извѣстную историческую стадію можно установить, напр., живую связь между экономическими міровоззрѣніями и ихъ религіей. Для того, чтобы показать всю силу этой связи въ отдѣльныхъ случаяхъ, мнѣ достаточно напомнить вамъ наиболѣе рѣзкій примѣръ этого рода, именно экономическій строй іудейскаго народа въ теократическомъ обществѣ, какъ онъ былъ опредѣ-

ленъ закономъ Моисея. Въ настоящее время земельное право есть предметъ особаго самостоятельнаго законодательства. Если вы развернете Пятикнижіе Моисеево, напримѣръ, книгу Левитъ, то вы увидите тамъ совершенно другое воззрѣніе на земельную собственность. Вся земля принадлежитъ Іеговѣ и Іегова далъ землю въ пользованіе всего іудейскаго народа, который распредѣляетъ эту землю по племенамъ. а племена распредѣляютъ по семьямъ, при чемъ эти отношенія между семьями и отдѣльными лицами регулируются нормами не частнаго, но божественнаго, или на нашемъ теперешнемъ языкѣ, церковнаго права. Это право заботится о томъ, чтобы не было значительныхъ имущественныхъ неравенствъ. Особый законъ относительно юбилейнаго года или 50 года, устанавливаетъ, что въ этотъ годъ земельные участки возвращаются къ своимъ первоначальнымъ собственникамъ. Такимъ образомъ, ставится барьеръ накопленію земельныхъ богатствъ и имущественныхъ неравенствъ. Затѣмъ устанавливается цѣлый рядъ узаконеній, преграждающихъ передвиженіе земельной собственности изъ одного рода въ другой, изъ одной семьи въ другую, заботящихся о бѣдныхъ, о томъ, чтобы они были призрѣваемы, получали соотвѣтствующее помѣщеніе, не оставались безъ призора. Затѣмъ существуетъ цѣлый рядъ положеній, касающихся роста. Въ книгѣ Исходъ запрещается: I) брать ростъ за денежныя ссуды, 2) брать въ качествѣ залога на продолжительное время предметы первой необходимости, какъ-то одежду бѣдняка; она должна быть возвращена до захода солнца, какъ единственный его покровъ и наконецъ, устанавливающихъ освобожденіе запродавшагося

въ кабалу за долгъ въ каждый седьмой годъ. Какимъ образомъ, цѣлый рядъ установленій, регулирующихъ экономическую жизнь и тѣсно связанныхъ со всѣмъ теократическимъ укладомъ жизни народа, понять совершенно невозможно, если не обратиться непосредственно къ изученію основъ іудейской теократіи. Я сказалъ, что іудейскій народъ въ этомъ отношеніи есть наиболѣе рѣзкій примѣръ этой непосредственной теократіи, но у другихъ, именно у языческихъ народовъ на ранней стадіи развитія можно наблюдать ту же непосредственную связь ихъ религіознаго міровоззрѣнія съ хозяйственной жизнью и взаимодѣйствіе одной отъ другой. Но всегда эта связь можетъ быть устанавливаема такъ непосредственно, какъ въ приведенномъ примѣрѣ іудейскаго народа. Въ другихъ случаяхъ она выражается скорѣе въ томъ, что религіей создается опредѣленное настроеніе, извѣстныя оцѣнки богатства, потребностей, вообще предметовъ внѣшняго міра, которые представляютъ экономическую цѣнность. Но это настроеніе является въ высшей степени существеннымъ факторомъ для развитія экономической жизни, потому что экономическая жизнь создается все-таки живыми людьми и, слѣдовательно, опредѣляется до извѣстной степени и ихъ настроеніемъ. Опять таки для того, чтобы показать вамъ, какое значеніе имѣетъ это настроеніе, создаваемое общимъ міровоззрѣніемъ, я возьму два самыхъ крайнихъ, рѣзко противоположныхъ примѣра изъ исторіи міровоззрѣній. Я сопоставлю далекій и чуждый намъ буддійскій востокъ и современное эпикурейское міровоззрѣніе европейскаго запада. Какъ извѣстно, буддійская религія основы-

вается на той мысли и на томъ настроеніи, что жизнь вообще есть страданіе. Старость, болѣзнь и смерть,- это силы, устанавливающія преходящій характеръ жизни и въ корнѣ подкашивающія ея цѣнность. Если всякая жизнь есть страданіе, то естественно надо стремиться къ освобожденію отъ страданія, но отъ страданія не освобождаетъ даже и смерть, потому что по извѣстному буддійскому ученію о переселеніи души и перевоплощеніи, смерть является только новой формой существованія. Она ведетъ къ новому рожденію въ той или другой формѣ и поэтому освобожденіе отъ страданія заключается не въ физической смерти, а въ подавленіи жажды къ жизни, въ подавленіи привязанности къ жизни, въ подавленіи всякаго вожделѣнія, въ которомъ, согласно буддизму, заключается источникъ жизни. Буддизмъ отрицаетъ міровую и индивидуальную душу; жизнь создается не душой, какъ субъектомъ, переходящимъ изъ одного тѣла въ другое, а она создается именно вожделѣніемъ, привязанностью къ жизни, слѣпой волей къ жизни, къ тому началу, которое впослѣдствіи мрачный и буддійски настроенный европейскій философъ Шопенгауэръ положилъ какъ основное начало своей пессимистической философіи. Привязанность къ мірскимъ дѣламъ, интересъ къ жизни есть, поэтому, достаточное основаніе для того, чтобы продолжать существованіе за гробомъ въ видѣ новыхъ воплощеній, При чемъ законъ причинности опредѣляетъ, что способъ этого новаго воплощенія, его формы, зависитъ отъ нравственнаго состоянія даннаго субъекта, отъ того, чѣмъ онъ былъ въ то время, когда умиралъ. При такомъ пониманіи практическое отношеніе

къ жизни сводится къ тому, чтобы бороться и подавить въ себѣ вожделѣніе. Тамъ, гдѣ побѣждается вожделѣніе, воля къ жизни, тамъ наступаетъ конецъ страданіямъ, тамъ существо не перевоплощается, а погружается въ состояніе нирваны. Нирвана это есть именно отсутствіе жизни, т.е. отсутствіе вожделѣнія, т.е. отсутствіе страданія, состояніе безстрастности и безжизненности, которое очень трудно опредѣлить ближе, намъ европейцамъ, перевести на свой языкъ это буддійское понятіе. Отсюда слѣдуетъ, что истинная мудрость для буддиста требуетъ подавленія, борьбы съ вожделѣніемъ. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ вообще міровой литературы и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ буддійскаго міровоззрѣнія именно Баггавотъ Гита высказываетъ такія по этому поводу сужденія: „Если человѣкъ оставилъ всѣ вожделѣнія, проистекающія его пожеланія, если онъ внутренне удовлетворенъ самъ собою, тогда говорятъ о немъ, что онъ твердо стоитъ въ мудрости.- Чей духъ не волнуется скорбью и чей духъ слишкомъ возвышенъ, чтобы радоваться на человѣческое владѣніе, кого оставили страсть, гнѣвъ или страхъ, тотъ называется муни, святымъ, твердымъ въ самосознаніи.- Чувственныя вещи не имѣютъ болѣе привлекательности для того, кто не имѣетъ къ нимъ желанія. Даже чувство вкуса оставляетъ того, кто окончательно отказался отъ пробы вкуса.- Кто встрѣчаетъ, напротивъ, чувственныя вещи съ чувствами, свободными отъ склонности или отвращенія, тотъ достигаетъ мира, ибо душа его полна мира". При такомъ міровоззрѣніи ясно, само собою, какъ можетъ отвѣтить буддизмъ на основной во-

просъ хозяйственнаго быта, на вопросъ о человѣческихъ потребностяхъ, ихъ ростѣ, ихъ утонченіи, т.е. относительно цѣнности важнѣйшаго стимула, которымъ создается экономическое развитіе, толкается впередъ народное хозяйство. Относительно этого мы находимъ какъ бы готовый отвѣтъ въ Суттѣ Нипатѣ (священной книгѣ буддизма): „Кто здѣсь ничего не беретъ себѣ, чтобы ни было дано ему, будь то длинное или короткое, большое или малое, дурное или доброе, того назову я брахманой.- Кого не влечетъ къ себѣ - ни этотъ міръ, ни слѣдующій, кто не подвластенъ никакому желанію, того назову я брахманой.- Кто забылъ всѣ тѣлесныя наслажденія, кто разрушилъ въ себѣ самое сѣмя ихъ и грядетъ по свѣту, не имѣя здѣсь никакого пристанища, того я назову брахманой.- Если удастся достичь тѣлесныхъ радостей тому, кто жаждетъ ихъ, онъ становится радостнымъ, найдя любезное смертнымъ; если же не удастся ему достичь тѣхъ радостей, онъ мучится, какъ пронзенный стрѣлой. Кто избѣгаетъ тѣлесныхъ радостей, какъ на головку змѣи боятся наступить босой ступней, тотъ размышленіемъ всегда отгонитъ отъ себя эту жажду радостей. Кто жаждетъ тѣхъ радостей, жаждетъ полей и добра, коней и коровъ, слугъ, близкихъ и женъ, тотъ побѣждаетъ грѣхъ, того сокрушаютъ несчастія и въ его сердце вольются страданія, какъ вода сквозь щель въ челнокѣ. Итакъ, размышленіемъ изгоняйте плотскія радости; освободившись отъ нихъ, легко переплыть это море; вычерпайте всю воду изъ ладьи своей, легко и весело къ иному берегу она понесется. - Человѣкъ, привязанный къ тѣлу, покрытый корой грѣха, обольщенный не раду-

ется въ уединеніи, не очищается отъ плотскихъ наслажденій. Кого водятъ здѣсь страсти и похоти, кого научаютъ желанія радостей, трудно освободиться тому, прилѣпленному къ бывшему и будущему, мечтающему о новыхъ радостяхъ, сладко вспоминающему прошедшія... Вижу я въ этомъ мірѣ боязливую породу, порабощенную жаждой жизни,- это несчастные люди, тоскующіе въ пасти смерти, поглощенные потокомъ возрожденія. Взгляни на этихъ людей: какъ рыбка трепещетъ въ изсохшемъ ручейкѣ, такъ и они дрожатъ въ постоянномъ безпокойствѣ и заботѣ о себѣ; ты же иди въ смиреніи, не питая въ себѣ страсти къ жизни". Вотъ чему учитъ буддизмъ своихъ многомилліонныхъ послѣдователей. Естественно, поэтому, что высшее и даже единственное воплощеніе буддійскаго благочестія выразилось въ монашествѣ, исключительная задача котораго часто созерцательная настолько, что трудъ они считаютъ зломъ, отвлекающимъ ихъ и питаются добровольнымъ подаяніемъ, чуждые правильной работы. На этомъ основаніи справедливы слова Ольденберга, извѣстнаго изслѣдователя буддизма, что въ буддійскомъ пониманіи нравственности глубоко коренится то, что воспитательное значеніе труда здѣсь не можетъ быть познано. Напротивъ, трудъ какъ суета, какъ забота является отвлекающимъ отъ истиннаго стремленія человѣка освободиться отъ жажды жизни. Представьте себѣ, что подобное настроеніе значительно или слабо, поверхностно или глубоко, но захватываетъ значительные круги людей. Вѣдь очевидно, что это настроеніе, созданное религіей, окажется серьезнымъ факторомъ и экономическаго развитія и экономическаго міровоззрѣнія. Вѣдь оче-

видно, что при такомъ настроеніи уже не разовьется политическая экономія и не создадутся тѣ формы народнаго хозяйства, которыя мы теперь наблюдаемъ, однимъ словомъ, окажется невозможно многое изъ того, что сейчасъ само собою разумѣется. Для того, чтобы почувствовать всю пропасть, которая отдѣляетъ современный европейскій міръ отъ такого воззрѣнія, я приведу сейчасъ противоположное воззрѣніе, пропитанное современнымъ европейскимъ эпикуреизмомъ. Вездѣ, гдѣ буддизмъ говоритъ „да", эпекуреизмъ скажетъ „нѣтъ" и наоборотъ. Если здѣсь развитіе и утонченіе потребностей является несчастьемъ, усиленіемъ вожделѣній, то тамъ оно разсматривается какъ благо и возможность увеличенія наслажденія. Если здѣсь конечной цѣлью является стремленіе уменьшить жажду жизни, слѣдовательно, возможность наслажденія чувственнаго характера, то здѣсь задачей жизни является стремленіе ихъ увеличить. Это воззрѣніе весьма широко распространено въ настоящее время въ европейскомъ мірѣ. Я приведу вамъ лишь для образца характерное его выраженіе въ устахъ одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ экономистовъ Зомбарта, устами котораго говоритъ среднее поверхностное европейское сознаніе нашихъ дней. Зомбартъ съ восторгомъ привѣтствуетъ эту полноту чувственныхъ формъ, то богатство наслажденій, которое создается новѣйшей капиталистической культурой. Въ настоящее время, говоритъ онъ, все жизнепониманіе претерпѣваетъ перемѣны. Оно становится изъ преимущественно литературнаго преимущественно художественнымъ, изъ аб-

страктно-идеалистическаго чувственнымъ. Просыпается вкусъ къ видимому здѣшняго міра, красивой формѣ даже внѣшнихъ предметовъ, для радости жизни и ея наслажденій. Художественное ощущеніе становится опредѣляющимъ началомъ всего образа жизни, художественный идеалъ руководящимъ во всѣхъ областяхъ. Какъ прежде искусство находилось подъ игомъ мысли, литературной фантазіи, такъ теперь художественное воззрѣніе господствуетъ надъ литературой и всѣми областями духа. Повидимому, приближается эпоха культурнаго расцвѣта, которая всегда была художественной, а не этичной. Я предвижу, что грядущее поколѣніе послѣ долгихъ столѣтій лишеній, наконецъ, снова будетъ вести жизнь, которая будетъ пропитана красотой и довольствомъ. Явится поколѣніе, которое изъ полноты богатства, притекающаго къ нему съ расточительнымъ изобиліемъ, создастъ цѣлый міръ вожделѣній и красивыхъ формъ, поколѣніе людей, для которыхъ наслажденіе, радость жизни сдѣлаются сами собой разумѣющимися спутниками земныхъ странствій, людей съ утонченными чувствами, съ эстетическимъ міропониманіемъ. Это значитъ: количественно потребность въ изящномъ принимаетъ такіе размѣры, о которыхъ мы теперь не можемъ составить себѣ и малѣйшаго представленія, она возрастетъ безмѣрно до такихъ колоссальностей и великолѣпія, по сравненію съ которымъ „роскошь" императорскаго Рима, блескъ Венеціи, расточительность Версаля превратится въ ничто". Зомбартъ проходитъ мысленнымъ взоромъ современныя усовершенствованія относительно комфорта и изящества разныхъ общественныхъ зданій, мѣстъ обще-

ственнаго назначенія и дѣлаетъ заключеніе, что „дѣловая и торговая жизнь пропитываются красотой". Вотъ два настроенія діаметрально противоположныя другъ другу и совершенно другъ друга исключающія. Ради полноты сопоставленія и разнообразія его приведу, наконецъ, еще одинъ примѣръ изъ всемірно извѣстной пессимистической книги, изъ Ветхаго Завѣта изъ Экклезіаста. Экклезіастъ говоритъ о себѣ: „Я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ домъ, посадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовыя деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощъ, произращающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ, бывшихъ прежде меня во Іерусалимѣ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ для услажденія сыновъ человѣческихъ, разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя пребывала вмѣстѣ со мной. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всѣхъ трудахъ моихъ, и это было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ я трудился, дѣлая ихъ: и вотъ, все суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ: мудрый ли будетъ онъ или

глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и которымъ показалъ себя мудрымъ подъ солнцемъ. И это - суета". Вотъ еще третье настроеніе, тоже совершенно своеобразное. Настроеніе это охватывало цѣлыя историческія эпохи, напримѣръ, эпоху античнаго декаденства. Это то, что иной Зомбартъ сегодняшняго дня можетъ почувствовать въ слѣдующій исторический день, послѣ погруженія въ „жизнь въ красотѣ" и роскоши. Конечно, и это настроеніе налагаетъ свою печать на экономическую жизнь эпохи. Всѣ эти примѣры служатъ только иллюстраціей того общаго положенія, что экономическое міровоззрѣніе, экономическая жизнь неразрывно связаны съ обще-культурнымъ настроеніемъ, съ обще-философскимъ и религіознымъ міровоззрѣніемъ эпохи. И для того, чтобы понять экономическое міровоззрѣніе, такъ сказать, до дна и въ его основахъ необходимо остановиться на этой его подпочвѣ. Но этимъ, конечно, не ограничиваются задачи историко-экономическихъ міровоззрѣній, потому что если экономическое міровоззрѣніе имѣетъ указанныя мною духовныя корни, то вмѣстѣ съ тѣмъ они глубоко внѣдряются въ матеріальную почву, въ экономическую дѣйствительность, хозяйственныя нужды даннаго времени. Поэтому, для пониманія экономическаго міровоззрѣнія необходимо обратиться и къ изученію хозяйственной исторіи. Человѣкъ въ своемъ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей зависитъ не только отъ внѣшняго міра, но и отъ опредѣленной общественной среды. Человѣкъ никогда въ исторіи и не встрѣчается въ одиночку и не трудится въ одиночку. Всякій способъ удов-

летворенія хозяйственныхъ потребностей связанъ съ его отношеніями къ другимъ людямъ. Для осуществленія всякаго хозяйственнаго акта онъ вступаетъ въ опредѣленныя общественныя отношенія, поэтому нельзя говорить о техникѣ хозяйства независимо отъ общественной его организаціи, и всякая техника осуществляется только общественно-организованнымъ человѣкомъ. Также нельзя говорить объ одной общественной организаціи хозяйства, не останавливая вниманія на его техникѣ. Вотъ это неразрывное цѣлое - извѣстные технические способы производства, общественно примѣняемые - создаетъ понятіе общественнаго способа производства или формы хозяйства. Эти формы хозяйства мѣняются въ исторіи и ихъ изучаетъ экономическая исторія и политическая экономія. Для того чтобы понять экономическое міровоззрѣніе, т.е. отраженіе въ головахъ людей происходящаго вокругъ нихъ, необходимо остановить вниманіе на этомъ экономическомъ историческомъ фонѣ. Историкъ экономическаго міровоззрѣнія по необходимости становится въ извѣстной мѣрѣ историкомъ экономическаго развитія. Излагать экономическія идеи совершенно внѣ связи съ экономическимъ развитіемъ было бы ошибочно и совершенно невозможно.

Когда появляется политическая экономія, какъ самостоятельная наука, то она отвѣчаетъ на тѣ вопросы, которые ставитъ ей экономическая дѣйствительность, при чемъ, какъ показываетъ исторія политической экономіи, отвѣты эти могутъ быть различны въ одно и то же время, даже для однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Въ

этомъ сказывается или разница настроеній, или разница интересовъ, или какая-нибудь другая разница, но всѣ эти міровоззрѣнія и оттѣнки ихъ должны быть учтены, констатированы и приведены въ связь съ экономическимъ міромъ эпохи. Если мы остановимъ вниманіе на самыхъ основныхъ и грубыхъ признакахъ, по которымъ различаются хозяйственныя эпохи, то мы установимъ различіе, которое будетъ хорошо вами изучено въ общей политической экономіи, между хозяйствомъ натуральнымъ и мѣновымъ, при чемъ мѣновое хозяйство можетъ быть городское, народное и міровое, и вотъ лишь въ стадіи народнаго хозяйства развивается политическая экономія, какъ самостоятельная отрасль знанія и здѣсь исторія экономическихъ міровоззрѣній осложняется благодаря тому многообразію, которое представляетъ экономическая наука въ своемъ непосредственномъ содержаніи.

Глава I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Политическая экономія изучаетъ хозяйственную дѣйствительность, но эта хозяйственная дѣйствительность, какъ вы понимаете, не есть что-нибудь законченное, а постоянно измѣняющееся и развивающееся. Благодаря этому и предметъ политической экономіи постоянно измѣняется и развивается. Политическая экономія бьетъ по движущейся цѣли. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ

фактомъ хозяйственнаго развитія должна развиваться и перестраиваться и политическая экономія. Въ этомъ смыслѣ она есть наука *историческая*, предметъ ея постоянно измѣняется и развивается во времени, а исторія политической экономіи, или исторія экономическихъ міровоззрѣній является, такимъ образомъ, наукой вдвойнѣ исторической, поскольку она слѣдитъ за этимъ измѣняющимся въ исторіи изученіемъ экономической жизни.

Задача политической экономіи сводится не только къ тому, чтобы извѣстнымъ образомъ понять данную экономическую обстановку, т.е. изучить основные ея факты, разложить, проанализировать эти факты, установить причинную зависимость между этими фактами,- все это составляетъ, конечно, важнѣйшую и непосредственную задачу политической экономіи, но она не исполнитъ своей задачи до конца, если вслѣдъ за изученіемъ и установленіемъ фактовъ не поставитъ вопроса и о должномъ, или объ идеалѣ, т.е. не только о томъ, что есть, но и о томъ, что должно быть, о томъ какъ современное человѣчество должно воздѣйствовать на эту дѣйствительность, чтобы измѣнить ее въ направленіи къ идеалу. При этомъ предначертаніи нормальныхъ или идеальныхъ путей экономическаго развитія, опять таки возможны различные оттѣнки пониманія въ зависимости отъ различныхъ міровоззрѣній. Вѣдь ни буддисты, ни Зомбартъ, ни Экклезіастъ, поставленные въ одну и ту же обстановку, не согласились бы между собою, какъ не соглашаются въ настоящее время капиталистъ и рабочій, живущіе въ одной и той же исторической обстановкѣ. Такимъ образомъ, создается возможность

цѣлаго ряда различій въ экономическомъ міровоззрѣніи, отвѣчающихъ на вопросы не только о существующемъ, но и о должномъ. Это, конечно, еще болѣе усложняетъ задачу историка.

Итакъ, таковъ кругъ проблемъ и задачъ, которыя встаютъ въ умственной перспективѣ историка экономическихъ міровоззрѣній. Съ одной стороны, онъ долженъ изучать экономическія міровоззрѣнія на общемъ историческомъ фонѣ, т.е. въ связи съ духовнымъ состояніемъ данной эпохи, съ ея міровоззрѣніемъ, затѣмъ въ связи съ экономическимъ ея развитіемъ, при чемъ приходится принимать во вниманіе и политическіе факторы. Съ другой стороны, онъ долженъ останавливать вниманіе и на особенностяхъ содержанія экономическихъ ученій, насколько они ставятъ себѣ задачей объясненіе существующаго и его исправленіе и реформированіе. Историкъ, наблюдая смѣняющіяся міровоззрѣнія, ищетъ имъ объясненія, принимая ихъ въ ихъ измѣнчивости, не задаваясь прежде всего вопросомъ о томъ, какое изъ нихъ справедливо, или которое ближе приближается къ истинѣ. Однако, хотя особенность историческаго изложенія дѣйствительно такова, но историкъ не можетъ отрѣшиться и отъ оцѣнки явленій. Самое понятіе историческаго развитія какъ развитія, направляющагося къ извѣстной цѣли, какъ историческаго созрѣванія, содержитъ въ себѣ представленіе о цѣли, о предѣльномъ пунктѣ этого развитія, объ его концѣ. Историку очень трудно отрѣшиться отъ своего собственнаго представленія о должномъ, объ истинѣ, о томъ, что онъ считаетъ истиной въ этой области, отъ критерія, по которому онъ вольно или невольно оцѣ-

нивает сторическое міровоззрѣніе. Но во всякомъ случаѣ понятно, что возможная разносторонность и объективность историческаго освѣщенія должна быть вмѣнена въ особую обязанность историку экономическихъ міровоззрѣній.

Мы можемъ еще задать общій вопросъ о научно-педагогической цѣнности или надобности такого курса, какъ не заключающаго въ себѣ непосредственныхъ практическихъ задачъ. Вѣдь существуетъ точка зрѣнія, формулированная однимъ очень извѣстнымъ французскимъ экономистомъ Сеемъ, что исторія политической экономіи это есть исторія заблужденій и внутренне неинтересна. Мы не можемъ такъ смотрѣть на исторію въ настоящее время; думать такъ значило бы разорвать свою связь съ прошедшимъ, грѣшить исторической неблагодарностью и, кромѣ того, закрывать глаза на самихъ себя, насколько мы самихъ себя можемъ познавать въ зеркалѣ прошлыхъ вѣковъ. Наша историческая память стала теперь необыкновенно коротка, а нервная впечатлительность нашей эпохи очень значительна. Слѣдствіе этого то, что кажется намъ очень новымъ, послѣднимъ словомъ, или вообще чѣмъ-то значительнымъ и очень нужнымъ, то иногда въ исторіи выступало при другихъ обстоятельствахъ, уже обнаружило свое значеніе и становится въ гораздо болѣе понятномъ историческомъ освѣщеніи. Многія проблемы изученія современности представятся для насъ полнѣе и яснѣе, если мы сравнимъ ихъ съ соотвѣтствующими перемираніями и ученіями прежняго времени.

Но при этомъ изученіи, къ сожалѣнію, приходится ставить себѣ узкія границы, ибо по извѣстному афоризму Кузьмы Пруткова

нельзя объять необъятное, а человѣческая исторія при современномъ ея положеніи есть дѣйствительно необъятная область. Нѣкоторыхъ областей мы не можемъ коснуться, потому что наука не могла въ настоящее время дать почву для достаточнаго ихъ изученія и изложенія. Къ числу такихъ эпохъ относится исторія наиболѣе отдаленныхъ и загадочныхъ для насъ погибшихъ цивилизацій Востока, какъ напримѣръ, Вавилонской, египетской, надъ которыми только въ самое послѣднее время начинаетъ подниматься историческая завѣса. Съ другой стороны, конечно, ограниченность времени, ставитъ рамки для изложенія, заставляетъ ограничиваться самымъ необходимымъ. Поэтому, я свое изложеніе начну съ эпохи, которая непосредственно примыкаетъ къ нашей современной цивилизаціи и въ извѣстномъ смыслѣ составляетъ ея духовную родину, именно съ Греціи, съ античнаго міра, а здѣсь остановлю ваше вниманіе на томъ величественномъ созданіи человѣческаго генія, которое и теперь приковываетъ и, вѣроятно, всегда будетъ приковывать къ себѣ вниманіе человѣчества, именно на созданіи Платона, котораго въ древности недаромъ называли божественнымъ.

Глава II.

ПЛАТОНЪ. ОБЩІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ЕГО ВРЕМЕНИ. ТРОЯКІЙ КРИЗИСЪ ВЪ ЖИЗНИ ГРЕЦІИ: ПОЛИТИЧЕСКІЙ (АѲИНСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ И ЕЯ ЧЕРТЫ). СОЦІАЛЬНЫЙ (КЛАССОВАЯ БОРЬБА, ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ БОГАТСТВА И БѢДНОСТИ). ДУХОВНЫЙ (ВЛІЯНІЕ СОФИСТОВЪ). СОКРАТЪ.

Платонъ въ своемъ діалогѣ „О государствѣ" (Политейа), создалъ произведеніе въ полномъ смыслѣ слова неумирающее, такое, о которомъ мы будемъ вспоминать на протяженіи всей исторіи политической экономіи. Знакомство съ такимъ произведеніемъ соціально-философской мысли необходимо и потому оно достойно откроетъ собою курсъ исторіи экономическихъ міровоззрѣній. Но именно въ виду того, что міровоззрѣніе Платона представляетъ такую исключительную важность и для древняго, и для новаго міра, необходимо подвергнуть его возможно широкому изученію. Необходимо познакомиться и съ той исторической средой, въ которой оно возникло. Дѣятельность Платона относится къ такой эпохѣ греческой исторіи, которая во многихъ отношеніяхъ является кульминаціоннымъ пунктомъ исторіи Эллады, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже вполнѣ опредѣленно обозначился культурный, экономическій и политическій ея кризисъ. Знакомство съ этимъ кризисомъ и остановитъ теперь наше вниманіе. Аѳины конца V и начала IV вѣка, къ которому относится дѣятельность Платона, были какъ извѣстно демократической республикой, стоявшей во главѣ всего эллинскаго міра. Въ области политической это была пора господства демократіи, самаго рѣшительнаго,

какое только можно себѣ представить. Все управленіе Аѳинъ, власть законодательная, исполнительная и судебная находились въ рукахъ народнаго собранія - агора, (собирающееся на площади), имѣвшаго неограниченную власть. Разумѣется, это относится только къ свободнымъ гражданамъ, не нужно забывать, что весь античный міръ покоится на фундаментѣ рабства и рабскаго труда. Но что касается свободныхъ гражданъ, то это было послѣдательное осуществленіе народной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь обнаружился и кризисъ аѳинской демократіи. Демократія побѣдила, но разочаровала собой и оттолкнула отъ себя лучшіе умы. Приведу вамъ ту характеристику аѳинской демократіи, которую даетъ историкъ Белохъ, одинъ изъ компетентнѣйшихъ въ настоящее время знатоковъ исторіи Греціи. *)

„Демократія,- говоритъ онъ,- была въ значительной степени сама виновата въ томъ, что общественное мнѣніе начало теперь сторачиваться отъ нея. Равноправіе для всѣхъ - таково было магическое слово, посредствомъ котораго эллинская демократія въ эпоху персидскихъ войнъ низвергла существовавшія политическія формы, чтобы на ихъ мѣсто поставить владычество большинства. Теперь, когда цѣль была достигнута, начали сознавать, что и здѣсь дѣйствительность имѣетъ менѣе совершенный видъ, чѣмъ теорія. Низшіе слои общества еще далеко не были подготовлены къ пользованію тѣми обширными политическими правами, которыя предоставлялъ имъ демократическій строй. Что могли понимать въ вопросахъ внѣшней политики или въ сложныхъ финансовыхъ и административныхъ вопросахъ тѣ пролетаріи,

---

*) Исторія Греціи, т. II.

которые наполняли народныя собранія и голоса которыхъ имѣли рѣшающій перевѣсъ. Масса неизбѣжно должна была становиться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто умѣлъ пріобрѣсти ея довѣріе. Между тѣмъ самымъ вѣрнымъ и во всякомъ случаѣ самымъ простымъ путемъ къ этому было доставленіе народной массѣ матеріальныхъ выгодъ на счетъ государства. Даже такой человѣкъ, какъ Периклъ, вынужденъ былъ дѣлать больше уступокъ этимъ обстоятельствамъ, чѣмъ слѣдовало-бы; чего же можно было ожидать отъ менѣе честныхъ государственныхъ людей. Такимъ образомъ, въ теченіе немногихъ десятилѣтій развилась демагогія, которая угождала низменнымъ инстинктамъ толпы, чтобы, опираясь на нее, эксплоатировать государство въ свою собственную пользу". Платонъ въ своемъ діалогѣ „О государствѣ" даетъ безпощадную картину этого положенія вещей, которое онъ не пріурочиваетъ спеціально къ Аѳинамъ, но характеризуетъ вообще какъ демократическій способъ государственнаго устройства. Власть народнаго собранія въ области законодательной имѣла все-таки извѣстные коррективы. Незаконное постановленіе народнаго собранія могло быть обжаловано на судѣ, и вообще законодательная власть была обставлена рядомъ оговорокъ, благодаря которымъ можно было задерживать осуществленіе наиболѣе нежелательныхъ постановленій. Но что было совершенно невыносимо, это состояніе судопроизводства. „Греческая демократія,- продолжаетъ свою характеристику Беллохъ,- держалась того основного положенія, что всякій гражданинъ достигшій опредѣленнаго возраста (въ Аѳинахъ, да, вѣроятно, и повсюду 30 лѣтъ) способенъ быть по-

сяжнымъ. Но когда на судейской скамьѣ сидѣли бѣдняки, опасность подкупа была особенно велика, не потому, чтобы бѣдные были болѣе доступны подкупу, чѣмъ богатые, а потому, что ихъ, разумѣется, можно было купить за гораздо меньшую сумму. Чтобы предупредить эту опасность существовало только одно средство,—составлять суды изъ сотенъ присяжныхъ. Но такое большое число судей можно было систематически собирать только въ томъ случаѣ, если государство рѣшалось вознаграждать ихъ за потраченное время и трудъ. Слѣдствіемъ такого порядка вещей естественно было то, что граждане бѣднѣйшихъ классовъ стремились попасть въ присяжные, потому что гораздо удобнѣе было получать плату за засѣданіе въ судѣ, чѣмъ зарабатывать свое пропитаніе въ потѣ лица. Но по мѣрѣ того какъ суды наполнялись простонародіемъ, зажиточные люди все болѣе уклонялись отъ участія въ нихъ; скудное вознагражденіе не имѣло для нихъ значенія, а исходъ дѣла все-таки зависѣлъ отъ голосовъ пролетаріевъ, составлявшихъ большинство между присяжными. Поэтомъ не особенно пріятно было также просиживать по полдня среди смрадной толпы. Такимъ образомъ, народный судъ постепенно сдѣлался достояніемъ низшихъ классовъ, и образовался тотъ пролетаріатъ присяжныхъ, который съ такой несравненной живостью рисуетъ намъ комедія. Но и невѣжество судей не было еще наибольшимъ зломъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло только о гражданскомъ искѣ и гдѣ исходъ процесса лично для присяжныхъ не имѣлъ значенія, т.е. въ большинствѣ случаевъ можно было ожидать, что они рѣшатъ дѣло по своему крайнему разумѣнію и добросовѣстно. Но

что если приходилось разсматривать процессъ, затрогивавшій самыя основанія общественной жизни государства, напримѣръ, обвиненіе противъ какого-нибудь выдающагося государственнаго дѣятеля или полководца? Злоба дня вѣроятно всегда будетъ вліять на исходъ политическихъ процессовъ, пока на судейской скамьѣ сидятъ люди; во сколько же разъ сильнѣе должно было сказываться это зло въ судилищѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ этомъ уменьшенномъ подобіи народнаго собранія, волнуемомъ тѣми же страстями, что и послѣднее, гдѣ чувство отвѣтственности притуплялось кажущемся маловажностью единичнаго голоса? Длинный рядъ несправедливыхъ рѣшеній, красной нитью проходящій черезъ всю исторію аѳинскаго народнаго суда отъ Перикла до Фокіона, ясно показываетъ, чего можно было ожидать отъ подобнаго трибунала". Я напомню, что этотъ судъ присудилъ къ смертной казни Сократа за безбожіе и развращеніе юношества. Сократъ былъ судимъ самымъ демократическимъ по своей организаціи судомъ и поэтому смерть Сократа произвела такое удручающее впечатлѣніе на Платона и лучшихъ людей того времени. Но и не въ этомъ еще заключалось главное зло. Хроническіе финансовые кризисы въ большинствѣ греческихъ демократій, вызываемые въ значительной степени именно тратами на пользу „обездоленнаго" класса, приводили къ необходимости покрывать дефицитъ государственной кассы посредствомъ конфискацій, а поводомъ для послѣднихъ должны были служить политическіе процессы. Со времени Пелопоннесской войны сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что обвини-

тель предлагалъ присяжнымъ осудить обвиняемаго для того, чтобы изъ конфискованнаго имущества можно было уплатить жалованье судьямъ, такъ какъ другихъ средствъ для этого не существуетъ. „Всѣмъ извѣстно,- говорилъ въ 400 году одинъ аѳинскій ораторъ,- что пока въ кассѣ есть достаточно денегъ, совѣтъ не нарушаетъ закона; когда же государство находится въ денежной нуждѣ, тогда совѣтъ не можетъ не пользоваться доносами, не конфисковать имущества гражданъ и не давать хода предложеніямъ самыхъ негодныхъ ораторовъ". Благодаря этимъ условіямъ, широко развилась система ложныхъ доносовъ, которая уже въ послѣднія десятилѣтія V вѣка приняла въ Аѳинахъ ужасающіе размѣры. Изъ этого состоянія политической жизни аѳинянъ понятно, „что общественное мнѣніе, бывшее, какъ всегда, выраженіемъ взглядовъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ, все болѣе отворачивалось отъ демократіи. Ѳукидидъ считаетъ демократическій строй явнымъ безуміемъ, о которомъ разсудительнымъ людямъ не стоитъ тратить и двухъ словъ. Сократъ говорилъ, что глупо замѣщать государственныя должности по жребію, въ то время какъ никому не придетъ въ голову назначать по жребію кормчаго, архитектора или флейтиста. Платонъ вообще держался въ сторонѣ отъ общественной жизни, полагая, что при демократическомъ устройствѣ невозможна никакая полезная политическая дѣятельность". Подъ вліяніемъ этого настроенія въ обществѣ развилась антидемократическая реакція и идеализація такихъ порядковъ, при которыхъ не было мѣста власти демократической. Государство, на которое естественно обращали взоры недовольные демо-

кратіей, была Спарта- Лакедомонъ -оплотъ консерватизма того времени. „Поэтому среди образованной молодежи,- говоритъ Беллохъ,- вошло въ моду преклоняться передъ спартанскою конституціею и вообще передъ всѣмъ спартанскимъ; и такъ какъ введеніе спартанскихъ учрежденій, къ сожалѣнію, представлялось еще дѣломъ отдаленнаго будущаго, то пока довольствовались усвоеніемъ внѣшнихъ особенностей спартанскаго быта. Аѳинскіе щеголи расхаживали по улицамъ въ длинныхъ волосахъ и съ грязными руками, въ короткихъ спартанскихъ плащахъ и лаконской обуви; въ видѣ спорта процвѣталъ у нихъ, какъ у спартанцевъ, кулачный бой, и они не менѣе гордились своими разсѣченными и распухшими ушами, чѣмъ нѣмецкіе студенты своими шрамами, полученными на дуэляхъ. Все это было, конечно, ребячествомъ, и притомъ безобиднымъ; но оно являлось характернымъ симптомомъ перемѣны, происшедшей въ общественномъ мнѣніи, и это новое настроеніе не замедлило выразиться также въ болѣе серьезныхъ стремленіяхъ".

Слѣды этого разочарованія вы и увидите въ діалогѣ Платона „О государствѣ".

Глава III.

СОЦІАЛЬНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Но не только политическій кризисъ переживали Аѳины, онъ осложнялся еще соціальнымъ кризисомъ. Хотя фундаментомъ эконо-

мической жизни древняго міра было рабство, но тѣмъ не менѣе въ эту, а также въ позднѣйшую эпоху, несмотря на рабство, въ Греціи, а затѣмъ въ Римѣ развилось довольно значительное мѣновое хозяйство, а на почвѣ его и промышленный капитализмъ, а стало быть обострились и имущественныя неравенства. Намъ извѣстно, что въ Аѳинахъ того времени существовали фабрики, основанныя на рабскомъ трудѣ (такимъ мелкимъ фабрикантомъ былъ, напр., Анитъ, одинъ изъ обвинителей Сократа). Экономическія черты, свойственныя нашему времени, кромѣ, конечно, рабства, можно найти и въ Аѳинахъ того времени. Съ извѣстными натяжками и ограниченіями этотъ экономическій строй можно охарактеризовать даже какъ капиталистическій, если только не забывать, что капитализмъ этотъ охватывалъ сравнительно небольшую часть народнаго хозяйства. Цѣлый рядъ причинъ, лежащихъ отчасти въ экономическомъ развитіи, отчасти коренящихся въ политической исторіи, напр., войны привели къ тому, что свободная часть трудящагося населенія, т.е. собственно пролетаріатъ, тотъ самый пролетаріатъ, который рѣшалъ дѣла въ аѳинской агорѣ, въ это время находился въ весьма тяжеломъ экономическомъ положеніи. Нѣкоторые историки экономической жизни Аѳинъ этого времени, можетъ быть, въ нѣкоторомъ увлеченіи склонны такъ далеко заводить сближеніе аѳинской жизни и нашей современности, что усматриваютъ тамъ не только капитализмъ, но и борьбу труда съ капиталомъ вплоть до с.-д. и с.-р. движенія. Во всякомъ случаѣ, мы найдемъ понятія и слова, весьма близко напоминающія наши теперешнія понятія. Мы привыкли, напр.,

встрѣчать выраженіе „рабочія руки" для обозначенія наемнаго труда. Это же словоупотребленіе было и въ древнемъ мірѣ, но звучало нѣсколько иначе, „служащія тѣла" — обычное выраженіе для опредѣленія существующихъ наемнымъ трудомъ. Напротивъ, рабы назывались „живыя машины" въ отличіе отъ наемныхъ рабочихъ. Одна надпись, сохранившаяся на мраморной таблицѣ воздаетъ хвалу мѣстному полицейскому надзирателю или смотрителю за площадью („агораному") г. Пароса за то, что онъ умѣлымъ вмѣшательствомъ предотвратилъ конфликтъ труда и капитала и предотвратилъ стачку. Стало быть, бывало и это. Несомнѣнно, что низкая заработная плата чрезвычайно обостряла имущественное положеніе, такъ что Платонъ однажды выражается такимъ образомъ, что современная Грація состоитъ изъ двухъ классовъ: богатыхъ и бѣдныхъ, которые между собою ведутъ непримиримую борьбу. Въ литературѣ у трагиковъ и вообще у писателей того времени можно встрѣтить мрачныя характеристики той власти денегъ, которая сопровождаетъ капиталистическую эпоху. „Деньги - душа и кровь смертнаго, кто ихъ не имѣетъ, блуждаетъ какъ мертвецъ среди живыхъ" (Тимоклъ). „И рабъ пользуется почетомъ, если достигнетъ богатства, свободный же, который небогатъ, не стоитъ ничего", — говоритъ Эврипидъ. Именно величайшіе хулики, - говорится у Эвпирида, - пріобрѣтаютъ прежде всего богатство". Аристофанъ говоритъ: „Я богобоязненный и боязливый человѣкъ, но сталъ бѣденъ и живу скудно, богатыми же я видѣлъ другихъ - грабителей храмовъ, говоруновъ, обманщиковъ...

Въ Аѳинахъ того времени существовалъ серьезный соціальный вопросъ, хотя постановка его, благодаря существованію рабства, была существенно иная, нежели настоящая. Но существованіе соціальныхъ неравенствъ и ихъ обостреніе должно было испытываться особенно остро при политическомъ равенствѣ и торжествѣ демократіи въ Аѳинахъ. Противорѣчіе между политическимъ и соціальнымъ положеніемъ становилось настолько велико, что при наличности политической къ тому возможности естественно ожидать, что будутъ сдѣланы попытки соціальныхъ реформъ, и, можетъ быть, соціальныхъ революцій, о которыхъ и говоритъ упоминавшійся мною историкъ. Въ политическихъ сочиненіяхъ того времени высказывается требованіе раздѣла или всей собственности, или только доходовъ, приносимыхъ собственностью. Объ этомъ можно судить и по сатирѣ. Авторъ многочисленныхъ комедій того времени, знаменитый Аристофанъ, написалъ, между прочимъ, комедію подъ заглавіемъ „Женщины въ народномъ собраніи", въ которой онъ хотѣлъ очевидно, осмѣять соціалистическія или соціально-демократическія стремленія своего времени. Онъ изображаетъ тамъ, очевидно, въ насмѣшку, что женщины явились въ народное собраніе, въ которомъ не имѣли права присутствовать и узурпировали власть мужчинъ и начали вводить новые порядки въ своемъ женскомъ царствѣ. Въ ряду этихъ новыхъ порядковъ прежде всего указана общность имущества, упраздненіе индивидуальной семьи, общность женъ, а потомъ и мужей. То, что это попало уже въ сатиру, свидѣтельствуетъ о распространенности такихъ теченій въ обществѣ. Но не

только въ теоріи, но и на практикѣ были не разъ дѣлаемы попытки произвести соціальный переворотъ, осуществить соціальную революцію. Правда, это было не въ Аѳинахъ " Такъ въ Леонтинахъ въ 423 г. было рѣшено вновь раздѣлить всю земельную собственность между всѣми гражданами, въ виду чего состоятельные классы отдались подъ покровительство сиракузянъ и съ ихъ помощью изгнали изъ страны черезъ и ея вождей То, что здѣсь не удалось было по крайней мѣрѣ отчасти, осуществлено Діонисіемъ въ Сиракузахъ, послѣ того, какъ онъ захватилъ власть съ помощью пролетаріата; когда тиранія пала, народъ потребовалъ повторенія этой мѣры, чему однако вначалѣ воспрепятствовалъ Діонъ; но впослѣдствіи, при Тимолеонѣ, она была приведена въ исполненіе На Самосѣ въ 412 г. землевладѣльцы были съ помощью аѳинянъ убиты или изгнаны, и ихъ дома и земли раздѣлены между народомъ; однако восемь лѣтъ спустя, Лисандръ возстановилъ прежнихъ владѣльцевъ въ ихъ правахъ Особенно почти каждый сколько-нибудь глубокій политическій переворотъ сопровождался болѣе или менѣе радикальнымъ измѣненіемъ имущественныхъ отношеній; и если къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, какъ только что упомянутыя, прибѣгали довольно рѣдко, то надъ головами состоятельныхъ людей все-таки постоянно висѣла, какъ дамокловъ мечъ, возможность конфискаціи ихъ имущества" Естественно, что это усиливало политическую реакцію, дѣлая ее вмѣстѣ съ тѣмъ соціальной самозащитой "Престительно,- пишетъ одинъ современникъ пелопонесской войны,- если человѣкъ

изъ народа привержены къ демократіи, потому что никого нельзя упрекнуть за то, что онъ заботится о собственной выгодѣ, но тотъ, кто не принадлежитъ къ простому народу и все-таки предпочитаетъ демократическое устройство олигархическому, тотъ хочетъ ловить рыбу въ мутной водѣ и знаетъ, что его продѣлки легче сойдутъ ему съ рукъ въ демократическомъ государствѣ чѣмъ въ олигархическомъ" Такова соціальная обстановка и настроеніе этого времени

Къ этому политическому и соціальному кризису присоединился еще духовный кризисъ міровоззрѣнія Внѣшнимъ образомъ этотъ кризисъ связывается съ дѣятельностью софистовъ. Кризисъ этотъ сводится къ упадку стараго религіознаго воззрѣнія, къ потерѣ вѣры въ боговъ и отсутствію тѣхъ основныхъ началъ жизни, которыя способны были-бы замѣнить утраченную вѣру; неспособны были сдѣлать это и новые учителя жизни и мудрости софисты. Софистъ - значитъ мудрецъ, преподаватель мудрости, профессоръ философіи. Однако онъ не былъ прежнимъ философомъ, любящимъ мудрость въ собственномъ смыслѣ. Софисты являются не искателями истины, преданными ей до самозабвенія, а скорѣе ея торговцами, или, по крайней мѣрѣ, ея преподавателями Это были научно образованные литераторы, которые стирвали платныя лекціи, преподавали всевозможную мудрость всѣмъ, кто могъ платить Они зарабатывали большія деньги, потому что на знаніе и эти лекціи былъ въ то время огромный спросъ, такъ что у наиболѣе знаменитыхъ между ними не было отбоя отъ учениковъ Софисты появляются не только въ Аѳинахъ, но

в особенности въ наиболѣе значительныхъ городахъ Греціи, появлявшіеся повсемѣстно и въ большомъ количествѣ, учатъ не только философіи въ узкомъ смыслѣ, но и всѣмъ вообще наукамъ, какія вѣрила древность. Болѣе всего, повидимому, придавали они значеніе литературѣ, литературной формѣ, литературному образованію. Возможно, что въ этомъ отношеніи они оказали вліяніе на Платона, который является замѣчательнымъ стилистомъ. Это вниманіе къ литературной формѣ, къ слову, не обходилось безъ того, чтобы этой формѣ не придавалось значенія больше, нежели она имѣетъ. Красивую форму легко придать тому, что не имѣетъ въ себѣ внутренней убѣдительности, особенно, если къ этому присоединяется соревнованіе, борьба самолюбій и такая толпа, какъ аѳинская, жаждущая краснаго и хитраго слова. Но, любя блестящую форму, древніе греки вѣрили однако, въ истину, вѣрили въ философію, въ научное знаніе. Софисты же выражаютъ собой настоящее скептическое внутреннее — безразличное отношеніе ко всякой теоріи, ко всякой философской системѣ.

Доказывать положеніе можно съ различныхъ точекъ зрѣнія и съ большей или меньшей убѣдительностью. Отсюда - задача доказательства не есть задача отысканія истины и раскрытіе ея -это скорѣй дѣло искусства спорящаго и лектора. Отсюда развивается то опасное равнодушіе къ истинѣ, которое такъ бичевалъ Сократъ, а затѣмъ Платонъ, отсюда развивается тотъ опасный субъективизмъ, который провозглашаетъ цѣлью отдѣльной личности, со всѣми ея случайными [illegible], внѣшней, единственной мѣрой вещей, мѣрой ис-

тивъ Софисты внесли въ жизнь греческого народа опасное, разлагающее начало, провозгласивъ формулу, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, что нѣтъ абсолютной вѣчной нормы добра и зла. Отсюда всеобщая относительность точекъ зрѣнія. Все можетъ казаться истиннымъ и заблужденіемъ въ разныя времена и въ зависимости отъ различныхъ точекъ зрѣнія. Отсюда проистекаетъ тотъ нравственный индифферентизмъ, который фактически приводилъ къ признанію наслажденій, денегъ и почестей, которыми отличаются софисты. Нечего говорить, что, стоя на такой скептической точкѣ зрѣнія въ области философіи, въ области религіи софисты были настроены еще болѣе скептически. Ихъ скептицизмъ сочетался здѣсь съ соображеніемъ государственнаго утилитаризма. Они полагали, что вѣра въ боговъ есть замыселъ мудраго законодательства (формула, которая повторяется иногда и въ наше время). Они говорятъ, что религія нужна не потому, что она истинна, а потому, что она полезна. Такимъ образомъ софисты смотрятъ на религіозныя вѣрованія своихъ современниковъ. Общее значеніе софистической дѣятельности для духовнаго развитія греческаго народа не было положительнымъ. Охарактеризуемъ это словами знаменитаго историка-философа проф. Виндельбандта, который общее значеніе софистовъ учитываетъ такъ: "Въ Греціи распространяется отвратный порокъ погони за духовнымъ лакомствомъ, смѣшное сибаритство знанія, сладострастное смакованіе образованія. Для толпы научное любопытство остается лишь дѣломъ моды: на мѣсто образованія выступаетъ полузнаніе, безсмысленное повтореніе слышаннаго, высокомѣрная критика, - одинимъ словомъ, - научное шарлатанство. То были цвѣты надъ пропастью.

Такая беспринципная болтовня разъѣдаетъ субстанцію національнаго духа и острый ножъ критики, которымъ мудрый научается владѣть, подрѣзаетъ корни общественнаго строя - общія убѣжденія

И вотъ отбрасываются, какъ старый хламъ, всѣ святыни старой вѣры Всѣ онѣ уходятъ въ вѣчность и уносятъ съ собой и нравственность, и порядокъ . Личность, ставши самодержавной, скоро открываетъ, что и эти истины оспоримы и что она слѣдуетъ лишь закону природы, избирая руководящей нитью своего поведенія свое собственное наслажденіе и личный произволъ. Упоеніе образованіемъ превращается въ оргію отрицанія; за демократизаціей знанія слѣдуетъ деморализація образованія: ибо деморализовано общество, которое потеряло единство своихъ нравственныхъ убѣжденій и растерянно хватается то за одно, то за другое, чтобы послѣ этого грѣхопаденія закрыть свою наготу лоскутомъ знанія. "

Такова суровая характеристика, которую даетъ софистамъ современный историкъ.

Въ это время нравственнаго декадентства на аѳинской площади появляется страннаго вида лицо, тоже какъ преподаватель мудрости, но не берущій за это деньги, тоже какъ будто софистъ, но въ то же время внушающій софистовъ-вы догадываетесь, что я говорю объ учителѣ Платона - Сократѣ

Сократъ, дѣятельность котораго относится къ 469-399 годамъ, былъ простого происхожденія: его отецъ Софронискъ былъ ваятель, а мать Фенарета - повивальная бабка. Внѣшность его была безобразна и, какъ говоритъ Платонъ, напоминала сатира. Къ этому присоединя-

лось полное котлинирование своим костюмом и собственное отсутствіе потребностей въ утонченности. Этотъ человѣкъ вступаетъ въ разговоръ съ каждымъ встрѣчнымъ и производитъ колоссальное впечатлѣніе на современниковъ и потомство, сохранившееся на всю исторію. Геніальный его ученикъ Платонъ всѣ свои лучшія мѣста и идеи влагаетъ въ уста этого Сократа. Какъ извѣстно всѣ сочиненія Платона написаны въ видѣ діалоговъ между Сократомъ и кѣмъ-либо другимъ, при чемъ изложеніе истинъ Платонъ поручаетъ Сократу. Въ противоположность индиферентизму и отрицанію всякой цѣнности высшаго порядка софистовъ, у Сократа на первый планъ выступаетъ искапіе высшей цѣнности и смысла жизни. Вмѣсто интереса къ временному и случайному, онъ проповѣдуетъ заботу о спасеніи души и служеніе высшему благу, формулировать положительныя идеи Сократа очень затруднительно, такъ какъ онъ ничего не писалъ, а писали о немъ только другіе. Самъ Сократъ былъ болѣе заинтересованъ въ исканіи истины, нежели въ придапіи ей какой-либо опредѣленной литературной формы.

Значеніе его въ исторіи философіи состоитъ въ томъ, что онъ заставлялъ искать, чувствовать потребность въ этомъ исканіи. Онъ говорилъ, что самъ ничего не знаетъ и проповѣдывалъ, какъ высшую мудрость признаніе: "я знаю то, что я ничего не знаю," заставлялъ это прочувствовать и признать.

"Опустись въ глубину своей души и прислушайся къ внутреннему голосу, который звучитъ тамъ",-какъ бы говорилъ Сократъ своимъ слушателямъ. Цѣлью исканій Сократъ ставилъ не внѣшнее, теоретическую

истину, а жизненную, практическую - познаніе блага и осуществленіе блага въ личной праведности, воплощеніе этого блага въ жизнь. Есть высшій разумъ въ насъ и есть высшій разумъ внѣ васъ и выше насъ. Сократъ смѣется надъ тѣми, которые считаютъ, что разумъ существуетъ только въ нашихъ тѣлахъ, въ нашихъ мозгахъ, а не присущъ всему остальному міроздавію. "Думаешь ли ты, что въ тебѣ есть нѣчто разумное, а внѣ тебя ничего разумнаго нѣтъ? Ты знаешь однако, что тѣло твое заключаетъ въ себѣ небольшую частицу земли и воды, которыя сами по себѣ столь велики и обширны; ты знаешь также, что оно устроилось изъ малыхъ частицъ остальныхъ великихъ стихій. Какъ же ты думаешь, что ты по счастливой случайности одинъ вмѣстилъ въ себѣ разумъ, котораго нѣтъ болѣе нигдѣ, и что все существующее въ своей безпредѣльной величинѣ и безчисленномъ множествѣ благоустроено слѣпой и неразумной силой?"

Глава IV.

БІОГРАФІЯ ПЛАТОНА. УЧЕНІЕ ОБЪ ИДЕЯХЪ. ДВА МІРА: ГОРНІЙ И ДОЛЬНІЙ.

Сократъ училъ о Промыслѣ, царящемъ въ мірѣ, о внутреннемъ божественномъ голосѣ, который въ самомъ себѣ онъ называлъ "демономъ". Объ этомъ "демонѣ" было высказано много различныхъ мнѣній. Во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ остается фактъ мистическаго погруженія Сократа въ самого себя, при которомъ, какъ онъ объяснялъ, онъ слышалъ голосъ своего "демона". Этотъ человѣкъ не только про-

знелъ такое впечатлѣніе на своихъ современниковъ, но сыгралъ рѣшительную роль въ жизни цѣлаго ряда своихъ учениковъ, такъ что образовался цѣлый рядъ философскихъ школъ, такъ наз. сократическихъ; самое важное изъ числа этихъ школъ была школа его ученика, неразлучавшагося съ нимъ 8 лѣтъ своего существованія (20-28л.), Платона Платонъ, въ противоположность Сократу, происходилъ изъ аристократической семьи Онъ родился въ Аѳинахъ между 430 - 427г. до Р.Х Его родители обладали хорошими средствами, такъ что онъ имѣлъ возможность предлагать денежный выкупъ, когда Сократъ находился въ темницѣ Смертный приговоръ надъ Сократомъ и затѣмъ его казнь были первымъ, наиболѣе тяжелымъ испытаніемъ въ его жизни. Онъ не перенесъ этого и заболѣлъ, а послѣ казни бросилъ свою родину и переселился въ Мегару, можетъ быть добровольно, а можетъ быть и не добровольно, спасаясь преслѣдованій Тамъ онъ всецѣло отдался философіи; отсюда онъ предпринимаетъ цѣлый рядъ путешествій, сначала въ Кирену къ математику Ѳеодору, а затѣмъ въ Египетъ Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ предпринимаетъ путешествіе въ Южную Италію, въ Сицилію гдѣ впервые знакомится съ пиѳагорейцами, сказавшими на него глубокое вліяніе Затѣмъ онъ предпринимаетъ опытъ создать образцовое государство, основанное на философіи, надѣясь осуществить его черезъ посредство сиракузскаго тирана Діонисія Стараго Діонисіемъ Старшимъ философъ былъ принятъ хорошо Но затѣмъ, благодаря измѣнившемуся настроенію Діонисія, удаляется съ безчестьемъ, и даже, какъ есть извѣстіе, былъ проданъ въ рабство, изъ котораго, впрочемъ, счастливо освобождается. Опытъ окончился неудачно. Философъ снова воз-

вращается къ философіи, поселяется въ Аѳинахъ (386 г.) и открываетъ академію, т.е. высшую школу философіи, которая просуществовала послѣ Платона цѣлыхъ 900 лѣтъ и была закрыта лишь въ христіанскую эпоху при императорѣ Юстиніанѣ въ 368-7 году. После смерти Діонисія Старшаго, его сынъ и преемникъ Діонисій Младшій, подъ вліяніемъ своего дяди Діониса, снова призываетъ Платона, обѣщая стать его вѣрнымъ ученикомъ. Снова философъ оставляетъ свою академію, увлекаясь возможностью осуществить свою идею въ жизни. Повидимому его мечта сбывается. Однако тиранъ скоро начинаетъ тяготиться опекой философа, и после разногласія съ Діономъ отпускаетъ Платона ни съ чѣмъ. Новая попытка философа осуществить свою мечту не удается. Въ 361г. онъ снова призывается Діонисіемъ. Діонисій обѣщаетъ примириться съ Діономъ. Платонъ снова довѣрчиво идетъ въ Сиракузы, и снова Діонисій его обманываетъ, такъ что 70-лѣтній старикъ принужденъ спасаться бѣгствомъ изъ Сиракузъ. Онъ кончилъ жизнь въ академіи въ 348-7 году.

Для того чтобы подойти вплотную и понять основныя черты соціально-экономическихъ воззрѣній Платона, какъ онѣ отразились въ его діалогахъ "О республикѣ" и сочиненіи "Законы", слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о его общемъ міровоззрѣніи, такъ какъ въ міровоззрѣніи Платона соціально-экономическія идеи и идеи обще-философскія такъ тѣсно связаны, что не могутъ быть поняты внѣ этой связи. При этомъ я ограничусь самыми общими основными штрихами этой характеристики, которая принадлежитъ къ области исторіи философіи и каѳ должна занимать только въ предѣлахъ крайней не-

Какъ извѣстно, философское ученіе Платона характеризуется, какъ идеализмъ или ученіе объ идеяхъ въ полную противоположность нашему непосредственному опыту. Философъ считаетъ, что то, что мы воспринимаемъ нашими чувствами, что намъ представляется въ мірѣ явленій, не есть міръ, дѣйствительно существующій Напротивъ, можно сказать, что онъ не существуетъ, ибо онъ призраченъ Ему противоположенъ міръ истинно сущаго, міръ идеальныхъ образовъ, который лишь несовершенно отражается въ мірѣ явленій Явленіе только приблизительно, грубо выражаетъ эти идеальные образы, и, поскольку они не соотвѣтствуютъ идеальнымъ образамъ, постольку міръ явленій является несуществующимъ въ смыслѣ подлиннаго существованія въ соотвѣтствіи этимъ идеальнымъ образамъ Такимъ образомъ, въ основѣ философіи Платона лежитъ противопоставленіе между міромъ горнимъ, космосомъ, идеальнымъ, и міромъ дольнимъ, т е нашимъ міромъ, міромъ явленій Этотъ міръ горній представляетъ собой совокупность совершенныхъ образовъ, полныхъ совершенной красоты, вѣчныхъ идей: "Никакой поэтъ никогда не воспѣвалъ и не сумѣлъ бы достойнымъ образомъ воспѣть красоту этого надзвѣзднаго пространства Это область настоящаго бытія, безъ цвѣта, безъ образа; бытія неосязаемаго, видимаго только уму Это та область, гдѣ вокругъ истиннаго бытія покоится истинное знаніе. Мысль боговъ, которая питается этимъ умозрѣніемъ и чистымъ знаніемъ, точно такъ же, какъ и всякая другая душа, получившая въ удѣлъ ей принадлежащее, любитъ отдаваться время отъ времени созерцанію этого истиннаго бытія, находя въ этомъ свою

ницу и блаженство...Здѣсь душа созерцаетъ самую справедливость, самую мудрость, самое знаніе; не то знаніе, различное въ различныхъ предметахъ, которые мы называемъ существующими, но знаніе, познающее истинное бытіе въ немъ самомъ, то, что представляетъ собою истинное, дѣйствительное бытіе..."

Итакъ, идеи суть общія понятія, онѣ суть первообразы вещей, которые отражаются въ вещахъ, но не сливаются съ ними, подобно красотѣ, которая также существуетъ въ вещахъ, но не сливается съ ними. "Сама красота есть нѣчто вѣчное: она не произошла и не проходитъ, не растетъ и не уничтожается; про все нельзя сказать, что она прекрасна въ одномъ отношеніи, дурна въ другомъ, такъ чтобы она являлась однимъ такъ, а другимъ иначе. Такъ она не можетъ чувственно быть воспринята нами, какъ, напримѣръ, красивое лицо или красивая рука... Она не существуетъ въ чемъ-либо другомъ, какъ, напримѣръ, въ какомъ-либо животномъ на землѣ или на небѣ, но она есть сама по себѣ вѣчно однородная, тождественная себѣ самой. Все другое, что мы называемъ прекраснымъ, причастно ей, но между тѣмъ, какъ все это другое возникаетъ и уничтожается, сама красота не прибываетъ и не убываетъ и не испытываетъ никакого измѣненія..."

Онѣ суть не только идеальные первообразы вещей; но суть вмѣстѣ съ тѣмъ и нормы для оцѣнки дѣйствительности. Поскольку дѣйствительность не отвѣчаетъ имъ, постольку она нарушаетъ эту норму, противорѣчитъ этому идеалу. Такимъ образомъ, эти идеи суть какъ бы идеальный планъ, по которому должно развиваться все существующее, къ которому она стремится и котораго она въ то же время не достигаетъ.

Полнота этихъ идей, этотъ міръ идей въ своей совокупности есть благо. Идея блага есть солнце для верховныхъ идей. Оно уподобляется Платономъ чувственному солнцу.

"То, что даетъ истину познаваемому и силу познающему называю идеей блага, причиной знанія и истины, поскольку она познается умомъ. И сколь ни прекрасно и то, и другое, истина и знаніе, мы справедливо можемъ признать эту идею блага отличной отъ нихъ и еще прекраснѣйшею. И какъ въ мірѣ видимомъ можно признавать свѣтъ и зрѣніе сообразными съ солнцемъ, но несправедливо было бы признавать ихъ за самое солнце, такъ и въ мірѣ "умномъ" справедливо разсматривать истину и знаніе, какъ образы блага, но считать за благо то или другое несправедливо, ибо природу блага слѣдуетъ почитать еще выше. Его красота должна быть выше всякаго выраженія, ибо она - источникъ истины и познанія и превосходитъ ихъ красотой."

На этомъ основаніи само познаніе, по мнѣнію Платона, имѣетъ своимъ источникомъ не внѣшнія впечатлѣнія, а внутреннее соприкосновеніе души съ идеальнымъ космосомъ. Душа находитъ въ себѣ образы вещей подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Такимъ образомъ, она не получаетъ ихъ изъ внѣшняго міра, а находитъ ихъ въ себѣ, какъ бы припоминаетъ ихъ. Познаніе Платонъ опредѣляетъ какъ *припоминаніе*. Душа, пришедши изъ горняго міра, приноситъ съ собой скрытые, дремлющіе образы всѣхъ вещей. Извѣстно знаменитое сравненіе Платона, которое онъ приводитъ въ 7-й книгѣ діалога "Государство".

Представимъ, -говоритъ онъ, -пещеру съ отверстіемъ на верху. Въ пещерѣ находятся люди, скованные цѣпями, не могущіе поднять

кверху голову; надъ пещерой, темной и унылой, лежитъ дорога, озаренная яркимъ ликующимъ свѣтомъ По дорогѣ двигаются свободные, довольные люди ..Тѣ, что сидятъ скованные въ мрачной пещерѣ, не могутъ видѣть ихъ, свободныхъ, озаренныхъ свѣтомъ; они лишь слѣдятъ за ними по тѣмъ колеблющимся тѣнямъ, которыя проникаютъ въ пещеру сквозь отверстіе на верху ея. Таково же и наше отношеніе къ міру идей, каково отношеніе сидящихъ въ пещерѣ къ тѣмъ, которые проходятъ на верху пещеры Какъ первые видятъ лишь тѣни вторыхъ, такъ и мы въ преходящихъ явленіяхъ міра познаемъ лишь тѣни идей

Идея самосуществующаго блага отождествляется Платономъ съ Богомъ, Творцомъ, создавшимъ міръ, соотвѣтственно идеѣ для того, чтобы выяснить отношеніе между міромъ и Творцомъ, Платонъ принимаетъ ученіе о міровой душѣ, одушевляющей собой весь космосъ Міровая душа у Платона есть первоначальная движущая сила міра, міровая энергія, которая организуетъ различныя формы бытія и жизни, это есть идеальное единство міра, связующее различныя конкретныя формы бытія въ цѣлое,- космосъ. Это есть сознаніе міра, которому не сопутствуетъ сознаніе индивидуальное и, наконецъ, это есть начало, черезъ посредство котораго идея воплощается въ матеріи. Если дольній міръ представляется только спрокинутымъ образомъ, несовершеннымъ выраженіемъ міра идеальнаго, то очевидно задачей мудреца является освободиться отъ этого міра, подавить его въ себѣ, очистивъ свою душу. Поэтому понятна мысль Платона, выражающая его настроеніе, что мудрецъ, пока живетъ, постоянно умираетъ для этого міра. И этотъ аскетическій путь очищенія есть единственный путь, ведущій

съ зломъ-добромъ отъ зла. От точки зрѣнія этого понимания идеализма, при которомъ горній міръ не освѣщаетъ дольняго, а только отрицаетъ его темноту и ограниченность и которое Влад. Соловьевъ назвалъ "отрицаніемъ", міръ представляется "ленивымъ во злѣ" и мудрецу въ немъ дѣлать нечего. Ему можно только уйти въ міръ философіи, въ академію, въ философскій монастырь, если не можетъ быть монастыря религіознаго.

Въ такомъ настроеніи былъ Платонъ послѣ смерти Сократа. Но въ его идеализмѣ заключались не только эти отрѣшенныя пессимистическія идеи но и болѣе жизнерадостное, жизнедѣятельное настроеніе, основывавшееся на вѣрѣ, что между небомъ и землей, между міромъ идеальнымъ и чувственнымъ есть посредникъ; и этотъ посредникъ есть "эросъ" - животворящая творческая сила, любовь. Онъ стоитъ на рубежѣ между двумя мірами, онъ возрождаетъ земной міръ, возводя его къ идеальному, творя его въ красотѣ. Чувственный земной міръ онъ стремится воодушевить живымъ чувствомъ, силой эротическаго влеченія къ размноженію и, повторяя изъ поколѣнія въ поколѣніе тѣ же самыя формы жизни въ области духовной жизни, въ душѣ философа, онъ возрождаетъ ее въ красотѣ къ новой высшей жизни. И благодаря этой посредствующей, благодатной, возрождающей силѣ эроса мудрецъ находитъ въ себѣ силы не только къ философскому умиранію для соблазновъ дольняго міра, но и къ работѣ для преображанія его по образу міра горняго. Въ такомъ случаѣ философу идеалисту открывается задача искать мостъ между этими двумя мірами, лѣстницу между землей и небомъ и тѣмъ самымъ онъ оказывается со-

піальнымъ реформаторомъ И въ ученіи Платона и его философіи мы видимъ одновременно сосуществованіе и чередованіе обоихъ настроеній - аскетическаго и соціально-реформаторскаго Онъ то уходитъ въ философію, въ самого себя или въ академію, то обращается къ практической дѣятельности, черезъ посредство ли Діонисіевъ или другимъ способомъ. Эту задачу относительно приложенія къ жизни началъ идеализма Платонъ ставитъ себѣ въ своихъ соціально-государственныхъ сочиненіяхъ. До извѣстной степени вопросъ соціальнаго устройства затрагивается уже въ діалогѣ "Горгій", а затѣмъ [illegible] его, сюда относящееся, есть діалогъ "О государствѣ или о справедливомъ"

Глава V.

"ПОЛИТЕЙА" ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ.

Это произведеніе, принадлежащее къ числу наиболѣе важныхъ произведеній Платона, состоитъ изъ 10 книгъ и, по всѣмъ признакамъ, написана въ разные періоды, на протяженіи ряда лѣтъ; во всякомъ случаѣ оно относится къ порѣ наиболѣе зрѣлаго творчества Платона. Третьимъ произведеніемъ, сюда относящимся, является произведеніе "Законы" относящееся къ старческой эпохѣ его жизни.

Я указалъ на троякій кризисъ аѳинской демократіи въ эпоху Платона: кризисъ политическій (демократіи), кризисъ соціальный и кризисъ моральный. Мы можемъ предположить, что человѣкъ съ такимъ

міровоззрѣніемъ и настроеніемъ, какъ Платонъ, отразитъ въ своемъ міровоззрѣніи тотъ кризисъ, мы можемъ предположить, что онъ отнесется отрицательно къ тому вырожденію демократіи, которое онъ наблюдалъ въ Аѳинахъ; мы можемъ разсчитывать найти отзвукъ тѣхъ соціальныхъ золъ и неустройствъ, которыя были въ его время въ Аѳинахъ; наконецъ, всѣмъ существомъ своего идеализма онъ протестовалъ противъ софистовъ, противъ ихъ отрицанія истины, скептическаго субъективизма. Поэтому вполнѣ естественно, если въ противоположность аѳинской демократіи онъ признаетъ идеаломъ устройство общества аристократическое; въ противоположность соціально-экономическому неравенству и индивидуализму онъ признаетъ идеаломъ общество коммунистическое, соціалистическое и наконецъ, въ противоположность скептицизму софистовъ, онъ возстанетъ въ силѣ моральнаго идеала. Это соединеніе аристократизма, коммунизма и идеалистическаго моралиэма и составляетъ наиболѣе интересную особенность соціально-экономическихъ воззрѣній Платона.

Уже въ діалогѣ "Горгій" Платонъ учитъ, что основной задачей государственной дѣятельности есть признаніе справедливости и служеніе добродѣтели. Платонъ находитъ даже Перикла неудовлетворяющимъ этому идеалу, такъ какъ онъ льстилъ толпѣ: задача правителя не льстить, а исправлять. Въ діалогѣ "Государство" этотъ принципъ проведенъ рѣшительно и послѣдовательно. Задача существованія человѣческаго общества состоитъ въ томъ, чтобы вести человѣчество къ блаженству. Но блаженство достижимо лишь путемъ добродѣтели. Поэтому идеальнымъ устройствомъ общества является такое, которое основано на

добродѣтели. Этотъ идеалъ отличается существенно отъ идеала, основаннаго на всеобщемъ счастьѣ отъ идеала эвдемонистическаго. Въ противоположность эвдемонистическому идеалу, идеалъ Платона есть идеалъ блаженства, основаннаго на добродѣтели. И въ настоящее время эвдемонистическій идеалъ широко распространенъ и раздѣляется гораздо большимъ количествомъ людей, нежели этическій идеалъ; также и въ аѳинской демократіи эвдемонистическій идеалъ имѣлъ больше сторонниковъ, чѣмъ суровый и, какъ мы увидимъ, аскетическій идеалъ Платона. Его идеалъ счастья и справедливости не есть довольство удовлетворенія потребностей, а блаженство справедливости и нравственной чистоты - это идеалъ духовный.

Такимъ образомъ въ самомъ корнѣ, въ самомъ исходномъ пунктѣ, онъ становится въ противоположность своему времени съ его эвдемонистическимъ идеаломъ общественнаго устройства. Добродѣтель, согласно этическому воззрѣнію Платона, выражается въ 4-хъ свойствахъ: 1) мудрости, 2) храбрости, 3) самообладаніи, 4) справедливости. Эти свойства должны быть осуществлены въ государствѣ, при чемъ государству ставится задача воспитывать народъ въ добродѣтели. Если эта задача является прежде всего воспитательной, если власть является прежде всего орудіемъ для цѣлей воспитательныхъ, то очевидно воспитатель долженъ быть выше воспитываемаго. Онъ долженъ, воспитывая другихъ въ справедливости, самъ быть справедливымъ и разумнымъ, долженъ быть мудрецомъ. Отсюда странная парадоксальная идея Платона, что государствомъ должны править фило-

ФИ.

" Доколѣ философы не будутъ царствовать въ государствахъ или тѣ, что нынѣ именуются царями или династами, не начнутъ воистину и правильно философствовать, такъ, что философія совпадетъ съ царской властью, пока не будетъ упразднено нынѣшнее разъединеніе того и другого, нѣтъ спасенія отъ золъ ни государствамъ, ни всему человѣческому роду."

Для пониманія этой мысли я напомню Вамъ, что "философъ" въ устахъ Платона и его учителя Сократа не значилъ—преподаватель философіи или изобрѣтатель какой-либо философской системы (ибо такихъ они называли софистами); философъ это тотъ, который не только учитъ мудрости, но и живетъ мудро, на нашемъ современномъ языкѣ это понятіе будетъ правильнѣе передать словомъ "праведникъ",въ извѣстномъ смыслѣ даже "святой".

Однако, чтобы поручить государство управленію философовъ, нужно прежде всего имѣть такихъ философовъ, а затѣмъ нужно поставить ихъ у власти. Слѣдовательно, ближайшей задачей, которую долженъ разрѣшить Платонъ въ своемъ общественномъ идеалѣ, является задача воспитанія философовъ. Для того чтобы воспитывать избранныхъ, нужно слѣдовательно, организовать воспитаніе и образованіе. Всякое дѣло требуетъ внучки, поэтому тѣ, которые посвящаютъ себя на служеніе государству, общественному благу, должны быть особо обучены; они должны составить особый классъ людей - государственной стражи, государственныхъ охранителей. Такими охранителями или стражами въ Платоновскомъ государствѣ является классъ воиновъ, или

стражей. Какая задача идеальнаго воина? Они должны быть подобны собакамъ, злы къ врагамъ и добры къ своимъ; а для различія враговъ и друзей необходима мудрость. Для этого они должны быть подвергнуты соотвѣтствующему воспитанію. Задача этого воспитанія имѣетъ цѣлью сдѣлать ихъ настолько богобоязненными и богоподобными, насколько можетъ быть человѣкъ; соціальныя реформы должны быть проведены въ жизнь черезъ посредство идеальнаго воспитанія. Для того чтобы развивать въ воинахъ одни качества и не развивать другія, онъ предлагаетъ обратить вниманіе на ту духовную пищу, которая предлагается воинамъ. Онъ не можетъ воспитываться на сказкахъ Гомера, такъ какъ онѣ извращаютъ представленіе о Божествѣ, какъ источникѣ добродѣтели. Въ нихъ не должно быть слишкомъ живо представленіе объ адѣ съ его устрашающими картинами, парализующими мужество.

Такимъ образомъ, вводится цензура. Воспитываемые должны говорить правду, только правителямъ разрѣшается въ извѣстныхъ случаяхъ лгать. (такъ называемый нынѣ іезуитскій принципъ). Они воспитываются во всякой умѣренности и почтительности и борьбѣ съ низшими страстями, которыя должны быть подавляемы. Ради этого Платонъ предлагаетъ насильственное удаленіе впечатлѣній характера деморализующаго, въ частности уничтоженіе театральныхъ представленій, которыя въ современныхъ ему Аѳинахъ дѣйствительно не служили воспитанію нравовъ, напротивъ, стоитъ за развитіе гимнастики и музыки (понимая послѣднюю въ античномъ смыслѣ, т.е. въ смыслѣ развитія всякихъ искусствъ, а не только музыки въ собственномъ смыслѣ).

Платонъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что разница между полами, между мальчиками и дѣвочками не существенна, самое большее она количественная, но не качественная. На этомъ основаніи онъ не дѣлаетъ различія въ правахъ и обязанностяхъ половъ: и тѣ и другіе одинаково воспитываются къ исполненію обязанностей, при чемъ это отрицаніе половъ проводится имъ настолько послѣдовательно, что онъ предлагаетъ общую гимнастику, которой, какъ извѣстно, греки занимались обнаженными. Онъ возлагаетъ и на женщинъ военную защиту города и другія государственныя дѣла, все, кромѣ наиболѣе тяжелыхъ работъ, которыя доступны только мужчинамъ. Такимъ образомъ, воспитывается классъ воиновъ (стражи), изъ которыхъ можетъ быть избранъ контингентъ правителей Они избираются на основаніи тайнаго наблюденія надъ воспитывающимися изъ тѣхъ, кто наиболѣе пригоденъ для блага государства. При этомъ внѣшней мѣркой при опредѣленіи пригодности въ этомъ направленіи является сохраненіе присутствія духа, самообладанія; по мнѣнію Платона, это свидѣтельствуетъ объ истинно-философскомъ самочувствіи. Этимъ избранникамъ и вручается управленіе республикой, но лишь въ возрастѣ отъ 50-ти лѣтъ и при этомъ временно. Опираясь на войско и пользясь неограниченной властью, они ведутъ государство по пути добродѣтели. Тѣ, которые не исполняютъ обязанностей правленія, получаютъ возможность заниматься философіей; такъ какъ правленіе исполняется по очереди, то правители вполнѣ отъ философіи не отрываются.

Для того чтобы воины - стража, были всецѣло преданы интересамъ государства, нужно, чтобы они не имѣли своихъ собственныхъ,

личныхъ интересовъ. И здѣсь, въ цѣляхъ борьбы съ этими личными интересами, и вырабатывается коммунистическое устройство Платона. Чтобы правители не уподоблялись собакамъ, грызущимся между собой изъ-за кости, нужно, чтобы они не имѣли никакой частной собственности. Частная собственность для воиновъ уничтожается, такъ на предметы необходимости, такъ въ особенности на золото и серебро. Ни имущества, ни комнаты, въ которую не могъ бы всѣти воинъ въ любое время, они не имѣютъ, все получается въ обрѣзъ отъ гражданъ. У нихъ общая жизнь, общія жилища, общіе обѣды, такъ что каждый всегда находится у всѣхъ на виду. Такимъ образомъ, это отрицаніе частной собственности и коммунистическое устройство жизни имѣетъ своимъ источникомъ не интересы справедливаго распредѣленія собственности такъ, чтобы всякому доставалось поровну, и не удовлетвореніе потребностей всѣхъ въ равномъ размѣрѣ, къ чему стремится иногда новѣйшій соціализмъ, а задачу исключительно педагогическую. Онъ имѣетъ въ виду лишить ихъ чувства частныхъ интересовъ, чтобы сдѣлать ихъ всецѣло преданными общественнымъ интересамъ. Платонъ идетъ такъ далеко въ этомъ подчиненіи частнаго общественному, что распространяетъ коммунистическую регламентацію и на семью. Опять таки и здѣсь Платонъ разсуждаетъ, что индивидуальная семья есть наибольшій источникъ обособленія частныхъ интересовъ; чтобы окончательно лишить всякихъ ихъ частныхъ интересовъ, нужно лишить ихъ и семьи. Такимъ образомъ отношеніе между полами нужно опредѣлять только съ точки зрѣнія государственнаго блага, а не индивида. Государству нужно, чтобы рождалось опре-

дѣленное количество гражданъ, по возможности здоровыхъ и способныхъ. Съ своимъ педантическимъ радикализмомъ Платонъ разсуждаетъ, что, если люди въ скотоводствѣ и птицеводствѣ руководятся естественнымъ отборомъ и стараются спаривать экземпляры наиболѣе высокаго качества, и лишь по отношенію къ себѣ люди этого не примѣняютъ, то въ идеальномъ государствѣ долженъ быть устроенъ такой искусственный отборъ, но такимъ образомъ, чтобы этого не знали сами заинтересованныя лица. Въ извѣстное время мужчины опредѣленнаго возраста, отъ 30 до 50 лѣтъ и женщины отъ 20 до 40 лѣтъ вступаютъ въ бракъ по жребію, чтобы произвести извѣстное количество дѣтей. Когда дѣти рождаются, они отбираются и получаютъ государственное воспитаніе, при чемъ особенное вниманіе обращается на то, чтобы мать не знала своего ребенка, слѣдовательно, всѣ матери кормятъ всѣхъ дѣтей безъ различія, и всѣ отцы имѣютъ право считать себя отцами всѣхъ дѣтей. Индивидуальная семья уничтожается. Государство регулируетъ число дѣтей внѣ этихъ границъ оно снимаетъ съ себя всякое попеченіе о дѣтяхъ настолько, что, по мнѣнію Платона, дѣти, рождающіяся отъ родителей несоотвѣтствующаго возраста, лишаются попеченія о нихъ государства, должны, такимъ образомъ, умереть. Таково государство, отъ котораго Платонъ ожидаетъ высшей правды, уничтоженія раздоровъ и борьбы за свое и чужое, уничтоженія судовъ послѣ того, какъ исчезнутъ поводы къ судебному разбирательству.

Однако въ этомъ планѣ само собой подразумѣвается еще классъ производительный, такъ какъ и воины, и правители не занимаются про-

производительным трудом,- они являются привилегированной аристократией. Третьим классом, специально занимающимся производительным трудом, Платон считает ремесленников и земледельцев, они существуют и в его государстве, но он о них очень мало говорит, настолько мало, что до сих пор расходятся о том, распространяет ли он на них коммунистический способ хозяйства; по-видимому не распространяет. Им предоставляется существовать или как они хотят, или как определять правители. Во всяком случае, этот класс является экономическим базисом всего этого государства.

Нужно еще иметь в виду, что Платон все время говорит о государстве не в нашем теперешнем смысле, а в греческом, или точнее даже афинском смысле,- разумеет греческое государство-город. Те, которые находятся вне этого эллинского города, считаются варварами, людьми не полноправными. Если вражда между эллинами является междуусобицей и возмущением, то вооруженное столкновение с варварами есть война, после которой варваров, взятых в плен, можно обращать в рабство. В этом сказывается неизбежная историческая ограниченность его кругозора. Общая задача, достигаемая этим устройством, сводится к тому, чтобы каждый делал свое дело: стража охраняла, правители правили; а ремесленники, производительный класс, занимался своим производительным трудом.

Эта трехчленная схема идеала общества соответствует учению Платона о человеческой душе, также состоящей из трех стихий: Первая

--стихія разумная. Эта разумная часть души соотвѣтствуетъ добродѣтели мудрости, а добродѣтель мудрости олицетворяется въ сословіи правителей - философовъ. Второй стихіей души является ея способность имѣть страсти: воодушевляться аффектомъ, возбуждаться гнѣвомъ. Этой аффективной сторонѣ души соотвѣтствуетъ добродѣтель мужества, способность борьбы и побѣды надъ своими страстями. Этой добродѣтели мужества соотвѣтствуетъ сословіе воиновъ. Наконецъ, третья, низшая стихія души, это ея чувственность, вожделѣніе. Этой стихіи соотвѣтствуетъ добродѣтель умѣренности въ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей; ей соотвѣтствуетъ классъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Въ своемъ діалогѣ "Политейа" Платонъ своему соціально-экономическому строю, который по отличительнымъ признакамъ можно назвать соціально-аристократическимъ, противопоставляетъ существующія въ дѣйствительности формы государственнаго быта, не соотвѣтствующія идеалу, а болѣе или менѣе отступающія отъ него. Интересно знать, въ какомъ порядкѣ онъ перечисляетъ это послѣдовательное удаленіе отъ идеала.

формой, наиболѣе приближающейся къ идеальному государству, является тимократія - господство чести. Здѣсь господство мудрости философовъ замѣняется господствомъ почетныхъ избранниковъ. Здѣсь существуетъ частная собственность, которую отвергаетъ государство идеальное. Этотъ строй, который здѣсь рисуется Платономъ, существуетъ въ Спартѣ и соотвѣтствуетъ обычно аристократическому способу правленія.

Слѣдующая форма правленія - олигархія - правленіе немногихъ бѣдныхъ и богатыхъ. Это есть вырожденіе тимократіи. Если тамъ господствуетъ честь, извѣстная воинская добродѣтель, и мужество, то здѣсь власть захватываетъ на основаніи происхожденія и богатства. Слѣдующей формой государства, представляющейся падевіемъ по сравненію съ олигархіей,- Платонъ называетъ демократію въ томъ видѣ, въ какомъ онъ наблюдалъ ее вокругъ себя. Онъ посвящаетъ въ своемъ діалогѣ много страницъ демократическому режиму и его злоупотребленіе . Главное зло, на которое онъ указываетъ здѣсь, суть демагоги. Для того чтобы властвовать въ демократическомъ обществѣ, нужно немного: нужно льстить толпѣ. Тѣ, которые прибѣгаютъ къ этому, знаютъ характеръ толпы - ея настроенія,- тѣмъ не трудно руководить этимъ настроеніемъ ради своихъ выгодъ. Дальше онъ указываетъ опасность злоупотребленій судовъ и междуусобицъ, которая неизбѣжно наступаетъ при господствѣ демагоговъ.

Глава VI.

ХАРАКТЕРИСТИКА "ПОЛИТЕЙИ" ПЛАТОНА. ЕЯ ВСЕМІРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Всемірно историческое значеніе "Политейи"-діалога"О государствѣ" Платона-состоитъ въ томъ, что здѣсь была поставлена проблема нормальнаго устройства общества вообще и въ частности проблема соціализма. Про"Политейю"Платона можно сказать, что человѣчество не можетъ забыть

этого произведенія Одинъ нѣмецкій изслѣдователь говоритъ о "демоническомъ характерѣ" "Политейи". Мы много знаемъ соціалистическихъ системъ, но ни одна изъ нихъ не заставляла насъ и не можетъ заставить насъ забыть того, какъ эти же вопросы разрѣшалъ Платонъ. Отличительной особенностью платоновскаго разрѣшенія, сравнительно съ новѣйшими, состоитъ въ аристократическомъ характерѣ его соціализма. Новѣйшія соціалистическія системы большею частью связываются съ идеалами демократіи, въ которой Платонъ былъ такъ глубоко разочарованъ и которую такъ сурово критиковалъ. Точнѣе идеалъ Платона слѣдуетъ опредѣлить не какъ аристократію въ смыслѣ господства привилегированнаго сословія, но какъ систему іерархическую, основанную на духовномъ превосходствѣ, какъ основаніе власти. Въ этомъ смыслѣ новѣйшій изслѣдователь "Политейи" Платона князь Трубецкой сравниваетъ государство, описуемое Платономъ, съ церковью. Можно сравнить его даже съ монастыремъ, только языческимъ, въ которомъ въ основу организаціи положены не интересы, не матеріальныя побужденія, а нѣкоторыя высшія религіозно-этическія нормы. Въ этомъ лежитъ и сила, и слабость утопіи Платона, потому что, поскольку онъ углубляетъ соціальный вопросъ въ его этически-религіозномъ основаніи, постольку онъ возвышается надъ позднѣйшими постановками этого вопроса, въ которыхъ онъ разсматривается преимущественно какъ вопросъ экономическій, вопросъ желудка. Но поскольку онъ пытается это идеальное пониманіе вопроса сдѣлать внѣшнимъ съ тѣмъ и практическимъ разрѣшеніемъ, постольку онъ впадаетъ въ тотъ духовный и свѣтскій сугубый деспотизмъ, который является неизбѣжнымъ, если прину-

дительной властью является духовный авторитетъ. Не разъ намъ придется вспоминать о Платонѣ, когда будемъ изучать средне-вѣковую папскую теократію. Средне-вѣковая папская теократія до извѣстной степени стремилась осуществить идеалъ Платона, переведенный на христіанскій языкъ, но оборотной стороной этой попытки была инквизиція и вообще величайшая духовная тиранній. Разрѣшимъ ли этотъ вопросъ до конца, объ этомъ мы въ историческомъ изученіи говорить не будемъ, но во всякомъ случаѣ уже у Платона обнаружились трудности практическаго разрѣшенія этого вопроса.

Другой отличительной чертой платоновской "Политейи" является то, что онъ понялъ соціальный вопросъ не только какъ вопросъ экономическій, но и какъ соціально-педагогическій и въ центрѣ вниманія поставилъ вопросъ объ образованіи достойныхъ гражданъ, достойныхъ характеровъ, соотвѣтствующихъ волевыхъ импульсовъ. Онъ слишкомъ хорошо убѣдился на окружавшей его демократіи, что само по себѣ большинство, масса, нисколько не гарантируетъ еще высшей справедливости, высшей правды, и что оно должно и можетъ быть къ этому воспитываемо и поэтому задача воспитанія естественно выдвигается въ его "Политейѣ".

Наконецъ, къ числу высокихъ достоинствъ діалога Платона слѣдуетъ отнести то отрицаніе индивидуализма и личнаго эгоизма, которое положено въ основу его плана. Планъ этотъ требуетъ жертвъ, непрерывнаго, постояннаго самоотверженія, онъ требуетъ "послушанія" во имя высшаго идеала. Идеалъ этотъ въ данномъ случаѣ въ сущности вовсе не высокъ и въ этомъ ограниченность платоновскаго кру-

говора. Это идеалъ пробужденія общественнаго полоса, освобожденіе отъ рабствъ, не войнъ, изъ отдаленнѣйшаго отъ всего міра. Но во всякомъ случаѣ это подчиненіе личныхъ интересовъ общему идеалу рѣшительно провозглашено здѣсь, какъ требованіе идеальнаго устройства вообще и Платонъ является провозвѣстникомъ его на будущее время. Несомнѣнно, нельзя найти того разрѣшенія соціальнаго вопроса, такого выхода изъ противорѣчія, изъ антиноміи, существующей между личностью и цѣлымъ, при которомъ личности не приходилось бы вольно или невольно, добровольно или по насилію поступаться своими интересами, не приходилось бы самоограничиваться; поскольку это самоограниченіе является условіемъ возможности самаго существованія общества вообще, постольку и замѣчанія Платона сохраняютъ свое значеніе и за предѣлами его историческои среды. Но тутъ же слѣдуетъ прибавить, что отрицательной стороной ученія Платона является проведеніе этого подчиненія личности обществу настолько далеко, что въ концѣ-концовъ отъ личности ничего не остается. Античное подчиненіе части цѣлому, которое вообще характеризуетъ древній міръ, нашло здѣсь полное выраженіе. Если слѣдуетъ требовать отъ личности самоограниченія въ пользу общества, то только при томъ условіи, что личность все-таки остается самостоятельной, самодовлѣющей величиной. Между тѣмъ у Платона уничтоженіе индивидуальной жизни проведено такъ далеко, что въ концѣ-концовъ существуетъ лишь безличное цѣлое, которое поглотило собою личность (какъ это было замѣчено уже Аристотелемъ).

Отрицательной стороной утопіи Платона, какъ она совершенно

справедливо видна нашему современному политико-экономическому глазу, является скудость экономической идеи, недостаток разработки экономического плана. Этот недостаток бросается въ глаза. До извѣстной степени политико-экономическая ограниченность идей Платона связана съ болѣе простыми условіями народнаго хозяйства, существовавшаго въ Греціи - въ этомъ смыслѣ Платонъ подлежитъ той же исторической ограниченности, которая свойственна каждому человѣку,- съ другой стороны,Платонъ менѣе всего интересовался политико-экономической стороной дѣла, какъ таковой, ее онъ считалъ второстепенной, сообразно съ общимъ своимъ міровоззрѣніемъ.

Во всякомъ случаѣ,въ утопіи Платона мы имѣемъ первое великое произведеніе соціальной мысли,въ которомъ предлагается планъ соціалистическаго или даже коммунистическаго устройства общества. Не ограничиваясь этимъ только однимъ идеаломъ,и въ дальнѣйшей своей дѣятельности разочаровавшись, потерявъ надежду на проведеніе его въ цѣломъ, онъ начертилъ другой, болѣе упрощенный, или такъ сказать компромиссный планъ. Это онъ сдѣлалъ въ произведеніи,озаглавленномъ "Законы". Это произведеніе долго считалось не принадлежащимъ Платону, но въ настоящее время оно опять присваивается ему. "Законы" повидимому есть посмертное произведеніе, составленное изъ отрывковъ, болѣе примѣнительно къ отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ организаціи. Здѣсь было больше посвящено вниманія вопросамъ экономическаго устройства государства. Основная задача его и здѣсь состоитъ въ томъ,чтобы обезпечить отсутствіе классовыхъ противорѣчій и раздоровъ, чтобы не было тѣхъ двухъ классовъ, вра-

ждебно противостоящихъ одинъ другому, которые онъ наблюдалъ въ современныхъ ему Аѳинахъ. Для того чтобы этого не было, онъ предлагаетъ въ сущности упростить народное хозяйство, свести его къ такимъ отношеніямъ, при которыхъ удовлетворялись бы самыя необходимыя потребности и въ то же время не было бы совершенно мѣста соціальнымъ противорѣчіямъ, связаннымъ съ болѣе сложной, развивающейся экономической жизнью. Въ этихъ видахъ онъ прежде всего предлагаетъ устроить замкнутый городъ, который представлялъ бы самодовлѣющую единицу на подобіе средневѣковаго города и совершенно не нуждался въ торговлѣ съ внѣшнимъ міромъ. Въ этихъ видахъ этотъ городъ не долженъ лежать у моря, которое облегчаетъ торговыя сношенія. Торговля ведется притомъ не гражданами этого города, а иностранцами. Промышленность этого города имѣетъ главной задачей удовлетвореніе собственныхъ потребностей. Кромѣ этихъ промышленниковъ, остальные занимаются земледѣліемъ, при чемъ это устройство предполагаетъ рабство. Низшія работы исполняются рабами. Земля принадлежитъ государству, но дѣлится по жребію въ наслѣдственное пользованіе отдѣльнымъ земледѣльцамъ. При обмѣнѣ употребляютъ деньги, но эти деньги не должны имѣть никакой цѣны вродѣ бумажныхъ ассигнацій, для того, чтобы исключить возможность сношенія съ чуждыми государствами. Накопленіе движимыхъ имуществъ ограничено,- дальше извѣстныхъ предѣловъ отдѣльныя лица не могутъ пріобрѣтать собственности, вслѣдствіе этого не можетъ создаться чувствительныхъ имущественныхъ различій. Имуществу ведется строгій учетъ, заносятся въ особые списки, кто что имѣетъ, причемъ отда-

брать деньги въ займы подъ проценты совершенно воспрещается. Такимъ образомъ, сложное законодательство предусматриваетъ, чтобы хозяйство оставалось на уровнѣ аграрнаго хозяйства съ преобладаніемъ натурально-потребительскаго.

Затѣмъ, что касается брака, то здѣсь оставляется индивидуальный бракъ, но за нимъ ведется бдительный надзоръ государства. Государство вмѣшивается въ супружескія отношенія и подвергаетъ ихъ своему надзору и регулированію. Дѣти воспитываются государствомъ, устраивается нѣчто вродѣ дѣтскихъ садовъ, причемъ при этомъ воспитаніи существуетъ равенство половъ. Граждане имѣютъ общіе обѣды; это тѣ же спартанскія сисситіи, которыя вводятся и здѣсь. Основой же всего устройства является уже не философія, а положительная религія, культъ національныхъ боговъ. Этому устройству соотвѣтствуетъ охраненіе города отъ разрушительныхъ вліяній со стороны философіи, поэзіи, литературы. Поэты высылаются изъ этого города, драматическія произведенія подвергаются строжайшей цензурѣ. Однимъ словомъ, тѣ ограниченія, которыя были въ этомъ отношеніи уже въ "Политейѣ", здѣсь усиливаются. Старѣющій философъ, ставъ недовѣрчивымъ пессимистомъ, гораздо дальше проводитъ принципъ опеки. Особыя заботы Платона обращались на то, чтобы законы эти сохранялись въ неизмѣнности. Наблюдая, какъ легко демократія творила законы, какъ легко она ихъ измѣняла, Платонъ вводитъ здѣсь строгую охрану основныхъ законовъ при помощи особаго института стражи законовъ, который слѣдитъ за ихъ неизмѣнностью.

Это произведеніе представляетъ собою сравнительно малый

принципіальный интересъ, оно показываетъ только, насколько старѣющій философъ отходитъ отъ своего собственнаго настроенія, отъ своего собственнаго міровоззрѣнія, составляя свой планъ все большими компромиссами и большими ограниченіями.

Для тѣхъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ Платоновскимъ діалогомъ "О государствѣ" можно рекомендовать недавно вышедшее фундаментальное произведеніе князя Трубецкого "О государствѣ Платона". Кромѣ того, самый діалогъ "О государствѣ" Платона имѣется въ русскомъ, хотя и довольно старомъ переводѣ Карпова.

Что же касается общефилософскаго міровоззрѣнія Платона, то съ нимъ можно познакомиться изъ общаго Курса исторіи философіи, въ особенности изъ книги С.Н.Трубецкого, или же изъ работы профессора Виндельбанда "О Платонѣ" или же изъ статей Влад Соловьева "Душевная драма Платона"

Глава VII

АРИСТОТЕЛЬ. ЕГО ЖИЗНЬ И ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

Рядомъ съ Платономъ стоитъ имя другого великаго греческаго мыслителя и его ученика, Аристотеля. Это имя и въ исторіи экономическаго мышленія весьма значительно.

Аристотель родился въ греческомъ городѣ Стагирѣ, находившемся въ то время подъ македонскимъ владычествомъ, въ 384 г. до Р. Х. Онъ былъ сынъ врача Никомаха, который былъ лейбъ-медикомъ царя Аминты, и самъ сначала учился медицинѣ. Послѣ смерти отца Аристо-

тель 18 лѣтъ отправился въ Аѳины, гдѣ учился риторикѣ и философіи и сдѣлался ученикомъ Платона. Ихъ дружескія отношенія продолжались въ теченіе 20 лѣтъ и не прекращались до самой смерти Платона. Аристотель въ моментъ смерти Платона былъ въ Аѳинахъ, но едва не былъ избранъ его замѣстителемъ въ академіи. Въ 343-344г.онъ былъ приглашенъ македонскимъ королемъ Филиппомъ быть учителемъ Александра Македонскаго, когда послѣднему всего было 13 лѣтъ.Онъ былъ учителемъ его до его восшествія на престолъ, когда Аристотель оставилъ македонскій дворъ и возвратился въ Аѳины въ 335 г. Здѣсь онъ основалъ свою школу въ священной рощѣ Аполлона Ликейскаго, названную "Лицей",гдѣ училъ въ теченіе 12 лѣтъ.Къ этому времени и относится наибольшій расцвѣтъ его литературной дѣятельности. Аристотель написалъ необыкновенно много. До насъ дошла лишь небольшая часть его произведеній, но историки литературы приводятъ длиннѣйшіе ихъ списки, изъ которыхъ большинство не дошло до насъ. Что касается этихъ произведеній, то они составлялись изъ курсовъ лекцій, читанныхъ имъ въ Лицеѣ и затѣмъ изданныхъ на основаніи записокъ его слушателями. Какъ метекъ онъ не имѣлъ права гражданства въ Аѳинахъ и поэтому его положеніе здѣсь было особенно необезпечено. Послѣ смерти Александра Македонскаго онъ былъ заподозрѣнъ въ македонофильствѣ и принужденъ былъ бѣжать. Онъ подвергся, какъ Сократъ, обвиненію въ безбожіи и долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Евбею, гдѣ въ 322 году онъ и умеръ.Таковы внѣшнія событія изъ жизни Аристотеля. Отличительной особенностью

Аристотеля, кромѣ геніальнаго ума является его необыкновенная ученость. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей, который можетъ быть назвавъ, или большею частью, владѣлъ ученостью своего времени. Изъ массы его сочиненій до насъ дошли трактаты по разнымъ отраслямъ знанія. по логикѣ, физикѣ, физіологіи, психологіи, метафизикѣ, зоологіи и этикѣ и, наконецъ, по политикѣ. Чисто экономическія доктрины Аристотель развиваетъ въ своемъ сочиненіи "О политикѣ" и отчасти въ "Этикѣ". Но прежде, чѣмъ обратиться къ нимъ, для общаго пониманія его принципіальной точки зрѣнія намъ необходимо познакомиться въ самыхъ краткихъ чертахъ съ основными чертами его общефилософскаго міровоззрѣнія и установить его сходство и различіе съ Платономъ. Какъ платоновскій идеалъ государства въ основѣ его нельзя было бы понять, не принимая во вниманіе его идеализма, такъ аристотелевскій практическій реализмъ нельзя понять, не остановивъ вниманія на его философскомъ реализмѣ. Метафизика Аристотеля до извѣстной степени предопредѣляется метафизикой Платона, именно той проблемой, которую Платонъ тамъ поставилъ. Платонъ въ своемъ идеализмѣ утверждаетъ существованіе двухъ міровъ. идеальнаго и дольняго, міра идей и міра явленій и утверждаетъ непроходимую пропасть между ними. Вотъ этотъ дуализмъ - разрывъ между идеями и явленіями, между міромъ идеальнымъ и дольнимъ и беретъ за исходный пунктъ своей философіи Аристотель. Въ одномъ отношеніи онъ продолжаетъ идеалистическія традиціи Платона, въ другомъ онъ порываетъ съ ними и переходитъ къ реализму. Онъ сходится съ Платономъ въ томъ, что знанія наши, знанія вещей, имѣютъ содержаніемъ понятія, а не

отдѣльныя явленія и ощущенія. Въ этомъ смыслѣ они имѣютъ начало не въ ощущеніяхъ, а въ разумѣ. Слѣдовательно истинное знаніе есть знаніе постольку, поскольку это знаніе есть знаніе общихъ понятій, видовъ или общихъ формъ, но, тогда какъ Платонъ относитъ ихъ къ міру идеальному, Аристотель имѣетъ ихъ въ мірѣ дѣйствительномъ. Платонъ былъ философомъ идеализма, Аристотель былъ философомъ дѣйствительности. "Сущность вещей, по мнѣнію Аристотеля, не можетъ быть отдѣлена отъ того, чего она есть сущность." Поэтому главнымъ недостаткомъ философіи Платона является въ его глазахъ то, что идеи не объясняютъ ни генезиса, ни бытія. Между идеей и дѣйствительностью не хватаетъ связи, благодаря, какимъ образомъ воспринимаетъ дѣйствительность, какимъ образомъ происходятъ исторические и жизненные процессы. Такими недостающими у Платона понятіями, связывающими идею и дѣйствительность, у Аристотеля являются понятія о формѣ, цѣли, цѣлесообразности развитія. Цѣль существуетъ какъ предметъ и опредѣляетъ его становленіе, ходъ его развитія. И вотъ эта цѣль и есть то, что въ каждомъ предметѣ, въ каждомъ явленіи составляетъ самое центральное. Вмѣстѣ съ Платономъ Аристотель предполагаетъ, что безъ ощущенія общаго понятія, "единаго о многомъ", не было бы вообще знанія. Но общихъ понятій, по его мнѣнію, не слѣдуетъ раздѣлять отъ вещей, такъ какъ немыслимо, чтобы сущность была внѣ того, чего она есть сущность. Нѣтъ понятія человѣка внѣ отдѣльныхъ людей, но видъ, т.е. общее понятіе внутренне присуще вещамъ, какъ та форма, которая дѣлаетъ вещь тѣмъ, что она есть. Слѣдовательно, эта форма существуетъ только въ

конкретных индивидуальных предметах, но в таком случае возникает вопрос, как частное получается при посредстве общих понятий. Если существует только частное, то каким образом можно познать общее? Но сущность вещей определяется общим видом и формой, которая в неё вложается. Сущность вещи есть данная форма в данной материи, это есть сочетание материи и формы, внутренне присущая ей видовая форма. Подобно Платону, Аристотель признает общее начало, но видит их реализацию лишь в единичных вещах. Он уничтожает платоновский идеальный мир и сводит его к действительности, к формам этой действительности. Таким образом, понятие вещей у Аристотеля предполагает, с одной стороны, бесформенную материю, которая оформляется и которая вне этой формы представляет только возможность вещей, с другой стороны, следовательно, форму, которая эту возможность осуществляет, которая эту потенцию переводит в энергию, в актуальное существование. Когда форма совпадает с действительностью,- образуется вещь. Переходя от частного к более общему, Аристотель находит, с одной стороны, общую возможность бытия потенциального "первую материю" нечто во всех отношениях неопределенное, неограниченное, с другой стороны, восходя вверх, находит форму всех форм - разум, т е. ту энергию, такое абсолютное бытие, которое существует выше всего в чистом виде, или божественное начало. Форма есть не только сущность вещей, но ея внутренняя цель, та сила, которая осуществляет эту цель, и форма всех форм есть цель бытия. Таким образом, существует первое движущее начало, начало всяка-

по движенія, всякаго изміненія. Такое начало по самому своему понятію не получаетъ движенія, оно вѣчно и безсмертно, оно вѣчно, нематеріально. Безтѣлесная энергія можетъ быть только чистымъ мышленіемъ, чистая форма всѣхъ формъ есть понятіе всѣхъ понятій, совершенное вѣдѣніе. Оно движетъ міръ какъ внутренняя цѣль, какъ предметъ общаго стремленія, всеобщей любви. Это понятіе божества Аристотель отличаетъ отъ понятія личнаго Бога, оно есть главнымъ образомъ конечное условіе мірового процесса, первая причина вселенной.

Таково основное начало общей метафизики Аристотеля.

Что касается его "этики", то здѣсь Аристотель учитъ также о высшемъ благѣ, цѣли, преслѣдуемой ради себя самой. Всякая цѣль, которая преслѣдуется ради чего-нибудь, лежащаго внѣ ея, не можетъ считаться самостоятельнымъ благомъ, существуетъ цѣль, высшая по отношенію къ ней. Если существуетъ высшая цѣль, она преслѣдуется ради себя самой, она ничему не подчинена. Эту высшую цѣль, эту идеальную задачу Аристотель, въ противоположность Платону, помѣщаетъ не внѣ міра, а въ этомъ мірѣ. Идеализмъ Платона, основанный на противопоставленіи міра идеальнаго и міра вещей, приводилъ къ выводу о томъ, что мудрецъ долженъ умирать, что единственное, достойное мудреца положеніе по отношенію къ этому міру есть аскетическое безстрастіе. Такимъ образомъ, платоновскій идеализмъ уводилъ мудреца изъ міра, напротивъ Аристотель видѣлъ воплощеніе идеальныхъ формъ и форму всѣхъ формъ только въ дѣйствительности, и это высшее благо помѣщалъ тоже въ дѣйствительности. Это есть выс-

ное благо для человѣка въ успѣшной, безпрепятственной его дѣятельности и не есть какая нибудь внѣшняя вещь, но самодѣятельное, ведущее къ доброму, разумному осуществленію дѣятельности, развитію силъ человѣческой души. Такимъ образомъ, высшее благо есть нравственность и добро, разумная дѣятельность. Высшій принципъ счастья съ этой точки зрѣнія есть мѣра, умѣренность, это одно изъ основныхъ и излюбленныхъ понятій античной древности. Удовлетвореніе отъ благой дѣятельности есть благо, которое неотдѣлимо отъ счастья. Такимъ образомъ, Платонъ и Аристотель въ области этики представляютъ собою какъ бы античныхъ Марѳу и Марію, съ одной стороны аскетическое отрѣшеніе отъ міра, а съ другой - активная дѣятельность для преобразованія міра. Для Аристотеля высшее благо лежитъ не за предѣлами міра, а въ самой жизни. Понятіе добродѣтели для Аристотеля есть понятіе доброкачественности, развитіе энергіи, свойственное данному существу, есть развитіе его силъ.

Примѣняя эти понятія къ политикѣ, къ ученію о государствѣ, Аристотель высказываетъ такую мысль, что политика цѣлями своими охватываетъ цѣли всѣхъ остальныхъ наукъ и заключаетъ въ себѣ высшее благо человѣка и, хотя оно тождественно для отдѣльнаго лица и государства, оно, кажется, будетъ дѣломъ болѣе великимъ и совершеннымъ постичь и снести благо государства.

Итакъ, политика для Аристотеля есть прикладная этика, а экономика есть основная часть политики. Теперь мы перейдемъ къ экономикѣ.

Глава VIII.

УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Для Аристотеля государство есть высшая форма человѣческаго общенія, проистекающая изъ стремленія къ общему благу. Поэтому государство есть форма естественнаго состоянія человѣка, ибо человѣкъ по природѣ своей есть существо политическое. Государству предшествуетъ, по ученію Аристотеля, тоже естественная, но менѣе сложная форма общенія; сначала семья, потомъ союзъ нѣсколькихъ семей, составляющихъ селеніе. Изъ нѣсколькихъ селеній образуется государство. Какъ и Платонъ, государствомъ Аристотель считаетъ государство – городъ, т.е. городъ съ его округой, слѣдовательно, государство не въ нашемъ смыслѣ, а въ греческомъ его пониманіи. Это государство является средой, въ которой человѣкъ находитъ не только условія существованія, но и надлежащаго добродѣтельнаго счастливаго существованія. И какъ среда, осуществляющая полное развитіе естественныхъ силъ человѣка, государство есть какъ бы естественная форма для человѣческаго общенія. Хотя оно исторически существуетъ послѣ семьи, послѣ селенія, но, какъ цѣль, въ телеологическомъ смыслѣ оно существуетъ раньше личности.

"Государство,- говоритъ Аристотель,- по смыслу природы своей существуетъ прежде, чѣмъ семья и каждый изъ насъ въ отдѣльности, потому что цѣлое существуетъ необходимо прежде своей части. Такъ какъ съ уничтоженіемъ цѣлаго, (человѣка, напр.), не будетъ ни ноги, ни руки, развѣ только номинально, въ такомъ, напримѣръ, смыслѣ, [illegible]

каменную руку называть рукой. Но она не истинная рука, а поддѣльная"... Поэтому каждый человѣкъ относится къ государству точно такъ же, какъ особые части относятся къ своему цѣлому. А кто не можетъ жить въ обществѣ, или кто не имѣетъ нужды ни въ чемъ, потому что самъ доволенъ собой во всемъ, тотъ не составляетъ никакой части государства и есть или звѣрь, или богъ"...

Глава IX.

ВОПРОСЪ О РАБСТВѢ И О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМЪ ТРУДѢ У АРИСТОТЕЛЯ.

Изъ кого состоитъ государство, кто является его гражданами? Здѣсь мы наталкиваемся и у Аристотеля, какъ и у Платона, на основной грѣхъ античнаго общества, на принципіальное признаніе рабства. Граждане - только свободные. Что касается рабовъ, то они не граждане. По своей задачѣ, по той общественной роли, которую они играютъ, рабы собственно соотвѣтствуютъ наемнымъ производительнымъ рабочимъ нашего времени. Но по тому отношенію, которое существуетъ въ древнемъ античномъ обществѣ, не только по ихъ юридическому положенію, но и въ общественномъ мнѣніи рабы суть люди, стоящіе внѣ общества, не имѣющіе правъ человѣка. Рабы въ системѣ Аристотеля, какъ и всякіе вообще слуги, суть только одушевленное имущество. Аристотель различаетъ орудія одушевленныя и неодушевленныя; и первыя одушевленными орудіями являются рабы. Такова природа раба.

"Кто, будучи человѣкомъ, по природѣ своей принадлежитъ не себѣ, но другому, тотъ рабъ по своей природѣ. Хотя онъ и человѣкъ, но если онъ составляетъ предметъ имущества другого, то онъ и человѣкъ другого, а имущество вообще есть практическое средство жизни, отдѣлимое отъ его владѣльца"...

Въ "Политикѣ" онъ уподобляетъ отношенія между гражданами и рабами отношенію между душой и тѣломъ.

"Всякое живое существо состоитъ изъ души и тѣла. Естественное отношеніе между ними такое, что душа властвуетъ, а тѣло подчиняется"... И вотъ, примѣняя это къ отношеніямъ рабовъ къ гражданамъ, онъ заключаетъ, что "если нѣкоторые люди настолько разнятся отъ другихъ, насколько тѣло разнится отъ души, животное отъ человѣка, то они рабы по самой природѣ своей и лучшая доля ихъ такова, чтобы быть въ подчиненіи той же самой власти, какой подчиняется тѣло и животныя. По природѣ рабъ тотъ, кто можетъ принадлежать другому, тотъ, кто настолько лишь причастенъ разуму, чтобы понимать разумное, а не настолько, чтобы самому обладать разумомъ. Что же касается до другихъ животныхъ, то они не чувствуютъ надъ собой даже внушеній разума, но руководятся лишь только инстинктивными побужденіями. Но относительно пользы, которую приносятъ рабы и домашнія животныя, тѣ и другіе мало различаются между собой: своимъ тѣлеснымъ трудомъ они одинаково доставляютъ помощь во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Природа, желая установить такое различіе между свободными и рабами, дѣлаетъ различіе между самыми тѣлами. Тѣла рабовъ сильны, такъ что они могутъ быть упо-

требленія на разныя работы, необходимыя въ жизни, а тѣмъ свободнымъ не сродственны и не способны на такія работы; зато свободные люди годны для политической жизни, которая является въ двухъ видахъ: какъ дѣятельность воинская и какъ дѣятельность мирная...

Итакъ, изъ всего сказаннаго очевидно, что нѣкоторые по природѣ своей свободны, а другіе по своей природѣ рабы" ..

Исходя изъ этого возврѣнія, естественно, что дѣйствительныя права и обязанности гражданина не могутъ быть распространены на тѣхъ, кто по природѣ своей рабы. Но Аристотель не ограничивается только этимъ разграниченіемъ на рабовъ и свободныхъ. Его отношеніе къ свободному труду, къ производительнымъ занятіямъ, промышленности и земледѣлію тоже самое отличается характернымъ для античнаго грека пренебреженіемъ.

Насколько наше время страдаетъ чрезмѣркой, пожалуй, переоцѣнкой производительнаго труда, настолько же античный міръ страдаетъ обратнымъ; недооцѣнкой. Аристотель, говоря о воспитаніи, замѣчаетъ что свободные граждане не должны заниматься ни ремесломъ, ни промышленностью, такъ какъ такая жизнь не благородна и противна интересамъ добродѣтели. Граждане такого государства равнымъ образомъ не должны быть земледѣльцами. Напротивъ, какъ для развитія въ себѣ началъ добродѣтели, такъ и политической дѣятельности имъ необходимъ философскій досугъ.

Изъ этого же самаго возврѣнія онъ исходитъ и въ вопросѣ о воспитаніи: " дѣти должны быть допущены къ занятію только полезными предметами, которые не сдѣлаютъ ихъ лишь простыми ремесленниками;

ремесленническим не занятіемъ слѣдуетъ назвать такое занятіе и такія искусство и знаніе, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе людей дѣлаютъ неспособными къ добродѣтельной дѣятельности. Поэтому всѣ тѣ искусства, которыя унижаютъ тѣло, равно, какъ всѣ промысловыя занятія въ назначеніи ремесленныхъ - банаусическими, такъ какъ они дѣлаютъ умъ неспособенъ къ благороднымъ занятіямъ души"...

Такимъ образомъ, и обученіе ремеслу, и занятіе имъ считается недостойнымъ свободнаго гражданина, который можетъ заниматься или политикой, или войной, или философіей. Въ этомъ отношеніи Аристотель не отличается отъ Платона, который это разграниченіе провелъ такимъ же образомъ.

Глава X.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ.

Ученіе Аристотеля о хозяйствѣ и о формахъ хозяйства вылилось въ "Политику"; ему онъ посвящаетъ двѣ книги "Политики". Аристотель различаетъ два вида хозяйствъ по ихъ цѣли. Въ одномъ случаѣ хозяйство имѣетъ цѣлью удовлетвореніе потребностей и этимъ ограничивается. Богатство имѣетъ при этомъ свой естественный предѣлъ - и предѣлъ этотъ есть ограниченность потребностей. Для богатства и стяжанія здѣсь нѣтъ мѣста. Напротивъ, есть другое неправильное, неестественное, по мнѣнію Аристотеля, развитіе хозяйства, именно тогда, когда производятъ не для удовлетворенія потребностей, но

для обмѣна въ цѣляхъ увеличенія барыша это хозяйство онъ назы-
ваетъ хрематистическимъ; при такомъ хозяйствѣ для богатства и стя-
жанія нѣтъ никакого предѣла. "Бѣдь каждый предметъ нашего
владѣнія имѣетъ двоякое употребленіе. Хотя и въ томъ, и въ
другомъ случаѣ предметъ употребляется какъ такового, но не одинако-
въ одномъ случаѣ бываетъ собственное употребленіе предмета, а въ
другомъ не собственное. Таково, напримѣръ, употребленіе обуви, какъ
самое ношеніе обуви и какъ торговля обувью, хотя въ обоихъ случа-
яхъ употребляется сама обувь. Человѣкъ, мѣняющій обувь тому, кто
нуждается въ ней, на деньги или хлѣбъ, употребляетъ, конечно, обувь,
какъ обувь, но не пользуется собственнымъ ея употребленіемъ; пото-
му что обувь существуетъ не для мѣны. То же самое можно сказать и
о другихъ предметахъ нашего владѣнія: всѣ они могутъ быть предме-
тами мѣны. Что касается до самой мѣны, то она происходитъ, конечно,
естественно, потому что нѣкоторыхъ предметовъ бываетъ у людей обы-
кновенно больше, а нѣкоторыхъ меньше, чѣмъ сколько нужно для удо-
влетворенія потребностей. Отсюда очевидно, что торговля въ малыхъ
объемѣ естественно имѣетъ мало общаго съ тѣмъ занятіемъ, которое
состоитъ собственно въ пріобрѣтеніи денегъ, потому что торговля,
по необходимости производимая, ведется лишь въ размѣрахъ, насколь-
ко это потребно для торгующихъ"...

Отсюда, если торговля становится спеціальнымъ занятіемъ, то въ
такомъ случаѣ она выражается въ стяжаніи и отличается отъ своего
естественнаго состоянія.

"Когда вслѣдствіе необходимыхъ условій мѣновой торговли изо-

бр[illegible]ена была монета, тогда появился новый видъ пріобрѣтенія имущества – торговля съ б[illegible], при этомъ явилась забота о производствѣ богатства для торговли, для пріобрѣтенія этого барыша. Естественно, что границъ этому производству нѣтъ, какъ нѣтъ границъ жадности миѳическаго царя Мидаса, которому, къ чему только онъ прикасался, все превращалось въ золото. Такого рода пріобрѣтеніе богатства называется барышничествомъ. А барышъ получается здѣсь не иначе, какъ посредствомъ мѣны цѣнностей ... Ростовщичество,– заключаетъ Аристотель,– по всей справедливости заслуживаетъ презрѣнія, такъ какъ прибыль получается здѣсь отъ самихъ денегъ; слѣдовательно, деньги употребляются здѣсь не на то, для чего онѣ изобрѣтены. Онѣ изобрѣтены для удобства мѣны. А ростъ умножаетъ ихъ самихъ, откуда и самое имя–ростовщичество Рожденное обыкновенно бываетъ только подобно родившему его, а посредствомъ роста изъ денегъ рождаются деньги же. Такимъ образомъ,изъ всѣхъ родовъ пріобрѣтенія цѣнностей, ростовщичество всего болѣе дѣло несоотвѣтственное"...

Такимъ образомъ, Аристотель осуждаетъ всякое денежное хозяйство, въ особенности хозяйство капиталистическое, основанное на стремленіи къ прибыли. Изъ приведенныхъ его сужденій очевидно,что онъ останавливаетъ свое вниманіе на различіи между хозяйствомъ мѣновымъ и натуральнымъ, на различіи, существующемъ между цѣнностью потребительной и цѣнностью мѣновой, продаваемой за деньги. Обративъ вниманіе на это различіе, Аристотель задается вопросомъ о томъ, каковы условія возможности обмѣна. Онъ останавливается

на анализъ мѣновой цѣнности. По прихоти изложенія этотъ анализъ мѣновой цѣнности болѣетъ не въ его „Политику" но въ „Этику" Въ трактатѣ по этикѣ онъ устанавливаетъ, что для того, чтобы продукты, имѣющіе различную потребительную форму, слѣдовательно, различныя качества, могли мѣняться между собой, нужно, чтобы они какъ-нибудь приравнивались количественно между собой, такъ, чтобы каждый предметъ имѣлъ полезность, имѣлъ извѣстное количественное выраженіе въ общемъ эквивалентѣ всѣхъ товаровъ. Это есть тотъ вопросъ, который ставится политической экономіей въ ученіи о потребительной и мѣновой цѣнности; какимъ образомъ товары различнаго качества относятся другъ къ другу въ опредѣленныя количественныя пропорціи На чемъ основанъ этотъ обмѣнъ? 'Всѣ предметы должны - отвѣчаетъ Аристотель - такъ сказать, ранѣе измѣряться чѣмъ либо однимъ. Этимъ въ дѣйствительности служитъ нужда, которая все соединяетъ, ибо, если бы люди ни въ чемъ не нуждались, или не нуждались бы въ одномъ и томъ же, не было бы ни обмѣна или взаимнаго обмѣна. Монета не явилась какъ бы представителемъ нужды по всеобщему соглашенію'

Итакъ, деньги Аристотель разсматриваетъ какъ мѣру цѣнности.

Глава XI.

КРИТИКА УЧЕНІЯ ПЛАТОНА.

Кромѣ этихъ сужденій обще экономическаго характера, мы находимъ у Аристотеля чрезвычайно интересную критику системы платоно-

ского коммунизма.

Въ столкновеніи этихъ двухъ умовъ мы имѣемъ наиболѣе раннее извѣстіе въ исторіи мысли, полемику между индивидуализмомъ и соціализмомъ, которая ведется потомъ на протяженіи всей новѣйшей исторіи. Аристотель подвергаетъ разбору одну основную мысль экономической системы Платона—общность имущества, изслѣдуя, насколько цѣлесообразна или соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ задачамъ общность имущества. На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ, основываясь на сообразныхъ общихъ и спеціальныхъ: экономическихъ и политическихъ. Онъ останавливается на вопросѣ, въ какой степени вообще можетъ быть проведено единство, т.е., въ какой степени общество можетъ поглощать всякое проявленіе личности.

Аристотель говоритъ: "я говорю о единствѣ, какъ о преимущественномъ условіи наилучшаго состоянія всякаго государства...Очевидно, что государство, уподобленное въ единство больше, чѣмъ сколько нужно, уже не государство, потому что государство по природѣ своей множество. Слѣдовательно, будучи единствомъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, изъ государства оно дѣлается уже семьей, а изъ семьи однимъ человѣкомъ, потому что семья болѣе едина, чѣмъ государство, а одинъ человѣкъ единичнѣе самой семьи. Посему, хотя бы и можно достигнуть крайняго единства государства, тѣмъ не менѣе этого не должно дѣлать, такъ какъ это рѣшительно уничтожитъ государство. Государство состоитъ не только изъ многихъ людей, но и изъ различныхъ, а изъ одинаковыхъ не образуется государство"...

Обыкновенно, когда сторонники индивидуализма возражаютъ пред-

ставителямъ соціализма, часто они другими словами, въ другихъ понятіяхъ повторяютъ этотъ аргументъ, высказанный Аристотелемъ, именно, что опека государства надъ личностью, это расширеніе области государства, которое безусловно связано съ болѣе или менѣе послѣдовательнымъ соціализмомъ, является опасной благодаря тому, что оно можетъ оказать угнетающее вліяніе на личность. Не слѣдуетъ, впрочемъ, при этомъ забывать, что для Аристотеля личности въ современномъ смыслѣ тогда еще не существовало.

Такова общія соображенія Аристотеля объ экономической системѣ Платона. Но къ нимъ присоединяются еще и частныя. Аристотель останавливается надъ вопросомъ о томъ, насколько цѣлесообразно имѣть поле въ общемъ пользованіи и приходитъ къ тому заключенію, что общественное землепользованіе нецѣлесообразно, и что цѣлесообразнѣе установленіе частнаго и общественнаго землепользованія вмѣстѣ, при чемъ, что въ одномъ случаѣ наилучшимъ способомъ землепользованія является частное, а въ другомъ общее. Затѣмъ Аристотель не согласенъ съ Платономъ въ вопросѣ о женскомъ равноправіи.

"Странно, основываясь на сравненіи людей съ животными, утверждать, что женщины должны заниматься тѣмъ же самымъ, что и мужчины, между тѣмъ какъ въ бытѣ животныхъ нѣтъ мѣста никакой семейной дѣятельности."

Затѣмъ онъ указываетъ еще и то, что Платономъ недостаточно было обращено вниманія на вопросъ о размноженіи населенія. Онъ считаетъ этотъ вопросъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ общественнаго существованія и упрекаетъ Платона, что онъ недостаточ-

не регулируетъ дѣторожденіе.

"Можно думать, что скорѣе слѣдуетъ опредѣлить дѣторожденіе, чѣмъ имущество, такъ, чтобы рожденій было не болѣе опредѣленнаго числа. Какъ же это можно опредѣлить, имѣя въ расчетъ случаи смерти родившихся и случаи безплодныхъ браковъ. Если не оставить этотъ вопросъ безъ вниманія, то результатомъ такой несправедливости, какъ дѣйствительно во многихъ государствахъ и бываетъ, должна быть бѣдность гражданъ, а бѣдность производитъ безпорядки и злодѣянія"...

Такимъ образомъ, тревога Мальтуса, опасенія, что населеніе можетъ превысить средства существованія, что чрезмѣрный ростъ населенія можетъ подорвать государственное благополучіе, хотя бы идеально устроеннаго государства, научили ихъ этимъ опасаться Аристотель. Не видите ли вы, что одинъ изъ самыхъ основныхъ, серьезныхъ и мучныхъ вопросовъ соціально экономическаго устройства, возбуждавшій столько страстей въ новое время, подвергается обсужденію въ спорѣ двухъ величайшихъ философовъ древняго міра.

Аристотель самъ не указываетъ идеальнаго устройства государства, онъ даже не считаетъ возможнымъ найти такое устройство, ибо различныя формы государства могутъ быть наиболѣе соотвѣтствующими при различныхъ условіяхъ и у различныхъ народовъ ихъ потребностями. Достаточно только если представители верховной власти дѣйствуютъ въ интересахъ общаго блага и въ такомъ случаѣ политическое устройство будетъ необходимо правильнымъ. Но онъ различаетъ основныя фор-

ми государства, при чем каждую форму онъ разсматриваетъ въ ея нормальныхъ, естественныхъ вырожденіяхъ. Такими формами нормальнаго государства являются: монархія, аристократія и республика, вырождающіяся въ тиранію, олигархію и демократію. Монархія есть господство одного, основанное на справедливости, добродѣтели, служеніи общимъ интересамъ, въ противоположность извращенной формѣ - тиранніи, при которой государство становится вотчиной властолюбія одного лица. Аристократія - форма, при которой правленіе немногихъ основано на ихъ преданности государственнымъ интересамъ, ихъ способностяхъ и образованіи. Аристократіи соотвѣтствуетъ извращенная форма олигархія, при которой эти немногіе пользуются своей властью для своихъ интересовъ, а не для общаго блага. Затѣмъ республика - форма государственнаго устройства, гдѣ государственная власть принадлежитъ свободнымъ гражданамъ и не употребляется для удовлетворенія классовыхъ или какихъ нибудь частныхъ интересовъ. Когда же народъ, пролетаріатъ, пользуется этой властью для своихъ классовыхъ и имущественныхъ интересовъ, тогда мы имѣемъ дѣло съ извращенной формой республики - именно съ демократіей.

Такимъ образомъ, и у Аристотеля, и у Платона слово демократія звучитъ уничтожительно, иначе, нежели для современнаго уха.

Вообще наилучшей системой государства является такая, при которой удалены крайности, соблюдена мѣра. Поэтому тамъ, гдѣ равныя состоянія, равные классы представлены наиболѣе ярко, такая форма является наилучшей.

Глава XII.

ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО У АРИСТОТЕЛЯ.

Хотя Аристотель устраняетъ принципіальную возможность нарисовать идеальное государство, тѣмъ не менѣе онъ не отказывается отъ обсужденія вопроса, какъ должна сложиться государственная форма, если люди будутъ соотвѣтствовать требованіямъ идеала нормальнаго. При такихъ условіяхъ онъ полагаетъ, что государство въ политическомъ отношеніи принимаетъ форму аристократической республики. Государственной единицей тогда будетъ греческій городъ съ округой, полисъ. Государство должно быть достаточно велико, чтобы быть независимымъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей въ предѣлахъ собственной политической территоріи, но въ то же время не должно быть слишкомъ велико, иначе будетъ неудобство для управленія. Оно должно быть какъ на ладони. Затѣмъ въ интересахъ торговли, особаго средства сношеній, а также стратегическихъ, выгоднѣе, чтобы оно лежало у моря, съ одной стороны, а съ другой стороны примыкало къ материку, вообще къ суши. Затѣмъ необходимо, чтобы плодородной землей, принадлежащей государству, пользовались всѣ нуждающіеся. Это государство для своего самосохраненія нуждается въ земледѣльцахъ, въ промышленникахъ, въ воинахъ въ капиталистахъ, въ жрецахъ и, наконецъ, въ политикахъ. Но не всѣ представители этихъ занятій могутъ стать гражданами идеальнаго государства, потому что гражданинъ идеальнаго государства долженъ быть добродѣтеленъ, а добродѣтель, какъ мы знаемъ, несовмѣстима у Аристотеля съ неблагород-

нимъ занятіемъ купца или ремесленника. У крестьянина кромѣ того для упражненія въ добродѣтели отсутствуетъ необходимый досугъ. Вопреки, вѣрный своему презрительному отношенію къ производительному труду, Аристотель въ своемъ идеальномъ государствѣ лишаетъ права гражданства всѣхъ этихъ представителей производительнаго труда. Такимъ образомъ, гражданами, отвѣтственными за государственную пользу и ведущими государственный корабль, признаются у него только воины и политики, изъ среды которыхъ избирается жрецы ТѢ, которые сколоду занимаются военной службой, состарившись переходятъ въ разрядъ государственныхъ мужей. Слѣдовательно, въ идеальномъ государствѣ Аристотеля, такъ же, какъ въ идеальномъ государствѣ у Платона, сохраняется раздѣленіе между аристократіей, пользующейся правами гражданства и обязанной классъ правителей и воиновъ, и затѣмъ безправными гражданами, которые занимаются низкимъ, т.е. производительнымъ трудомъ. Однакоже, какъ и Платонъ, онъ мало интересуется судьбой этихъ производительныхъ классовъ и заботится только о надлежащемъ устройствѣ о воспитаніи класса правителей и воиновъ. Всѣ свои заботы Аристотель прилагаетъ къ этому самому классу, оставляя изъ своихъ интересовъ классъ производительный. Среди полноправныхъ гражданъ существуетъ полное политическое равенство. Затѣмъ устанавливаются общіе обѣды по спартанскому образцу. Но это не сопровождается общностью имущества. Земля раздается здѣсь въ частную собственность. Вообще частная собственность въ этомъ государствѣ сохраняется. "Если возможно,- говоритъ Аристотель,- поле должно возделываться рабами потому что

рабы вообще являются наилучшими работниками для низких и грубых работъ" Слѣдовательно, и на фонѣ идеальнаго государства остается рабство.

Первенствующее значеніе для Аристотеля, какъ и для Платона, получаетъ забота о воспитаніи Значительная часть его книги " Политика", въ которой излагается проектъ идеальнаго государства, посвящена изложенію педагогическаго плана

Глава XIVI.

СОКРАТИЧЕСКІЯ ШКОЛЫ. КСЕНОФОНТЪ. КИРЕНСКАЯ ШКОЛА. КИНИКИ.

Ученіемъ Платона и Аристотеля собственно исчерпывается матеріалъ, непосредственно относящійся къ экономическимъ теоріямъ, оставленнымъ намъ древностью Тѣмъ не менѣе, кромѣ этихъ, прямо относящихся къ экономическимъ ученіямъ, въ системахъ чисто философскихъ и нравственныхъ школъ древности содержатся многія стороны, которыя не безразличны для экономическаго міровоззрѣнія. Поэтому съ необходимой краткостью мы остановимся и на этихъ школахъ.

Кромѣ большой прямой философской дороги, которая ведетъ отъ Сократа къ Платону, отъ Платона къ Аристотелю, отъ Сократа пошелъ еще рядъ школъ, именующихся сократическими, основанныхъ большею частью его учениками. Изъ этихъ учениковъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть Ксенофонта, не потому, чтобы онъ выдѣлялся философской значительностью, а потому что его перу принадлежитъ драгоцѣнный ключъ

заглавіемъ "Экономика". Однако этотъ трактатъ не имѣетъ народнохозяйственнаго содержанія, скорѣе онъ напоминаетъ содержаніемъ домострой, т.е. содержитъ указанія относительно домоводства, частнаго хозяйства преимущественно практическаго характера. Такъ высказывается между прочимъ предпочтеніе земледѣлія передъ обрабатывающей промышленностью. Ксенофонтъ вообще консерваторъ и такъ какъ развитіе промышленности, какъ мы знаемъ, сопровождалось въ Аѳинахъ большими соціальными, до извѣстной степени политическими осложненіями, то онъ хотѣлъ возвратиться къ прежнему, болѣе простому, аграрному строю жизни, впрочемъ, онъ допускаетъ и промышленность. Вмѣстѣ съ другими современниками Ксенофонтъ признаетъ и рабство, при чемъ даже совѣтуетъ хорошо обращаться съ рабами, избѣгая ихъ бѣгства. Ксенофонтъ не основалъ своей философской школы, какъ многіе другіе ученики Сократа, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поименованъ Антисѳенъ, основатель такъ называемой кинической или киническої школы. Болѣе извѣстенъ другой представитель киническої школы знаменитый Діогенъ Синопскій, или сумасшедшій Сократъ, или какъ его звали "песъ", отсюда и названіе школы киническої отъ слова κύων = собака. Изъ послѣдователей Діогена заслуживаетъ упоминанія Кратесъ изъ Ѳивъ, который отказался отъ значительнаго богатства и велъ киническую жизнь съ супругой Гиппархіей. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она совершенно поглощается болѣе значительной школой стоиковъ. Но съ первыхъ вѣковъ нашей эры они опять появляются въ видѣ странствующихъ проповѣдниковъ съ проповѣдью опроверженія. Что касается положительнаго содержанія ихъ ученія, рав-

подуменне къ области теоретической философіи, они сосредоточивать вниманіе въ областяхъ практическои, нравственной философіи. Высшее благо они видятъ въ внутренней свободѣ человѣка, въ силѣ его духа. Этой силой духа является добродѣтель, при чемъ проявляется она въ способности воздерживаться отъ всего внѣшняго, всякихъ наслажденій. Добродѣтель выражается нечувствительностью къ страданіямъ и въ способности подавленія страстей. Отсюда совершенно отрицательное отношеніе этой школы къ богатству, къ накопленію богатствомъ и, слѣдовательно, къ какому бы то ни было классическому хозяйству и веденію промышленности. Ихъ воззрѣнія можно характеризовать какъ аскетическія. Богатство они считаютъ не только не нужнымъ, но и прямо вреднымъ и идеаломъ киниковъ является многотрудная жизнь Геркулеса, который всю свою жизнь переходилъ отъ подвига къ подвигу, подвергался насмѣшкамъ и поношеніямъ. Такой идеалъ нельзя было только проповѣдывать, его нужно было воплотить, выразить въ себѣ, и воплотителемъ этого идеала въ жизни явились видные представители этой школы и, прежде всего самъ Діогенъ. Образъ жизни Діогена вошелъ въ пословицу. Нельзя пересказать всѣхъ анекдотовъ, которые связаны съ его жизнью, съ его простотой, съ его отсутствіемъ потребностей. Онъ доводилъ это пренебреженіе къ внѣшнему благу до цинизма, понятіе котораго непосредственно и связано съ киническою или циническою школой. Отрицая стыдъ, онъ удовлетворялъ всѣ свои потребности публично, бросая вызовъ естественному чувству стыда. Согласно основному ученію кинической школы, мудрецъ живетъ не по писанному, а по внутреннему закону мудрости

и добродѣтели. Этотъ внутренній законъ не совпадаетъ съ писаннымъ закономъ, поэтому у киниковъ появляется идеи естественнаго закона, естественнаго права, существующаго рядомъ съ писаннымъ закономъ, или съ положительнымъ правомъ и стоящаго выше его и, въ случаѣ конфликта, его отрицающаго Поэтому киники относятся отрицательно къ государству устанавливающему формы жизни и стремятся къ природѣ, къ опрощенію Этотъ идеалъ опрощенія и выражалъ въ своей жизни учитель кинизма и, исходя изъ противопоставленія природы и законовъ, киники отрицаютъ всѣ общественныя установленія и культуру, при чемъ нѣкоторые заходили такъ далеко, что ставили въ образецъ людямъ животныхъ, которые живутъ по естественнымъ законамъ и, подражая этимъ образцамъ, грубо попирали чувство стыдливости Киники отвергали государство, культуру, они отвергали бракъ, семью и всѣ вообще формы организованнаго человѣческаго общежитія Вмѣсто благоустроеннаго государства идеаломъ для нихъ является хаотическое стадо, при чемъ это стадо не налагаетъ никакихъ обязанностей на своихъ членовъ Отсюда отрицаніе всякихъ гражданскихъ обязанностей. Діогенъ первый назвалъ себя космополитомъ и всю землю считалъ своимъ отечествомъ Если вспомните насколько греческая мысль была связана съ полисомъ, съ національной и мѣстной ограниченностью, то можно констатировать какъ знаменательна эта мысль, которая получила развитіе въ стоической философіи Идеальное государство для киниковъ есть человѣческое стадо, не знающее ни внѣшнихъ границъ, ни учрежденій, ни денегъ, ни семьи, ни культуры ни науки ни искусства, однимъ словомъ это - проповѣдь соціальнаго эмбріонизма полной

соціальной хаотичности Конечно эта проповѣдь не имѣла сколько-нибудь широкаго успѣха, хотя имѣла довольно много представителей, потому что если вы представите себѣ эту теорію широко развившейся въ обществѣ и переходящей въ жизнь, то очевидно греческое государство было бы подвергнуто разложенію.

Въ полную противоположность кинической школѣ развивается другая, киренская съ основателемъ ея Аристиппомъ. Если киники исходили изъ подавленія удовольствія чувственности и наслажденія, то киренаики исходили изъ признанія цѣли жизни въ удовольствіи и наслажденіи, но для того чтобы продлить и вообще сдѣлать наибольшимъ удовольствіе и наслажденіе, необходимо разумное поведеніе, разумная умѣренность. Эта умѣренность, въ которой выражается мудрость, нужна не для отказа отъ удовольствія; а для господства надъ нимъ и болѣе расчетливаго пользованія имъ. Одному изъ основателей школы Аристиппу приписываютъ характерное выраженіе, сказанное имъ про его подругу, гетеру Лансу " я ею обладаю, а не она мною обладаетъ:" "Ἔχω, οὐκ ἔχομαι".

По отношенію къ богатству отсюда вытекаетъ то же отношеніе умѣреннаго и благоразумнаго пользованія. Киренская школа не отрицала богатства, но въ то же время не порабощается ему, соблюдая свободу и мѣру. Изъ этой школы заслуживаетъ упоминанія Ѳеодоръ подъ названіемъ атеистъ, который проповѣдывалъ грубый эгоизмъ -это слѣдующая, болѣе грубая стадія развитія киренской школы, и затѣмъ Ѳегезій, знаменитый проповѣдникъ самоубійства, который, исходя изъ признанія наслажденія цѣлью жизни, но, находя, что количество на-

сланденія менѣе количества страданій въ жизни, считалъ единственно разумнымъ выходомъ изъ жизни добровольное самоубійство Это ранній провозвѣстникъ пессимизма. Гегезій обладалъ такимъ краснорѣчіемъ что проповѣди самоубійства, что по преданію царь Птолемей запретилъ ему лекціи на эту тему и онъ получилъ характерное названіе "проповѣдника смерти" Такимъ образомъ, сократическій идеалъ о благѣ и нормальномъ поведеніи развивается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ и это развитіе приводитъ къ образованію двухъ сократическихъ школъ.

Но въ это время въ самой греческой жизни произошла довольно крупная перемѣна, несомнѣнно повліявшая на развитіе мысли и на развитіе идеаловъ. Самостоятельность греческой демократіи, греческихъ полисовъ, мелкихъ греческихъ государствъ, которой такъ дорожили греки и съ которой было такъ много связано, рухнула. Политическая свобода исчезаетъ сначала подъ игомъ македонскаго владычества и затѣмъ подъ желѣзной властью римлянъ. Исчезаетъ самостоятельная общественная дѣятельность, полисъ разрушается, на греческой почвѣ не можетъ больше явиться ученія объ устройствѣ этого полиса, уже не могутъ возникнуть тѣ вопросы, которые волновали Платона и Аристотеля, потому что самостоятельная жизнь общества утрачена. Самостоятельной остается область частныхъ отношеній, регулирующаяся частнымъ правомъ и затѣмъ-моральныхъ. Поэтому дальнѣйшее ученіе углубляетъ, главнымъ образомъ, моральныя стороны общественнаго вопроса. Этому содѣйствуетъ дальнѣйшее обостреніе морального и религіознаго кризиса, который начался въ эпоху софи-

снова и продолжается неудержимо все время. Эта эпоха даетъ философскую школу, пріобрѣтшую очень громкую извѣстность и имѣвшую очень большое значеніе, какъ въ исторіи мысли даже и въ самой жизни античной древности и даже въ позднѣйшее время, именно стоическую школу.

Глава XIV.

СТОИЧЕСКАЯ ШКОЛА. АНАРХИЗМЪ ЗЕНОНА. ПРОПОВѢДЬ ГУМАННОСТИ ВЪ СТОИЦИЗМѢ.

Стоическая школа, хотя и возникаетъ сначала въ Греціи, но не пріурочивается въ такой степени къ чисто греческимъ, мѣстнымъ условіямъ, какъ ученіе Сократа, Платона и Аристотеля. Здѣсь не чувствуется духа аттической демократіи, красоты греческаго города. Большинство основателей стоицизма происходитъ съ востока и этотъ восточный универсализмъ, который связанъ съ развитіемъ восточнаго государства и съ преобладаніемъ настроеній востока, онъ вноситъ въ греческую жизнь, въ греческую школу. Затѣмъ стоическая школа имѣетъ выдающихся представителей среди римлянъ, имена которыхъ достаточно упомянуть всемірно-извѣстныя имена философа безвѣстнаго царя Марка Аврелія, раба Эпиктета. Представитель стоической школы и основатель стоицизма Зенонъ родился въ 366 г. въ Киѳеонѣ, переселившись въ Аѳины, онъ основалъ школу въ портикѣ Στοά, откуда получаетъ названіе школы стоической. Согласно принципамъ школы, Зенонъ со временемъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ Зенона сохра-

БИБЛИОТЕКА

явились одни отрывки, по которымъ приходится реконструировать его міровоззрѣніе Результаты этой реконструкціи чрезвычайно интересны въ томъ отношеніи, что они позволяютъ видѣть въ Зенонѣ античнаго провозвѣстника нравственнаго анархизма, нѣтъ такое распространеніе и значеніе въ позднѣйшее время и въ частности въ нашу эпоху. Зеноновскій анархизмъ связывается съ общими идеями стоической школы, о которой мы будемъ говорить ниже, и въ частности съ идеями естественнаго состоянія, появившимися, какъ мы видѣли, еще у киниковъ Призывъ къ возвращенію къ природѣ и идеализація первобытнаго состоянія являются особенностью Зенона Онъ принимаетъ выводъ киниковъ объ ограниченіи потребностей и объ опрощеніи. Первое стремленіе человѣка, по мнѣнію Зенона, есть самосохраненіе, второе – общеніе съ людьми Изъ этихъ двухъ качествъ вытекаетъ справедливость и любовь къ людямъ Жить въ согласіи съ природой и въ согласіи съ людьми—есть идеалъ общества Въ развитіи этого идеала Зенонъ сознательно переходитъ границы націи и провозглашаетъ космополитическое ученіе Онъ не хочетъ при этомъ слышать о всемогуществѣ государства, о государственной опекѣ и регламентаціи Регламентацію онъ переноситъ во внутрь человѣка, въ его нравственный міръ Насколько человѣкъ будетъ предусмотрителенъ и захочетъ развить естественныя стремленія, настолько онъ будетъ полонъ любви, справедливости и согласія, гармоніи Естественный законъ повелѣваетъ любить ближняго, поэтому всѣ, кто носятъ человѣческое лицо должны быть связаны любовью, какъ бы въ нѣкоторомъ эротическомъ союзѣ, какъ бы въ союзѣ, воплощающемъ влюбленность.

тамъ, гдѣ царитъ любовь, отпадаетъ полиція, судъ и всѣ трудныя и сложныя проблемы хозяйства и распредѣленія. Здѣсь не нужно ни гимназій, ни наукъ, ни брака, вообще учрежденій культурныхъ и государственныхъ. Не нужно государственной религіи, разъ найдено истинное отношеніе къ Богу, не нужно денегъ и цѣнныхъ средствъ, разъ найдена внутренняя основа для хозяйственнаго единенія. Однимъ словомъ, въ идеалѣ Зенона провозглашается любовь и свобода. Подобно Платону, повидимому и онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія равенства половъ. Это можно заключить изъ того, что онъ предполагаетъ, чтобы мужчины и женщины одѣвались въ одни и тѣ же костюмы безъ различія. Въ этомъ ученіи Зенона провозглашены многія нравственныя идеи, которыя потомъ полнѣе и рѣшительнѣе выражала стоическая школа. Стоическая школа развиваетъ ученія, касающіяся какъ религіи, такъ и метафизики, физики, нравственности и общественныхъ вопросовъ. Но основное настроеніе этой школы религіозно-нравственное и главное значеніе имѣетъ ея нравственная проповѣдь.

По обычному ученію стоиковъ міромъ управляетъ божество, которое есть абсолютное начало, съ одной стороны, міра, а съ другой - всѣхъ формъ, свойствъ и отношеній. Божество есть міръ, вселенная, нѣкоторая физическая субстанція, изъ которой созданы всѣ тѣла, имѣетъ съ тѣмъ оно содержитъ въ себѣ логосъ, универсальный разумъ, который опредѣляетъ собой формы, свойства, отношенія и законы, который одушевляетъ природу и сообщаетъ сознаніе организмамъ. Это божество есть, съ одной стороны, міровая субстанція, а съ другой стороны разумное начало νοῦς, благое Провидѣніе. Исходя изъ

этой вѣры, міровоззрѣніе стоиковъ отличается, съ одной стороны фатализмомъ, при которомъ нѣтъ ничего случайнаго, все предопредѣлено, съ другой стороны - оптимизмомъ, потому что они признаютъ, что эта связь есть чудесъ разума, міровой логосъ. Человѣкъ подчиненъ этому року, судьбѣ, которой опредѣляетъ всю вселенную, онъ не можетъ уйти отъ его власти, но онъ можетъ, познавъ его, ему подчиниться и въ этомъ заключается человѣческая свобода Такъ какъ человѣческая душа есть частица или истеченіе міровой души, слѣдовательно, самого логоса, находящейся въ связи съ міровымъ логосомъ, то она способна познавать волю и жить отъ неё И такъ какъ человѣкъ основалъ обязанности то обязанности это должно быть основано на этихъ началахъ высшей мудрости и вѣсти съ тѣмъ и высшей свободы. Тотъ, кто слѣдуетъ разуму и его велѣніямъ, есть истинный мудрецъ, тотъ одинъ свободенъ, потому что внутренне солидаренъ съ міровымъ логосомъ. Исходя изъ общаго убѣжденія разумности всего сущаго и признанія этого міра разумнымъ, стоическая философія ставитъ задачу для человѣка сознательно опредѣлить свое мѣсто въ мірѣ и жить въ немъ сообразно съ природой. Ученіе о естественномъ состояніи и объ естественномъ правѣ, которое нужно найти и осуществить въ положительномъ и естественномъ состояніи ὁμολογουμένως τῇ φύσει ζῆν, является основнымъ ученіемъ стоиковъ. Человѣкъ есть (вслѣдъ за Аристотелемъ повторяютъ они) существо общительное стадо быть, онъ долженъ жить какъ органическій членъ соціальнаго тѣла Наилучшее для мудреца благо есть добродѣтель и зло есть только порокъ, все остальное, чѣмъ тѣмъ дорожатъ люди:

жизнь, здоровье, честь, имущество, богатство- не есть самостоятельное благо, это есть вещи безразличния, они получаютъ то, или иное значеніе въ зависимости отъ того морального коэффиціента которымъ они сопровождаются. слѣдовательно, въ зависимости отъ того, на что употребляется эта жизнь, на что расходуется богатство, на что расходуется здоровье Поэтому все, что обыкновенно считается зломъ: несчастье, смерть, болѣзнь, безчестье бѣдность все это не есть зло, потому что они мудрецомъ могутъ быть переносимы въ совнательной покорности судьбѣ. Въ этомъ своемъ ученіи о безразличныхъ вещахъ стоики не заходятъ такъ далеко, какъ киренаики, потому что они даютъ сравнительную распѣнку благъ жизни, но все таки, прежде всего, они спрашиваютъ объ ихъ моральной цѣнности. Стоицизмъ былъ широко распространенъ въ обществѣ, какъ популярная моральная философія, оказавшая большое и притомъ положительное вліяніе на древній міръ. Во время послѣднихъ вѣковъ передъ Р. Х. были обычны философы, учителя, исполнявшіе роль домашнихъ капелановъ, иногда духовниковъ, учителей мудрости, исповѣдниковъ и т д. Стоическіе писатели оставили міру много высокихъ страницъ, непосредственно приближающихся къ настроенію христіанскаго міра. Таковы: Сенека, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій и другіе. Для насъ наиболѣе интересны, конечно, тѣ стороны ученія стоиковъ, которыя непосредственно затрагиваютъ соціальныя отношенія, соціальныя нужды Здѣсь ученіе стоиковъ характеризуется возвышеннымъ гуманизмомъ. Это есть самое высокое, что имѣло древнее человѣчество до — христіанскаго міра; ибо стоическая философія, съ одной стороны, признаетъ въ

свободѣ, а съ другой заставляетъ признавать въ человѣкѣ братьевъ и дѣтей одного отца. Съ другой стороны, такое возвышенное пониманіе человѣка и его природы располагало къ идеѣ общаго братства и освобожденія ихъ отъ замкнутости древне греческаго и даже римскаго гражданина. Mundus est nobis patria. Міръ намъ отечество такъ разсуждали стоики. Человѣкъ чувствуетъ себя въ стоицизмѣ гражданиномъ вѣчнаго города. Мудрецъ не принадлежитъ государству или городу, онъ принадлежитъ обществу мудрецовъ какъ членъ града Божіяго или какъ членъ стоической церкви философовъ: Dei socii sumus et membra. Вотъ ту идею универсальнаго "града Божіяго" которая позднѣе является у Августина до извѣстной степени зарождается въ стоицизмѣ. Такое ученіе располагало къ отрицательному отношенію къ рабству и, дѣйствительно стоическая философія, какъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться конкретнѣе сегодня, очень много сдѣлала для смягченія рабства и для духовной борьбы съ рабствомъ. Впрочемъ, говоря о положительной сторонѣ стоицизма нельзя не упомянуть и объ отрицательной, именно о тѣхъ выводѣ, которыя сами стоики дѣлали изъ своего ученія о свободѣ мудреца доходящей до права располагать собою. Это ученіе въ связи съ настроеніемъ упадочности, утомленія жизнью которой характеризуется античный міръ, привело къ систематической проповѣди самоубійства. Самоубійство у стоиковъ возводится вообще въ нормальный исходъ жизни. Почитайте Сенеку. У него много краснорѣчивыхъ глубокихъ страницъ посвящено восхваленію, апофеозу самоубійства. И самъ Сенека, какъ многіе стоики, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Этимъ стоицизмъ

характеризуется, какъ ученіе эпохи упадочности, тѣмъ не менѣе его вліяніе на античный міръ было оздоровляющимъ, потому что его проповѣдь обязанности мужества, нравственности, его высокое понятіе о бракѣ содѣйствовало тому, что республиканская доблесть въ послѣдніе годы республики вспыхнула яркимъ пламенемъ, передъ тѣмъ, какъ самая республика отошла въ вѣчность.

Полной противоположностью стоической школы является въ своихъ исходныхъ пунктахъ эпикурейская школа, составлявшая продолженіе киренской. Основатель этой школы - Эпикуръ родился въ 352 г. на Самосѣ и училъ въ Аѳинахъ. Изъ послѣдователей этой школы въ литературномъ отношеніи выдѣляется только Лукрецій, написавшій поэму "О природѣ вещей". Благодаря тѣсной дружбѣ членовъ этой школы и устной традиціи, восполнявшей недостаточность развитія литературы, ученіе это сохранилось до IV вѣка послѣ Р.Х. и эпикурейская школа, въ противоположность стоической, стоитъ на строго матеріалистической и аскетической точкѣ зрѣнія, а высшимъ благомъ жизни считаетъ наслажденіе. Міръ для эпикурейцевъ есть механическая система атомовъ. Боги это - блаженныя матеріальныя существа, существующія между мірами и не имѣющія къ нимъ никакого отношенія. Человѣкъ въ короткое время своей жизни долженъ наиболѣе разумно ее использовать. Самъ Эпикуръ и эпикурейцы проповѣдывали принципъ разумной умѣренности и самообладанія въ наслажденіи. Что интересно для насъ въ эпикурейской школѣ - это ученіе объ естественномъ правѣ и общественномъ договорѣ. Естественное право осно-

вается на общественномъ договорѣ, который заключается въ обезпеченіи взаимнопомощи и безопасности. Поэтому Эпикуръ является ранними предвозвѣстникомъ договорной теоріи общества.

Глава XX.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ У РИМЛЯНЪ.

Римскіе писатели по экономическимъ вопросамъ не дали систематически разработаннаго ученія о народномъ хозяйствѣ. У нихъ мы находимъ лишь разрозненныя замѣчанія или ученія, относящіяся болѣе къ домашнему хозяйству. У Цицерона, Сенеки, Плинія старшаго мы встрѣчаемъ выраженія сожалѣнія объ упадкѣ промышленности въ связи съ упадкомъ нравовъ. Но собственнаго экономическаго плана у нихъ нѣтъ. Плиній сожалѣетъ, что золото стало орудіемъ обмѣна и денежному предпочитаетъ обмѣнъ натуральный. У него, слѣдовательно, наблюдается то же настроеніе, что и у Ксенофонта. Катонъ, Варронъ и Колумелла занимаются изученіемъ условій экономической жизни. Они понимаютъ при этомъ, что свободный трудъ цѣннѣе рабскаго. Поэтому къ моральному осужденію работы, которое мы находимъ у стоиковъ, здѣсь присоединяется чисто экономическая оцѣнка рабскаго труда, какъ труда менѣе производительнаго. У нихъ также замѣчается стремленіе къ возрожденію земледѣлія; при этомъ у нихъ обсуждается вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ крупнаго и мелкаго хозяйства, который обсуждается въ политической экономіи и въ наше время, при чемъ Колумелла является рѣшитель-

нимъ сторонникомъ мелкой культуры, выставляется за мелкое хозяйство.

Всѣ эти писатели неодобрительно относятся къ отдачѣ денегъ въ ростъ. Аристотелевское отношеніе къ процентамъ на капиталъ раздѣляется и ими. Нужно замѣтить, что по римскому законодательству, согласно древнѣйшимъ законамъ и законамъ XII таблицъ, размѣръ процентовъ былъ опредѣленъ закономъ, а закономъ Генуція въ 341г. до Р.Х. отдача денегъ въ ростъ была совсѣмъ запрещена. Катонъ считаетъ отдачу денегъ въ ростъ столь же гнусной, какъ и убійство. Цицеронъ Плиній, Колумелла и Сенека осуждаютъ ростъ денегъ столь же энергично, какъ и Катонъ. Вотъ въ сущности то немногое, что можно найти по части экономическихъ вопросовъ у этихъ писателей.

Глава XVI.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ДРЕВНЯГО МІРА ВЪ СВЯЗИ СЪ РАБСТВОМЪ.

Прежде чѣмъ пойти дальше, я остановлю ваше вниманіе на самой краткой характеристикѣ того общаго экономическаго состоянія, въ которомъ находились и Греція, и Римъ въ эпоху упадка античнаго міра въ концѣ республики и послѣ, въ первые вѣка имперіи. Это знакомство необходимо въ особенности для того, чтобы понять значеніе рабства въ древнемъ мірѣ. Существованіе рабства и вопросъ о рабствѣ есть во всякомъ случаѣ настолько отличительная черта хозяйственной жизни и мысли древняго міра Рима, что нашъ не-

обходимо остановиться на отношеніи различныхъ писателей къ этому вопросу; какъ необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ понять, чѣмъ было рабство въ древнемъ мірѣ, каково было его экономическое значеніе. Происхожденіе рабства и въ Греціи, и въ Римѣ стоитъ въ связи съ политической исторіей этихъ государствъ, съ тѣми войнами и завоеваніями, которыя они вели. Общее значеніе этихъ войнъ сводится къ тому, что, съ одной стороны, они разворяли населеніе, поскольку оно участвовало въ этихъ войнахъ. Крестьяне отрывались отъ своего земледѣлія и хозяйство разрушалось, или, во всякомъ случаѣ терпѣло ущербъ. Съ другой стороны, успѣшныя войны обогащали страну какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ и, что еще важнѣе, даровымъ рабскимъ трудомъ, такъ какъ военно-плѣнныхъ обращали въ рабовъ. Слѣдовательно, успѣшныя войны одновременно подрывали благосостояніе свободнаго трудящагося населенія и расширяли контингентъ рабскаго труда. Поэтому продолжительныя войны, составлявшія въ извѣстномъ смыслѣ политическую основу древняго міра, сами по себѣ приводили къ вытѣсненію свободнаго труда трудомъ рабскимъ. Но это обострялось еще цѣлымъ рядомъ экономическихъ условій иного порядка.

Когда земледѣльческое населеніе Греціи послѣ паденія греческой демократіи подъ македонскимъ владычествомъ, начинаетъ разворяться, оно устремляется въ города для того, чтобы искать заработка въ промышленности. Но во первыхъ, эти крестьяне оказываются плохими промышленными рабочими, во вторыхъ, эта рабочая сила оказывается слишкомъ дорогой для тогдашней промышленности и не вы-

комъ случаѣ значительно дороже, чѣмъ рабскій трудъ Раба, денежный трудъ, вытѣснитъ свободныхъ рабочихъ и на городскихъ рынкахъ Примѣненіе рабскаго труда становится настолько выгодно, что развивается систематическое похищеніе рабовъ и работорговля Островъ Хіосъ первый завелъ рабовъ Затѣмъ такіе крупные центры, какъ Коринѳъ, Аѳины, Этна, Сиракузы стали также центрами скопленія рабовъ Было бы преувеличеніемъ думать, что свободный трудъ былъ совершенно вытѣсненъ трудомъ рабскимъ. Напротивъ, наемный рабочій остается на ряду съ рабомъ Тѣмъ не менѣе свободный рабочій встрѣчалъ въ рабѣ серьезнаго себѣ соперника и нерѣдко не могъ обходиться безъ чрезвычайной помощи со стороны государства, иногда въ формѣ государственнаго продовольствія. Рабы отнимали хлѣбъ у многихъ свободныхъ гражданъ и тѣмъ самымъ лишали ихъ средствъ существованія. Съ другой стороны, они ставили государство въ необходимость озаботиваться объ ихъ существованіи болѣе прямымъ путемъ, путемъ государственной раздачи хлѣба, денегъ и мяса, или путемъ возложенія на богатыхъ гражданъ обязанности производить такую раздачу. Пока государство было могущественно въ торговомъ и политическомъ отношеніи, оно могло эту задачу выполнять, но какъ только могущество его пошло на убыль, наступаетъ непрерывное уменьшеніе народнаго благосостоянія и поступательное сокращеніе населенія. Такого количества безработнаго и голоднаго пролетаріата въ городахъ, которое скопилось въ ту эпоху, даже современный капиталистическій міръ не знаетъ, по сужденію историка (Мейеръ).

Что касается Рима, то происхожденіе рабства здѣсь стоитъ въ

связи съ міровымъ господствомъ Римской имперіи. Римъ, когда начиналъ свои завоевательную дѣятельность, представлялъ собою крестьянскую республику, основавшуюся на трудовомъ крестьянствѣ. Какъ я уже отмѣтилъ, это крупное крестьянство, благодаря непрерывнымъ войнамъ, терпѣло ущербъ въ своемъ хозяйствѣ. Оно впадаетъ въ задолженность, благодаря которой самостоятельность его падаетъ. Въ это самое время Римъ, завоевавшій провинціи, представлявшія богатѣйшія житницы, заставляетъ эти провинціи платить себѣ хлѣбную дань. Изъ Африки и Азіи въ Римъ ввозится денежный или даже даровой хлѣбъ. Мы будемъ изучать въ свое время аграрный кризисъ современности. Онъ обусловленъ и конкуренціей болѣе дешеваго хлѣба, производимаго въ странахъ съ свободной землей, съ хлѣбомъ, производимымъ при болѣе тѣсномъ населеніи и при болѣе дорого стоящихъ экономическихъ условіяхъ. Но если въ настоящее время аграрный кризисъ вызывается только разницей въ условіяхъ производства хлѣба то какъ долженъ былъ быть тяжелъ и остръ аграрный кризисъ въ Римѣ, когда онъ постигалъ обезсиленныхъ и безъ того крестьянъ и когда близлежащія провинціи снабжали Италію дешевымъ хлѣбомъ. Вліяніе аграрнаго кризиса должно было само по себѣ проявиться здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Къ этому аграрному кризису присоединяется еще конкуренція рабскаго труда. Даже въ крестьянскомъ хозяйствѣ, благодаря отсутствію крестьянина вслѣдствіе военнаго времени, принуждены были часто прибѣгать къ услугамъ рабскаго труда. Но вѣрѣ того, какъ война снабжала страну рабами, стали основываться крупныя предпріятія на рабскомъ трудѣ. Образовавшіеся денежные капитали

охотно и легко затрачивались на покупку земли, не потому, чтобы это представлялось очень выгоднымъ, но потому, что разбогатѣвшая знать считала для себя лестнымъ имѣть земли. И, такимъ образомъ, эти мелкіе крестьянскіе участки постепенно скопляются въ огромныя латифундіи.

Эти латифундіи и погубили Римъ.

Эти латифундіи воздѣлывались рабами, такимъ образомъ, вмѣсто крестьянскаго хозяйства, служившаго основой республики, постепенно образуются громадныя рабовладѣльческія латифундіи, при чемъ населеніе въ деревняхъ уменьшается, благодаря отливу свободнаго населенія съ земли, а самый типъ хозяйства измѣняется.

Въ настоящее время въ Англіи подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса зерноводство вытѣсняется скотоводствомъ. Этотъ же самый симптомъ аграрнаго кризиса мы наблюдаемъ въ древнемъ Римѣ. Благодаря тому, что продукты скотоводства, въ видѣ мяса и продуктовъ молочнаго хозяйства, находили болѣе обезпеченный рынокъ, оказывается выгоднѣе вести луговое хозяйство, нежели зерновое хозяйство. Такимъ образомъ, происходитъ двойное вырожденіе сельскаго хозяйства. Этимъ создалось то положеніе бывшихъ создателей римскаго величія, о которомъ Тиверій Гракхъ имѣлъ полное основаніе говорить слѣдующее: "Дикіе звѣри въ Италіи имѣютъ свои норы и логовища, у людей же, которые сражаются и умираютъ за Италію, не осталось ровно ничего, кромѣ воздуха и свѣта. Бездомные и безпріютные они блуждаютъ повсюду съ женами и дѣтьми! И полководцы говорятъ неправду, побуждая воиновъ во время битвы отстаивать свои гробницы

и домашніе алтари: ни у одного изъ такого множества римскихъ воиновъ нѣтъ ни домѣ ни отцовскаго очага, ни усыпальницы предковъ! Они - эти люди, которыхъ называютъ владыками міра,- сражаются за чужое богатство, за чужую роскошь, не владѣя лично даже и клочкомъ земли!"

Внѣшнее могущество Рима оказалось разрушительнымъ для его внутренняго благосостоянія.

Что касается рабства, то послѣднее два вѣка передъ Рождествомъ Христа является временемъ наибольшаго прилива рабовъ въ Римъ. Условія и положеніе рабовъ во II и I вѣкахъ до Р.Х приводили къ грандіознымъ возмущеніямъ рабовъ, подавляющимся безпощадными кровавыми репрессіями.

Количество рабовъ въ древности опредѣляется различно. Для Греціи оно было наибольшимъ въ эпоху персидскихъ войнъ, когда богатые граждане нанимали для работъ въ Аттическихъ рудникахъ до 1000 рабовъ. Судя по этому примѣру, можно видѣть, насколько рабовъ было много. Въ Римѣ въ концѣ республики и въ началѣ императорской эры на Делосѣ, главномъ римскомъ работорговлѣ, продавалось ежедневно до 10.000 рабовъ. Затѣмъ въ императорскую эру приливъ рабовъ постепенно уменьшается.

Историкъ Мариварть опредѣляетъ общее число рабовъ въ Римѣ въ 900.000 при 600.000 свободнаго населенія. Белохъ опредѣляетъ число рабовъ въ 200.000 - 300.000. Такимъ образомъ, колебаніе при опредѣленіи количества рабовъ довольно значительно

Каково не было вліяніе рабства на свободное населеніе; какова

была судьба населенія, котораго оттѣсняло рабство отъ его труда оно, ища себѣ существованія, направлялось между прочимъ въ Римъ и составляло здѣсь городской пролетаріатъ - "плебсъ" Такъ какъ онъ и въ городѣ возможности заработка не находилъ, онъ становился какъ бы государственнымъ пенсіонеромъ Въ это время развивается система подачекъ и дарового кормленія въ Римѣ Даровая раздача хлѣба плебсу была сначала случайной, но становится регулярной съ закономъ 123 г до Р.Х. Хлѣбъ давался сначала не даромъ, а за половину цѣны, но съ 58 г. его стали раздавать совсѣмъ даромъ. Какъ велико было число получавшихъ эту субсидію? Въ Римѣ при Помпеѣ число получавшихъ поднялось до 320.000 чел ,Цезарь понизилъ его до 150.000 или 170 000 чел. Но въ 5 г до Р.Х.оно снова поднялось до 320.000чел., во 2 г.понизилось до 200.000чел.Отъ Траяна до Марка Аврелія оно поднялось до 300.000 чел ,при Септиміи Северѣ оно было опять не больше 155.000 чел Во всякомъ случаѣ это были тысячи здоровыхъ людей, получавшихъ отъ государства хлѣбъ Въ 270 г.,при Аврелианѣ, выдачи эти были сначала ежемѣсячныя.Затѣмъ онѣ сдѣлались ежедневными и каждый получалъ вмѣсто 5 modii хлѣба въ мѣсяцъ - ежедневно 2 фунта. Начиная съ Цицерона, одна пятая государственнаго дохода (такъ называемая vectigalia, т е косвенные налоги) поглощается даровыми раздачами одного только Рима. Снабженіе хлѣбомъ стоило государству въ 73 г до Р.Х 10мил сестерцій, т е 1 754 000 мар ,въ 46 г. до Р.Х.уже 77 мил сестерцій, т е 18 съ половиной милліоновъ мар Условіемъ полученія хлѣба является лишь право римскаго гражданства и осѣдлость въ Ри-

мѣ. Со времени Сентиліи Севера правильно раздается не только хлѣбъ, но и масло. Авреліанъ прибавляетъ къ этому еще свинину. Къ регулярнымъ выдачамъ хлѣба присоединялись еще выдачи чрезвычайныя, такъ называемыя largitiones, очень частыя при императорахъ. По спѣшкѣ De Champagny пролетаріи получали этихъ выдачъ въ годъ на голову населенія однимъ хлѣбомъ до 240 сестерцій, т.е. около 60 фр., не считая остальныхъ выдачъ.

Кромѣ раздачи натурой были распространены выдачи деньгами. Сначала это дѣлалось путемъ завѣщанія въ пользу римскаго народа. Напримѣръ, по 300 сестерцій оставилъ на голову Цезарь; 25 милліоновъ было оставлено для раздачи Тиверіемъ. Кромѣ завѣщаній входятъ въ обычай подарки, congiaria, которые время отъ времени дѣлали римскому пролетаріату императоры. Августъ въ 9 разъ выдалъ на голову населенія 2.885 сестерцій (705 фр.), Тиверій въ 3 раза -888 сестерцій (220 фр.), Клавдій въ 3 раза - такую же сумму. Неронъ въ 3 пріема по 1.000 сестерцій (250 фр.), Доминіанъ въ 3 раза -такую же сумму, Нерва заразъ - по 300 сестерцій (75 фр.), Троянъ въ 3 раза по 2.600 сестерцій (650фр.), Адріанъ въ 7 пріемовъ - 4.000 сестерцій (1.000 фр.), Антонинъ въ 9 разъ - 4.000 сестерцій (1.000 фр.), Маркъ Аврелій въ 7 разъ - 5.000 сестерцій (1250 фр.)

Вы видите, какъ увеличиваются эти подарки. Неудивительно, если историкъ (Allard) рисуетъ жизнь римскаго пролетарія въ то время слѣдующими чертами:

"Такимъ образомъ, отъ праздника къ празднику, отъ сюрприза къ сюрпризу течетъ жизнь римскаго пролетарія. Онъ оставляетъ по

утру сыромную комнату, которую снимаетъ посуточно, или помѣсячно въ верхнемъ этажѣ какого-нибудь высокаго дома въ Субурѣ, если только онъ не устроенъ даромъ кѣмъ-либо изъ богатыхъ или знатныхъ патроновъ. Онъ идетъ затѣмъ отъ дворца къ дворцу, предъявляя свои sportula, которыя возвращаютъ ему наполненными припасами и деньгами. Съ наступленіемъ урочнаго часа онъ несетъ свою tessera для полученія общественнаго хлѣба. Какой-либо богачъ, кліентомъ котораго онъ состоитъ, приглашаетъ его на одинъ изъ тѣхъ обѣдовъ, которыми ознаменовываются радостныя и печальныя событія, годовщины, смерти, рожденія, похороны, свадьбы, торжества вступленія въ должность, открытіе памятника и т.д. Пришелъ часъ бани: онъ идетъ въ дарового терма. Полуденные часы проводитъ онъ подъ какимъ-либо мраморнымъ портикомъ, обращеннымъ къ погасающимъ лучамъ находящаго солнца. Затѣмъ онъ окончитъ день въ театрѣ, циркѣ, въ Колизеѣ, гдѣ нѣсколько сотъ гладіаторовъ убиваютъ другъ друга за счетъ богача для его удовольствія. Онъ есть истинный царь Рима Когда онъ возвращается вечеромъ въ свою небольшую комнату, онъ можетъ сказать себѣ, будучи счастливѣе Тита: " я не потерялъ своего дня", и онъ можетъ прибавить безъ сомнѣнія: "онъ мнѣ ничего не стоилъ"...

Таково было вліяніе рабства на свободный трудъ. Оно дегредировало свободнаго рабочаго человѣка до степени государственнаго пенсіонера,, развращеннаго, пріученнаго къ тунеядству, къ систематическимъ подачкамъ государства. Это есть какъ бы нормальная форма призрѣнія бѣдныхъ и безработныхъ римскаго государства.

Если таково было отраженное вліяніе рабства на массу, то како-

во же было его прямое вліяніе на тѣхъ, которые находились подъ его игомъ,—на самихъ рабовъ. Положеніе рабовъ рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Жестокость рабовладѣльцевъ и римскихъ женщинъ относительно рабовъ иллюстрируется многими примѣрами и только позднѣе она смягчается. Этому соотвѣтствуетъ и правовое, или скорѣе бесправное положеніе римскаго раба: здѣсь рабъ приравнивается къ животному

По юридическому положенію рабъ - движимое имущество, продаваемое и покупаемое на рынкѣ. Ренье приводитъ тарифъ цѣнъ рабовъ По этому тарифу "лошадь, мулъ и рабъ стоятъ одинаково по полтора динарія за штуку". Рабъ не имѣетъ тѣхъ правъ, которыя имѣетъ свободный гражданинъ. Прежде всего, на него не распространяется семейное право. Бракъ раба и рабыни не носитъ названія брака, а разсматривается какъ сожительство (contubernium), при чемъ при продажѣ раба это сожительство не принимается въ разсчетъ и господинъ имѣлъ право разлучить мужа отъ жены, дѣтей отъ матери. Рабъ не имѣетъ права надъ своими дѣтьми, не имѣетъ права отказывать наслѣдство. Только въ позднѣйшее время онъ получаетъ это право, посредствомъ искусственнаго распространенія на него наслѣдственнаго права. Онъ не имѣетъ права собственности: то, что онъ имѣетъ, принадлежитъ его господину. Только въ позднѣйшую эпоху онъ получаетъ возможность имѣть собственность.

Вслѣдствіе этого политическое состояніе рабовъ чрезвычайно угнетенное, безпросвѣтное пьянство и развратъ, съ одной стороны, и самоубійства съ другой :- являются симптомами этого тяжелаго со-

стоянія. Въ рабѣ настолько не признается личность, что за нимъ даже не признается религія.

"Рабы не имѣютъ религіи, или не имѣютъ только чужестранныя"- говорилъ въ сенатѣ при Неронѣ Кассій. Сенека разсказываетъ такой случай, что господинъ за спасеніе жизни дочери рабомъ отдаетъ ее ему въ жены. Весь городъ былъ этимъ возмущенъ по той причинѣ, что жена, по понятіямъ римлянъ должна раздѣлять культъ и очагъ мужа, а рабъ не имѣетъ ни очага, ни культа. Поэтому бракъ свободнаго и раба невозможенъ. Рабамъ предоставлялось для своего культа входить въ особыя религіозныя коллегіи. Но между свободными и рабами въ культѣ и религіи оставалось такое же разстояніе, что и во всемъ остальномъ: "свободный человѣкъ обладаетъ и преимуществомъ, и привилегіями, и религіознымъ авторитетомъ; рабъ смотритъ издалека, если позволено на торжество національнаго культа; но онъ имѣетъ особый культъ, обряды, низшія сообщества. Религіозной свободы между патриціемъ и рабомъ, или только между свободнымъ и рабомъ въ дѣйствительности не существуетъ...

Благодаря этому положенію рабовъ нерѣдко бывали случаи не только возстаній, но и убійствъ господина рабами. Сенека приводитъ поговорку, существовавшую въ Римѣ: totidem nostres, quod servi, т.е. сколько рабовъ, столько и враговъ. Въ 60-ыхъ годахъ имѣлъ мѣсто такой случай: въ Римѣ былъ убитъ рабомъ супрефектъ. По существовавшему обычаю, въ такихъ случаяхъ подвергались смертной казни всѣ рабы, находившіеся въ домѣ во время убійства, если убійца не былъ обнаруженъ. На основаніи этого обычая слѣдовало

казнить 400 рабовъ, находившихся въ домѣ во время убійства. Возмутилась этимъ чернь и окружила этотъ домъ, такъ что дѣло дошло до сената. Сенатъ счелъ необходимымъ примѣнить надлежащія репрессіи: чтобы разогнать чернь были посланы войска и 400 рабовъ были все-таки казнены. Этотъ случай показываетъ, что это обычное право начинаетъ встрѣчать протесты среди народа; но показываетъ и всю жестокость репрессій, примѣнявшихся къ рабамъ. Только при Адріанѣ былъ отмѣненъ этотъ законъ и дѣло разбиралось въ такомъ случаѣ судьей. При Адріанѣ было отмѣнено и право продажи рабовъ въ гладіаторы или въ проституцію. Продажа рабынь въ цѣляхъ проституціи считалась доходнымъ способомъ эксплоатаціи рабовъ, потому что рабыни, за которыхъ можно было бы получить какихъ-либо 150 сестерцій бывали случаи, продавались въ цѣляхъ проституціи за 1.500 сестерцій и больше. Что касается употребленія рабовъ въ качествѣ гладіаторовъ, то объ этомъ и не нужно говорить, ибо это всѣмъ извѣстно. Насколько тяжело было положеніе гладіаторовъ, свидѣтельствуетъ краснорѣчивый разсказъ Сенеки въ его проповѣди самоубійства. Онъ говоритъ, что кто хочетъ лишить себя жизни, найдетъ способъ къ этому, и приводитъ въ качествѣ доказательства рядъ примѣровъ. Въ числѣ ихъ значится такихъ два.

Одинъ гладіаторъ передъ боемъ, не желая подвергаться смерти отъ звѣрей, отпросился въ клозетъ и тамъ палкой, на которой была повѣшена губка для чистки, лишилъ себя жизни, воткнувъ ее въ горло. Неопрятно,- прибавляетъ Сенека,- но какое величіе духа.
Въ другомъ случаѣ гладіаторъ, котораго везли на телѣгѣ на гладі-

аторскій бой, опускалъ голову все ниже и ниже, пока она не попала между колесами телѣги.

Эти случаи онъ приводитъ въ своемъ апоѳеозѣ самоубійства, но для насъ они являются вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствомъ положенія рабовъ въ Римѣ и ихъ настроенія.

Въ положеніи рабовъ съ теченіемъ времени происходятъ смягченія. Съ одной стороны, самое количество рабовъ сокращается и, начиная съ 3-го вѣка, рабство постепенно вытѣсняется зависимымъ состояніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ колоната. Съ другой стороны, само законодательство содѣйствуетъ смягченію рабства и ограниченію правъ рабовладѣльцевъ надъ рабами. Императоръ Адріанъ отмѣнилъ тотъ законъ, согласно которому, если убитъ господинъ, то подлежатъ смертной казни всѣ рабы, находившіеся въ это время въ домѣ. При Адріанѣ было отмѣнено право продажи рабовъ въ гладіаторы и дома терпимости. Это разрѣшалось лишь при наличности извѣстной серьезной причины, при наличности извѣстнаго преступленія. Затѣмъ было ограничено право отдачи рабовъ въ домашнія тюрьмы ergastula (это нѣчто вродѣ карцера съ тяжелыми работами). Затѣмъ законодательство вводитъ и другія смягченія и ограниченія. Параллельно съ этой реакціей противъ рабства въ законодательствѣ, наблюдается въ общественномъ мнѣніи постепенный переворотъ противъ рабства. Великая историческая заслуга подготовленія этого переворота въ общественномъ мнѣніи и, такимъ образомъ, расчистки пути для ученія христіанства принадлежитъ стоицизму. Стоическая философія съ своей проповѣдью естественнаго права въ смыслѣ единства и брат-

ства всѣхъ людей направляла свое ученіе и противъ рабства. И мы встрѣчаемъ у представителей стоической философіи яркое выраженіе осужденія рабства.

Цицеронъ говоритъ о рабствѣ такъ: " Мы должны помнить, что справедливость слѣдуетъ соблюдать и относительно низшихъ. Самое низшее соціальное положеніе (infima conditio et fortuna) есть положеніе рабовъ. Поэтому является несправедливымъ предписаніе, чтобы разсматривать ихъ, какъ наемныхъ рабочихъ, слѣдовательно, требовать отъ нихъ работы, и въ качествѣ вознагражденія доставлять имъ слѣдуемое имъ" (lusta). Это еще довольно скромное осужденіе рабства. Но вотъ болѣе рѣшительное и принципіальное,-въ сужденіяхъ Эпиктета, знаменитаго мудреца древняго міра, жившаго въ концѣ I и началѣ II вѣка послѣ Р.Х. и вышедшаго изъ сословія рабовъ. Этотъ образъ мудреца глубоко запечатлѣлся въ умахъ античнаго міра. И одно только то, что такой мудрецъ и учитель жизни былъ рабомъ, само по себѣ возвышало въ глазахъ общественнаго мнѣнія само положеніе рабовъ. Про Эпиктета разсказываютъ цѣлый рядъ анекдотовъ относительно того, какъ онъ стоически переносилъ свое положеніе раба и какъ онъ противопоставлялъ ему достоинство внутренне независимаго человѣка. Однажды Епафродитъ, его хозяинъ, ударилъ Эпиктета въ сердцахъ по ногѣ. "Ты можешь мнѣ сломать ногу",- замѣтилъ философъ. Тогда Епафродитъ ударилъ своего раба такъ сильно, что кость дѣйствительно переломилась. "Развѣ я не говорилъ тебѣ, что ты можешь сломать мнѣ ногу - такъ же равнодушно замѣтилъ Эпиктетъ. Съ тѣхъ поръ онъ на всю жизнь остался хромъ. Говорятъ,

что онъ велѣлъ сдѣлать себѣ на могилѣ слѣдующую эпитафію: "Я, Эпиктетъ, былъ рабомъ, калѣкой, бѣднымъ, какъ Иръ, но боги считали меня своимъ другомъ."

Въ своихъ аѳоризмахъ онъ высказываетъ такія сужденія о рабствѣ: "Чего не желаешь себѣ, того не желай и другимъ, тебѣ не нравится быть рабомъ, не обращай и другихъ въ рабство. Разъ ты не можешь обойтись безъ услугъ рабовъ, ты, прежде всего, самъ рабъ, - какъ не уживаются другъ съ другомъ добродѣтель и порокъ, такъ и свобода и рабство. Какъ здоровый не захочетъ, чтобы ему прислуживали больные, или видѣть больными своихъ домашнихъ, такъ благородный человѣкъ не позволитъ себѣ прибѣгнуть къ услугамъ рабовъ или жить подъ одной кровлей съ несвободными людьми".

Философъ Сенека подчеркиваетъ, что мы должны разсматривать рабовъ какъ людей, какъ ниже поставленныхъ друзей, и, поскольку они стоятъ подъ той же высшей властью, они должны разсматриваться какъ сотрабы. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣшительнѣе: "и римскій всадникъ, и вольноотпущенникъ, и рабъ - лишь пустыя имена, изумышленныя честолюбіемъ и несправедливостью".

Еще болѣе рѣшительное осужденіе рабства мы видимъ у писателя IV вѣка нашей эры Іоанна Хризостома. Онъ даетъ такую рѣзкую критику принципа рабства, подобной которой мы не находимъ ни у Сенеки, ни у Эпиктета, ни у Марка Аврелія (стоическаго философа на римскомъ престолѣ) "Почему ты различаешь раба отъ свободнаго?" "Рабъ есть тотъ, который есть сынъ рабыни." "Но знаешь ты, кто

его отецъ и мать его, почему ты ее считаешь рабыней?" "Ибо она имѣетъ господина." "Но если этотъ господинъ держитъ ее несправедливо, не свободна ли она по праву?" "Да, но если онъ ее купилъ?" "Купилъ у кого"?"Но если она родилась у него?" "Родилась отъ кого?" Мы доходимъ, такимъ образомъ, до перваго раба, т.е. до военноплѣннаго, или до человѣка, попавшагося разбойникамъ, т.е. до факта насилія, несправедливаго, не имѣющаго никакой силы въ глазахъ справедливости. На такой несправедливости можно ли основывать право?"

Изъ подобныхъ сужденій мы видимъ, что институтъ рабства подрываетъ въ своихъ нравственныхъ корняхъ уже въ античномъ сознаніи. Еще болѣе полный принципіальный подрывъ получаетъ рабство въ проповѣди христіанства.

Мы подходимъ теперь къ тому историческому перевороту, которымъ является проповѣдь христіанства. Вопросъ о христіанствѣ, какъ религіи, есть вопросъ личнаго религіознаго убѣжденія и эту сторону вопроса мы совершенно исключаемъ сейчасъ изъ нашего изложенія. Но, какъ бы къ христіанству ни относиться, видѣть ли въ немъ абсолютную религію, или совершенное человѣческое созданіе, во всякомъ случаѣ оно представляетъ собой первостепенной важности историческій факторъ, величайшую историческую силу. И для пониманія исторіи и чисто экономическихъ міровоззрѣній, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какова была эта сила и каково было это ученіе. Прежде чѣмъ обратиться къ самому ученію, скажу нѣсколько словъ о внѣшнихъ чертахъ его происхожденія.

Христіанство въ первоначальный свой періодъ по своему составу, по составу своихъ проповѣдниковъ и первоначальныхъ своихъ послѣдователей, имѣло болѣе характеръ "пролетарскій", такъ какъ они вербовались изъ круговъ низшихъ и среднихъ, преимущественно низшихъ. Въ первое время, приблизительно до половины II вѣка, представители высшихъ круговъ представляютъ здѣсь исключеніе, насколько это можно установить по историческимъ свидѣтельствамъ. За такой соціальный составъ первоначальнаго христіанства говоритъ многое, говорятъ всѣ тѣ историческія свѣдѣнія которыя мы имѣемъ. Прежде всего за это говоритъ его языкъ, тотъ языкъ, на которомъ написаны книги Новаго Завѣта и на которомъ раздавалась проповѣди апостоловъ. Какъ извѣстно, книги Новаго Завѣта написаны на греческомъ языкѣ, но этотъ греческій языкъ не тотъ эллинскій языкъ, на которомъ писали античные писатели, а языкъ болѣе поздняго, такъ называемаго эллинистическаго періода, который филологи называютъ "койнэ","всеобщимъ". Но и кромѣ этого есть признаки, что языкъ, на которомъ писался Новый Завѣтъ, носитъ въ себѣ народныя особенности: именно въ немъ имѣются сравненія и выраженія, которыя неизвѣстны въ литературномъ языкѣ, а распространены обычно въ бытовомъ языкѣ среднихъ и низшихъ классовъ. Этотъ основной филологическій фактъ давно уже установленъ на основаніи непосредственнаго изученія языка Новаго Завѣта. Въ позднѣйшее время эти наблюденія получили чрезвычайно интересное подтвержденіе. Подтвержденіе это найдено въ раскопкахъ, которыя производятся въ настоящее время въ Египтѣ, и которыя представляютъ со-

бой колоссальный научный интересъ. Благодаря сухому климату Египта и благодаря сухимъ пескамъ пустынь, въ почвѣ, на значительной глубинѣ, сохранились на черепкахъ, на камняхъ и на металлическихъ пластинкахъ цѣлая масса документовъ, записокъ, долговыхъ обязательствъ, частныхъ писемъ, цѣлый рядъ договоровъ и т д
Одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей(Дейсманъ) сравниваетъ эти раскопки съ тѣмъ, какъ-будто была произведена соціальная анкета въ исторію прошлаго и эта анкета даетъ возможность установить экономическую, соціальную, религіозную, бытовую жизнь въ отдѣльныя эпохи исторіи. Нынѣшнимъ лѣтомъ (1908) вышло изслѣдованіе Дейсмана, въ которомъ подводятся интересные научные итоги, связанные съ этими раскопками, поскольку они характеризуютъ языкъ Новаго Завѣта, при чемъ оказывается, что нѣкоторыя выраженія, которыя считались до сихъ поръ чисто новозавѣтными и не находили себѣ филологическаго объясненія, встрѣчаются при этихъ раскопкахъ на различныхъ черепкахъ въ надписяхъ простонародья и среднихъ слоевъ. Такимъ образомъ, въ египетскихъ пескахъ мы находимъ новыя доказательства тому, что христіанство, по своему языку, было движеніемъ народнымъ Это филологическое и археологическое доказательство является въ сущности излишнимъ въ виду тѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, которые мы знаемъ, именно, что самъ Основатель христіанства былъ раньше своего выступленія въ общественной дѣятельности плотникомъ, а апостолы были ремесленниками и рабочими Апостолъ Павелъ, какъ извѣстно, былъ дѣлателемъ палатокъ другіе апостолы были рыбаками. Самъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ по-

сланій въ сознаніи достоинства труда называетъ себя рабочимъ, говоря." я трудился, работалъ своими руками" (1Кор 4,12). Есть цѣлый рядъ внѣшнихъ чертъ, собранныхъ въ настоящее время, которыя подтверждаютъ этотъ низовой характеръ движенія Слова и понятія, которыя часто употребляются въ Новомъ Завѣтѣ, тоже заимствованы изъ жизни труда. Напримѣръ, на одной изъ многочисленныхъ могильныхъ надписей на юго-западномъ берегу Малой Азіи у нѣкоего Дафна написано между прочимъ, что онъ скончался "много поработавъ", и какъ разъ въ этихъ же самыхъ выраженіяхъ восхваляетъ ап Павелъ ефесскую Марію Въ одной изъ римскихъ катакомбъ мы встрѣчаемъ это же самое, что жена восхваляетъ мужа, который много работалъ для нея. Въ другихъ надписяхъ мы встрѣчаемъ характеристику погребенныхъ въ простыхъ бытовыхъ словахъ:" охранялъ домъ, пряла ленъ, покорная, трудолюбивая, стыдливая, благочестивая, домосѣдка " Это черты, которыя, конечно, не приложимы къ аристократіи, въ особенности къ римской Въ связи съ этимъ понятіемъ, какъ должна была звучать заповѣдь апостоловъ о томъ, что "кто не работаетъ, не долженъ ѣсть", какъ не обращеніе къ населенію, имѣвшему трудъ своимъ повседневнымъ занятіемъ Вмѣстѣ съ тѣмъ также несомнѣнно, что этотъ соціальный составъ первохристіанства отличается не только низкимъ положеніемъ, но также и значительной бѣдностью Все говоритъ за это, напримѣръ, памятники свидѣтельствуютъ о глубокой бѣдности между общинами Объ этомъ говоритъ постоянная забота ап Павла о томъ, чтобы болѣе богатыя общины, или даже небогатыя собирали въ пользу бѣдныхъ Объ этомъ свидѣтельствуетъ то,

что такъ много бѣдныхъ входило въ составъ христіанской общины. Въ посланіяхъ Павла имена, которыя онъ называетъ, большею частью такія, которыя могутъ принадлежать только рабамъ. Въ числѣ отличительныхъ чертъ рабовъ было то, что они имѣли особыя имена; они получали названіе по какому-либо качеству, или внѣшней примѣтѣ, наравнѣ съ кличками, которыя теперь даются собакамъ Вслѣдствіе этого рабскія имена сравнительно легко отличить Этотъ фактъ самъ по себѣ достаточно говоритъ о томъ, какъ въ христіанскомъ сознаніи возвышается человѣческая личность и возвышается трудъ Помимо самаго ученія ясно само собой, что движеніе, которое имѣетъ въ своемъ составѣ рабовъ, бѣдняковъ, трудящихся, будетъ свободно и совершенно чуждо тѣхъ воззрѣній, которыя глубоко внѣдрились въ античномъ мірѣ, что рабъ не человѣкъ и что физическій трудъ представляетъ собой низшую форму труда, недостойнаго свободнаго человѣка Вы помните, что это воззрѣніе развивали столь великіе философы, какъ Платонъ и Аристотель. Однимъ словомъ, если перевести это на современный соціальный языкъ, то можно сказать, что христіанство было движеніемъ "пролетарскимъ" Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно, въ противоположность теперешнему пролетарскому движенію, по крайней мѣрѣ въ отличіе отъ него, не было движеніемъ экономическимъ, а было движеніемъ религіознымъ. Экономическимъ оно является въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ, въ нѣкоторыхъ своихъ практическихъ приложеніяхъ. Проповѣдь Евангелія не есть проповѣдь экономическая, а есть проповѣдь религіозная о человѣческой душѣ, объ ея отношеніяхъ къ Богу. Изъ этого ученія лишь однимъ изъ про-

изводныхъ ученій является ученіе о богатствѣ и бѣдности. Въ полную противоположность нѣкоторымъ современнымъученіямъ, напримѣръ экономическаго матеріализма, Евангеліе не признаетъ опредѣляющаго значенія богатства и бѣдности для человѣческой личности. Если въ настоящее время и распространено воззрѣніе, что человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ, что человѣкъ есть результатъ своего соціальнаго и экономическаго положенія, то напротивъ. Евангеліе говоритъ, что человѣкъ не зависитъ отъ своего имущества Ученіе о душѣ, о вѣчной жизни, о средствахъ къ спасенію,- есть та точка зрѣнія, подъ которой Евангеліе разсматриваетъ ученіе о богатствѣ и бѣдности. Стало быть, богатство разсматривается здѣсь, какъ одно изъ условій, содѣйствующихъ или препятствующихъ достиженію извѣстнаго душевнаго уровня. Основная идея, завѣтъ относительно имущественныхъ отношеній, есть та внутренняя свобода, внутренняя независимость, которая проистекаетъ изъ довѣрія къ Творцу. Всякая многозаботливость, всякій страхъ за свою судьбу, осуждается какъ грѣхъ Въ 6-й главѣ Евангелія отъ Матѳея (ей соотвѣтствуетъ 12-я глава Евангелія отъ Луки) содержится рѣчь Іисуса Христа о богатствѣ. Онъ здѣсь учитъ пріобрѣтать не блага земныя, а блага небесныя, "ибо, гдѣ сокровища ваши, тамъ и сердце ваше". "Посему, — говоритъ Онъ,- не заботьтесь для вашей души, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣваться. Душа больше пищи и тѣло больше одежды" Онъ предлагаетъ "взглянуть на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ" "Итакъ, не ищите, что вамъ ѣсть или что пить и не безпо-

койтесь. Потому что всего этого ищутъ люди міра сего: вашъ же Отецъ знаетъ, что вы имѣете нужду въ томъ. И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ Не трудятся и не прядутъ Ищите прежде всего царствія Божія и правды Его, а это все приложится вамъ. Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день самъ будетъ заботиться о васъ " Читая эти слова и воспринимая ихъ безъ сопоставленія съ другими мыслями всего ученія, можно подумать, что въ этомъ ученіи осуждается всякая хозяйственная дѣятельность, всякая хозяйственная забота Но это было бы совершенно невѣрно и совершенно бы противорѣчило всей той практикѣ, всѣмъ тѣмъ фактамъ, которые мы знаемъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Евангеліи говорится о милостынѣ, о трудѣ, о помощи больнымъ и т д , однимъ словомъ, указывается цѣлый рядъ такихъ необходимыхъ отношеній человѣка къ природѣ и внѣшнему міру, которыя связаны съ трудомъ, то мы убѣдимся, что здѣсь Евангеліемъ не столько отрицается всякая хозяйственная дѣятельность, сколько утверждается необходимость извѣстной внутренней свободы отъ богатства и имущества Эта внутренняя свобода можетъ быть въ большей или меньшей степени, но во всякомъ случаѣ нельзя одновременно служить двумъ господамъ. "Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше". При чемъ въ этомъ посвященіи своего сердца Богу могутъ быть разныя ступени Извѣстно, что когда богатый юноша обратился къ Іисусу Христу съ вопросомъ, что ему дѣлать, чтобы спастись, то, сказано въ Евангеліи, Христосъ поглядѣлъ на него и возлюбилъ его, а возлюбивши, далъ ему самое

высшее требованіе,- именно."если хочешь быть совершеннымъ,пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и приходи и слѣдуй за мной " Въ этомъ отношеніи личный примѣръ Іисуса Христа является руководящимъ высшимъ идеаломъ, который осуществляется на высшихъ ступеняхъ духовнаго освобожденія и примѣромъ котораго въ средніе вѣка былъ Францискъ Ассизскій Рядомъ съ этимъ въ Евангеліи и другихъ новозавѣтныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ требованій и указаній относительно практической любви къ ближнему, что подтверждается и вопросами, которые имѣютъ быть предложенными на Страшномъ Судѣ, согласно ученію Евангелія. Всѣ эти требованія предполагаютъ извѣстное положительное участіе въ экономической жизни и ставятъ передъ совѣстью вопросъ о нуждахъ не только своихъ, но и чужихъ. Однако было бы ошибочно видѣть въ Евангеліи оправданіе какихъ-либо опредѣленныхъ требованій,какъ и признаніе или отрицаніе какого-либо соціально-экономическаго строя вообще, какую-либо соціальную программу или соціальный рецептъ. Хотя таковыя и могутъ быть выводимы и связываемы съ духомъ Евангелія, но само оно ихъ не содержитъ. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо характеризуетъ его Гарнакъ, теперь крупнѣйшій представитель церковной исторіи, когда онъ говоритъ:"Соціальной программы, направленной на преодолѣніе и устраненіе бѣдности и нужды, если понимать подъ такой программой систему вполнѣ опредѣленныхъ плановъ и предписаній, Іисусъ не выставлялъ Онъ не касался экономическихъ и вообще преходящихъ условій своей эпохи и чего бы онъ достигъ, если-бы вмѣшался въ злободневные вопросы

и далъ, хотя бы въ высшей степени спасительные для Палестины законы. Полезные въ данный моментъ, они устарѣли бы въ слѣдующій, а между тѣмъ они стали бы для Евангелія тяжелымъ балластомъ и затмили бы его содержаніе". "Вмѣстѣ съ тѣмъ -продолжаетъ онъ.- никогда еще религія даже въ будущемъ, не выступала съ такой мощной проповѣдью и не отождествлялась съ послѣдней въ такой степени, какъ это было сдѣлано въ Евангеліи Ибо заповѣдь. "Люби ближняго, какъ самого себя"- взята здѣсь во всей своей истинной серьезности, ибо Іисусъ освѣтилъ этими словами всѣ конкретныя жизненныя отношенія въ мірѣ голодъ, бѣдность, нищету Ибо, наконецъ, эта максимма имѣетъ у него значеніе религіозной, даже болѣе - въ собственномъ смыслѣ религіозной " " Я еще разъ напомню вамъ притчу о Страшномъ Судѣ, въ которой весь вопросъ о цѣнности, о судьбѣ человѣка, рѣшается въ зависимости отъ того, творилъ ли онъ дѣло любви къ ближнему, напомню вамъ с другой притчѣ, притчѣ о богачѣ и нищемъ Лазарѣ"

Такимъ образомъ христіанство даетъ общія этическія указанія, устанавливаетъ общія нравственныя задачи, воплощеніе которыхъ въ соціальную программу должно быть сообразно съ судьбами и нуждами каждой исторической эпохи. Насъ въ настоящее время занимаетъ не то соціальное содержаніе, которое можетъ быть вообще влагаемо въ христіанство, но то историческое содержаніе, которое влагало въ него въ изучаемую нами эпоху

Какъ я сказалъ, первая и основная соціальная идея, которая съ математической ясностью вытекаетъ изъ этой религіозной проповѣди, есть

идея всечеловѣческаго равенства и братства. Эта точка зрѣнія, на которой не стояли ни Платонъ, ни Аристотель, ни вообще весь античный міръ, кромѣ стоиковъ, не знаетъ принципа абсолютной цѣнности человѣческой личности; личность, какъ носительница высшаго человѣческаго достоинства, признавалась тогда только у стоиковъ. Я уже указывалъ, насколько этотъ идеалъ человѣческаго равенства и братства былъ осознанъ въ стоицизмѣ. Однако это здѣсь остается лишь философскимъ ученіемъ. Ученіе стоической школы остается на положеніи частнаго философскаго мнѣнія, доступнаго небольшому кружку. Въ проповѣди же Евангелія это ученіе утверждается не какъ идея или мнѣніе, а какъ религіозный фактъ. Ибо, какъ учитъ Евангеліе, - люди суть дѣти одного отца и соединяются во Христѣ, для котораго нѣтъ разницы между рабомъ и свободнымъ, между мужчиной и женщиной, варваромъ и скиѳомъ, эллиномъ и іудеемъ. Поэтому для всей новѣйшей исторіи здѣсь дается новая тема — свободной человѣческой личности. Затѣмъ, въ связи съ этимъ, стоитъ возстановленіе человѣческаго труда въ его достоинствѣ. Если люди равны, то стало быть внѣшнее положеніе и различныя ступени въ соціальной лѣстницѣ и различіе занятій не можетъ измѣнить, стмѣнить, или ограничить этотъ основной фактъ. Въ этомъ смыслѣ учитъ ап. Павелъ въ Посланіи къ коринѳянамъ

Глава XVII

ОТНОШЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА КЪ ИМУЩЕСТВЕННЫМЪ РАЗЛИЧІЯМЪ И РАБОТѢ.

Отдѣльные соціальные мотивы мы находимъ какъ у новозавѣтныхъ писателей, такъ и въ позднѣйшей литературѣ перваго христіанства Наиболѣе рѣзкимъхарактеромъ въ этомъ отношеніи отличается посланіе апостола Іакова, направленное противъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что среди евреевъ разсѣянія, діаспоры, были такіе, которые занимались торговлей и были представителями денежнаго капитала Затѣмъ на денежный капиталъ пріобрѣталась недвижимость, земельное имущество, гдѣ эксплоатировался трудъ наемныхъ рабочихъ или рабовъ. Положеніе этихъ рабочихъ и вообще отношенія между рабами и владѣльцами, богатыми и бѣдными были несоотвѣтствующими понятіямъ христіанства. Въ посланіи Іакова мы находимъ рѣзкую критику и указаніе общихъ нормъ экономическихъ отношеній, какъ отношеній нравственныхъ между хозяиномъ и рабами, богатыми и бѣдными. "Если братъ и сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы Послушайте вы, богатые, плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ Богатство ваше сгнило и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни. Вотъ плата, удержанная вами

у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа". Извѣстный англійскій писатель Джонъ Рескинъ не находитъ болѣе подходящихъ словъ для критики современныхъ капиталистическихъ отношеній, нежели этотъ текстъ ап.Іакова. Та же самая проповѣдь противъ жадности и гордости богатыхъ имѣется и въ другихъ апостольскихъ писаніяхъ. Нужно было однако не только возстановить трудъ въ своемъ достоинствѣ, но и внушить эту мысль тѣмъ, которые присоединялись къ христіанской общинѣ. Поэтому ап.Павелъ обращается къ нѣкоторымъ, бросившимъ свое занятіе и переходившимъ съ мѣста на мѣсто съ увѣщаніемъ, что каждый долженъ оставаться въ своемъ званіи и кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть Такимъ образомъ, трудъ является однимъ изъ требованій христіанства. Въ острому и больному вопросѣ того времени, вопросѣ о рабствѣ, христіанство. вопреки ожиданіямъ, не занимаетъ всевой непримиримой позиціи, не вступаетъ въ непосредственную борьбу съ нимъ Нѣтъ сомнѣнія, что основнымъ идеямъ христіанства такой институтъ, какъ рабство, кореннымъ образомъ противорѣчитъ. Тѣмъ не менѣе стремиться въ это время непосредственно къ революціонной отмѣнѣ рабства значило бы производить полное разрушеніе хозяйственныхъ отношеній или толкнуть на путь безплодныхъ возстаній вродѣ тѣхъ, которыя происходили подъ руководствомъ Спартака. Ни тотъ, ни другой путь не былъ указанъ христіанствомъ. Напротивъ, ап.Павелъ требуетъ отъ господъ внимательнаго и заботливаго отношенія къ своимъ рабамъ, а отъ рабовъ внимательнаго и тщательнаго исполненія своихъ обязанностей Такимъ об-

разомъ, не требуя немедленнаго устраненія рабства, ап. Павелъ стремится вложить въ него новое содержаніе. Иллюстраціей къ этому непосредственному вліянію, которое имѣло христіанство на положеніе рабства, служитъ посланіе (или частное письмо) ап. Павла къ Филимону. Филимонъ былъ богатый человѣкъ въ Колоссахъ, у котораго бѣжалъ рабъ Онисимъ. По римскимъ законамъ бѣгство наказывалось чрезвычайно тяжело и сурово. Павелъ во время своего римскаго заточенія обратилъ его въ христіанство и съ письмомъ посылаетъ его обратно къ Филимону. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ принять его какъ свое сердце, не какъ раба, а какъ брата возлюбленнаго, и не сомнѣвается, что эта просьба его будетъ исполнена. Конечно, она и была исполнена. Изъ этого частнаго примѣра видно, насколько этотъ тяжелый институтъ смягчается подъ вліяніемъ новаго духа. Для того чтобы дать общую характеристику того вліянія, которое имѣло христіанство на рабство, я приведу вамъ лучше всего характеристику французскаго историка Алара, написавшаго спеціальное изслѣдованіе по вопросу о вліяніи христіанства на рабство. Вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ историкъ въ своемъ изслѣдованіи. "Существуетъ двѣ степени въ освобожденіи рабовъ: освобожденіе лицъ и труда. Первое относится всецѣло къ порядку моральному, второе зависѣло преимущественно отъ порядка экономическаго и политическаго. Первое было почти всецѣло совершено, по крайней мѣрѣ подготовлено, ранѣе второй половины VI вѣка. Это было дѣломъ христіанства. Подъ его вліяніемъ постепенно рабъ пересталъ быть вещью: онъ возвратилъ одно за другимъ права человѣ-

ческой личности. Въ религіозномъ обществѣ онъ имѣлъ ихъ всѣ съ самаго начала евангелической проповѣди (Рабъ въ языческомъ обществѣ, какъ мы уже знаемъ, не имѣлъ религіи и въ этомъ отношеніи тоже оставался безправнымъ). Въ гражданскомъ обществѣ онъ возвращалъ ихъ мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ законодательство проникалось духомъ христіанства.

Грани, которыя, помимо прочаго, отдѣляли раба отъ свободнаго человѣка, не существовали въ церкви. Тамъ было только одно крещеніе, до котораго тотъ и другой допускались на томъ же основаніи и въ томъ же санѣ. Религіозное просвѣщеніе давалось безъ различія лицъ, святыя таинства совершались для всѣхъ, рабъ имѣлъ съ господиномъ склонялся на колѣни передъ евхаристическою трапезой и садился рядомъ съ нимъ за столъ агапъ. На христіанскихъ кладбищахъ останки раба и свободнаго погребались въ одинаковыхъ и сосѣднихъ могилахъ. Равенство было проведено много дальше; въ религіозномъ обществѣ рабъ могъ занимать мѣсто выше свободнаго. Такимъ образомъ, крещеный рабъ занималъ высшее мѣсто по сравненію съ тѣмъ, которое имѣлъ свободный, но еще оглашаемый. Ряды клира были для него открыты: цѣпи рабства не составляли для него препятствія тому, чтобы онъ могъ получить отъ церкви власть рѣшить и вязать. Подобно тому, какъ для церкви было одно только крещеніе, для нея былъ и одинъ только бракъ: она не дѣлала различія въ этомъ отношеніи между рабами и свободными. Она допускала первыхъ къ таинству, которое дѣлало ихъ супругами, признавала нерасторжимость ихъ браковъ и права отсюда происте-

кавшія; она объявляла виновнымъ въ прелюбодѣяніи нарушавшаго его чистоту Идя дальше, подъ давленіемъ обстоятельствъ, она не боялась отдѣлиться отъ гражданскаго закона и высшій авторитетъ(римской)церкви разрѣшилъ въ III вѣкѣ вложить руку патриціанки въ руку раба, т.е. запечатлѣть узами таинства союзы, которые римское право признавало не только недѣйствительными, но и преступными Въ великомъ религіозномъ обществѣ, въ маломъ обществѣ семьи рабъ разсматривался церковью, какъ равный свободному Это онъ обнаруживалъ въ исповѣдничествѣ Всегда, когда христіане призывались исповѣдывать свою вѣру, онъ приходилъ и рабская кровь смѣшивалась съ кровью свободныхъ на зубахъ звѣрей или на топорѣ палачей. Тогда видѣли, что онъ былъ достоинъ тѣхъ правъ,которыя дало ему христіанство Изъ его устъ вырывались прекрасные призывы совѣсти, поразительныя подтвержденія нравственной свободы Рабы умѣли умирать за свою вѣру, другіе за свою чистоту Приводится пѣлый рядъ случаевъ самоубійства христіанокъ изъ рабынь въ защиту своей чистоты отъ нападеній разныхъ посягателей. Церковь, для которой не существуетъ соціальныя различія, при пѣніи гимновъ возносила останки этихъ смиренныхъ жертвъ, и въ извѣстные дни, къ большому изумленію язычниковъ, вѣрные всѣхъ сословій склонялись колѣнопреклоненно передъ камнемъ, превращеннымъ въ алтарь, подъ которымъ почивали мученики изъ рабовъ

Равенство, возвращенное рабу въ религіозномъ и семейномъ строѣ, было великимъ завоеваніемъ, существеннымъ, основнымъ: церковь, пользуясь своимъ вліяніемъ, все болѣе и болѣе убѣждала

свободныхъ людей довершить ея дѣло. Освобожденія покровительствовались ею всѣми способами. Она видѣла въ немъ заслугу. Она пріучила вѣрныхъ разсматривать дары свободы, какъ великій изъ видовъ милостыни. Рѣдко христіане умирали не освобождая рабовъ. Иногда христіане освобождали рабовъ въ воспоминаніе о потерянномъ отцѣ, сынѣ, другѣ. Это была жертва Богу за упокоеніе души умершаго. Религіозное чувство вызывало и еще болѣе безкорыстные акты. Мы видимъ христіанъ, освобождающихъ еще при жизни даромъ всѣхъ рабовъ, которыхъ они имѣли, т.е. добровольно отказывающихся ради угожденія Богу и блага своихъ ближнихъ отъ важнѣйшей части, а иногда и отъ всего своего движимаго имущества."

Такова прекрасная характеристика вліянія христіанства на рабство, которую дѣлаетъ французскій ученый

Глава XVIII.

ВОПРОСЪ О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОМЪ ПЕРВОХРИСТІАНСКОМЪ КОММУНИЗМѢ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

При обсужденіи соціально-экономическаго міровоззрѣнія первохристіанства возбуждается вопросъ о такъ называемомъ христіанскомъ коммунизмѣ, описанномъ въ "Дѣяніяхъ Апостольскихъ". Въ первой христіанской общинѣ, основавшейся послѣ Пятидесятницы, всѣ, имѣвшіе имущество, продали его и деньги приносили къ ногамъ апостоловъ для раздачи неимущимъ. Въ примѣрѣ Ананіи и Сапфиры мы

видимъ отрицательную иллюстрацію отношеній такого рода Когда, они часть полученнаго отъ продажи имущества утаили, то были поражены смертью Строй жизни первыхъ христіанъ естественно производитъ сильное впечатлѣніе на исторію и находитъ оцѣнку у историковъ соціализма и коммунизма (напр. Каутскаго), какъ настоящій коммунистическій строй Это квазикоммунистическое устройство Іерусалимской общины, вообще въ исторіи христіанскаго мышленія, въ особенности въ исторіи религіозно-коммунистическаго движенія среднихъ вѣковъ, которое мы будемъ изучать впереди играетъ большую роль потому что, какъ только поднимается соціально-коммунистическая волна, то тотчасъ пробуждается воспоминаніе объ имущественномъ строѣ Іерусалимской общины и стремленіе по образцу ея реорганизовать жизнь въ соціалистическомъ направленіи

Однако считать этотъ порядокъ, который описывается относительно Іерусалимской общины какимъ-либо *строемъ*, той или иной организаціей собственности вообще распорядкомъ права и хозяйства, въ высшей степени ошибочно Здѣсь не было ни коммунизма, ни соціализма, ни индивидуализма какъ учрежденія, въ дѣйствительности здѣсь то, что происходило, являлось свободнымъ выраженіемъ взаимной любви, которую можно наблюдать между друзьями, въ семьѣ, въ церковной общинѣ въ лучшее время ея существованія и безъ этихъ чувствъ и самыхъ такихъ проявленій любви нельзя и получить Эта первоначальная солидарность и взаимная любовь принимали формы широкой и разнообразной благотворительности и взаимной поддержки, въ числѣ которыхъ общеніе имуществъ Іерусалимской общи-

не было только одной изъ многихъ формъ Основныя формы этой благотворительности, согласно классификаціи Гарнака, сводятся къ слѣдующему 1) сборъ милостыни для бѣдныхъ, связанные съ культомъ 2) поддержка учителей и чиновниковъ общинъ. 3) поддержка вдовъ и сиротъ. 4) поддержка бѣдныхъ. слабыхъ, больныхъ и неспособныхъ къ труду 5) забота объ арестованныхъ и находящихся въ рудникахъ Посѣщеніе арестованныхъ было обязанностью діаконовъ, но и прочіе христіане должны были ихъ посѣщать 6) Забота о погребеніи бѣдныхъ и вообще объ усопшихъ, 7) забота о рабахъ, 8) Забота при большихъ бѣдствіяхъ, 9) пріисканіе труда и право на трудъ въ предѣлахъ христіанскихъ общинъ Пріисканіе труда превратилось въ особое попеченіе общины, если въ таковую приходили новыя лица но въ то же время правила этихъ общинъ весьма сурово относятся къ тѣмъ, кто не хотѣлъ работать; именно, если кто не хотѣлъ работать, то тогда онъ считался христопродавцемъ, т.е. извлекавшимъ доходъ изъ вѣроисповѣданія. Наряду съ такими формами благотворительности существовала еще форма вспомоществованія и взаимопомощи въ видѣ постояннаго общенія христіанъ, извѣстнаго подъ названіемъ агапъ отъ слова любовь, т.е. вечери любви. Такъ назывались ужины и обѣды, соединявшіеся вначалѣ съ таинствомъ евхаристіи. Приношенія для агапъ собирались для общаго употребленія и онѣ также представляли изъ себя, такимъ образомъ, одну изъ формъ поддержки бѣднымъ посредствомъ богатыхъ

Глава XIX

ПОСЛѢАПОСТОЛЬСКІЙ ВѢКЪ.

Въ первые три вѣка своего существованія христіанство распространяется по всѣмъ провинціямъ и находитъ сторонниковъ среди всѣхъ сословій. По свидѣтельству цѣлаго ряда церковныхъ писателей, напримѣръ, Тертулліана Оригена и другихъ, въ это время христіанъ можно найти въ дворцѣ, форумѣ, на площади, среди рабовъ и среди всѣхъ сословій. Создается христіанская литература, которая, между прочимъ, затрогиваетъ и экономическіе вопросы, сюда относятся творенія такъ называемыхъ мужей апостольскихъ, апологетовъ, а позднѣе и такъ называемыхъ отцовъ церкви.

Что касается вообще отношеній къ богатству и собственности, то они опредѣляются попрежнему этической а не спеціально экономической точкой зрѣнія на имущественныя отношенія. Можно нерѣдко встрѣтить въ этой письменности сужденія и выраженія, которыя звучатъ для современнаго уха соціалистически или коммунистически, но это только потому, что современное ухо привикло переводить эти выраженія на языкъ современныхъ понятій о правовыхъ и экономическихъ институтахъ, между тѣмъ какъ здѣсь они разсматривались главнымъ образомъ какъ отношенія нравственныя. Въ памятникѣ нач. II вѣка, извѣстномъ подъ названіемъ "Ученіе 12 апостоловъ", мы встрѣчаемъ такую точку зрѣнія на собственность: "Не отвращайся отъ нуждающагося, но во всемъ имѣй общеніе съ братомъ своимъ и ничего не называй своей собственностью, ибо, если вы соучастники въ не-

тлѣнномъ, то тѣмъ болѣе въ вещахъ тлѣнныхъ.

Но однако это какъ бы коммунистически звучащее сужденіе, со всѣмъ не содержитъ того отрицанія частной собственности, которое легко здѣсь предположить. Въ другихъ разсужденіяхъ того времени на эту же тему обыкновенно выражается та мысль, что богатые обязаны заботиться о бѣдныхъ. Напротивъ коммунистическая проповѣдь, какъ таковая, т. е. стремленіе къ преобразованію жизни по извѣстнымъ экономическимъ и юридическимъ нормамъ была совершенно несвойственна этой эпохѣ, съ одной стороны, можетъ быть потому, что христіане были въ меньшинствѣ, подвергались гоненію, находились въ опасности съ другой стороны, потому, что не соотвѣтствовало ихъ настроенію окрашивавшемуся ожиданіемъ скораго конца міра (эсхатологическое). Въ одной группѣ, которая считалась еретической уже въ IV вѣкѣ именно въ группѣ евстафіанъ (послѣдователей Евстафія), проповѣдывалось между прочимъ, что богатые, не оставившіе всего, не имѣютъ надежды на спасеніе. Это мнѣніе было осуждено на Гангрскомъ соборѣ въ 343 и 381г.г. Изъ второго вѣка мы знаемъ только ученіе гностика Карпократа съ послѣдователями, которые увлекались идеями Платона и считали цѣлесообразнымъ осуществленіе платоновскаго коммунизма. Однако, если христіанство не ставило себѣ въ это время задачи экономическія и юридическія, вообще не ставило себѣ задачей проведеніе какого бы то ни было экономическаго строя, какъ не стояло и за защиту существующаго, тѣмъ не менѣе мы постоянно наблюдаемъ здѣсь осужденіе того пристрастія къ богатству и эгоизму которое англій-

скій писатель Карлейль мѣтко назвалъ маммонизмомъ, т.е. служеніемъ маммонѣ. Указаніе обязанности помогать бѣднымъ въ той или другой формѣ мы встрѣчаемъ у цѣлаго ряда христіанскихъ писателей того времени, напримѣръ, латинскій писатель Лактанцій наиболѣе приближается въ своихъ стремленіяхъ къ соціализму. Онъ нападаетъ на неравенство имущества и считаетъ, что неравенство имущества есть состояніе грѣховное, отпаденіе отъ первоначальнаго естественнаго состоянія человѣчества, при которомъ люди были равны. Тѣмъ не менѣе въ это время онъ подвергаетъ критикѣ и идеи Платона и осуждаетъ его коммунистическія идеи, въ особенности его институтъ общности женъ. Примѣненіе къ современнымъ обстоятельствамъ идей Платона, по мнѣнію Лактанція, неисполнимо, потому что онъ не допускаетъ возможности, чтобы люди оставались всегда настолько мудрыми, чтобы стали презирать деньги. Но при этомъ онъ высказывается за утвержденіе жизни на началахъ справедливости и равенства, понимая это равенство въ смыслѣ правилъ жизни, отмѣняющихъ всякую привилегію. Основнымъ грѣхопаденіемъ, изъ котораго началось всякое неравенство, является раздѣленіе въ частную собственность земли, которая должна быть обрабатываема сообща. Поэтому онъ считаетъ существованіе частной собственности на землю явленіемъ ненормальнымъ, несправедливымъ. Затѣмъ онъ прибавляетъ, вмѣстѣ съ другими христіанскими писателями III вѣка, что для улучшенія человѣка нужно не отмѣнить частную собственность, а уничтожить гордость, самовозвеличеніе и самоутвержденіе, нужно установить братскія отношенія между людьми, на что способ-

на только христіанская религія. Тогда какъ у Платона требуется отмѣна частной собственности законодательнымъ путемъ, Лактанцій требуетъ преобразованія внутренняго міра человѣка, и тогда измѣнятся внѣшнія отношенія между людьми къ лучшему, а также и пользованіе богатствомъ будетъ въ общихъ интересахъ. Одной изъ такихъ формъ наилучшаго употребленія богатства онъ считаетъ помощь бѣднымъ, выкупъ плѣнниковъ, поддержку вдовъ и сиротъ, напротивъ расточительное употребленіе богатства онъ считаетъ неразумнымъ.

Глава XX.

СУЖДЕНІЯ О БОГАТСТВѢ ОТЦОВЪ ЦЕРКВИ: ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА, ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ІОАННА ЗЛАТОУСТА

Остановимся еще на нѣкоторыхъ сужденіяхъ по экономическимъ вопросамъ наиболѣе выдающихся отцовъ церкви IV вѣка.

Григорій Богословъ (330 - 389) относительно богатства высказывается такъ: Онъ обращается къ богатымъ и рисуетъ положеніе бѣдныхъ"Ужели они будутъ томиться подъ открытымъ небомъ, а мы станемъ жить въ великолѣпныхъ домахъ, расцвѣченныхъ разнаго рода камнями, блещущихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоры. Да еще въ однихъ будемъ жить, а другіе строить - и для кого? Быть можетъ не для наслѣдниковъ нашихъ, а для людей постороннихъ и чужихъ, и при томъ, можетъ быть для такихъ людей, которые не только не любятъ насъ но еще, что всего хуже, исполнены враждѣ

къ намъ и зависти, они будутъ трястись отъ стужи въ ветхихъ и разодранныхъ рубищахъ, а можетъ быть, и тѣхъ имѣть не будутъ а мы будемъ нѣжить себя, покрываясь мягкою и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шелку, и между тѣмъ какъ одѣяніи уборами будемъ не столько украшать себя, сколько обезображивать, ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразіемъ, другіе нарядъ - безполезная и безумная забота, добыча моли и всепожирающаго времени,- будутъ лежать у насъ въ кладовыхъ Они будутъ нуждаться и въ необходимой пищѣ: будутъ въ изнеможеніи валяться голодные у воротъ нашихъ, не имѣя даже столько силъ въ тѣлѣ своемъ, чтобы просить, не имѣя голоса, чтобы рыдать; рукъ, чтобы простирать для приведенія насъ въ жалость; ногъ, чтобы подойти къ богатымъ; не имѣя столько дыханія, чтобы съ большимъ напряженіемъ простонать жалобную пѣснь, почитая лишеніе зрѣнія, это самое тяжелое зло, очень легкимъ, и еще благодаря за то, что не видятъ своихъ язвъ Такого ихъ состояніе А мы, роскошно одѣтые будемъ съ важностью возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами, до которыхъ другіе не смѣй дотрогиваться,- оскорбляясь и тѣмъ, если только услышимъ умоляющій голосъ ихъ. Намъ нужно, чтобы полъ у насъ усыпанъ былъ часто, и даже безвременно, благоухающими цвѣтами, а столъ орошенъ былъ самымъ дорогимъ и благовоннымъ муромъ для большаго раздраженія нѣги; нужно, чтобы иные слуги предстояли передъ нами - одни въ красивомъ порядкѣ и строю, съ распущенными, какъ у женщинъ волосами, и искусно подстриженными, такъ, чтобы на лицѣ не видно бы-

ло ни одного волоска, въ таксмъ убранствѣ, какого не требовали бы и самые прихотли́вые глаза, другіе со стаканами въ рукахъ, едва дотрогиваясь до нихъ концами пальцевъ и поднося ихъ какъ можно ловчѣе и осторожнѣе; иные, держа опахала надъ головами нашими, производили бы искусственный вѣтерокъ, и этимъ руками навѣваемымъ зефиромъ, прохлаждали бы жаръ утученнаго нашего тѣла Нужно, кромѣ того, чтобы всѣ стихіи, и воздухъ, и земля, и вода въ обиліи доставляли намъ дары свои, и столъ нашъ весь уставленъ и обремененъ мясными выдумками поваровъ и пекарей, чтобы всѣ они наперерывъ старались о томъ, какъ бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву, сему тяжкому бремени, виновнику золъ, сему, никогда ненасытимому и самому невѣрному звѣрю, которому, вмѣстѣ съ потребляемыми имъ яствами, вскорѣ надобно истлѣть. Для нихъ много значитъ утолить жажду и водой, а у насъ пѣнится въ чашахъ вино, пей до упоенія, даже до безчувствія, если кто невоздержанъ Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностью разсуждать и бѣда, если кромѣ своего отечественнаго не будетъ у насъ какого-нибудь иностраннаго вина, какъ иноземнаго завоевателя Ибо намъ непремѣнно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды, или, по крайней мѣрѣ, славиться такой жизнью; какъ будто стыдно намъ, если не будутъ почитать насъ порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже чрева"

Ссылку на право собственности Григорій Богословъ отвергаетъ слѣдующимъ образомъ."Но сотворившій человѣка вначалѣ, содѣ-

лавъ его свободнымъ, ограничивъ его только однимъ закономъ заповѣди; содѣлавъ и богатымъ среди сладостей рая, а вмѣстѣ съ симъ благоволилъ даровать сіи преимущества всему роду человѣческому въ одномъ первомъ сѣмени. Тогда свобода и богатство заключались единственно въ соблюденіи заповѣди, а истинная бѣдность и рабство - въ преступленіи оной. Но съ того времени, какъ появилось зависть и раздоры, какъ началось коварное владычество змія, непрестанно и непримѣтно привлекающаго насъ къ злу лакомок приманкою удовольствія и вооружающаго дерзкихъ людей противу слабыхъ съ того времени расторглось родство между людьми; отчужденіе ихъ другъ отъ друга выразилось въ различныхъ наименованіяхъ званій и любостяжаній, призвавъ и законы на помощь своей власти, заставило позабыть о благородствѣ естества человѣческаго. Ты же смотри на первоначальное равенство правъ, а не на послѣдовавшее раздѣленіе, не на законъ властителя, а на законъ Создателя. Помоги сколько можешь природѣ, почти первобытную свободу, уважь самого себя, покрой безчестіе, нанесенное роду твоему: окажи пособіе въ болѣзни, подкрѣпи въ нуждѣ. Ты здоровъ и богатъ, такъ утѣшь болящаго и бѣднаго. Ты не испыталъ паденія, такъ подними упавшаго и разбившагося. Ты веселъ, такъ ободри унывающаго. Ты счастливъ, такъ облегчи участь удрученнаго несчастьемъ. Воздай что-нибудь Богу въ благодарность за то, что ты принадлежишь не къ числу имѣющихъ нужду въ благодѣяніяхъ, а къ числу тѣхъ, кои могутъ оказывать благодѣянія, что не ты смотришь въ чужія руки, а другіе - въ твои. Обогати себя не только имуществомъ, но и бла-

гочестіемъ, не только золотомъ, но и добродѣтелью, или лучше только ею одной."

Я привелъ вамъ этотъ отрывокъ для того, чтобы показать характеръ сужденій по вопросамъ объ отношеніи къ собственности, богатству и бѣдности, которыя господствуютъ въ литературѣ такъ называемыхъ святыхъ отцовъ. Я приведу вамъ еще сужденіе Василія Великаго, жившаго отъ 330 - 379 г г. и связаннаго съ Григоріемъ Богословомъ узами продолжительной и самой нѣжной дружбы. "Скажешь: кому дѣлаю обиду, удерживая свою собственность. Скажи мнѣ, что у тебя собственнаго? Откуда ты взялъ и принесъ съ собою въ жизни. Положимъ, что иной, заня:ъ мѣсто въ зрѣлищѣ, сталъ бы потомъ выгонять входящихъ, почитая своею собственностью представляемое для общаго употребленія; таковы точно и богатые. Захвативъ всѣмъ общее, обращаютъ въ свою собственность, потому что овладѣли симъ прежде другихъ. Если-бы каждый, взявъ потребное для своей нужды, излишнее предоставлялъ нуждающемуся, никто бы не былъ богатъ, никто бы не былъ и скуденъ. Не нагъ ли ты вышелъ изъ материняго чрева? Не нагъ ли опять возвратишься въ землю? Откуда же у тебя, что имѣешь теперь? Если скажешь, что это отъ случая, то ты безбожникъ, не признаешь Творца, не имѣешь благодарности къ Даровавшему. А если признаешь, что это отъ Бога, то скажи причину, ради которой получилъ ты. Ужели (не) справедливъ Богъ, неравно раздѣляющій намъ потребное для жизни. Для чего же ты богатѣешь, а тотъ пребываетъ въ бѣдности. Не для того же, конечно, что (бы) ты получилъ свою мзду за доброту и вѣрное домостроительство,

а онъ почтенъ былъ великими наградами за терпѣніе. А ты, захвативъ все въ ненасытимыя нѣдра любостяжательности, думаешь, что никого не обижаешь, лишая сего столь многихъ. Кто любостяжателенъ? Не удерживающійся въ предѣлахъ умѣренности. А кто хищникъ? Отнимающій у всякаго, что ему принадлежитъ. Какъ же ты не любостяжателенъ, какъ же ты не хищникъ, когда обращаешь въ собственность, что получилъ только въ распоряженіе. Кто обнажаетъ одѣтаго, того назовутъ грабителемъ, а кто не одѣваетъ нагого, хотя можетъ это сдѣлать, тотъ достоинъ ли другого какого названія? Алчущему принадлежитъ хлѣбъ, который ты у себя удерживаешь; обнаженному одежда, которую хранишь въ своихъ кладовыхъ; не обутому обувь, которая гніетъ у тебя; нуждающемуся серебро, которое закрыто у тебя. Поэтому всѣмъ тѣмъ дѣлаешь ты обиду, которыхъ могъ бы снабдить "

Дальше Василій Великій отмѣчаетъ тѣ выдумки роскоши, на которыя затрачивается богатство. Подобное же обличеніе богатыхъ и защиту бѣдныхъ мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ третьяго изъ отцовъ церкви, Іоанна Златоуста, которыя представляютъ собою ту особенность, что въ нѣкоторыхъ своихъ сужденіяхъ онъ наиболѣе приближается къ коммунизму. Тотъ же Каутскій причисляетъ Іоанна Златоуста къ писателямъ, развивающимъ коммунистическія идеи. Поводомъ къ этому послужила проповѣдь Іоанна Златоуста, сказанная въ Антіохіи и Константинополѣ, въ которой онъ развиваетъ ту мысль, что если собрать всѣ богатства города и раздѣлить на всѣхъ жителей его, то всѣ имѣли бы достаточное количество средствъ и были

бы обезпечены. Затѣмъ онъ указываетъ на тѣ преимущества которыя имѣетъ крупная форма общественнаго хозяйства. Однако нельзя его въ дѣйствительности причислить къ представителямъ коммунистическихъ идей, потому что въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ разсуждаетъ о богатствѣ и бѣдности такъ же, какъ цитированные мною Григорій Богословъ и Василій Великій. т.е. онъ только призываетъ богачей къ благотворительности, показываетъ имъ ихъ нравственныя обязанности по отношенію къ бѣднымъ. Такую же критику частной собственности мы встрѣчаемъ у Амвросія Медіоланскаго (340-397 г.). и у блаженнаго Августина (354 - 439г.), который стоитъ на рубежѣ среднихъ вѣковъ и древняго міра. Онъ объявляетъ, что частная собственность - причина ссоръ, вражды и раздоровъ. По примѣру апостольской общины онъ приглашаетъ своихъ близкихъ воздержаться отъ частной собственности, а если это не подъ силу, то хотя бы отъ любви къ собственности Напротивъ, Василій Великій считаетъ, что отказъ отъ собственности возможенъ только для монаховъ, признавая, что полный отказъ отъ собственности невозможенъ, недоступенъ для всѣхъ и не есть такая же общая обязанность, какъ помощь нуждающимся. Въ качествѣ примѣра отреченія отъ собственности онъ указываетъ ему на жизнь современныхъ монаховъ. Самъ Августинъ дѣлалъ попытку устройства общности имущества. Первая попытка была сдѣлана еще до обращенія въ христіанство, когда онъ, вмѣстѣ съ другими друзьями рѣшилъ сложить все, что они имѣютъ и вести жизнь сообща Однако эта общность имущества не осуществилась, потому что противъ нихъ возстали жены его

друзей. Но послѣ своего перехода въ христіанство, по прибытіи въ Гиппонъ, Августинъ раздѣлилъ то немногое, что имѣлъ самъ и устроилъ такъ общину, въ которой жили безъ частной собственности. Когда онъ сдѣлался епископомъ, то стремился ввести эту жизнь среди клира, который проводилъ совмѣстную жизнь въ бѣдности. Такимъ образомъ, общій итогъ, который мы можемъ сдѣлать изъ сужденій различныхъ писателей въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства по отношенію къ вопросамъ о богатствѣ и бѣдности, состоитъ въ томъ, что злоупотребленіе богатствомъ подвергается здѣсь суровому обличенію и нравственному осужденію. Что касается соціальной техники, т е практическихъ средствъ осуществленія, то этотъ вопросъ обсуждался мало и слабо и это нетрудно понять, если мы примемъ во вниманіе не только то, что вопросъ былъ сравнительно новымъ (и недостаточно разработаннымъ), но и то, что въ это время древній міръ терпитъ крушеніе подъ нашествіемъ варваровъ и вся Римская имперія претерпѣваетъ своеобразное хозяйственное вырожденіе, именно отъ денежнаго хозяйства оно переходитъ къ хозяйству натуральному. Эти натурально-хозяйственныя отношенія заключаютъ жизнь въ такія простыя ограниченныя формы, при которыхъ думать о какихъ бы то ни было, болѣе прочныхъ, дѣйствительныхъ соціальныхъ преобразованіяхъ не было возможности. Такіе практическіе соціальные планы общественныхъ преобразованій отсутствуютъ въ то время во всей вообще литературѣ, не только христіанской, но и языческой, насколько въ это время можно говорить о ней.

Въ вопросѣ о способахъ пріобрѣтенія собственности нормаль-

способомъ ея пріобрѣтенія
ными и дозволенными у отцовъ церкви считается пріобрѣтеніе трудомъ; что касается размѣровъ ея, то обращается вниманіе на то, соотвѣтствуютъ ли размѣры собственности потребностямъ, или выше ихъ, излишекъ считается предосудительнымъ. По ученію 12 апостоловъ отъ приходящихъ членовъ общины требуется обязательное занятіе ремеслами и они предостерегаются отъ праздная времяпровожденія. То античное воззрѣніе, съ которымъ мы знакомимся и у Платона, и у Аристотеля, именно пренебрежительное отношеніе къ физическому труду, къ "производительному"труду здѣсь окончательно уничтожается. Цѣлый рядъ церковныхъ писателей учитъ о томъ, какъ хорошо имѣть заработокъ отъ собственнаго труда, какъ похваленъ трудъ и какъ предосудительна праздность. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ въ одинъ голосъ повторяютъ это; послѣдній борется съ презрѣніемъ античнаго міра къ физическому труду и вмѣстѣ съ блаженнымъ Августиномъ восхваляетъ достоинства всѣхъ видовъ труда. При этомъ, изъ тѣхъ видовъ труда, изъ тѣхъ профессій, которыя были доступны христіанамъ, исключались лишь тѣ, которыя противорѣчили христіанской нравственности (Такой являлась, напримѣръ, профессія актеровъ. Слѣдуетъ вспомнить при этомъ особенности античнаго театра.). Затѣмъ профессія гладіаторовъ и вообще бойцовъ въ циркѣ. Что касается другихъ общеполезныхъ профессій, то онѣ считаются дозволенными.

Одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ ученія отцовъ церкви является отношеніе къ росту, къ процентамъ на капиталъ. При этомъ обнаруживается цѣлый рядъ церковныхъ писателей - и Кипріанъ

и Тертулліанъ, и Лактаншій, и Іеронимъ, и Аѳанасій Великій и Василій Великій, всѣ они проявляютъ самое отрицательное отношеніе къ процентамъ на капиталъ. Традиція Аристотеля который высказалъ столь рѣшительное осужденіе процентовъ на капиталъ, здѣсь находитъ свое продолженіе, хотя и опирается на иныя, нежели у Аристотеля, основанія, именно на мотивы характера религіознаго. Порицавшіе ростовщичество обыкновенно ссылались на то мѣсто Евангелія отъ Луки, гдѣ говорится о томъ, что нужно "давать взаймы, не ожидая ничего". На этомъ основаніи отцы церкви неумолимо строго относились къ росту на капиталъ Чтобы показать характеръ этого отношенія, приведу сужденіе Василія Великаго о ростѣ на капиталъ. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ говоритъ такъ: "Для чего ты вступаешь въ союзъ съ многолюднымъ звѣремъ? О займахъ говорятъ, что они въ одно время и родятъ, и кормятъ, и зачинаютъ дѣтей. И у ростовщиковъ деньги въ одно время и отдаются въ заемъ, и родятся, и подрастаютъ Еще не взялъ ты ихъ въ руки, а уже требуютъ съ тебя приращенія за настоящій мѣсяцъ. И это, опять причтенное къ долгу, воспитываетъ новое зло, отъ котораго родится еще новое и такъ до безконечности. Потому-то и наименованіемъ какимъ почтенъ этотъ видъ любостяжанія; ибо называется ростомъ, какъ я думаю, по причинѣ многоплодности этого зла. Да и отъ чего произойти иначе сему наименованію? Или, можетъ быть, называется ростомъ по причинѣ болѣзней и скорбей, какія обыкновенно производитъ въ душахъ задолжавшихъ. Что рождающей—болѣзни рожденія, то должнику - наступающій срокъ. Ростъ на ростъ, это злое ис-

чадіе злыхъ родителей. Такія приплодія роста да назовутся порожденіемъ эхидниннымъ. Объ эхиднахъ говорятъ, что онѣ рождаются, прогрызая утробу матери, и ростъ отрождается, изѣдая домъ долгожника. Сѣмена даютъ плодъ и животныя приходятъ въ зрѣлость съ теченіемъ только времени, а ростъ сегодня рождается, и сего же дня начинаетъ рождать. Животныя скоро начинающія рождать, скоро и перестаютъ; а деньги, получивъ начало скораго пріумноженія, до безконечности болѣе и болѣе приращаются. Все возрастающее, какъ скоро достигнетъ свойственной ему величины, перестаетъ возрастать; но серебро лихоимцевъ во всякое время, по мѣрѣ его продолженія, само возрастаетъ, Животныя, когда ихъ дѣти дѣлаются способными къ рожденію, сами перестаютъ рождать; но серебряныя монеты у заимодавцевъ, и вновь прибывающія рождаютъ, и старыя остаются въ полной силѣ. Лучше тебѣ не знать по опыту сего чудовищнаго звѣря".

Обращаясь къ ростовщикамъ, дающимъ капиталъ въ ссуду бѣднымъ за проценты, Василій Великій говоритъ: „Если береш съ бѣднаго, то сіе верхъ человѣконенавистничества. Ты изъ чужихъ несчастій извлекаешь прибыль; со слезъ собираешь деньги; душишь нагого, бьешь голоднаго. У тебя нѣтъ жалости, нѣтъ и мысли о родствѣ съ страдальцемъ; и ты называешь человѣколюбивыми получаемые такимъ образомъ прибытки."

Въ этомъ отношеніи церковные взгляды на ростъ оставались не только теоретическими, но и переходили въ практику. Цер-

корь, начиная съ IV вѣка рядомъ соборныхъ постановленій запрещаетъ взиманіе процентовъ на капиталъ и, какъ мы увидимъ дальше, эта практика продолжается до XV-XVI вѣковъ, до самой реформаціи. Уже арльскій соборъ 306 года опредѣляетъ, что клирики, т.е. члены іерархіи, дающіе деньги за проценты, должны быть отлучаемы отъ церкви; міряне же, дающіе въ первый разъ - прощаются, если обѣщаютъ прекратить это занятіе; если же продолжаютъ давать, то отлучаются тоже отъ церкви. Это же правило подтверждаютъ постановленія цѣлаго ряда другихъ соборовъ - Никейскаго, Гипонскаго, 4-го Карѳагенскаго, - всѣ они опредѣляютъ въ разной мѣрѣ наказаніе клирикамъ за ростовщичество.

Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ право развивается и слагается подъ вліяніемъ церковныхъ воззрѣній и вырабатывается система такъ называемаго канническаго права, это запрещеніе, которое имѣло силу церковной дисциплины, получаетъ и силу закона, входитъ въ дѣйствующее законодательство. Такимъ образомъ, можно наблюдать, что идея, зародившаяся у Платона и Аристотеля, пройдя черезъ сознаніе церковныхъ средневѣковыхъ вѣрованій въ теченіе среднихъ вѣковъ принимаетъ юридическую форму, становится дѣйствующимъ закономъ и образуетъ одинъ изъ центральныхъ факторовъ экономическаго міровоззрѣнія всего средневѣковья.

Теперь мы должны перейти къ знакомству съ экономическимъ міровоззрѣніемъ продолжительной эпохи, которая тянется приблизительно, начиная съ IV-V вѣковъ до XV - XVI вв., т.е. около 1000 лѣтъ и носитъ названіе среднихъ вѣковъ", эпоха, которая

простирается отъ паденія Рима и, слѣдовательно, отъ политической ликвидаціи древняго міра и до начала новаго времени, до крестовыхъ походовъ, до открытія Америки, до реформаціи. Трудно установить здѣсь хронологическія границы. Кромѣ того несомнѣнно, что эта тысячелѣтняя исторія, развивавшаяся въ разныхъ европейскихъ странахъ у разныхъ европейскихъ народовъ имѣетъ свои индивидуальныя отличительныя черты. Установивъ ихъ, мы можемъ однако отмѣтить наиболѣе яркія, наиболѣе характерныя черты для всей эпохи. Если мы спросимъ себя каково было это міровоззрѣніе, которое опредѣляло собой духовную физіономію среднихъ вѣковъ, то въ принятомъ словоупотребленіи оно называется обыкновенно аскетическимъ, міроотрицающимъ. Средневѣковое міровоззрѣніе покоится на идеѣ возможно большаго отреченія отъ всѣхъ земныхъ цѣнностей и земныхъ радостей ради церкви. Эта идея выражена средними вѣками съ большой напряженностью, съ нѣкоторой односторонностью и суровостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ потрясающей силой. Съ точки зрѣнія средневѣковаго міровоззрѣнія высшей формой жизни является не дѣятельная, а созерцательная. Ѳома Аквинскій, одинъ изъ величайшихъ католическихъ богослововъ среднихъ вѣковъ, писатель XIV вѣка, считаетъ созерцательную жизнь гораздо болѣе достойной всякой другой, а Ѳома Аквинскій - писатель наиболѣе приглядѣвшійся къ потребностямъ жизни и нуждамъ времени. Если мы возьмемъ представителей болѣе чистаго средневѣковаго аскетизма, то у нихъ увидимъ такія же мысли только еще болѣе рѣзко выраженныя. Напримѣръ, с. Бернардъ Клер-

восскій различаетъ три ступени, ведущія къ совершенству. На его образномъ языкѣ первая ступень это - жизнь на мельницѣ, вторая ступень :- жизнь на полѣ и третья - жизнь на постели, т.е. высшая созерцательная жизнь. Исходя изъ такого предпочтенія созерцательной жизни-дѣятельной и монашескаго аскетизма-мірской работѣ естественно было бы ожидать полнаго отрицанія производительнаго труда. Однако этого вовсе не дѣлается; цѣнность труда и его достоинство признавалось, только трудъ цѣнился не самъ по себѣ, а какъ средство воспитанія, какъ средство аскетическаго упражненія; слѣдовательно, основная точка зрѣнія, съ которой монашеское средневѣковье смотритъ на трудъ, есть точка зрѣнія религіозно-педагогическая, его цѣнятъ лишь какъ средство борьбы съ праздностью, которая является опасностью и для души, и для тѣла. Въ этомъ смыслѣ папа Григорій Великій считаетъ трудъ подготовительной школой для достойной человѣка жизни. „Если кто хочетъ достичь созерцательной жизни, совершенства, тотъ долженъ до пота работать",—говоритъ онъ. Равнымъ образомъ и Бернардъ Клервоссій убѣждаетъ монашествующихъ сестеръ работать, потому что праздность есть скопище всѣхъ дурныхъ и безполезныхъ мыслей. Ѳома Аквинскій также считаетъ трудъ полезнымъ, а праздность вредной для человѣка.

Хотя трудъ и разсматривался, какъ средство аскетическаго упражненія, но это не мѣшало, а, напротивъ, содѣйствовало тому, что этотъ трудъ былъ весьма напряженнымъ, упорнымъ и усерднымъ. Въ одной біографіи средневѣковаго святого сказано, что „каждый дол-

женъ быть дѣйствительно своимъ воломъ", т.е работать такъ, какъ работаетъ волъ.

Соотвѣтственно съ этими воззрѣніями въ монастырях были установлены весьма суровые уставы, которые налагали тяжелую обязанность труда Такъ въ одномъ уставѣ предписывается монахамъ работать до такой степени усталости, чтобы они засыпали, не ложась еще въ постель Всѣ эти требованія, служившія средствомъ для умерщвленія плоти заставляли монашествующую братію принимать горячее участіе въ обработкѣ дѣвственной почвы Европы. Монастыри расчищали громадные дремучіе лѣса, покрывавшіе въ то время почти всю Западную Европу, и превращали лѣсную область, обрабатывая первобытную почву въ луговыя и полевыя угодья На расчищенныхъ мѣстахъ разводились сады и огороды; самые больные аскеты были вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми трудолюбивыми работниками, при этомъ трудъ регулировался не заработной платой и не принужденіемъ а высшими этическими и религіозными нормами; поэтому для того, чтобы смирить себя, подвергали себя аскетической тренировкѣ. За трудъ брались не только низшіе и не только монахи, но иногда даже весьма высокопоставленныя лица, напримѣръ, одна франкская королева добровольно взяла на себя въ основанномъ ею въ Пуатье монастырѣ исполненіе самыхъ тяжелыхъ работъ; она приносила дрова и воду, убирала комнаты, наблюдала за кухней Подобныхъ примѣровъ изъ исторіи средневѣковья можно привести цѣлый рядъ. Очевидно, каково было экономическое значеніе этой аскетической практики.

Совершенно независимо отъ своихъ прямыхъ намѣреній монастыри сдѣлались насадителями культуры и колонизаціонными центрами. Благодаря возникновенію монастырей колонизировались и воздѣлывались доселѣ дикія мѣста. Въ этомъ отношеніи роль монастырей какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, характеризуется одними и тѣми же чертами. Профессоръ Ключевскій въ своемъ курсѣ русской исторіи такъ характеризуетъ экономическое значеніе нашихъ монастырей, помѣщавшихся въ пустыхъ и дикихъ мѣстахъ: „Три четверти — говоритъ онъ, — пустынныхъ монастырей XIV и XV вв. были такими колоніями, образовались путемъ выселенія ихъ основателей изъ другихъ монастырей, большею частью пустынныхъ же. Пустынный монастырь воспитывалъ въ своемъ братствѣ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе воспріимчивыхъ его членахъ, особое настроеніе, складывался особый взглядъ на задачи иночества; основатель его нѣкогда ушелъ въ лѣсъ, чтобы спастись въ безмолвномъ уединеніи, убѣжденный, что въ мірѣ, среди людской „молвы" то невозможно.

Къ нему собирались такіе же искатели безмолвія и устраивали пустынку Строгость жизни, слава подвиговъ привлекала сюда издалека не только богомольцевъ и вкладчиковъ, но и крестьянъ, которые селились вокругъ богатѣвшей обители, какъ религіозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лѣсъ, ставили и деревни, расчищали нивы, „искатали пустыню", по выраженію житія преп. Сергія Радонежскаго. Здѣсь монастырская колонизація встрѣчалась со крестьянской и служила ей невольной путеводительницей Такъ на мѣстѣ одинокой хижины отшельника вырасталъ многолюдный, бога-

тый и шумный монастырь. Но среди братіи нерѣдко оказывался ученикъ основателя, тяготившійся этимъ нечиѳческимъ шумомъ и богатствомъ; вѣрный духу и преданію своего учителя, онъ отъ его же благословенія уходилъ отъ него въ нетронутую пустыню, а тамъ тѣмъ же порядкомъ возникала новая лѣсная обитель. Иногда это дѣлалъ даже не разъ и самъ основатель, бросая свой монастырь, чтобы въ новомъ лѣсу повторить свой прежній опытъ. Такъ,- заключаетъ профессоръ Ключевскій,- изъ единичныхъ разобщенныхъ мѣстныхъ явленій складывалось широкое колонизаціонное движеніе, которое, исходя изъ нѣсколькихъ центровъ, въ продолженіе четырехъ столѣтій проникало въ самые неприступные медвѣжьи углы и усѣивало монастырями обширныя лѣсныя дебри средней и сѣверной Россіи".

Работа колонизаціи и первоначальнаго привлеченія дикой почвы подъ обработку требовала такого напряженія силъ и такого упорнаго труда, что только аскетическая тренировка могла помочь здѣсь... Въ этомъ смыслѣ средневѣковый аскетизмъ съ его дисциплиной личности и воли сыгралъ несомнѣнно огромное значеніе въ исторіи экономическаго прогресса среднихъ вѣковъ, а слѣдовательно и новѣйшей исторіи.

Тѣмъ не менѣе изъ такого пониманія труда и его значенія проистекаетъ, что приложенію этого труда и его задачамъ ставятся опредѣленныя границы. То пониманіе задачъ производительнаго труда, которое столь обычно въ новѣйшей капиталистической исторіи и въ новѣйшей политической экономіи, здѣсь совер-

менно не имѣло бы мѣста Вѣдь современная политическая экономія оперируетъ съ представленіемъ о такъ называемомъ "экономическомъ человѣкѣ", т.е. исходитъ изъ того представленія, что каждый стремится своими трудами получить наибольшую выгоду, что каждый стремится къ наибольшему обогащенію. Это предположеніе въ значительной степени и соотвѣтствуетъ теперешней экономической дѣйствительности, потому что стремленіе къ непрерывному обогащенію составляетъ цѣль современнаго капиталистическаго производства. Но это представленіе объ „экономическомъ человѣкѣ" совершенно не соотвѣтствуетъ жизни среднихъ вѣковъ, насколько она опредѣлялась вышеуказаннымъ аскетическимъ міровоззрѣніемъ. „Экономическій человѣкъ" современности былъ бы сурово осужденъ средневѣковымъ міромъ. Вся аскетическая дисциплина стремится связать по рукамъ и по ногамъ „экономическаго человѣка" и ограничить его стремленіе только предѣлами необходимаго. Этому соотвѣтствуетъ не только доктрина, но и законодательство, напримѣръ, Соборомъ 829 года запрещено бѣлому духовенству и монахамъ мірское занятіе торговлей и грязные барыши; Соборомъ 1251 г. запрещено клирикамъ занятіе торговлей. Если это для клириковъ безусловно запрещается, то для мірянъ во всякомъ случаѣ не одобряется, а въ извѣстныхъ предѣлахъ тоже запрещается. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ существовала опасность, что трудъ, какъ средство аскетическаго воспитанія, можетъ перейти въ трудъ, какъ дѣятельность „экономическаго человѣка" въ современномъ смыслѣ слова, тамъ средневѣковое законодательство ставило границы. Эти границы должны были стави-

ться и по отношенію къ собственности.

Что касается отношенія къ собственности, то здѣсь во многомъ, какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи, мы видимъ прямое продолженіе тѣхъ ученій, тѣхъ традицій, которыя были установлены въ болѣе раннюю эпоху, въ III, IV, V вв. Подобно Амвросію Медіоланскому и другимъ церковнымъ писателямъ папа Григорій I учитъ относительно земельной собственности, что „земля принадлежитъ всѣмъ людямъ вообще и потому она приноситъ плоды для общаго потребленія всѣхъ людей".

Въ средніе вѣка на церковномъ соборѣ 1267 г. это положеніе даже было высказано въ качествѣ введенія къ постановленіямъ этого собора. Ѳома Аквинскій тоже высказываетъ мысль, что „на основаніи естественнаго права все вообще есть общее". Такимъ образомъ, общая собственность или пользованіе ею было признано естественнымъ правомъ человѣка, причемъ подъ естественнымъ правомъ понимались тогда идеальныя формы жизни первобытнаго безгрѣшнаго состоянія. Вмѣстѣ съ грѣхопаденіемъ появилась частная собственность, а съ нею корысть и вражда. Въ этомъ отношеніи многіе средневѣковые писатели приближаются къ современнымъ соціалистамъ въ критикѣ частной собственности. Цезарій фонъ-Гейстербахъ, одинъ изъ средневѣковыхъ писателей, въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ. „Всякій богатый есть или воръ, или наслѣдникъ вора". Эта мысль дословно формулирована французскимъ соціалистомъ Прудономъ, который одинъ изъ своихъ памфлетовъ озаглавилъ такимъ образомъ, что „собственность есть воровство".

Выводъ изъ такого отношенія къ собственности и богатству дѣлался двоякаго рода съ одной стороны, полное совершенство, слѣдованіе Христу, требуетъ полнѣйшаго отреченія отъ собственности. Это отреченіе у духовныхъ вождей и героевъ средневѣковья и получаетъ осуществленіе. Въ своихъ посланіяхъ Бернардъ Клервосскій постоянно напоминаетъ о необходимости глубоко презирать земныя богатства чтобы пріобрѣсти небесныя. Въ особенности извѣстно движеніе, направленное въ сторону добровольнаго нищенства, связанное съ именемъ Франциска Ассизскаго (1182-1226), апостола добровольной бѣдности. Францискъ Ассизскій не только самъ и его ближайшіе послѣдователи осуществляли вполнѣ идею нестяжательности и отсутствія всякой собственности, но и создали движеніе, основали орденъ всемірствующихъ францисканцевъ, который въ число обѣтовъ включаетъ полный отказъ отъ собственности. Св. Екатерина Сіенская непрестанно молила Бога, чтобы Онъ лишилъ богатства ее и ея близкихъ и сама дѣлала все возможное для исполненія этой молитвы.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что идеалы лучшихъ людей эпохи средневѣковья, ея героевъ, идеалы, напр., Франциска Ассизскаго прямо противоположны идеаламъ современнаго соціализма. Какъ и представители соціализма, они стремились къ равенству, но соціалисты ставятъ идеаломъ равенство о богатствѣ, а средневѣковые монахи ставили идеаломъ равенство въ нищетѣ, при этомъ добровольной

Въ отношеніи къ деньгамъ мы замѣчаемъ особенную подозри-

тельность и враждебность. Одинъ средневѣковый писатель выражаетъ прямо такую мысль, что деньги для служителей Божіихъ это - діаволъ; это отвращеніе къ деньгамъ налагаетъ свою печать на всю средневѣковую исторію, на весь экономическій и хозяйственный бытъ ея.

Во время великаго переселенія народовъ, среди размѣщавшагося на Зап. Европѣ на новыхъ мѣстахъ населенія установилось, какъ мы знаемъ, натуральное хозяйство, въ основѣ котораго было крупное помѣщичье хозяйство, основанное на зависимости крестьянъ. Создался феодальный строй. Естественно, что при натуральномъ хозяйствѣ деньги играютъ второстепенную роль, онѣ рѣдко, менѣе необходимы и вслѣдствіе этого болѣе цѣнны, потому что являются предметомъ роскоши для однихъ, или уже предметомъ крайней необходимости для другихъ. Деньги, конечно, гораздо дороже цѣнятся, тогда, какъ онѣ представляются чѣмъ-то исключительнымъ, роскошью, чѣмъ въ такую хозяйственную эпоху, когда деньги являются само собой разумѣющимся условіемъ хозяйственной жизни, необходимымъ какъ воздухъ. И средневѣковая мысль постоянно занимается, тревожится этимъ вопросомъ о деньгахъ. Упомянутый мною Фома Аквинскій уже въ своемъ сочиненіи „Summo Theologia" рисуетъ какъ нормальный типъ народнаго хозяйства средневѣковый городъ, въ которомъ ремесла раздѣлены по цехамъ, гдѣ цехи раздѣлены между собой непроницаемыми перегородками. Этотъ народно-хозяйственный строй представляется средневѣковому мыслителю не только неизмѣннымъ, но и необходимымъ и потому

разлагающее вліяніе денежнаго хозяйства для него особенно замѣтно.

Ѳома Аквинскій вообще задается вопросомъ, позволительно ли кому-либо владѣть своею собственностью? Несмотря на то, что онъ считалъ частную собственность несовмѣстимой съ естественнымъ правомъ, онъ не рѣшился отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ принужденъ допустить частную собственность, хотя и съ рядомъ оговорокъ, въ виду ея неизбѣжности. „Было-бы несправедливо сказать,- говоритъ онъ,- „что человѣкъ не долженъ имѣть никакой собственности, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ всѣми силами избѣгать корыстолюбія", т е. избѣгать того идеала „экономическаго человѣка", который создался въ новое время и фигурируетъ въ политической экономіи нашего времени.

Наилучшимъ назначеніемъ богатства является не обращеніе его для накопленія, не превращеніе его въ капиталъ, не растрачиваніе его для себя, а употребленія его для бѣдныхъ, на дѣла благотворительности По свидѣтельству историковъ благотворительность отдѣльныхъ представителей средневѣковаго аскетизма была весьма широко развита, и иногда превращалась въ свойство весьма обременительное для другихъ, для цѣлыхъ общественныхъ группъ Напр., одна нѣмецкая королева такъ ревностно благотворила, что тратила на благотворительность даже государственные доходы. Жена Короля Генриха I по 2 раза въ день кормила цѣлые толпы нищихъ. Во время своихъ путешествій она брала съ собой жизненные припасы, чтобы раздавать ихъ нищимъ. А такъ какъ на такую благотворительность собственныхъ средствъ въ концѣ концовъ не хватало, то рас-

трачивались государственные доходы.

При господствѣ натуральнаго хозяйства для экономической дѣятельности устанавливались весьма скромныя границы. Пріобрѣтеніе имущества ограничено удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей. Очевидно, что такое пониманіе задачъ экономической жизни не благопріятствуетъ крупному производству. Промышленность принимаетъ здѣсь форму производства на заказъ,- т.е. ремесла, организованную въ цехи. Кромѣ того сами потребности были на низкомъ уровнѣ развитія. Частныя жилища въ средніе вѣка отличались бѣдностью и грубостью какъ внѣшняго, такъ и внутренняго устройства. Только въ церквахъ и соборахъ проявила средневѣковая техника свои лучшія думы, свои изобрѣтенія и полетъ Такимъ образомъ, возникли тѣ величавые соборы, которые и до сихъ поръ составляютъ непревзойденное чудо искусства Зап. Европы; и по сейчасъ производятъ такое сильное впечатлѣніе. Эти соборы строились цѣлыми вѣками строились анонимно; никто не оставилъ имъ своего имени, никто не связалъ своего вѣчнаго тщеславія,своихъ личныхъ интересовъ съ этими зданіями., Это - было въ буквальномъ смыслѣ слова коллективное созданіе церкви.

Натуральное хозяйство, какъ я сказалъ, стѣсняло денежныя операціи; и средневѣковье относилось подозрительно ко всякимъ формамъ денежной спекуляціи. Не только къ прямой спекуляціи,но и къ такимъ сдѣлкамъ, гдѣ было опасеніе, что эта спекуляція скрывается и тамъ Особенно тревожнымъ и много обсуждавшимся вопросомъ для среднихъ вѣковъ является вопросъ о цѣнахъ и о

торговлѣ. То, что въ настоящее время ни въ комъ не возбуждаетъ вопроса - именно позволительно ли торговать, не является ли торговля грѣхомъ, преступленіемъ противъ совѣсти и Бога, - этотъ вопросъ настойчиво и неотвязно тревожилъ мысль и совѣсть въ средніе вѣка. И не только вопросъ о томъ, благовидно ли торговать но и вопросы о томъ, какъ торговать, какъ производить эту торговлю-занимаютъ эту эпоху. Средніе вѣка пытаются выработать нѣкоторыя теоретическія и практическія мѣрки для установленія справедливыхъ цѣнъ, такихъ цѣнъ, которыя можно брать при торговлѣ, не принимая на душу грѣха. Есть принципъ спроса и предложенія, который въ настоящее время является господствующимъ, который считается вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ способомъ регулированія цѣнъ - средневѣковая совѣсть считаетъ непріемлемымъ. Колебаніе спроса и предложенія, благодаря которымъ въ голодный годъ цѣна на хлѣбъ поднимается до уровня, недоступнаго для бѣдняка, а въ годъ урожая падаетъ- для среднихъ вѣковъ представляется даже недопустимымъ преступленіемъ. Съ такимъ положеніемъ вещей средніе вѣка не мирились и пытались бороться, хотя и неудачно. Напр., въ 1194 г. капитуляріемъ Карла Великаго опредѣлено, что нельзя повышать цѣну на хлѣбъ во время нужды выше обыкновеннаго, а во время изобилія нельзя понижать ее. И разъ навсегда была установлена цѣна на печеный хлѣбъ.

Конечно, эти мѣры при нашихъ экономическихъ условіяхъ были-бы смѣшны по своей невыполнимости. Но нужно принять во вниманіе ту простоту хозяйственныхъ отношеній, ограниченность и

слабость обмѣна, при которыхъ эти мѣры устанавливаются Цѣль и задача ихъ была въ томъ, чтобы соблюсти справедливость естественнаго права въ отношеніяхъ обмѣна Тотъ же Ѳома Аквинскій затрачиваетъ много мѣста и труда для выясненія вопроса о справедливой цѣнѣ.

По манерѣ схоластиковъ онъ приводитъ аргументы и отъ разума и изъ писателей и святыхъ отцовъ какъ за, такъ и противъ, стремясь установить справедливыя основанія оцѣнки. Особенное вниманіе обращается еще на то что въ цѣнѣ повышенной сверхъ естественнаго уровня можетъ скрываться % на капиталъ, запрещенный и церковью и законодательствомъ, а съ этимъ не мирилось средневѣковое міровоззрѣніе.

Такъ же было и отношеніе къ торговлѣ вообще. Торговля хотя и допускалась, но какъ неизбѣжное зло, и во всякомъ случаѣ лишь въ предѣлахъ удовлетворенія насущныхъ потребностей Торговля съ другими цѣлями относится къ понятію лихоимства Въ серединѣ среднихъ вѣковъ мы наблюдаемъ увеличивающееся движеніе въ борьбѣ съ ростомъ капитала и вообще съ денежными хозяйственными отношеніями. Въ 1179 г. одинъ изъ каноновъ многолюднаго Латеранскаго собора, созваннаго папой Александромъ III гласилъ слѣдующее: „Такъ какъ почти повсюду преступное взиманіе роста сдѣлалось настолько распространеннымъ явленіемъ, что многіе оставляютъ другія занятія и становятся ростовщиками, какъ будто-бы это дозволенное ремесло, причемъ не обращается вниманіе на запрещенія ни Ветхаго, ни Новаго Завѣта,-

ми повелѣваемъ, чтобы завѣдомые ростовщики не допускались къ причастію и, если они умрутъ, пребывая въ своемъ грѣхѣ, чтобы ихъ не хоронили по христіанскому обряду, а священники не принимали отъ нихъ милостыни"...

Нужно знать, что значило для среднихъ вѣковъ запрещеніе хоронить по христіанскому обычаю и недопущеніе къ причастію, чтобы оцѣнить всю суровость этихъ мѣръ и непримиримость папскаго престола по отношенію къ росту.

Духовныя лица, ослушавшіяся этого повелѣнія, должны быть отрѣшены отъ должности, пока епископъ не признаетъ ихъ исправившимися.

Тотъ же папа въ посланіяхъ къ архіепископу Салернскому и епископу Пьяценскому объявилъ, что ростовщиковъ и даже ихъ наслѣдниковъ слѣдуетъ заставлять возвращать несправедливо нажитое богатство подъ угрозой подобныхъ же наказаній.

Слѣдующій шагъ въ этомъ направленіи сдѣлала церковь на другомъ многолюдномъ соборѣ - Ліонскомъ, бывшемъ въ 1274 г. Папа Григорій X рѣшился здѣсь сдѣлать смѣлый шагъ. На этомъ соборѣ было постановлено, чтобы коммуны, корпораціи и отдѣльныя лица не позволяли иностранцамъ ростовщикамъ нанимать помѣщенія и вообще пребывать на ихъ земляхъ, но въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ изгнали бы ихъ изъ своихъ предѣловъ. Запрещалось также кому-бы то ни было отдавать имъ въ наемъ дома. Ослушникъ, если это былъ прелатъ, навлекалъ на свои земли интердиктъ, если мірянинъ — епископъ д. б. подвергнуть его церковному покаянію. Наконецъ,

духовныя завѣщанія нераскаявшихся ростовщиковъ, т е. ростовщиковъ, не возвратившихъ своимъ должникамъ роста, объявлялись не имѣющими силы. Въ 1311 году папа Климентъ V объявилъ все свѣтское законодательство, защищающее взиманіе роста, не имѣющимъ силы и уничтоженнымъ и заклеймилъ названіемъ ереси мнѣніе, что въ ростовщичествѣ нѣтъ грѣха. Въ болѣе позднiй періодъ средневѣковья именно въ 13-14 и 15 вѣкахъ вырабатывается въ рядѣ трактатовъ, авторитетныхъ мнѣній, церковное міровоззрѣніе, которое въ исторіи политической экономіи носитъ названіе канонической доктрины, доктрины канонического права. Эта доктрина представляетъ собой прикладную часть христіанской этики въ примѣненіи къ вопросамъ экономической жизни; причемъ по своимъ принципамъ, по своему содержанію она представляетъ собой дальнѣйшее развитіе того ученія которое было выражено отцами церкви и получило выраженіе въ постановленіяхъ средневѣковыхъ соборовъ. Но этотъ принципъ дѣйствовалъ въ измѣняющейся исторической средѣ, т. е. средѣ, въ которой натуральное хозяйство подъ напоромъ экономической необходимости уступало мѣсто денежному Онъ измѣнялся сообразно съ ходомъ жизни.

До Вьеннскаго собора 1311 г. западная церковь не дѣлала еще послѣдняго шага въ сторону безусловнаго отказа признать все свѣтское законодательство въ пользу ростовщичества и запрещеніе этого послѣдняго было центральнымъ пунктомъ канонического ученія Только въ полсвичѣ 14-аго вѣка за этимъ цер-

ковнымъ постановленіемъ послѣдовало и гражданское право, въ которое тоже было включено запрещеніе ростовщичества Въ то же самое время жизнь, съ ея измѣняющимися денежными отношеніями, требовала допущенія въ извѣстныхъ предѣлахъ сдѣлки съ капиталами дохода по %-амъ И канснческая доктрина имѣетъ то значеніе что, поддерживая прежній принципъ стрицательнаго къ нимъ отношенія, вырабатываетъ средства приспособленія ихъ къ потребностямъ жизни такимъ образомъ, что при переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ новому, создается форма сдѣлокъ, покрывающихъ собой отношенія капиталистическія. Средневѣковые писатели, выражающіе каноническую доктрину, остаются при прежнемъ отношеніи къ богатству, т. е. осуждаютъ погоню за нимъ, если оно служитъ средствомъ къ обогащенію Но все-таки становится возможнымъ пріобрѣтеніе богатства посредствомъ экономической дѣятельности; по крайней мѣрѣ пріобрѣтеніе средствъ существованія такимъ спссобомъ допускается, исходя изъ другой точки зрѣнія, именно изъ воззрѣнія канонической доктрины о сословіяхъ и о состояніяхъ. Согласно этому ученію, Богъ распредѣлилъ всѣхъ людей по извѣстнымъ разрядамъ или сословіямъ, изъ которыхъ каждое ведетъ извѣстный спредѣленный образъ жизни Можно поэтому оправдать и прибыль, если ее получаетъ опредѣленное купеческое сословіе, и если оно получаетъ ее въ стремленіи къ пріобрѣтенію средствъ существованія. Англійскій писатель Уиклифъ, одинъ изъ предшественниковъ реформаціи, часто возвращается къ развитію этого положенія въ своихъ сочиненіяхъ

сравнивая людей съ членами человѣческаго тѣла. И идея о классовыхъ обязанностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и о классовыхъ правахъ провозглашается въ качествѣ рѣшающаго аргумента при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся распредѣленія и обмѣна. Такъ, напр, Лангенштейнъ, занимавшій нѣкоторое время должность ректора Парижскаго университета, а затѣмъ въ 1384 г. приглашенный для преподаванія въ новомъ Вѣнскомъ университетѣ, полагаетъ, что каждый можетъ опредѣлить для себя справедливую цѣну на товары, которые онъ продаетъ, высчитавъ просто, что ему нужно для того, чтобы содержать себя такъ, какъ это свойственно тому положенію, которое онъ занимаетъ въ жизни. Слѣдовательно, прибыль какъ въ торговой, такъ и въ промышленной дѣятельности разсматривается, какъ родъ заработной платы, который опредѣляется какъ экзистенцминимумъ, т. е. какъ жизненныя потребности извѣстнаго сословія. Обращаясь къ лордамъ-землевладѣльцамъ, онъ говоритъ, что единственное справедливое основаніе для полученія ренты, заключается въ надлежащемъ исполненіи ими обязанностей, присущихъ ихъ классу, въ справедливомъ управленіи подчиненнымъ и въ защитѣ ихъ. Ставши на эту точку зрѣнія, канонисты облегчили для себя разрѣшеніе вопроса о торговлѣ. Правда, они не устанавливаютъ особаго сословія торговцевъ или купцовъ. Міряне дѣлятся для нихъ на дворянъ и рабочихъ. Но и купецъ, получающій содержаніе отъ прибыли можетъ быть причисленъ къ категоріи лицъ, трудомъ своимъ добывающимъ себѣ хлѣбъ. Къ нимъ каноницты относили доводы Ѳомы Аквинскаго въ оправда-

ніе торговли „Торговля становится дѣломъ дозволеннымъ, когда купецъ стремится къ умѣренной прибыли, для того, чтобы имѣть возможность содержать свою семью или помогать нуждающимся, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда торговлей занимаются въ видахъ общаго блага, чтобы снабдить страну предметами, необходимыми для жизни И барышъ не является самъ для себя цѣлью, но служитъ лишь платой за трудъ" Для опредѣленія размѣровъ справедливой прибыли они ссылались, по примѣру Ѳомы Аквинскаго, на обычный критерій - общепризнанный жизненный уровень даннаго класса

Земля была источникомъ всякаго богатства Но чтобы добыть изъ нея все, что она способна была дать, нуженъ былъ человѣческій трудъ Поэтому ученіе о трудѣ получаетъ центральное мѣсто Все богатство образовалось благодаря приложенію труда къ матеріалу доставляемому природой. Пріобрѣтеніе богатства оправдывается только въ той мѣрѣ и въ такомъ случаѣ, если можно доказать что въ достиженіи этого результата участвовалъ трудъ „Богъ и рабочій - выразился одинъ богословъ, - суть настоящіе владѣльцы (lords) всего того, что служитъ на пользу человѣка Всѣ другіе являются или распредѣлителями, или нищими' И затѣмъ онъ разъясняетъ, что духовенство и дворянство суть должники земледѣльцевъ и ремесленниковъ, и признаетъ за ними право на болѣе почетное положеніе, болѣе высокое вознагражденіе постольку, поскольку они, въ качествѣ „правящихъ классовъ" надлежащимъ образомъ исполняютъ свои обязанности,

сопряженія съ большимъ трудомъ и большими опасностями. Опять таки нельзя не отмѣтить здѣсь сходства между соціалистической доктриной современности о преобладающемъ или исключительномъ значеніи труда въ созданіи цѣнности и въ установленіи права на участіе въ общественномъ продуктѣ и этимъ ученіемъ канонистовъ о трудѣ, какъ единственной причинѣ собственности и единственномъ ея оправданіи.

Впослѣдствіи, у Локка, мы встрѣчаемся съ трудовой теоріей собственности, съ попыткой обосновать собственность изъ идеи труда.

Такимъ образомъ, каноническая доктрина искусно лавировали между Сциллой прямолинейнаго проявленія аскетизма и Харибдой безпринципнаго маммонизма,- открывая возможность итти навстрѣчу задачамъ экономической жизни, и не затрагивая вмѣстѣ съ тѣмъ установленій стараго законодательства, и воззрѣній на вопросъ о % на капиталъ, такъ какъ все-таки развивающаяся торговля и промышленность, развивающійся капитализмъ не могли обойтись безъ того, чтобы не были признаны эти основныя капиталистическія отношенія.

Поэтому передъ представителями канонической доктрины выступилъ трудный вопросъ создать такую конструкцію, при которой безъ отмѣны и нарушенія нормъ каноническаго права была-бы дана возможность получать % на капиталъ. Эта задача и была разрѣшена обходнымъ путемъ - путемъ приложенія къ ссудамъ капиталистическаго характера отношеній, возникающихъ въ области права

земельнаго - путемъ искусственнаго истолкованія % на капиталъ въ иномъ смыслѣ.

Два способа полученія % на капиталъ вырабатываетъ теорія поздняго средневѣковья Одинъ способъ - это взиманіе % или взиманіе интересовъ, другой - полученія ренты Собственно подъ понятіемъ %-овъ или интереса въ настоящее время разумѣется извѣстный доходъ съ капитала. Въ средніе вѣка интересъ понимается не какъ тотъ доходъ, который можетъ получить владѣлецъ капитала съ должника по праву капиталовладѣльца - а какъ то, чего онъ лишается и теряетъ благодаря тому, что онъ свой капиталъ отдаетъ въ руки другого лица. Если-бы онъ не отдавалъ своего капитала въ чужія руки, въ безвозмездную будто-бы ссуду, онъ получилъ-бы, конечно, за это время извѣстный доходъ. Этого дохода онъ лишается; и должникъ долженъ владѣльцу капитала возмѣстить этотъ утраченный интересъ. Это возмѣщеніе и есть источникъ дохода на капиталъ.

Такимъ образомъ, въ признаніи % на капиталъ канонической доктрины въ формѣ интереса - лежитъ нѣкоторая фикція, заключающаяся въ томъ, что самый капиталъ отдается будто-бы безвозмездно, а если съ него и получается извѣстный %, то онъ получается въ возмѣщеніе того ущерба, который капиталистъ терпитъ благодаря его отчужденію Безъ этой фикціи полученіе % на капиталъ было бы затруднено.

Неполученіе выгоды, понесенный ущербъ - былъ однимъ основаніемъ полученія % на капиталъ; другимъ была связь съ

догмами римскаго права

Въ раннюю эпоху, по раннимъ варварскимъ кодексамъ, весьма суровымъ, неисправный должникъ становился рабомъ своего кредитора, а продолжительность рабства опредѣлялась сообразно съ долгомъ и продолжительностью времени, на которое онъ былъ взятъ Въ позднѣйшее время, вмѣсто того, чтобы должника дѣлать рабомъ, его садили подъ арестъ, подъ надзоромъ кредитора Вмѣсто того, чтобы примѣнять эту суровую мѣру къ неисправнимъ должникамъ, обыкновенно въ самый долгъ включалась сумма вознагражденія за убытокъ на случай неуплаты въ условленный срокъ, обыкновенно въ суммѣ самаго долга И для того, чтобы это не имѣло вида уплаты %-овъ то то, что въ настоящее время называютъ %-ми, присчитывали къ капиталу долга И вотъ на основаніи этихъ 2-хъ условій считалось возможнымъ брать %

Другой формой взиманія % на капиталъ была земельная рента Въ настоящее время всякія цѣнныя бумаги, приносящія %, называются рентой Взиманіе ренты съ земли не считалось недозволеннымъ и въ средніе вѣка Когда въ средніе вѣка земля сдѣлалась не единственнымъ источникомъ полученія дохода, когда начали играть роль и другіе источники полученія дохода - тогда въ основу полученія дохода съ чужихъ капиталовъ легли тѣ же начала, которыя были положены и въ основу полученія дохода съ недвижимой собственности, продавалась какъ-бы земля дающая право на полученіе дохода. Земля возвращалась прежнему собственнику, а продавалось право полученія дохода на капиталъ Та-

кимъ образомъ обходилось [illegible] взиманія %-овъ

Покупка ренты, по мнѣнію Лангенштейна, была дозволительной, когда цѣлью ея было обезпеченіе себѣ содержанія подъ старость или когда ею гарантировался вѣрный доходъ для лицъ, состоящихъ на службѣ церкви или государства Грѣховной она становилась лишь тогда, когда она давала возможность людямъ знатнымъ жить въ роскоши и праздности, а представителямъ низшихъ классовъ бросать свое занятіе честнымъ трудомъ; ибо въ такихъ случаяхъ нарушалась божественная заповѣдь: „Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ свой"

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь попытку признать, что % долженъ быть какъ-бы заработной платой, т. е. долженъ обезпечить достаточное человѣческое существованіе Папскій престолъ [illegible] опредѣленно по этому вопросу въ 1425 г. Такъ какъ значительная часть доходовъ церкви заключалась въ рентѣ, то уже это одно предполагало болѣе положительное отношеніе къ разрѣшенію этого вопроса. И онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ что взиманіе ренты не есть грѣхъ, пока послѣдняя удовлетворяетъ извѣстнымъ условіямъ, именно слѣдующимъ. 1) рента должна падать на такъ назыв „bona stabilia", т. е землю и другую недвижимую собственность 2) Лица платящія ренту должны имѣть право выкупить ее 3) Рента не должна превышать 7-10% покупной цѣны (въ то время это была граница довольно низкая)

Средневѣковая культура носила въ себѣ внутреннее разъѣдающее ее противорѣчіе Противорѣчіе это, трагическое и совершенно неустранимое, заключалось въ томъ, что церковь требовала отреченія отъ богатства, отъ собственности въ свою пользу Но чѣмъ больше осуществлялось это отреченіе, т.е. чѣмъ больше это ученіе переходило въ жизнь того времени, тѣмъ болѣе значительно обременялась богатствомъ и собственностью, вообще обмірщалась та организація, въ пользу которой отрекались. Мы знаемъ, что этой организаціей была папская іерократія Чѣмъ болѣе поднималось аскетическое настроеніе ограниченія жизни, тѣмъ богаче становился римскій престолъ, и тѣмъ больше соблазновъ обмірщенія создавалось для этой власти Когда на папскомъ престолѣ сидѣли такіе замѣчательные люди, какъ папа Григорій VII или Иннокентій III, они отдавали это богатство въ достояніе своей идеи, на утвержденіе своей власти. И тогда эта власть получала зловѣщій оттѣнокъ. Но когда римскій престолъ занимали люди, не находившіеся на высотѣ своего положенія, (что было чаще) - тогда это богатство становилось орудіемъ злоупотребленій.

Такимъ образомъ, папская іерократія и идеалы аскетизма находились во внутреннемъ конфликтѣ между собой, въ постоянной жизненной борьбѣ. Поэтому средневѣковой католицизмъ характеризуется одновременно соединеніемъ въ себѣ обоихъ полюсовъ. Онъ знаетъ такихъ святыхъ, какъ Францискъ Ассизскій и его монашескій орденъ съ его отрѣченіемъ отъ всего И одновременно съ нимъ справедливы были обличенія въ роскоши римскаго двора, римскихъ

прелатовъ, римскаго клира, - и вообще въ обмірщеніи Рима.

Этотъ конфликтъ, созданный самой сущностью идеи, является постояннымъ источникомъ, постоянной причиной движеній протеста, направленныхъ противъ римскаго престола. На протяженіи всего средневѣковья мы наблюдаемъ духовныя теченія, направленныя противъ обмірщенія Рима и стремящіяся возстановить въ церковной жизни иную, высшую норму., осуществить идеалъ общности имущества и хозяйственнаго коммунизма. При чемъ этотъ идеалъ коммунизма обыкновенно находятъ въ іерусалимской общинѣ, описанной въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ Эти такъ называемые средневѣковые еретики и коммунисты появляются весьма рано; начиная съ X - XI вѣковъ, и тянутся до самой реформаціи. Наше знакомство съ экономическими воззрѣніями среднихъ вѣковъ было-бы неполнымъ, если бы мы не остановили нашего вниманія на этихъ представителяхъ средневѣковаго коммунизма.

Еще монашествующій орденъ Франциска Ассизскаго, положившій въ основу свою добровольное нищенство, выдѣлилъ группу болѣе крайнюю. которая особенно отстаивала этотъ идеалъ тогда, когда самый орденъ уже обмірщился и утратилъ вѣрность своимъ прежнимъ завѣтамъ.

Францискъ Ассизскій основалъ 3 ордена: одинъ мужской, другой женскій и, наконецъ, третій орденъ, названный терціарій, который представлялъ собой не монашествующій орденъ, а союзъ мірскихъ лицъ, союзъ ремесленниковъ, какъ бы городского пролетаріата. Этотъ третій орденъ выдѣлилъ изъ себя цѣлую группу болѣе строгихъ

фратичелли, называвшихъ другъ друга братьями, которые поддерживали завѣты Франциска Ассизскаго: добровольную бѣдность и общность имущества. Уже въ XII вѣкѣ на историческую сцену выступаетъ другое ученіе въ этомъ духѣ ученіе аббата Іоахима изъ Калабріи (1141 - 1201г.) Этотъ монахъ проповѣдывалъ общность имущества и обличалъ развращенные нравы римскаго клира. Онъ искалъ средствъ спасенія общества и видѣлъ это средство въ общности имущества и монашеской формѣ міра. Ему казалось, что приближается міровой переворотъ, который представлялся ему въ видѣ 1000-лѣтняго царства, обѣщаннаго въ Апокалипсисѣ Онъ значитъ принадлежалъ къ группѣ хиліастовъ (которые получили свое названіе отъ греческаго слова Χιλιάς (тысяча), вѣрившихъ въ скорое наступленіе 1000-лѣтняго царства Іисуса Христа, о которомъ будто бы говорится въ Апокалипсисѣ (Толкованіе соотвѣтственныхъ мѣстъ Апокалипсиса въ высшей степени спорно и едва ли соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному смыслу). Въ еретическомъ движеніи идеи хиліастовъ играютъ особенно большую роль, и въ этомъ отношеніи вы не разъ вспомните о нихъ. Въ новѣйшихъ и современныхъ исканіяхъ эта идея новаго царства и новаго завѣта связана съ именемъ Мицкевича и отчасти съ именемъ Мережковскаго.

Іоахимъ раздѣлялъ на три эпохи исторію человѣчества Сначала было время, когда люди служили только плоти отъ Адама до Христа, затѣмъ наступаетъ время отъ Осіи и Елисѣя до Іоакима, когда люди служатъ и плоти, и духу. Въ новой эпохѣ, со времени св. Бенедикта, люди служатъ только духу Это третье состояніе есть состо-

яніе монашества. Въ то время какъ до сихъ поръ монастыри охватывали лишь часть человѣчества, въ этомъ будущемъ царствѣ, царствѣ духа, необходимо, чтобы монастыри охватывали все человѣчество [++] Эта идея произвела глубокое впечатлѣніе и на современниковъ и потомковъ. Она отразилась впослѣдствіи въ идеалахъ одного изъ вожаковъ Италіанскаго крестьянскаго возстанія Дольчино и въ идеалахъ вождей германскихъ крестьянскихъ войнъ эпохи реформціи Томаса Мюнцера и другихъ дѣятелей движеній коммунистическаго характера

Послѣдователи Іоахима требовали, такимъ образомъ, возвращенія къ первымъ вѣкамъ христіанскаго міра, съ ихъ общностью имущества, и обличали римскую церковь за ея обмірщеніе и богатство Здѣсь звучатъ уже первые тоны будущей реформаціи; и въ этомъ от-

---

++ *Вотъ какими словами рисуетъ это Іоахимъ „Первыя времена были временами познанія, вторыя – временами мудрости, послѣднія будутъ временами полнаго разумѣнія. Первая эпоха была эпоха рабскаго подчиненія, вторая – сыновнаго повиновенія, третья будетъ эпоха свободы. Первая была испытаніемъ, вторая – дѣйствіемъ, третья будетъ созерцаніемъ. Первая – эпоха страха, вторая – вѣры, третья – любви. Первая – отъ рабовъ, вторая-отъ сыновъ, третья – отъ друзей. Первая – время старости, вторая – юношества, третья – дѣтства. Первая эпоха протекла при блескѣ звѣздъ, вторая – при свѣтѣ зари, третья – въ сіяніи дня. Первая подобна зимѣ, вторая – началу весны, третья будетъ подобна лѣту. Первая несла съ собой крапиву, вторая – розы, третья принесетъ лиліи. Первая давала траву, вторая – колосья, третья пшеницу. Первая – воду, вторая – вино, третья – масло. Первая относится къ недѣлѣ о слѣпомъ сынѣ, вторая – къ недѣлѣ Православія, третья будетъ праздникомъ Пасхи. Первая эпоха относится къ Богу-Отцу, Творцу*

ношеніи всѣхъ примыкавшихъ къ этому раньше противодѣйствію Риму, можно назвать въ настоящее время именемъ тѣхъ, которыхъ теперь въ наукѣ называютъ реформаторами до реформаціи, до Лютера.

Изъ нихъ особенно выдѣляется Арнольдъ изъ Брешіи. Брешіанскій, который особенно нападалъ на богатства римской церкви и вслѣдствіе этого принужденъ былъ оставить Римъ и бѣжать сначала въ Парижъ, затѣмъ въ Цюрихъ. Оттуда онъ возвратился въ Римъ но былъ здѣсь схваченъ, выданъ папской власти и погибъ на кострѣ. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго Абеляра, его ближайшимъ другомъ и сподвижникомъ. Такимъ образомъ, въ самой Италіи, около Рима, создавались ученія, ему враждебныя. Но особенно широкое распространеніе эти ученія получили въ южной Франціи въ теченіе X - XI - XII вв. Здѣсь, въ провинціи Альбигойской еретики получили настоящее право гражданства; и имя „альбигойцы" становится постепенно столь-же нарицательнымъ названіемъ для всѣхъ враждебныхъ римской церкви, какъ въ настоящее время, у насъ, словомъ

всего видимаго и невидимаго, вторая - къ Богу-Сыну, очеловѣчевшемуся, третья будетъ эрой Духа Святаго, апостолъ котораго сказалъ: „Гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода"..

Вмѣстѣ съ наступленіемъ эры религіозной истины, по мнѣнію Іоахима, наступитъ эволюція совѣсти, Церкви и всего христіанскаго міра. Вѣчное Евангеліе будетъ читаемо мистическимъ разумомъ (misticus intellectus), который только одинъ и способенъ подняться до разумѣнія Св. Духа. Поэтому тогда будетъ процвѣтать совсѣмъ мистическая созерцательная церковь, церковь монахозъ, церковь, „которая освободившись отъ всѣхъ заботъ міра сего, живетъ только разумомъ и занимается исключительно молитвами и песнопѣніями"... Монашество все охвачено Божественной любовью какъ и самъ Духъ Святой, символомъ котораго она является.

„сектантъ" обозначается враждебное отношеніе къ господствующей церкви.

Вы знаете, что альбигойское ученіе связано съ именемъ тѣхъ самыхъ опустошительныхъ религіозныхъ альбигойскихъ войнъ, которыя привели къ полному разоренію всего юга Франціи. Вызванныя нетерпимостью папской власти, онѣ продолжались 30 лѣтъ, при страшномъ кровопролитіи и привели къ учрежденію здѣсь въ XIII вѣкѣ инквизиціи, ранѣе, чѣмъ она была создана въ другихъ государствахъ.

Въ исторіи подъ именемъ альбигойцевъ извѣстны 2 группы еретиковъ различнаго характера: съ одной стороны, катары, а съ другой—вальденцы. Что касается секты катаръ (очищенные), то она—славянскаго происхожденія, отъ болгарскихъ богумиловъ, и имѣетъ связь съ ересью манихеевъ, которая характеризуется тѣмъ, что рядомъ съ добрымъ началомъ міра, признаетъ и злое начало. И это злое начало, этого злого бога, она считаетъ дѣйствительнымъ творцомъ мѣра. Что касается ихъ экономическихъ воззрѣній, то, по крайней мѣрѣ въ Альбигойской провинціи, общины, созданныя катарами, въ первое время отличались чрезвычайно высокимъ укладомъ жизни и нравственной чистотой. Профессоръ Осокинъ такъ характеризуетъ катаръ: „Катары въ глазахъ самаго строгаго нравственнаго суда удовлетворяли тому названію, которое они возложили на себя Такое аскетическое подвижничество въ католической церкви могло представлять явленіе аналогичное съ тѣми, которыя составляли характеристику обыкновенныхъ послѣдователей альби-

гойства Высшее совершенство выставлялось цѣлью земного существованія катара; тяжелый путь велъ къ достиженію его Смертный грѣхъ представлялся вездѣ суровому регористу альбигойскому Эта секта смотрѣла на намѣреніе, какъ на преступленіе Кодексъ ея воспрещалъ подъ страхомъ исключенія, вмѣстѣ съ убійствомъ, нанесеніе кровавыхъ ранъ; запрещалъ всякое сбладаніе земными благами - этой ржавчиной души. Этотъ кодексъ предписывалъ умудреніе души возвышеннымъ созерцаніемъ. Отсюда законъ о совершеннымъ нищенствѣ. И сектанты часто называли себя нищими во Христѣ" Запрещая убійство альбигойцы запрещали всякое кровопролитіе вообще войну. Даже убивземные за ученіе „совершенные" альбигойцы должны терпѣливо сносить раны и смерть и не поднимать руки въ свою защиту Хотя бы и за самое святое дѣло проливалась кровь - она не угодна Богу. Совершенные считали себя непосредственными преемниками апостоловъ, свое призваніе они ограничивали распространеніемъ и проповѣданіемъ истинной вѣры, они отрѣшались отъ міра и общества, ихъ имущества принадлежали всей церкви и шли на ея цѣли такъ же, какъ и вклады которые они получали отъ вѣрующихъ и отъ новообращенныхъ, удостоенныхъ утѣшенія (consalamentum), во время болѣзни, или хотя бы въ минуту смерти. Ихъ жизнь была рядомъ аскетическихъ подвиговъ; они отрекались отъ семейныхъ и родственныхъ узъ и давали обѣтъ цѣломудрія и нищеты... Число посвященныхъ было около 4000, но число сторонниковъ было очень велико. Можно сказать, что вся Франція была заражена ими; и понятно, поэтому, вражда и нетер-

нимость къ нимъ римской папской власти (Въ виду этого ихъ вліянія понятно, почему обезпокоенный ими папа началъ опустошительную альбигойскую войну).

Кромѣ катаръ въ Альбигойской провинціи еще существовали вальденцы „Вальденцы" есть собирательное названіе для цѣлаго ряда различныхъ сектъ, все равно, какъ у насъ подъ названіемъ старосбрядцы мы подразумѣваемъ секты различныхъ толковъ. Они были ранними предшественниками протестантизма и заключали въ себѣ оттѣнки различныхъ мистическихъ сектъ Имя имъ далъ купецъ Петръ Вальдусъ, носившій названіе бѣдняка Ліонскаго Онъ роздалъ все свое имущество и посвятилъ себя пропозѣди Евангелія и хозяйственнаго коммунизма, рѣзкой критикѣ римской церкви и проповѣди ея улучшенія въ духѣ реформаціи.

Для римской церкви эти оттѣнки между катарами и вальденцами имѣли второстепенное значеніе такъ какъ отношеніе обѣихъ группъ было одинаково отрицательное къ римской церкви. Такимъ образомъ, въ обѣихъ группахъ, съ различной степени интенсивностью, провозглашался идеалъ общности имущества и отрицалась частная собственность

Такого же характера секты, какъ альбигойскія, обнаружились вскорѣ и въ самой Италіи На сѣверѣ Италіи, подъ вліяніемъ альбигойцевъ, въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ еретическія секты называвшія себя апостольскими братьями-патаренами-(оборванцы, рвань) Это названіе показываетъ, что секта состояла изъ низшихъ, бѣдныхъ классовъ населенія Ими было создано движеніе въ Миланѣ въ

1158 году. Это движеніе исходило изъ низшихъ классовъ населенія и было направлено противъ богатыхъ и дворянъ. Въ XIII вѣкѣ патарены получаютъ замѣчательныхъ представителей, которые становятся ихъ вождями. Первымъ изъ нихъ былъ Джерардо Сегарелли. Онъ сначала просилъ о пріемѣ въ орденъ францисканцевъ, но получилъ отказъ (около 1260 г.). Тогда онъ роздалъ все свое имущество и образовалъ свою собственную секту. Онъ скоро нашелъ многочисленныхъ приверженцевъ, особенно въ Ломбардіи. Всѣ они по примѣру 1-хъ христіанъ называли другъ друга сестрами и братьями. Они были бѣдны,- не имѣли личной собственности и никакихъ запасовъ на завтра. Если они были голодны, то просили милостыню у перваго встрѣчнаго; и все, что имъ подавали, они дѣлили между всѣми. Бракъ запрещался имъ, но каждый, кто этого желалъ, могъ брать себѣ сестру помощницу. Это естественно навлекло на нихъ нареканія со стороны тѣхъ, кто были настроены враждебно къ сектѣ. Но нужно сказать, что часто, если не въ большинствѣ случаевъ, эти нареканія были несправедливы. Эти „апостолы", какъ они себя называли, были извѣстны и въ другихъ странахъ: Италіи, Франціи, Германіи.

Въ этой стадіи развитія апостолы не становятся еще во враждебныя отношенія къ папскому престолу. Они скорѣе хотѣли быть вѣрными католиками. Но апостолы вызвали такое движеніе, что навлекли на себя недоброжелательство римскаго престола. И въ концѣ-концовъ Сегарелли былъ схваченъ и сожженъ на кострѣ. Не его

мѣсто выступилъ несравненно болѣе отважный и рѣшительный агитаторъ, который велъ это религіозное движеніе въ революціонное русло.- Это былъ Дольчино. Онъ происходилъ изъ аристократической семьи; отецъ его былъ священникомъ. Онъ сначала поступилъ въ францисканскій орденъ, но затѣмъ ушелъ оттуда и примкнулъ къ апостольскимъ братьямъ. Подругой его во всѣхъ его дѣлахъ и скитаніяхъ была нѣкая Маргарита, тоже монахиня, жившая ранѣе въ монастырѣ св. Екатерины. Въ Ломбардіи, куда онъ бѣжалъ послѣ смерти Сегарелли, онъ занялъ первое мѣсто. Здѣсь онъ познакомился съ идеями Іоахима и сдѣлался его послѣдователемъ, съ той только разницей, что не возлагалъ надеждъ на монастырскій укладъ жизни. Напротивъ, онъ считалъ, что монастыри уже достаточно испорчены, также какъ и церковь. Поэтому, если хотятъ очистить церковь, нужно уничтожить монастыри.

Его взглядъ на строй апостольской общины и на хозяйственныя идеи отцовъ церкви не основывается на томъ пониманіи хозяйственныхъ отношеній, что внѣшнее является результатомъ внутренняго и цѣнно лишь какъ результатъ такового. Апостольская община не была внѣшнимъ хозяйственнымъ институтомъ, а являлась результатомъ того высшаго настроенія, той любви, которой были охвачены члены этой общины. Не изъ этой точки зрѣнія на экономическій вопросъ исходитъ Дольчино въ критикѣ существующаго хозяйственнаго строя. Онъ принимаетъ эту апостольскую общину какъ внѣшній институтъ и ставитъ себѣ цѣлью осуществить тѣ задачи, которыя достигаются этими внѣшними средствами. Такимъ образомъ, онъ про-

повѣдуетъ идеи, приближающія къ новѣйшимъ соціальнымъ идеямъ, и разрываетъ здѣсь съ тѣмъ пониманіемъ экономическаго вопроса, которое было свойственно первымъ вѣкамъ христіанства.

Какъ Платонъ, для осуществленія своихъ идей, искалъ удобнаго ему тирана, такъ и Дольчино ищетъ лицо, которое ему осуществитъ этотъ идеалъ. Онъ разсчитывалъ на Фридриха сына Петра III, короля арагонскаго. По его надеждамъ Фридрихъ завоюетъ папскій престолъ, умертвитъ всѣхъ монаховъ и оставитъ въ живыхъ лишь послѣдователей апостольскихъ братьевъ. Такимъ образомъ, тѣ идеалы, о которыхъ Іоахимъ только мечталъ, должны были осуществиться при помощи удобнаго тирана. Но какъ оба Діонисія не оправдали надеждъ Платона, такъ и Фридрихъ арагонскій не осуществилъ надеждъ и стремленій Дольчино. Онъ помирился съ римской церковью и предоставилъ Дольчино его собственнымъ силамъ.

Идеи Дольчино сказали сильное вліяніе на крестьянское движеніе, которое тогда начиналось въ Италіи. Это движеніе въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, имѣло различныя причины. Причины италіанскаго крестьянскаго движенія XIII в. коренились въ мѣстныхъ экономическихъ нуждахъ и движеніе это имѣло цѣлью непосредственное удовлетвореніе этихъ нуждъ. Внѣшнее его проявленіе было крайне рѣзкое и террористическое: разореніе замковъ рыцарей и истребленіе всего огнемъ и мечомъ и т. п.

Дольчино обнаружилъ талантъ полководца. Онъ сумѣлъ объединить эти полчища, и въ короткое время вокругъ него собралось около 5000 чел. мужчинъ и женщинъ. Во главѣ мужчинъ сталъ Доль-

чино, а во главѣ женщинъ - Маргарита. Но скоро, при сраженіи съ обученными войсками, участь этого ополченія была рѣшена. Несмотря на то, что они еще нѣсколько разъ имѣли успѣхъ, въ концѣ-концовъ Дольчино и Маргарита попались въ руки враговъ и были преданы жестокой казни. Остатки ихъ ополченія разсѣялись по различнымъ странамъ Западной Европы, и мы не разъ еще съ ними встрѣтимся на протяженіи дальнѣйшей исторіи.

Слѣдующія группы средневѣковыхъ коммунистовъ, заслуживающія упоминанія, носятъ общее названіе беггардовъ. Онѣ наблюдаются къ сѣверу Германіи, въ Нидерландахъ и на югѣ Франціи. Начало этого движенія положило братство ремесленниковъ, главнымъ образомъ ткачей, не женатыхъ, которые жили сообща, вели общее хозяйство и устраивали какъ бы мелкія коммуны. Это братство носитъ въ однихъ мѣстахъ названіе „братьевъ ткачей", въ другихъ мѣстахъ „братьевъ совмѣстной жизни". Эти группы не становились въ такую открытую оппозицію къ католической церкви, въ какую стали впослѣдствіи группы того же теченія на сѣверѣ Франціи—„братьевъ и сестеръ свободнаго духа" и „амалорикинцевъ", имѣвшихъ основателемъ Амальриса-де-Вена. Послѣднія представляютъ собой наиболѣе рѣшительныя изъ демократическихъ сектъ того времени; онѣ проповѣдуютъ коммунизмъ не только какъ общность имущества, но и какъ общность женъ; онѣ стаяовились въ открытую оппозицію ко всякому неравенству и ко всей средневѣковой власти; онѣ говорили, что Богъ есть вездѣ и повсюду, а потому онъ есть и въ человѣкѣ и, слѣдовательно, чего хочетъ человѣкъ, этого хочетъ и Богъ. Всякія ограниченія должны быть отринуты, всякій имѣетъ право распоряжаться по своимъ убѣж-

деніямъ.

Такимъ образомъ это чистый коммунизмъ, въ сущности атеистического и даже кощунственнаго характера, но онъ представляетъ интересъ, потому что относится къ столь ранней эпохѣ, какъ XIII вѣку.

Это же самое теченіе мы наблюдаемъ и въ Испаніи, Южной Франціи, Голландіи и Нидерландахъ. Въ XIУ вѣкѣ мы видимъ его и въ Англіи, подъ мѣстнымъ названіемъ лоллардовъ, что значитъ болтуны (даннымъ имъ, вѣроятно, лицами враждебными этой сектѣ). Ихъ движеніе связано съ началомъ реформаціоннаго движенія въ Англіи; представителемъ ихъ былъ Виклефъ, который боролся не столько съ католической церковью, сколько съ папской властью. Онъ выступилъ съ обличеніемъ свѣтской власти, богатыхъ и всѣхъ живущихъ вымогательствами отъ бѣдныхъ классовъ. Онъ требовалъ отчужденія церковнаго имущества и передачи его свѣтской власти, но онъ не требовалъ отчужденія имущества вообще. Центромъ этого движенія было графство Норфолькъ, которое въ экономическомъ отношеніи обладало большимъ достаткомъ, потому что въ немъ была развита шерстяная промышленность, а агитаторами движенія явились сначала монахи, которые назывались черными и сѣрыми монахами, а впослѣдствіи бѣдные братья и бѣдные священники. Отсюда расходилась по всей Англіи эта проповѣдь демократическихъ идей на религіозной основѣ, при чемъ девизомъ ея былъ, часто повторяемый стихъ того времени, направленный противъ сословныхъ различій: „Когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто былъ тамъ дворянинъ?"

Наиболѣе извѣстный изъ представителей этой проповѣди былъ Джонъ Волль, проповѣдникъ въ Норфолькѣ (Онъ былъ отлученъ отъ церкви, и былъ отданъ приказъ объ его арестѣ). О томъ, какого характера была его проповѣдь, насколько она была рѣзка, можетъ свидѣтельствовать отрывокъ изъ одной изъ нихъ, приводимый историкомъ: „Возлюбленные мои,- говоритъ онъ,- дѣла въ Англіи не пойдутъ лучше, пока все не сдѣлается общей собственностью и пока не исчезнутъ какъ крѣпостные, такъ и дворяне; пока всѣ мы не сдѣлаемся равными, и господа - такими же, какъ и мы. Какъ они относятся къ намъ? Почему они держатъ насъ въ рабствѣ? Всѣ мы происходимъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, отъ Адама и Евы. Какъ господа могутъ доказать, что они лучше чѣмъ мы? Развѣ тѣмъ, что мы добываемъ и обрабатываемъ то, что они истребляютъ? Они носятъ бархатъ, шелкъ и мѣха, а мы одѣты въ жалкую холстину. У нихъ - вино, пряности и пирожное, у насъ - отруби, и пьемъ мы только воду. Ихъ доля - бездѣлье въ великолѣпныхъ замкахъ, наша - забота и трудъ, дождь и вѣтеръ въ полѣ. И однако изъ нашей то работы и извлекаютъ они свою пышность! Насъ называютъ холопами и бьютъ насъ, если мы не безъ замедленія предлагаемъ имъ свои услуги. И нѣтъ у насъ короля, который хотѣлъ бы выслушать насъ или помочь намъ добиться своихъ правъ".

Вы слышите, какъ знакомо для насъ звучитъ проповѣдь этого священника, какъ онъ приближается къ революціоннымъ настроеніямъ нашего времени.

Движеніе это становится позднѣе болѣе революціоннымъ, нежe-

ли религіознымъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, какъ и движеніе Дольчино, принимаетъ характеръ вполнѣ революціонный; именно выливается въ крестьянскія войны, которыя всегда начались въ Англіи, по всевозможнымъ мѣстнымъ причинамъ и во главѣ которыхъ сталъ этотъ проповѣдникъ изъ Норфолька Дж. Болль; а когда онъ былъ арестованъ и устраненъ отъ управленія, его мѣсто было занято другими лицами: Какомъ Строу вмѣстѣ съ крестьяниномъ Уоэтомъ Тайлеромъ, ставшими во главѣ крестьянскаго движенія. Одно время это движеніе было настолько сильно, что они овладѣли Лондономъ и его крѣпостями, и были нѣкоторое время грозой для молодого 15 лѣтняго короля. Король долженъ былъ пойти на уступки, но обѣщанія его не были исполнены. Уоэтъ Тайлеръ былъ убитъ, Болль, какъ Дольчино, преданъ казни (сожженъ на кострѣ), и движеніе было подавлено.

Ту же самую волну, которая прокатилась по Англіи, мы наблюдаемъ и въ другихъ странахъ Европы,- напр., въ Богеміи, гдѣ это движеніе приняло своеобразную форму. Какъ въ Англіи это движеніе связано съ первыми предвѣстниками реформаціи, такъ и здѣсь начало этого движенія относится къ выступленію Яна Гусса, смертью котораго (на кострѣ) движеніе не только не было подавлено, а, напротивъ, развилось полнѣе. И послѣ него начинается эпоха гусситскихъ войнъ. Послѣ смерти Яна Гусса въ этомъ движеніи обозначилось нѣсколько партій: религіозная, политическая и экономическая. Одна, болѣе умѣренная партія, къ которой принадлежали элементы горожанъ и рыцарства, выдвинула свои чи-

сто церковныя требованія, именно причащеніе подъ обоими видами (утраквисты), а не подъ однимъ, причащеніе изъ общей чаши (каликатинцы) и др. Другая, болѣе лѣвая группа носитъ названіе таборитовъ и требуетъ главнымъ образомъ общности имущества и вообще обнаруживаетъ коммунистическія тенденціи. Названіе таборитовъ происходитъ отъ слова Θаворъ (Таборъ), имени города, или укрѣпленнаго лагеря, основаннаго многочисленными бѣглецами и сторонниками этой секты. Они основали нѣсколько городовъ, къ числу которыхъ относятся г. Пиза, Водняны и др. Наибольшую извѣстность получилъ Таборъ, гдѣ въ 1419 г. группа радикальныхъ агитаторовъ остановилась и укрѣпилась. Мало-по-малу сюда начали собираться сектанты и безпартійные и устраивать свои собранія. Такимъ образомъ, здѣсь создалось сектантское укрѣпленіе, гдѣ происходили крестьянскіе митинги и крестьянскія собранія.

Община, поселившаяся въ городѣ Таборѣ, не только проповѣдывала, но и сдѣлала попытку осуществить коммунистическія начала въ предѣлахъ этого города. Можно судить объ общихъ принципахъ таборитовъ по тѣмъ пунктамъ, которые были изложены ихъ противниками для характеристики ихъ мнѣній. Одинъ изъ этихъ пунктовъ гласитъ, что таборитъ учили слѣдующему: „не будетъ на землѣ ни королей, ни дворянъ, ни бѣдныхъ; прекратятся подати и налоги; и въ этомъ начало будущаго равенства; всѣ будутъ какъ братья и сестры"...

„Какъ въ городѣ Таборѣ нѣтъ „моего" и „твоего", но все общее, такъ и въ будущемъ все должно быть общимъ, и ни у кого не

должно быть отдѣльной собственности, а кто имѣетъ такую, повиненъ въ смертномъ грѣхѣ." Изъ этого они сдѣлали выводъ, что не подобаетъ впредь ни имѣть короля, ни выбирать такового, но что теперь самъ Богъ хочетъ быть королемъ надъ людьми, и правленіе должно быть передано въ руки народа; что нужно искоренять и уничтожать всѣхъ господъ, благородныхъ и рицарей, какъ плевелы; что должны быть уничтожены всѣ княжескія, земскія, городскія и крестьянскія права, какъ изобрѣтеніе людей, а не дѣло Божіе и т.д.

Практическое примѣненіе этого ученія было умѣреннѣе, чѣмъ можно было ожидать, вслѣдствіе естественныхъ трудностей, которыя встрѣчали эти стремленія.

Въ каждой общинѣ была совмѣстная касса (кадь, кадка). Такъ какъ каждый членъ общины отдавалъ то, что онъ называлъ своей собственностью, то являлась необходимость такой общей кассы общины. Существуетъ упоминаніе о трехъ такихъ кассахъ: въ Пизѣ, Боднянахъ и Таборѣ, куда всѣ братья и сестры приносили все, что выручали, къ ногамъ главы (апостола) общины. Однако эта общность имущества все таки не заходила дальше общности потребленія или, вѣрнѣе сказать, пожертвованія для неимущихъ, и не была коммунизмомъ производства.

Среди таборитовъ выдѣлилась и болѣе крайняя группа. Эта секта проникла въ Богемію и образовала особый толкъ гусситовъ. Въ частности эта секта получила свою извѣстность своимъ особымъ воззрѣніемъ на отношенія половъ; члены ея назывались адамитами, такъ какъ они смотрѣли на состояніе Адама, какъ на состояніе безгрѣшности и невинности. Говорятъ, что на свои собранія они являлись

безъ одежды; хотя, можетъ быть, это не совсѣмъ достовѣрно, но во всякомъ случаѣ, историки указываютъ, что они жили въ общности женъ и въ общности мужчинъ. Эти ихъ воззрѣнія, въ особенности на бракъ и на отношенія половъ, настолько не соотвѣтствовали воззрѣніямъ таборитовъ, что они вызвали междуусобную войну. Знаменитый Янъ Жижка отправилъ противъ нихъ 400 вооруженныхъ людей; адамиты были поражены и погибли частью отъ меча, а тѣ, которые спаслись, были сожжены.

Нужно сказать вообще, что сожженіе на кострѣ и смертная казнь составляли общее явленіе средневѣковья; мученія и жестокая расправа является способомъ борьбы съ еретическими группами не только въ эпоху инквизиціи, но и въ протестантскую эпоху.

Послѣ пораженія адамитовъ, табориты осуществили начало общности имущества. Имъ оставалось лишь установленіе извѣстнаго порядка. Такъ какъ табориты пользовались достаткомъ, вслѣдствіе своего нравственнаго уровня и вслѣдствіе своего трудолюбія, то имъ въ чрезвычайныхъ пожертвованіяхъ нужды не было; средства нужны были имъ только на содержаніе священниковъ, избираемыхъ изъ среды народа, и частью на устройство школъ, которыя кстати сказать, были у нихъ многочисленны, несмотря на ихъ подозрительное и отрицательное отношеніе къ школьной учености и школьной наукѣ.

Но съ теченіемъ времени начинаетъ видоизмѣняться положеніе города, который своимъ рѣзкимъ коммунистическимъ характеромъ являлся островомъ въ средѣ ему чуждой. Не нужно забывать, что

все это время тянутся жестокія войны, и часто самимъ таборитамъ приходилось отстаивать свой строй съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ имъ одновременно приходилось быть между двухъ огней: съ одной стороны, нужно было поддерживать установившійся порядокъ, съ другой - постоянно выдѣлять воиновъ для своей защиты, имѣть нѣчто вродѣ Запорожской сѣчи, гдѣ всякій и всегда долженъ былъ быть готовъ къ защитѣ. Слѣдствіе этого имъ приходилось раскрывать ворота своего города гораздо шире, чѣмъ это соотвѣтствовало интересамъ процвѣтанія общины. Въ это время къ нимъ начинаютъ стекаться съ разныхъ концовъ Европы различные безпріютные элементы. Единомысліе,— фундаментъ этой общины,- не только слабѣетъ, но и исчезаетъ совершенно, потому что туда собираются представители всевозможныхъ сектъ. Одинъ путешественникъ, посѣтившій Таборъ, изумляется множеству различныхъ сектъ, мирно уживающихся тамъ рядомъ. „Они не всѣ единой вѣры,— разсказываетъ онъ,— каждый въ Таборѣ можетъ вѣрить во что онъ хочетъ. Тамъ есть такіе николаиты, манихеи, арменіане, несторіане, беренгаріи и лісискіе бѣдные, но особеннымъ уваженіемъ пользуются вальденцы, главные враги римскаго престола".

Слѣдовательно, цѣльность религіозной общины уже была утрачена; а вмѣстѣ съ ней пришлось отказаться отъ извѣстнаго нравственнаго уровня членовъ общины, приходилось принимать всякій сбродъ. „Въ 1430 г,—пишетъ Палатскій,— армія таборитовъ въ преобладающей части состояла изъ всякаго сброда и изъ подданныхъ всѣхъ народовъ." Тѣмъ не менѣе таборити просуществовали еще поч-

ти половину столѣтія и были окончательно разбиты въ сраженіи при деревнѣ Липонъ.

Къ этому времени таборитская община была уже окончательно сломлена. Коммунистическій строй ея совершенно разложился и превратился въ одно воспоминаніе; неравенство имущества было вопіющее; въ ней произошло полное внутреннее саморазложеніе.

Другая группа (въ Богеміи), представляющая собой принципіальный интересъ, относится къ тому же времени: это такъ называемые богемскіе братья. Эти „богемскія братья" также распадаются въ свою очередь на двѣ группы, одна группа - чисто военная организація, другая - религіозно-мистическая и религіозно-анархическая. Во главѣ этой группы стоялъ Петръ Хельчитскій (родился въ 1890 г. близъ Водиянъ). Онъ написалъ рядъ сочиненій, въ которыхъ утверждалъ, что истинно вѣрующіе не должны принимать какое-либо участіе въ государствѣ, потому что государство есть грѣховное и языческое учрежденіе; онъ хотѣлъ вернуть общество къ равенству первыхъ вѣковъ. „Общественное неравенство,— говоритъ онъ,— состоянія, сословія и ранги созданы государствомъ и исчезнуть могутъ только съ нимъ. Но единственно христіанскій способъ уничтоженія государства заключается въ томъ, чтобы его игнорировать. Истинно вѣрующему запрещается не только принимать какую-либо должность въ государствѣ, но и обращаться къ государственной власти. Полиція и суды для него не существуютъ. Истинный христіанинъ самостоятельно стремится къ благу и не можетъ принуждать къ благу другихъ, такъ какъ Богъ требуетъ

блага по свободному избранію. Всякое принужденіе есть зло. Въ существующемъ государствѣ и въ существующемъ обществѣ для истиннаго христіанина нигдѣ нѣтъ мѣста, кромѣ какъ среди низшихъ слоевъ, которые только подчиняются и служатъ, а не повелѣваютъ и не господствуютъ. Всякое раздѣленіе на классы есть нарушеніе заповѣди братства и равенства. Христіанинъ не можетъ господствовать, не можетъ онъ и эксплуатировать. Поэтому всякія торговыя дѣла запрещены для него, ибо они необходимо связаны съ обманомъ. Города,— центры торговли,— суть зло. Ихъ изобрѣлъ Каинъ; первоначальную простоту онъ превратилъ въ лукавство, изобрѣтя мѣру и вѣсъ, между тѣмъ какъ раньше народы вступали въ обмѣнъ, не измѣряя и не взвѣшивая. Но самымъ развращеннымъ и наиболѣе достойнымъ проклятій является дворянство".

Это поразительно напоминаетъ ученіе Л. Толстого, которое онъ развиваетъ въ наши дни; тотъ же мирный анархизмъ, то же отрицаніе государства и городовъ, и полнѣйшее отрицаніе городской культуры; совершенно та же программа, тѣ же идеи мирнаго христіанскаго анархизма.

Такъ называемые „богемскіе братья" были по имени своего учителя названы хельчитскими братьями. Они отличались весьма большой строгостью нравовъ. Въ этой общинѣ было два теченія, два оттѣнка: одно совершенно упраздняло частную собственность, а другое не исключало частной собственности отдѣльныхъ членовъ семьи, но подчеркивало сохраненіе равенства между братьями. Дисциплинарная власть принадлежала священникамъ и старшинамъ, избираемымъ общи-

ной. Ихъ власть современному человѣку показалась бы очень великой, такъ какъ была основана на строжайшей церковной дисциплинѣ.

Отличительной особенностью богемскихъ братьевъ является то, что они очень много занимались литературнымъ трудомъ; въ частности у нихъ впервые (въ католическихъ странахъ) была напечатана Библія на родномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи богемцы идутъ впереди другихъ, несмотря на то, что они не придавали значенія книжной учености и даже относились къ ней отрицательно.

Съ теченіемъ времени эту общину постигла общая судьба; она подверглась внѣшнему нападенію и опустошенію. Послѣ битвы на Бѣлой горѣ община постепенно хирѣетъ сама собой и дѣлаетъ рядъ уступокъ въ пользу окружающей обстановки: она допускаетъ участіе въ государствѣ, ограниченіе въ общности имущества и т.д. Она продолжаетъ свое существованіе уже въ другой общинѣ - т. наз. гернгутеровъ, названныхъ по имени имѣнія гр. Цинцендорфа-Гернгутъ, гдѣ нашли прибѣжище остатки этой нѣкогда могущественной организаціи.

Теперь я остановлю ваше вниманіе на реформаціонной эпохѣ, на тѣхъ коммунистическихъ теченіяхъ, имѣвшихъ религіозную основу, которыя наблюдаются въ эту бурную эпоху, наполненную борьбой народовъ, борьбой общественныхъ группъ. Центромъ ихъ является Германія, которая въ наибольшей степени была ареной реформаціоннаго движенія.

Я не буду останавливаться на церковной сторонѣ реформаціи, на роли Лютера, укажу только, что рядомъ съ тѣмъ, чисто церков-

нымъ теченіемъ, которое представлялъ собою Лютеръ и который не хотѣлъ вмѣшиваться въ соціальныя отношенія, сознательно оставляя въ сторонѣ интересы соціалистическіе и политическіе, которые не хотѣлъ связывать религіозное движеніе съ соціальнымъ и политическимъ переворотомъ, рядомъ съ церковно-догматическимъ движеніемъ создается теченіе соціальнаго утопизма, которое приводитъ къ цѣлому ряду историческихъ событій Предшественниками этого широкаго движенія являются многочисленные учители-проповѣдники, главнымъ образомъ въ горно-промышленной Саксоніи, въ частности, въ мѣстечкѣ Цвиккау (цвиккаускіе братья). Въ 1520 г. мы находимъ здѣсь общину людей, которые называли себя апостолами и отрядали тысячелѣтняго царства; ихъ главными сторонниками были подмастерья ткачей и горные рабочіе, а настоящей душей этого движенія явился конкурентъ Март. Лютера,—Томасъ Мюнцеръ, который сталъ во главѣ крестьянскихъ войнъ.

Въ Саксоніи, въ началѣ XVI вѣка, стало оказывать вліяніе таборитовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ нѣкій Фридрихъ Рейзеръ, который дѣйствовалъ еще въ самомъ началѣ XV вѣка и который получилъ образованіе въ Нюренбергѣ. Этотъ Рейзеръ проповѣдывалъ ученіе, приближавшееся къ таборитамъ. Онъ былъ сожженъ. Его преемникомъ явился Пфейферъ изъ деревни Никласгаузенъ (Pfeifer von Nicklashausen). Юнона по имени Іоаннъ, прозванный такъ по мѣсту рожденія, а также потому, что былъ по профессіи музыкантъ-флейтистъ (Pfeifer).

Въ 1476 году онъ началъ проповѣдывать Евангеліе равенства

и возстанія, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, находясь подъ вліяніемъ Пресвятой Дѣвы и, какъ говорили его противники, подъ вліяніемъ другого человѣка.

Проф. Muller въ своей Kirchengeschichte (Исторія церкви), разсказывая о революціонномъ настроеніи крестьянъ въ эпоху реформаціи, говоритъ: „Еще въ 1478 г. Pfeifer von Nicklashausen выработалъ для крестьянскаго движенія программу и воспламенилъ весь югъ. Мысли, которыя здѣсь выступаютъ и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ случаевъ при всемъ различіи сходятся въ томъ, что отъ историческаго права онѣ обращаются къ божественному и естественному. Не ограничиваются только требованіемъ, чтобы старыя права и свободы крестьянъ были сохранены, возстановлены или урегулированы, но, думаютъ о совершенномъ устраненіи всѣхъ мірскихъ и духовныхъ властей, всякаго имущества и собственности, и при этомъ ссылаются на божественное право, на божественный порядокъ, христіанскую свободу, которая освободила всѣхъ, и которая не мирится съ правомъ собственности человѣка надъ человѣкомъ.... Крѣпостное право, десятины и т.д. окончились послѣ того, какъ Христосъ искупилъ насъ къ свободѣ... Революціонныя мысли этихъ круговъ обращались противъ всякихъ властей, но прежде всего противъ духовенства... На презрѣніе высшихъ классовъ по отношенію къ народу, изъ среды крестьянства отвѣтомъ была не только яростная ненависть, но и религіозное возвеличеніе крестьянскаго класса: земледѣліе есть единственное божественно-установленное производство, истинно дающій блаженство трудъ. Христосъ самъ, какъ сѣя-

тель и садовникъ есть патронъ своего сословія; бѣдные люди простолюдины суть его любимцы, остальные - лѣнтяи и тунеядцы. Долъ знакомъ креста съ набожнымъ пѣніемъ, со всѣми принадлежностями культа Маріи и святыхъ, шли возставшіе крестьяне въ поле." Ученіе Пфейфера характеризуется слѣдующими словами, которыя ему приписываютъ современные историки: „Императоръ злодѣй, а о папѣ нечего и толковать. Императоръ позволяетъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, графамъ и рыцарямъ собирать пошлины и налоги съ простого народа; эхъ вы, бѣдняки. Духовенство имѣетъ много доходовъ: этого не должно быть; оно должно имѣть лишь столько, сколько нужно отъ одного дня до другого. Но вотъ ихъ станутъ убивать, и скоро дѣло дойдетъ до того, что патеры охотно прикрыли бы чѣмъ-нибудь свои тонзуры, чтобы не быть узнанными. Скорѣе я взялся бы исправить жида, нежели духовнаго или ученаго. Рыба въ водѣ и дичь въ полѣ должны принадлежать всѣмъ. Если бы духовные и свѣтскіе князья, графы и рыцари имѣли не больше, чѣмъ простые люди, то у насъ всѣхъ было бы всего довольно, это и должно совершиться. Настанетъ время, когда князья и государи принуждены будутъ итти на поденщину."

Успѣхъ этой проповѣди былъ такъ великъ, что, какъ картинно разсказываетъ авторъ одной изъ хроникъ: „Ремесленные подмастерья бѣжали изъ своихъ мастерскихъ, батраки бросали плугъ, батрачки серпы, никто не спрашивалъ позволенія мастера или господина; они скитались въ тѣхъ платьяхъ, въ которыхъ были, когда ихъ постигло бѣшенство; немногіе имѣли при себѣ харчи, но тѣ, у которыхъ они остана-

навливались, снабжали ихъ пищей и платьемъ. Называли они другъ друга не иначе, какъ братья и сестры." Образовалось цѣлое народное движеніе, по характеру имѣвшее много общаго съ таборитами и другими сходными движеніями, съ которыми мы уже знакомы.

Разумѣется, эти радикально-демократическія секты въ первое время существовали (лишь) въ формѣ тайныхъ союзовъ. Братья собирались на заброшенныхъ мельницахъ, пустыхъ дворахъ и т.п. мѣстахъ, гдѣ сходились для богослуженія небольшими группами.

Однако послѣ неудачи папы и императора въ борьбѣ съ Лютеромъ, послѣ сожженія папской буллы, въ особенности послѣ Вормскаго рейхстага въ 1521 году, всѣ эти радикальныя секты вмѣстѣ съ реформаціей подняли голову. И вотъ въ это время въ Цвиккау образуется среди ткачей, суконщиковъ, вообще среди промышленныхъ рабочихъ того времени, цѣлый рядъ организованныхъ общинъ, члены которыхъ называются цвиккаускими утопистами. Давно ожидаемое тысячелѣтнее царство должно было, по ихъ ученію, немедленно наступить путемъ страшнаго кроваваго суда Божія, путемъ всесокрушающаго переворота. Вождемъ этого движенія былъ Николай Шторхъ.

Движеніе это замѣчено было Лютеромъ и принято имъ довольно враждебно. Лютеръ понималъ, что это соціальное движеніе отклонитъ реформацію отъ ея собственнаго пути и грозитъ превратиться въ междуусобную распрю. Онъ занялъ поэтому опредѣленную, враждебную этому движенію, позицію. Его другъ и сотрудникъ Меланхтонъ относился, наоборотъ, съ симпатіей къ этому движенію.

Въ это время выступаетъ на историческую сцену замѣчательный

человѣкъ, котораго нѣкоторые считаютъ соперникомъ Лютера, и который во всякомъ случаѣ является исторической фигурой, равной ему по размѣрамъ. Это-Томасъ Мюнцеръ, имя котораго связано съ крестьянскими войнами; и съ 1521 - 25 гг. онъ стоитъ во главѣ радикально-демократическаго движенія, которое связано съ реформаціоннымъ движеніемъ.

Онъ родился въ 1490 - 93 году, получилъ высшее образованіе того времени (вѣроятно, степень доктора богословія.), и рано сдѣлался католическимъ священникомъ. Въ 1520 году онъ проповѣдывалъ въ Цвиккау въ пользу реформаціи и стоялъ сначала за Лютера. Здѣсь онъ пользовался большимъ вліяніемъ среди суконщиковъ и подмастерьевъ. Послѣ возстанія ткачей въ 1523 году Мюнцеръ принужденъ былъ оставить Цвиккау и спасаться бѣгствомъ въ Прагу. Вскорѣ его выслали и оттуда. Онъ опять возвратился въ Саксонію и нѣкоторое время дѣйствовалъ въ Альштеттѣ среди горныхъ рабочихъ.

Здѣсь онъ занимался вопросами церковной реформаціи. Въ это время онъ перевелъ обѣдню на нѣмецкій языкъ и пытался издать ее печатно. На этой-то почвѣ онъ и вступилъ въ столкновеніе съ Лютеромъ, который старался препятствовать ему въ опубликованіи этого сочиненія. Постепенно назрѣвалъ конфликтъ между ними, можетъ быть на почвѣ соперничества, а можетъ быть на почвѣ радикально-демократическаго характера проповѣди Мюнцера; Мюнцеръ постепенно переходилъ съ почвы чисто реформаціонной на почву радикально-демократическую и сдѣлался самымъ крайнимъ проповѣдникомъ радикально-демократическихъ реформъ на религіозной почвѣ или, вѣрнѣе, съ

религіозной фразеологіей. Въ это время Мюнцеръ въ своихъ проповѣдяхъ, письмахъ и посланіяхъ подписывается очень характерно: „Мюнцеръ съ молотомъ." Въ своемъ сочиненіи „Разоблаченіе ложной вѣры сего вѣроломнаго міра" онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ ополчается какъ противъ имущихъ классовъ и князей, такъ и противъ врага своего Лютера, получившаго отъ него ироническое названіе „мирнопрозябающаго"- Sanftleben". Онъ начинаетъ полемику съ учеными, обманывающими народъ, такъ какъ народу надо освободиться отъ нихъ. Онъ говоритъ: „Ахъ, изъ-за чего это братъ „Sanftleben" (мирнопрозябающій), и братъ „Leisetreter " (тихоходъ) такъ горячится и трезвонитъ? Да ему кажется, что можно вести жизнь, полную наслажденій, удержать за собой все великолѣпіе своихъ богатствъ и въ то же время обладать истинной вѣрой. Но Сынъ Божій въ ясныхъ словах опровергъ такого рода ученыхъ книжниковъ. Вы не можете служить и Богу и богатству. Кто стремится къ почестямъ и богатству, тотъ будетъ оторванъ отъ Бога; какъ говоритъ Богъ въ 5-мъ псалмѣ: „ваше сердце суетно". Поэтому такіе насильники, себялюбивые люди должны быть изгнаны." Безбожные, безумные люди, управители и власти бѣснуются и неистовствуютъ противъ Бога и его помазанниковъ; да, многіе только теперь начали „посылать своему народу палочные удары, мучить его, драть послѣднюю шкуру, выжимать послѣдніе соки, къ тому же они угрожаютъ всему христіанству, лицемѣрно истязаютъ и убиваютъ своихъ и чужихъ, такъ что Богъ не хочетъ и не можетъ болѣе терпѣть этотъ ужасъ въ рядахъ своихъ избранныхъ. Богъ возлагаетъ на своихъ болѣе, чѣмъ они могутъ снести; но скоро все будетъ иначе.

Князья - это плети, которыми Богъ наказываетъ міръ въ своемъ гнѣвѣ. Поэтому они просто палачи и живодеры, и въ этомъ все ихъ ремесло. Не ихъ надо бояться, а Бога. Но въ милости Божьей нельзя отчаиваться. Для Бога нѣтъ ничего невозможнаго, не исключая и торжества угнетенныхъ братьевъ - утопистовъ. Да, многимъ людямъ кажется это неосуществимой мечтой. Имъ кажется невозможнымъ начать и осуществить это дѣло, низвергнуть безбожниковъ и вознести униженный, темный народъ. Невозможное стало возможнымъ. Да, это высокая вѣра; и она еще принесетъ съ собой много добра. Она образуетъ прекрасный народъ, о которомъ мечталъ философъ Платонъ и также Апулей въ „Золотомъ ослѣ." (xx)

Въ приведенной цитатѣ слышется голосъ вполнѣ созрѣвшаго, вполнѣ готоваго революціонера, который только ищетъ точки для приложенія своихъ силъ. Эта точка, эта возможность дана была ему начинавшимися крестьянскими войнами въ Германіи. Онъ становится естественной главою, вождемъ крестьянскихъ войнъ. И когда волна крестьянскаго движенія поднялась въ Тюрингенѣ, мы видимъ Мюнцера „съ мечемъ Гедеона" во главѣ войскъ. Но и въ качествѣ полководца Мюнцеръ остается въ Альштеттѣ во главѣ тайныхъ союзовъ, главной задачей которыхъ было осуществлять принципъ: omnia communa sunt, т.е. все является общимъ и каждый долженъ получать по своимъ потребностямъ (Вполнѣ ясная формулировка соціалистическаго идеала.). „Если бы какой-нибудь графъ или князь или государь не хотѣлъ сдѣлать этого, то его слѣдуетъ обезглавить или повѣсить." Такъ значилось въ ихъ уставѣ.

(xx) Характерна эта ссылка на Платона и Апулея.

После вызова въ судъ въ Веймаръ, Мюнцеръ оставилъ Альштеттъ и перешелъ въ Мюльгаузенъ, который получаетъ большую извѣстность во время крестьянскихъ войнъ.

Единомышленникъ Мюнцера, Пфейферъ, также поднялъ въ это время возстаніе противъ имущихъ классовъ. Когда Мюнцеръ здѣсь появился, то сразу вовлекся въ это движеніе, но былъ изгнанъ въ южную Германію. Въ это время Мюнцеръ ведетъ полемику съ Лютеромъ, если только можно это такъ назвать, ибо обѣ стороны осыпаютъ другъ друга такой грубой бранью, которая лишь съ натяжкой можетъ быть названа полемикой. Но этотъ рѣзкій тонъ соотвѣтствуетъ нравамъ той эпохи.

Въ началѣ 1525 г. Мюнцеръ возвращается въ Тюрингенъ и въ началѣ возстанія дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Пфейферомъ въ Мюльгаузенѣ. Въ это время въ Мюльгаузенѣ торжествуетъ, хотя и отчасти и на время, радикально-демократическая партія; тамъ вводится частью общность имущества, которую однако самъ же Мюнцеръ, по условіямъ военнаго времени, долженъ былъ черезъ нѣсколько недѣль отмѣнить. Въ это время главной его заботой является превратить нестройное крестьянское движеніе въ организованную борьбу, въ организованное возстаніе; Мюнцеръ называлъ себя слугой Божьимъ противъ безбожниковъ „съ мечемъ Гедеона".

Рѣшило судьбу Мюнцера и крестьянскаго движенія сраженіе при Фрайкенгаузенѣ, гдѣ Мюнцеръ былъ разбитъ и попалъ въ руки враговъ. Его ожидала лютая казнь. Такимъ образомъ, все движеніе, связанное съ его именемъ и его руководствомъ, сошло на нѣтъ и не увѣнчалось успѣхомъ.

Параллельно съ этимъ теченіемъ, зародившемся въ Саксоніи и свя-

заннымъ съ именемъ Мюнцера, реформаціонная эпоха создала еще другое коммунистическое теченіе, связанное съ именемъ перекрещенцевъ или анабаптистовъ. Перекрещенцами назывались и называются въ настоящее время обширныя группы различныхъ ересей, отступающихъ какъ отъ католичества, такъ и отъ реформаторства, которыя между собой имѣютъ весьма большое различіе. Каутскій въ своей исторіи остроумно сравниваетъ этотъ терминъ съ терминомъ нигилистовъ. Онъ говоритъ, что какъ подъ терминомъ нигилистовъ, получившимъ большое распространеніе въ Россіи въ 60-хъ годахъ, скрывалось много разныхъ оттѣнковъ, много разныхъ этическихъ теченій, такъ и подъ названіемъ перекрещенцевъ скрывалось много еретическихъ теченій. Названіе это связано съ основаніемъ ихъ ученія. Это - ученіе о томъ, что крещенъ можетъ быть только уже взрослый и сознательный и потому крещеніе младенцевъ недѣйствительно. На этомъ основаніи они возвели въ правило крестить своихъ членовъ. Они звали сами себя Täufer (крестителями), а другіе называли ихъ перекрещенцами. Это общее теченіе перекрещенцевъ въ продолженіе 15-16 вѣковъ появляется въ Европѣ въ разныхъ мѣстахъ; первоначально мы наблюдаемъ его въ Швейцаріи, гдѣ всѣ свободныя учрежденія реформаціонныхъ теченій находили себѣ пріютъ. Здѣсь же ученіе перекрещенцевъ связалось съ ученіемъ хиліастовъ и получило хиліастическій характеръ. Хиліасты полагали, что благочестивые люди, которые почили во Христѣ, возстанутъ и вмѣстѣ со Христомъ будутъ тысячу лѣтъ царствовать здѣсь на землѣ. "Иные полагаютъ, что царство это продолжится вѣчно. По ихъ мнѣнію, царство Христово будетъ здѣсь на землѣ, согласно буквальному смыслу пророчествъ, какъ понималъ ихъ Лактанцій и какъ до сихъ поръ

еще понимаютъ ихъ евреи. Многіе уже видѣли приближеніе дня второго пришествія и потому расточали свое добро и имущество. Однимъ изъ самыхъ основныхъ общихъ вопросовъ былъ вопросъ объ отношеніи къ собственности. Нѣкоторые, какъ говоритъ историкъ, считаютъ себя святыми и чистыми, они, въ отличіе отъ другихъ, имѣютъ всѣ вещи въ общей собственности; никто не говоритъ, что какая-либо вещь принадлежитъ ему, и всякая собственность есть грѣхъ у нихъ. У другихъ имущество общее въ томъ смыслѣ, что никого изъ своихъ они не допускаютъ терпѣть въ чѣмъ-либо нужду. Не то, чтобы одинъ пользовался собственностью другого, но во время нужды имущество каждаго принадлежитъ другому и никто не можетъ прятать его отъ другого, но долженъ держать свой домъ открытымъ. И тотъ, кто даетъ, долженъ дѣлать это добровольно и съ полной готовностью, тотъ же кто беретъ - долженъ быть умѣреннымъ, обходиться безъ помощи, насколько это возможно, щадить своего брата и не обременять его непосильной тяжестью. „Но здѣсь скрывается много лжи и лицемѣрія,- говоритъ враждебный историкъ,- и сами они это отлично понимаютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Аустерлицѣ, они имѣютъ экономовъ, управителей и всѣ одну общую кухню, изъ которой каждый долженъ получать, что ему нужно. Но дѣлается ли это дѣйствительно такъ и правильно ли распредѣляется пища, это еще вопросъ. Нѣкоторые предаютъ анаѳемѣ другихъ братьевъ, якобы за то, что они стоятъ на ложной дорогѣ, и этихъ отлученныхъ общинъ очень много, т. ч. почти каждая община налагаетъ отлученіе на другую, если послѣдняя не во всемъ согласна съ ней. Другіе перекрещенцы не придерживаются

вышеупомянутой общности имуществъ, они считаютъ также излишнимъ и слишкомъ смѣлымъ, что вышеупомянутые братья считаютъ себя совершенными христіанами и съ презрѣніемъ относятся къ другимъ. Эти работаютъ каждый для себя, помогаютъ другъ другу, просятъ и оказываютъ взаимную помощь съ большимъ, какъ мнѣ кажется лицемѣріемъ."

Итакъ, у перекрещенцевъ, какъ и у таборитовъ, какъ и у богемскихъ братьевъ, по вопросу о собственности мы находимъ два теченія: I) болѣе крайнее, чисто коммунистическое и 2) болѣе умѣренное. Точно такое же дѣленіе происходитъ и по вопросу о семьѣ. Среди нихъ появляется болѣе крайняя секта, которая, по Платону, требуетъ общности женъ, но другіе братья постарались замять это теченіе.

Когда мы будемъ знакомиться съ исторіей Мюнстера, получившаго названіе „Новаго Іерусалима", мы еще возвратимся къ этой крайней группѣ. Среди перекрещенцевъ выдѣлилась группа, ессившая названіе „свободныхъ братьевъ", принимавшая характеръ уже анархическій. Они не хотѣли подчиняться никакимъ законамъ, такъ какъ Христосъ сдѣлалъ ихъ свободными, поэтому они учили, что не обязаны платить ни податей, ни десятины, а также нести долгъ и подчиненіе крѣпостной зависимости. Другіе, болѣе умѣренные, учили, что хотя подобнаго рода обязанности по справедливости они могли бы и не исполнять, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ платить язычникамъ, чтобы они не имѣли повода жаловаться и угнетать ихъ ученіе. Однако крѣпостничество, по ихъ мнѣнію, не должно уже существовать между христіанами. Такимъ образомъ, и по отношенію къ государству и общественной власти перекрещенцы не были единодушны. Они были единодушны лишь въ томъ, чтобы какъ можно мень-

ше имѣть дѣла съ государствомъ. Они не хотѣли о немъ ничего знать, но отрицали насильственное воздѣйствіе противъ него и проповѣдывали долгъ покорнаго терпѣнія. Отъ государственнаго рабства они мечтали освободиться путемъ игнорированія государства.- Перекрещенцы въ Швейцаріи въ концѣ концовъ подверглись гоненію и жестокому истребленію со стороны уже реформаціи. Тѣ, которые уцѣлѣли, разсѣялись, и мы наблюдаемъ ихъ въ Богеміи, Голландіи и Сѣверной Германіи, гдѣ и разыгрался одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ этого коммунистическаго движенія, связанный съ городомъ Мюнстеромъ.

Городъ Мюнстеръ былъ первоначально епископскимъ городомъ. Во главѣ его стоялъ епископъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и военачальникомъ этого города, стоялъ во главѣ его войскъ. Во время реформаціи, послѣ ряда колебаній, тамъ, наконецъ, восторжествовала реформаціонная партія и епископъ былъ изгнанъ, при чемъ произошла перемѣна правленія. Въ это время туда начинаютъ стекаться перекрещенцы. Сначала они остаются въ меньшинствѣ, но затѣмъ ихъ становится все больше и больше. Наконецъ, они достигаютъ такого значительнаго количества, что свергаютъ выборное правленіе и, несмотря на избирательныя правила, добиваются власти, составляя новую власть исключительно изъ перекрещенцевъ.

Въ Мюнстерѣ восторжествовало какъ разъ самое крайнее коммунистическое теченіе перекрещенцевъ, такъ называемые мельхіориты. Теченіе это зародилось въ Голландіи. Нѣкто Мельхіоръ Гофманъ проповѣдывалъ тамъ общность жизни, общность имущества и вообще коммунистическія идеи. Но кромѣ того, онъ проповѣдывалъ, что тысячелѣтнее

царство, которое, по мнѣнію мирныхъ перекрещенцевъ, должно было наступить само собой, что это царство должно быть установлено на землѣ силою меча. Этотъ поворотъ, который пережило на извѣстной стадіи это ученіе, превратило его изъ ученія мирнаго, идейнаго, въ проповѣдь меча и вооруженной силы. Нѣкто Янъ Матисъ, булочникъ изъ Гаарлема, былъ первымъ изъ мельхіоритовъ, защищавшимъ насильственный бунтъ. Ему удалось утвердиться въ Гаарлемѣ, а съ помощью посланій онъ пріобрѣлъ много сторонниковъ и внѣ своей общины. Число его сторонниковъ росло столь же быстро, какъ и секта мельхіоритовъ. И вотъ среди нихъ выступилъ человѣкъ, которому было суждено сыграть замѣтную весьма роль. Это былъ Іоганнъ Бокельзонъ изъ Лейдена. Онъ былъ сыномъ сельскаго старосты, а по профессіи портной. Учился онъ мало, но этотъ недостатокъ школьнаго образованія ему замѣнили его природныя дарованія. Онъ рано познакомился съ коммунистическими ученіями Платона и Мюнцера. Онъ много путешествовалъ, былъ въ Англіи и Фландріи, былъ приказчикомъ у одного купца, разбогатѣлъ, обанкротился, словомъ, велъ жизнь, полную всякихъ приключеній. Онъ былъ поэтомъ, театраломъ, необыкновеннымъ ораторомъ, однимъ словомъ человѣкомъ, которому дано многое, чтобы имѣть успѣхъ, если не прочный, то во всякомъ случаѣ, шумный. Ему не было 25-ти лѣтъ, когда онъ примкнулъ къ Яну Матису.

Когда перекрещенцы въ Мюнстерѣ одержали верхъ и тамъ образовалось перекрещенское правительство, то Матисъ вмѣстѣ съ Іоганномъ Бокельзономъ оказались въ Мюнстерѣ у власти и постепенно стали играть все большую и большую роль. Вмѣстѣ съ этимъ начинается знаменитая мюнстерская трагедія. Коммунистическая перекрещенская община жила

въ осажденномъ городѣ, обреченная на смерть и ждущая этой лютой смерти въ теченіе мѣсяцевъ, и одинъ съ четвертью годъ продержалась въ этомъ положеніи.

Когда восторжествовала реформаторская партія и епископъ былъ изгнанъ, многіе князья и государи послали свои войска для того, чтобы бороться съ вредной сектой; и Мюнстеръ былъ осажденъ. Но осада велась вяло, и среди осажденныхъ былъ подъемъ духа. У нихъ были хорошіе генерали, и защищался Мюнстеръ довольно продолжительное время. Что происходило въ то время въ Мюнстерѣ, мы знаемъ лишь отъ тѣхъ, которые были внѣ Мюнстера, потому что тѣ, которые были въ немъ, не уцѣлѣли; всѣ они погибли тамъ

Когда партія перекрещенцевъ восторжествовала въ городѣ, то, по разсказу враждебнаго историка, они все больше и больше теряли самообладаніе, теряли тотъ кроткій идейный характеръ, который это движеніе имѣло въ началѣ. Прежде всего они ознаменовали себя рядомъ насилій, разгромомъ зданій, библіотекъ, церквей, картинныхъ галлерей и пр. Въ огнѣ погибли архивы, много сокровищъ искусства, между прочимъ погибъ и монастырь св. Морица съ архивомъ.

Дальнѣйшее развитіе событій въ осажденномъ городѣ было таково: 28-го февраля, когда перекрещенцы окончательно овладѣли Мюнстеромъ, они, разрушивъ и уничтоживъ, какъ я уже упоминалъ, рядъ зданій и памятниковъ, потребовали отъ тѣхъ, которые не раздѣляли перекрещенской вѣры, или креститься или оставить городъ, а многихъ при этомъ и казнили, такъ что уже 2-го марта 1534 года въ городѣ не оставалось ни одного не перекрещенца. Изъ среды перекрещенцевъ, кромѣ Матиса

и нѣкоторыхъ другихъ, признанныхъ уже пророками, постоянно выдѣлялись новые пророки, поддерживавшіе настроеніе и объявлявшіе, что они имѣли откровеніе и имъ обѣщана поддержка отъ другихъ городовъ. Была провозглашена, наконецъ, общность имущества. Какъ далеко она была проведена, объ этомъ можно только заключать по свидѣтельству враждебнаго историка. Во всякомъ случаѣ, жизненныя средства были въ значительной степени переданы въ распоряженіе центральной власти. Въ качествѣ богослуженія былъ установленъ торжественный обрядъ, который сопровождался проповѣдью и чтеніемъ библіи. Такимъ образомъ, общественныя собранія общины стремились во всѣхъ подробностяхъ воскресить апостольскія времена. Для распоряженія общиннымъ имуществомъ были избраны распорядители, которые назывались діаконами, какъ въ Іерусалимѣ. Мѣстное населеніе, т.е. первоначальное населеніе Мюнстера, принуждено было подчиниться пришлецамъ, тѣмъ бѣглецамъ изъ Голландіи и другихъ странъ, которые собрались въ значительномъ количествѣ въ городѣ. Выступленіе на переднюю сцену Іоганна Лейденскаго связано со слѣдующимъ эпизодомъ. Судили одного скептика, выразившаго сомнѣніе въ правильности того, что происходитъ въ городѣ. Пророкъ Матисъ велѣлъ ему отрубить голову безъ суда. Но когда раздались протесты противъ этого, то Іоганн Лейденскій заявилъ, что смерть его есть воля Отца Небеснаго. Тогда же онъ провозгласилъ себя пророкомъ, непосредственнымъ глашатаемъ воли Божества. Въ это время случилось, что Матисъ, въ порывѣ экзальтаціи, внушилъ себѣ, что ему нужно совершить подвигъ Гедеона и самому съ небольшимъ количествомъ воиновъ разбить враговъ. Вбивъ себѣ

это въ голову, онъ выступилъ за стѣны города и былъ убитъ, такъ что въ городѣ остался хозяиномъ положенія Іоганнъ Бокельзонъ. Сначала онъ пустилъ въ ходъ свою главную силу, даръ слова. Онъ говорилъ своей общинѣ, что наступили апостольскія времена, что Мюнстеръ есть (тотъ) новый Іерусалимъ, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ, и что этотъ святой городъ является образцомъ для всего міра, и всѣ города міра прислушиваются и присматриваются къ тому, что происходитъ въ Мюнстерѣ. Однажды онъ заявилъ народу, что онъ имѣлъ откровеніе, что старое управленіе должно быть прекращено и должно быть замѣнено новымъ, соотвѣтствующимъ великому назначенію города. Управленіе въ городѣ должно быть такое, какъ въ старомъ Израилѣ; должны быть избраны двѣнадцать старѣйшинъ вмѣсто стараго совѣта съ бургомистромъ, и затѣмъ должны быть начертаны новые скрижали закона и на нихъ написано, что все, что повелѣваетъ священное писаніе, должно быть исполнено народомъ. Далѣе, Іоганнъ Бокельзонъ, опираясь на этотъ совѣтъ (12) старѣйшинъ, ему вполнѣ послушный, ввелъ законъ, который вызываетъ наибольшія нареканія среди историковъ. Онъ ввелъ многоженство, ссылаясь на Новый Завѣтъ. Трудно сказать, что это былъ за институтъ, такъ какъ мы имѣемъ свѣдѣнія о немъ отъ враждебныхъ историковъ, которые склонны изображать все въ темномъ свѣтѣ. Каутскій думаетъ, что этотъ законъ былъ вызванъ хозяйственными потребностями. Въ осажденномъ городѣ количество женщинъ въ два - три раза превышало количество мужчинъ. Послѣ того, какъ были изгнаны несогласившіеся перейти къ перекрещенцамъ, осталось много домовъ, гдѣ были (лишь) женщины, что создавало много хозяйственныхъ затрудненій. Законъ этотъ имѣлъ принудительную силу.

Всѣ женщины въ городѣ какъ молодыя, такъ и преклоннаго возраста, должны были имѣть мужа, а тѣ, которыя протестовали, подвергались даже смертной казни. Это было 25 іюля 1534 г. Къ концу этого года этотъ законъ оказался настолько тягостнымъ, что все-таки обязательность замужества была отмѣнена. Далѣе, Іоганнъ Лейденскій, по откровенію одного изъ пророковъ, былъ провозглашенъ королемъ. Было высказано на площади, что Новый Іерусалимъ, Новый Сіонъ, не можетъ обойтись безъ своего Давида, и этимъ королемъ долженъ быть Іоганнъ Лейденскій. Онъ былъ провозглашенъ не только королемъ Мюнстера, но и владыкой всего міра. Послѣ одной изъ военныхъ неудачъ, въ сентябрѣ 1534 г. произведено было это избраніе, и съ этихъ поръ начинается, такъ сказать, опереточный періодъ развитія этой эпопеи. Іоганнъ Лейденскій отчасти намѣренно, отчасти изъ пристрастія къ внѣшности, по описанію историка, окружилъ себя сказочной обстановкой, сказочной роскошью, сдѣлалъ себѣ двѣ золотыя короны съ драгоцѣнными камнями, одна изъ которыхъ принадлежала Мюнстерскому правителю, другая царю міра, затѣмъ завелъ себѣ спеціальный шлемъ, мечъ, эмблему своей власти, завелъ себѣ свиту съ необычайными костюмами, музыку; жену, нѣкую Дивари, жену покойнаго Матиса, которую возвелъ въ санъ королевы наряду съ другими женами, которыя этого сана не имѣли. Наконецъ, устроилъ на площади тронъ, гдѣ разъ въ недѣлю самолично творилъ судъ и расправу рубилъ головы собственнымъ мечемъ. У короля происходили часто пиры; иногда онъ устраивалъ угощенія для тысячной толпы пока это было возможно. Однако положеніе дѣлъ становилось все тревожнѣе и тревожнѣе. Осажденный

городъ все больше и больше стягивался кольцомъ осаждавшихъ. Въ началѣ 1535 г. начался голодъ. Враждебный историкъ говоритъ, что Іоганнъ Лейденскій пировалъ въ то время, когда народъ голодалъ. Можетъ быть это и не вѣрно, но во всякомъ случаѣ положеніе было трудное. Въ это время была введена съ большой строгостью общность имущества, стали производиться обыски у гражданъ, у которыхъ предполагалось золото. Слѣдили за тѣмъ, чтобы мука и хлѣбъ поступали на общія мельницы и общія пекарни съ цѣлью общественнаго распредѣленія ихъ. Пророки становились все экзальтированнѣй, видѣнія и голоса все чаще и необычайнѣй. Былъ установленъ новый календарь, новыя имена для вновь вождавшихся. Странное настроеніе царило въ Мюнстерѣ. Наканунѣ смерти, накануне уничтоженія города вели себя такъ, какъ будто готовились реформировать весь міръ. Когда нужда родила бунтъ, то князь самъ казнилъ бунтовщиковъ. Надо отдать справедливость необыкновеннымъ административнымъ дарованіямъ этого Іоганна Лейденскаго, легко было получить власть, но трудно было удержать ее. Въ концѣ концовъ неизбѣжное совершилось; защитники города терпѣли пораженіе за пораженіемъ и 25 іюля 1535 г. т.е. черезъ 1 1/4года послѣ торжества перекрещенцевъ послѣдняя крѣпость пала. Послѣ ожесточеннаго боя на улицахъ города была взята послѣдняя баррикада; всѣ уцѣлѣвшіе защитники города были истреблены, а Іоганнъ Лейденскій вмѣстѣ съ двумя ближайшими помощниками и пророками были казнены самой жестокой казнью, и ихъ трупы потомъ развозились по странѣ и показывались на устрашеніе другимъ.

Мюнстерская трагедія является какъ бы освѣщеннымъ бенгаль-

окимъ огнемъ эпизодомъ, характеризующимъ вообще настроеніе и чаяніе того времени, всего этого взбаламученнаго моря эпохи начала 16 вѣка.

Теперь я познакомлю васъ, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, еще съ однимъ реформаторомъ радикально-коммунистическаго и даже соціалистическаго оттѣнка, который выступилъ однако не на реформаціонной, а на католической почвѣ, почти подъ воротами Рима. Это былъ Джироламо или Іеронимъ Савонаролла съ его попыткой провести во Флоренціи идеи теократическаго коммунизма.

Съ именемъ Савонаролли связывается обычно самое мрачное представленіе о мрачномъ и жестокомъ, нѣсколько изувѣрскомъ монахѣ, гонителѣ всего свободнаго. Не знаю почему создалось такое представленіе; но исторически, какъ легко убѣдиться, такое представленіе не соотвѣтствуетъ во многомъ дѣйствительности; оправдываются только нѣкоторыя стороны его. Во всякомъ случаѣ это представленіе не учитываетъ той самой интересной стороны дѣятельности Савонароллы, ради которой мы нашли возможнымъ включить его въ число представителей средневѣковаго радикальнаго демократизма и даже коммунизма.

Джироламо Савонаролла родился въ Феррарѣ 21 сентября 1454 г. а умеръ въ 1498 году на кострѣ, слѣдовательно, онъ былъ младшимъ современникомъ Томаса Мора. Онъ родился въ аристократической фамиліи и былъ третьимъ сыномъ въ семьѣ состоявшей изъ пяти сыновей и двухъ дочерей. Съ дѣтства онъ отличался сосредоточенностью

и аскетическимъ настроеніемъ, чуждаясь развлеченій, больше занимаясь религіозно-философскими книгами. Любимымъ его чтеніемъ было чтеніе Аристотеля и Ѳомы Аквинскаго. Ночью 28 апрѣля 1475 года онъ тайно бѣжалъ изъ родительскаго дома, въ которий никогда больше не возвращался, разстался съ нѣжно любимими родними, которихъ больше никогда на видалъ, согласно своему монашескому обѣту, только переписивался. Онъ бѣжалъ въ Болонью въ Доминиканскій монастирь. Въ это время онъ писалъ отцу о чувствахъ, побудившихъ его на этотъ поступокъ. Онъ говоритъ, что позорное положеніе общества, несправедливость людей, деспотизмъ, развратъ, разбойничество, гордость, идолопоклонство, ужасное святотатство, „все соединилось, чтобы заставить его бѣжать изъ такой зараженной и гніющей нравственно среды: нѣтъ человѣка, которий бы дѣлалъ добро; добродѣтель поругана, пороку же воздаютъ поклоненіе. Всякому сколько-нибудь честному человѣку остается одно: покинуть скорѣй этотъ вертепъ разврата и преступленій; остается жить одному, вдали отъ взора людского, какъ существу разумному, а не какъ животному, окруженному свиньями." Этотъ суровий путь, какъ мы увидимъ, привелъ его къ совершенно противоположному плану жизни, чѣмъ онъ задавалъ себѣ, именно изъ своей созерцательной жизни онъ спустился на поприще политическаго проповѣдника.

Черезъ годъ онъ былъ посвященъ въ монахи и посланъ во Флоренцію (въ 1486 году.). Черезъ годъ онъ возвращается оттуда и опять нѣкоторое время дѣйствуетъ въ Ломбардіи, а затѣмъ вновь возвратился во Флоренцію. Въ 1493 году онъ избранъ пріоромъ До-

миниканскаго монастыря св.Марка, гдѣ и провелъ всю остальную жизнь. Имя его настолько связано съ Флоренціей, что невольно забываешь, что онъ когда-либо не былъ тамъ. Уже въ первое свое пребываніе тамъ онъ пользовался популярностью, а во второе - пріобрѣлъ большую извѣстность строгостью своей жизни, прямотой и безстрашіемъ.

Суровый, безпощадный обличитель нравовъ, какъ бы ни было высоко положеніе обличаемаго, въ этомъ отношеніи не останавливавшійся ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, Савонаролла не былъ отъ природы одаренъ внѣшними дарованіями оратора, напротивъ, онъ имѣлъ какой-то физическій недостатокъ рѣчи, отъ котораго освободился лишь съ трудомъ, и тѣмъ не менѣе, если онъ сдѣлался первымъ человѣкомъ, фактическимъ вождемъ и правителемъ Флоренціи, то этимъ онъ обязанъ исключительно силѣ своего слова и силѣ своего духа.

Впервые выдвинулся Савонаролла, какъ вождь, гражданинъ и реформаторъ въ 1494 году. Флоренція въ эту эпоху возрожденія, эпоху Медичи, была, по словамъ историка, самымъ развратнымъ, распущеннымъ городомъ Италіи и вообще городомъ чрезвычайно низкой нравственности, поэтому представляла самую трудную, самую неблагодарную почву для дѣятельности Савонароллы . Но тутъ ему помогли чисто внѣшнія обстоятельства. Флоренція въ 1494 году изгнала своего правителя, герцога Медичи, и за это подверглась опасности разгрома со стороны вліятельныхъ друзей этого Медичи. Съ другой стороны, подъ стѣнами ея стояли войска французскаго короля Карла VIII, который двинулся походомъ въ Италію, но Савонаролла силою своего слова спасъ городъ. Онъ отправился къ Карлу VIII и такъ распо-

ложилъ его, что онъ вступилъ въ городъ не какъ завоеватель, а въ качествѣ лица, гарантирующаго Флоренціи свободу, и подписалъ договоръ на самыхъ льготныхъ условіяхъ для Флоренціи. Послѣ его удаленія Флоренція была свободна для новой организаціи.

Эта организація начинается уже подъ непосредственнымъ участіемъ и вліяніемъ Савонаролы. Когда обратились за совѣтами къ нему, то онъ предложилъ, чтобы шестнадцать избранныхъ лицъ предоставили свои проэкты флорентійской конституціи. Изъ этихъ шестнадцати проэктовъ пусть будетъ избрано четыре, изъ этихъ четырехъ пусть будетъ избранъ одинъ, на которомъ и остановятся. Онъ указывалъ на тѣ потребности, которымъ слѣдуетъ посвятить наибольшее вниманіе. Суровый проповѣдникъ остановилъ свое вниманіе на слѣдующихъ: 1) стараться по возможности помочь стѣсненному положенію бѣдняковъ. Для этого Савонаролла думалъ сдѣлать два сбора: одинъ съ городовъ, другой съ деревень и, если при всемъ томъ сумма окажется недостаточной, то обратить въ постоянную монету церковныя вещи. Джироламо надѣялся, что успѣетъ одолѣть сопротивленіе жаднаго духовенства. 2) Уменьшить налогъ съ неимущихъ классовъ народа, которые если ничѣмъ и не владѣютъ, то не должны ничего платить. 3) Дать занятіе бѣднымъ поденщикамъ, которые бываютъ лишены иногда дневного пропитанія (Право на трудъ.) 4) Принять мѣры къ тому, чтобы въ судахъ не оказывалось лицепріятія въ ущербъ бѣднымъ. Савонаролла требуетъ возможнаго равенства, которое онъ клалъ въ основу своей конституціи. Савонаролла предполагалъ поголовное участіе народа въ составленіи кодекса. Онъ

совѣтовалъ устроить такое правительство, которое исключало бы возможность единодержавія, тогда всѣ граждане будутъ заботиться о сохраненіи свободы, которую они получили отъ Бога. Всѣ высшія должности должны заниматься по выборамъ, при чемъ въ основу флорентійской конституціи предположено положить Высокій Совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ взрослыхъ равноправныхъ гражданъ. Ихъ 3200 человѣкъ, которые раздѣляются на три, отдѣльно собирающіяся части. Затѣмъ, въ виду громоздкости этого учрежденія, былъ избранъ Совѣтъ 80, который занимался дѣлами управленія.

Такимъ образомъ, Савонаролла установилъ демократію, но въ основу ея онъ положилъ идеалъ аскетически-теократическій. Это было соединеніе теократическихъ, демократическихъ и отчасти соціалистическихъ идей. Онъ представлялъ себѣ это республиканское устройство, какъ непосредственную теократію, при чемъ говорилъ совершенно серіозно, что королемъ флорентійской общины является Христосъ, а дѣйствующее правительство имѣетъ какъ бы делегацію власти. „Какъ въ былое время народъ израильскій, - говорилъ Савонаролла, - такъ теперь управляешься ты, Флоренція. У него долго не было ни царя, ни правителя; наконецъ Богъ послалъ евреямъ пророка, который назывался судьей. Онъ не имѣлъ надъ народомъ никакой власти, никакого авторитета. Онъ не могъ ни казнить, ни даже произносить приговоровъ, но когда у этого судьи потребуютъ совѣта о чемъ-нибудь, то онъ прежде возноситъ молитву къ Богу, а потомъ передаетъ народу то, что Господь внушилъ ему. Пока они слушали гласъ Божій, они были счастливы, когда же перестали слу-

шать его, то испытали страшныя бѣдствія. Слѣдовательно, если правительство и было народное, такъ какъ народъ дѣлалъ то, что хотѣлъ, а судьи ограничивались только совѣтами, тѣмъ не менѣе въ сущности своей оно представляло ту же монархію, потому что зависѣло отъ одного Бога, который голосомъ своего пророка управлялъ цѣлой массой. Оно было также съ аристократическимъ элементомъ, потому что лучшихъ избранниковъ Богъ позволилъ облекать властью. Флоренція, обращается Савонаролла, есть еще время, если ты найдешь себѣ вѣрнаго руководителя, у тебя будетъ лучшее правительство, какое только существовало на землѣ. Да просвѣтитъ тебя Богъ и навсегда избавитъ отъ зла. Онъ дастъ тебѣ кромѣ того и вождя, царя, который будетъ управлять тобой. Этотъ царь, этотъ вождь - самъ Христосъ. Отдайся на волю и не гонись за другимъ царемъ, какъ дѣлаютъ евреи." Такая рѣчь, кажется, никогда не раздавалась даже въ средніе вѣка, и такая идея непосредственной теократіи, повидимому, неизвѣстна даже папской іерократіи, у которой непосредственной главою церкви считался верховный папа. Я уже указывалъ отличительную особенность флорентійскаго режима; съ одной стороны, онъ соединялъ въ себѣ черты демократическія, до извѣстной степени даже соціалистическія, съ другой стороны, въ основу его были положены идеи теократическія и аскетическія. Когда Савонаролла и его партія добились власти во Флоренціи, то начали вводить эти учрежде-

нія не только для того, чтобы осчастливить флорентійское населеніе. вѣрнѣе сказать, этой цѣли они себѣ даже не ставили, скорѣе для того, чтобы проводить во флорентійскомъ народѣ аскетическую добродѣтель, сдѣлать его праведнымъ, въ томъ смыслѣ, какъ представляетъ это себѣ Савонаролла и его сподвижники. Государственную организацію онъ разсматриваетъ лишь какъ средство для общественнаго воспитанія. Нельзя не вспомнить при этомъ о до-христіанскомъ его предшественникѣ, о Платонѣ, который въ основу своей государственной экономической утопіи тоже положилъ мысль воспитать гражданъ въ добродѣтели, и который также въ разработкѣ этой идеи послѣдовательно проводитъ идеалъ характера аскетическаго. Если Платонъ для управителей ставитъ задачу воспитанія прежде всего самого себя, а затѣмъ и управляемыхъ, то подобнымъ же образомъ и Савонаролла обращается къ правительству Флоренціи и ставитъ задачей не только регулированіе политической жизни и разрѣшеніе соціально-экономическихъ задачъ, но и всякую борьбу съ пороками воспитанія. „Правители флорентійскіе, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ. Карайте грѣхъ, истребляйте пороки, относитесь серіозно къ этому ужасному уклоненію отъ природы. Не старайтесь наказывать тайно, но дѣлайте это во всеуслышаніе всей Италіи. Начинайте съ одного, доберетесь послѣ до прочихъ. Если вы не исправите виновныхъ, то дадите возможность развиться грѣху. Наказывайте игроковъ. Извѣстно ли вамъ, что игры до сихъ поръ еще продолжаются. Прикажите, чтобы не играли хотя на улицахъ ни въ большую ни въ малую игру. Если вы застанете гражданина, играющаго на

пятьдесятъ дукатовъ, велите передать ему: „община нуждается въ тысячѣ дукатахъ, внеси эти деньги." Безъ состраданія вырывайте языкъ у богохульцевъ, запрещайте также танцы, теперь не время танцевать. Не позволяйте давать балы ни въ городѣ ни въ деревняхъ. Имѣйте своихъ агентовъ и наказывайте ихъ самихъ, если уличите въ потачкѣ. Наблюдайте, чтобы въ шесть часовъ вечера таверны закрывались. Этотъ приказъ повторялся много разъ, но объ немъ забыли и думать. Притворяйтесь, что ничего не видите, а между тѣмъ хватайте преступниковъ и немедленно карайте ихъ. Я знаю, что лавки бываютъ иногда открыты по праздничнымъ днямъ. Но не надо допускать этого, велите закрывать ихъ. Только для аптекъ можно сдѣлать исключеніе. Въ праздники могутъ продаваться одни только медицинскія пособія. Если вы въ праздники захотите дать обѣдъ и вамъ понадобится свѣжее блюдо, то закажите съ субботы на воскресенье. Если васъ въ праздники мучитъ зубная боль, то, конечно, не грѣхъ вырвать больной зубъ въ тотъ же день. Но тратить время на глазѣніе фигляровъ и на тысячу другихъ дурачествъ вотъ зло. Вы, съ такой роскошью разрядившаяся молодежь, что будто хотите перещеголять женщинъ, бросьте эти тряпки. Отцы, заставьте вашихъ дѣтей сбросить эти блестящіе камзолы. Прикажите имъ одѣть другіе и не давайте денегъ на покупку новыхъ. Почтенные сеніоры, дозвольте должникамъ хоть въ праздничные дни свободно выѣхать изъ дома, чтобы они спокойно, не опасаясь ареста, могли сходить къ обѣднѣ или прослушать проповѣдь. Вотъ все, о чемъ я хотѣлъ просить правительство."

Эта тирада даетъ ясное понятіе о тѣхъ задачахъ правительства, которыя ставитъ Савонаролла. Не трудно убѣдиться, что Савонаролла хотѣлъ при посредствѣ правительства распространить ту дисциплину и строгость, которая существовала въ монастырѣ святого Марка, гдѣ жилъ онъ самъ; но не нужно забывать, что онъ обращался съ этой проповѣдью къ Флоренціи 15 вѣка, городу, поражающему своею распущенностью нравовъ, гдѣ царило легкомысліе, эстетизмъ и развратъ, привязанность къ утонченной жизни и удовольствію, однимъ словомъ, все то, что Савонаролла бичевалъ въ своей проповѣди. Такая проповѣдь казалось бы обречена на полную неудачу, но сила индивидуальности Савонароллы и его огневого слова заключается въ томъ, что, хотя и на нѣкоторое короткое время, онъ имѣлъ успѣхъ. Онъ сумѣлъ воодушевить своимъ идеаломъ и полуразложившуюся въ нравственномъ отношеніи Флоренцію и образовалъ въ городѣ сильную партію, ставшую на его сторону и стремившуюся осуществить его идею. Для того чтобы провести въ жизнь эту задачу, правительство должно было располагать свѣдѣніями не только о внѣшнемъ поведеніи, но и о частной жизни гражданъ; эти свѣдѣнія оно могло получать только организаціей шпіонажа и однимъ изъ средствъ осуществленія этой задачи является много разъ осмѣянное, приводимое въ качествѣ уродливой каррикатуры, но въ сущности довольно послѣдовательно вытекающее изъ системы Савонароллы - обратить дѣтей въ шпіоновъ. Извѣстно, что никто, какъ дѣти, если имъ поручить обязанность взрослыхъ и ихъ

заинтересовать, не будутъ съ такой легкостью и усердіемъ исполнять указанія обязанности, и вотъ на эту черту психологіи дѣтей воздѣйствуетъ Савонаролла, и, какъ можно судить на основаніи неограниченныхъ фактовъ, воздѣйствуетъ съ самыми лучшими цѣлями, хотя съ нѣкоторой неразборчивостью въ средствахъ. Во всякомъ случаѣ эти мальчишки, представляющіе собой добровольный шпіонажъ, инквизицію, сдѣлались настоящимъ проклятіемъ города, потому что они были невыносимы своимъ стремленіемъ всюду совать свой носъ, все наблюдать и обо всемъ доносить. Это, конечно, средство крайняго духовнаго деспотизма, къ которому неизбѣжно должна была привести система правительственнаго насилія, поставившаго себѣ задачей нравственное воспитаніе. Своею суровостью и радикальными мѣрами естественно Савонаролла оттолкнулъ отъ себя часть населенія такъ, какъ привлекъ другую. Образовались двѣ главныхъ партіи въ городѣ: сторонниковъ и противниковъ Савонароллы. Сторонниками Савонароллы естественно были представители народа, демократія, во-первыхъ, потому, что они были непосредственно заинтересованы въ торжествѣ вліянія Савонароллы, ибо оно обезпечивало имъ цѣлый рядъ преимуществъ, во-вторыхъ, потому, что въ силу относительной бѣдности, некультурности и болѣе благопріятнаго въ этическомъ отношеніи соціальнаго положенія, были застрахованы отъ тѣхъ соблазновъ, которымъ подвергалась вліятельная владѣльческая аристократія; они гораздо болѣе раздѣляли аскетическое настроеніе и теократическую идею Савонароллы, нежели аристократія,

Напротивъ, золотая молодежь - буйная, дикая, своевольная, распущенная аристократическая молодежь - была скритнмъ или отритымъ сторонникомъ павшаго правительства Медичи и вела противъ Савонаролли настоящую оборонительную и наступательную, открытую и тайную борьбу. Можно разсказать цѣлий рядъ краснорѣчивихъ и въ высшей степени величественнихъ драматическихъ страницъ исторіи этой борьби, гдѣ Савонаролла проявлялъ всѣ героическія свойства своего характера и могущества; но къ сожалѣнію эта привлекательная задача насъ увлечетъ далеко въ сторону, и мы должни отъ нея отказаться. Во всякомъ случаѣ борьба велась съ такимъ ожесточеніемъ, что стѣны монастиря св.Марка, даже стѣны храма не разъ видѣли ожесточенную драку и орошались кровью противоположнихъ партій. Исторія сохранила намъ полулегендарний разсказъ о тѣхъ формахъ, въ которихъ выражалось аскетическое вліяніе Савонаролли на окружающій его культурний міръ. Сохранился разсказъ о знаменитихъ, такъ называемихъ кострахъ Савонаролли, которые встаютъ въ головѣ у каждаго при воспоминаніи о соціальнихъ мѣрахъ Савонаролли. Знаменитий историкъ ренессанса, Бурхгардтъ, въ такихъ словахъ разсказиваетъ объ этихъ кострахъ. За годъ до сожженія Савонаролли и въ тотъ же самый день въ слѣдующемъ году, въ карнавалѣ,—когда вся Флоренція бѣсновалась, устраивала уличнія шествія, развлеченія, однимъ словомъ, карнавалъ, которий и сейчасъ въ Италіи и въ другихъ странахъ принимаетъ широкіе размѣри,—произведены были два большихъ ауто-да-фе на площади

передъ синьоріей. Здѣсь возвышалась ступенями пирамида, на подобіе тѣхъ, на которыхъ обыкновенно сожигали тѣла римскихъ императоровъ. Внизу, въ основаніи пирамиды находились маски, фальшивыя бороды, маскарадные костюмы и такъ далѣе. Въ слѣдующемъ ряду помѣщались книги, произведенія италіанскихъ и латинскихъ поэтовъ, въ томъ числѣ Микель Анджело, Боккачіо, Петрарка, а также цѣнные пергаменты и манускрипты съ миніатюрами. Далѣе шли женскія украшенія и туалетныя принадлежности; духи, зеркала, вуали и прически; затѣмъ лютни, арфы, шахматы, трикътракъ, карты и т.д. Наконецъ, все это увѣнчалось картинами, въ особенности портретами прекрасныхъ женщинъ, отчасти съ классическими именами Лукреціи, Клеопатры, Фаустины; отчасти современницъ, какъ прекрасной Венцины, Морелды Вины и Маріи де-Ленци. Здѣсь можно было видѣть собранными картины Бартоломео де-ла-Порте, который самъ приносилъ ихъ, а также повидимому женскія головки работы знаменитыхъ древнихъ художниковъ. Когда былъ готовъ первый такой костеръ, присутствовавшій при этомъ первый венеціанскій купецъ предлагалъ за него синьоріи 22000 золотыхъ талеровъ, но ему отвѣтили, что могутъ написать его портретъ и присоединить къ той же грудѣ. Когда костеръ загорѣлся, вся синьорія вышла на балконъ, воздухъ наполнился пѣніемъ, трубными звуками, звономъ колоколовъ, затѣмъ толпа двинулась на площадь святого Марка, гдѣ начались танцы въ трехъ концентрическихъ кругахъ. Внутренній кругъ образовали монахи того же монастыря, смѣняясь

мальчиками, представлявшими ангеловъ, затѣмъ слѣдовали молодые священники и міряне и, наконецъ, старики, граждане и священники, послѣдніе украшенные оливковыми вѣтвями." Тотъ же историкъ ренессанса, котораго нельзя заподозрить въ сочувствіи аскетическимъ идеаламъ Савонаролли, невольно прибавляетъ: „Никакая иронія восторжествовавшихъ потомъ противниковъ, несмотря на весь ихъ талантъ и достаточность поводовъ, не могла низвести память Савонаролли, и чѣмъ печальнѣе становилась судьба Италіи, тѣмъ свѣтлѣе выросталъ въ памяти пережившихъ его образъ великаго монаха и проповѣдника."

Подобная картина даетъ понятіе о неизбѣжности трагической катастрофы. Тотъ идеалъ, который поставилъ Савонаролла, до такой степени шелъ вопреки жизненнымъ понятіямъ и вообще среднему укладу средняго человѣка, что, очевидно, раньше или позже онъ долженъ былъ погибнуть въ неравной борьбѣ. Савонаролла былъ человѣкомъ необычнымъ. Ни аристократія, у которой онъ вырвалъ въ пользу народа бразды правленія, ни плутократія, которую онъ обложилъ въ пользу бѣдныхъ, ни общее стремленіе той эпохи гуманистической къ утонченности жизни, къ роскоши и ея разнообразію, которыя онъ хотѣлъ связать аскетизмомъ, все это не можетъ надолго примириться съ режимомъ Савонаролли. Съ другой стороны, очевидно, что для экономическаго развитія, для развитія идеала Савонаролли, Флоренція не оставляла простора. Этимъ было достигнуто удовлетвореніе потребностей въ самой минимальной степени, не

расширеніе ихъ а сокращеніе, поэтому, послѣдовательно проводя этотъ идеалъ, Флоренція должна была остановиться въ своемъ хозяйственномъ развитіи и даже пойти назадъ. Во всякомъ случаѣ паденіе Савонаролли было неизбѣжно, но палъ онъ не отъ мѣстныхъ враговъ, хотя и не безъ ихъ посредства, а встрѣтился съ врагомъ гораздо болѣе сильнымъ и опаснымъ, притомъ врагомъ, который былъ застрахованъ отъ обаятельнаго и для многихъ неотразимаго вліянія его личности броней своей безнравственности. Врагомъ этимъ былъ папа Александръ УІ Борджіа. По словамъ историка, этотъ папа соединилъ въ себѣ всевозможныя преступленія отъ убійства до кровосмѣшенія Личность эта по своему очень интересна, въ особенности для нашего времени. Между прочимъ эта личность остановила на себѣ вниманіе Ницше, искавшаго сильную и жестокую личность, не останавливавшуюся ни передъ чѣмъ. Для насъ достаточно указать на то, что въ результатѣ этой борьбы 23 мая 1498 года Савонаролла съ его единомышленниками взошелъ на костеръ и былъ сожженъ, умеръ смертью праведника, полный силы до конца, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его мученической кончины Рафаэль уже писалъ на стѣнахъ того Ватикана, въ которомъ жилъ папа, приговорившій Савонароллу къ сожженію, строгую фигуру Савонаролли, а въ одной церкви, особенно враждовавшей съ нимъ, появился его образъ рядомъ съ наиболѣе чтимыми святыми, а черезъ нѣсколько столѣтій въ католической церкви возбуждался вопросъ о признаніи его святымъ, каковымъ онъ

и безъ того почитается. Такимъ образомъ, впослѣдствіи официальныя отношенія Рима къ Савонароллѣ измѣнились, но во всякомъ случаѣ въ то время Савонаролла былъ сожженъ вслѣдствіе непримиримаго отношенія къ нему Борджіа. Савонаролла представляетъ для насъ во многихъ отношеніяхъ порогъ отъ стараго времени къ новому. Съ одной стороны, Савонаролла собираетъ въ себѣ лучшее изъ средневѣковья. Савонаролла представляетъ изъ себя до извѣстной степени историческій апоѳеозъ средневѣкового идеала, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную попытку построить жизнь цѣлаго города, цѣлаго маленькаго государства на основѣ этого идеала. Съ другой стороны, въ его крушеніи вмѣстѣ съ нимъ на кострѣ погибаетъ не только его собственная личность, которой онъ не щадилъ, но и его идеалъ, попытка организовать жизнь на средневѣковыхъ началахъ. При чемъ то, что онъ встрѣтилъ наибольшее противодѣйствіе со стороны именно католической церкви, это всего больше показываетъ на то, что въ нѣдрахъ стараго быта не могла родиться эта созидающая сила. Въ жизни западно - европейскихъ народовъ подготовлялся кризисъ. Кризисъ этотъ привелъ къ полной переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей во всѣхъ областяхъ жизни. Общимъ результатомъ этого кризиса было то, что изъ среднихъ вѣковъ родилось новое время, въ которомъ мы теперь живемъ со своими проблемами и интересами. Но этотъ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени подготовляется во многовѣковомъ переломѣ жизни, который совершается, начиная съ тринадцатаго и четырнадцатаго и кончая шестнадцатымъ и семнадцатымъ вѣками - реформаціей. Корни новой

исторіи лежатъ именно въ этой эпохѣ. Современный человѣкъ съ его запросами и понятіями родился не въ девятнадцатомъ вѣкѣ, а въ пятнадцатомъ - шестнадцатомъ вѣкахъ, вообще въ эпоху реформаціи и возрожденія. И все то, что въ настоящее время получаетъ наиболѣе полное развитіе, какъ въ зернѣ, нужно искать именно здѣсь. Поэтому, хотя бы съ неизбѣжной краткостью, намъ необходимо остановиться на этой эпохѣ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени и указать главные его моменты. Начну съ самаго простого и осязательнаго, именно съ момента экономическаго. Въ жизни европейскихъ народовъ къ концу среднихъ вѣковъ происходитъ цѣлый рядъ глубокихъ экономическихъ перемѣнъ, которыя въ общемъ и цѣломъ сводятся къ расширенію обмѣна и постепенному созданію народнаго хозяйства. Первымъ толчкомъ, и толчкомъ въ высшей степени могущественнымъ въ этомъ направленіи, были Крестовые походы. Крестовые походы были вызваны мотивами характера религіознаго или по крайней мѣрѣ они были выставляемы на знамени Крестовыхъ походовъ, но значеніе ихъ въ исторіи многосторонне. И прежде всего Крестовые походы имѣютъ огромное экономическое значеніе. „Крестовые походы, говоритъ историкъ реформаціи, Вергеръ, - повлекли за собой не только расширеніе географическаго, духовнаго и экономическаго горизонта, но они явились вмѣстѣ съ тѣмъ и переходомъ напряженно - аскетической мысли къ міру дѣйствительности. Они дали рѣшительный толчокъ этому побѣдо-

носному росту матеріальной культуры, которая казалось должна была вполнѣ поглотить религіозно-идеальные интересы. Со знаменемъ аскетизма вступило въ жизнь новое движеніе, но такой характеръ его удержался недолго; подъ щитомъ аскетическихъ заслугъ укрылось множество эгоистическихъ мотивовъ - стремленіе къ свѣтскому могуществу, національное соперничество, личное честолюбіе, страсть къ приключеніямъ и отважное исканіе сокровищъ, короны и славы. Проснулась прежняя страсть къ кочеваніямъ, уже и до Крестовыхъ походовъ появлявшаяся въ безчисленныхъ пилигримствахъ; воображенію, разгоряченному сказочными путешествіями, фантастическими бреднями, полными самыми невѣроятными приключеніями или поэмами Шпильмана, Востокъ представлялся не только святой землей, но и страной чудесъ, населенною рѣдко одаренными народами, невиданными звѣрями, растеніями и камнями, страною таинственныхъ магическихъ силъ и неисчерпаемыхъ сокровищъ. Ненасытная жажда приключеній манила въ Святую землю раньше всего неимущихъ, бродягъ, преступниковъ,- словомъ, людей, которымъ нечего было терять. Они брали крестъ, гарантировавшій имъ безнаказанность и открывавшій имъ надежду на богатую наживу. Страшныя неудачи движенія, поглотившаго такое безчисленное число ненужныхъ жертвъ, безъ сомнѣнія парализовали бы воодушевленіе, если бы толпу влекли впередъ именно эгоистическія ожиданія. Въ „Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ" выводятся тѣ тайные стимулы, которые вели рыцарей въ Святую землю: одинъ идетъ ради приключеній, другой,- чтобы отли-

читься въ борьбѣ на копьяхъ, третій,-чтобы взглянуть на бѣлый свѣтъ, четвертый - ради своей возлюбленной, пятый,- чтобы послужить Богу, шестой,- чтобы пострадать во имя Христа, седьмой,-чтобы избавиться отъ нищеты на родинѣ и пріобрѣсти денегъ и богатствъ, восьмой - ради пустого времяпрепровожденія, девятый - изъ честолюбія.

Непосредственное значеніе Крестовыхъ походовъ состояло въ томъ, что они установили связь западно-европейскаго міра съ Востокомъ, значительно расширили его кругозоръ и экономическія связи. Прежнее натуральное хозяйство оказывается несоотвѣтствующимъ нуждамъ новаго времени. Если одинокому пилигриму дѣлается почти невозможнымъ достичь Святой земли безъ извѣстныхъ денежныхъ затратъ, то тѣмъ болѣе рыцарь, собиравшійся на Востокъ, или князь, сопровождаемый многочисленной свитой, нуждался въ большихъ денежныхъ суммахъ для покрытія всѣхъ дорожныхъ расходовъ. Повсюду обнаруживается движеніе благодаря заключенію европейско-оріентальныхъ торговыхъ сношеній; капиталъ сталъ исключительнымъ экономическимъ факторомъ. Христіане завладѣли важнѣйшими портами Сиріи и Палестины; проѣзжія дороги стали безопаснѣе; компасъ умалилъ страхи океана;гарантировалась безопасность сношеній; европейскіе купцы всѣхъ національностей основывали свои факторіи въ многолюдныхъ левантійскихъ гаваняхъ и оттуда поддерживали правильное сношеніе съ родиной. Рядомъ съ купцами приняли участіе въ этой многообѣщающей восточной торговлѣ рыцари, епископы, аббаты и всякій мелкій людъ, непосредственно или вложеніемъ ка-

питала; коммерческій духъ предпринимательства охватилъ всѣ классы; заключались международные торговые договоры, и европейскія націи не только находили на Востокѣ выгодный сбытъ своему оружію, доспѣхамъ, лошадямъ, своимъ полотнамъ, хлѣбу, изображеніямъ святыхъ и другимъ предметамъ, но они главнымъ образомъ въ большомъ количествѣ привозили на Западъ натуральные продукты и предметы роскоши Востока, способствовавшіе развитію комфорта и изящества жизни, возбуждавшіе къ соревнованію въ искусствѣ и индустріи. Культивированныя растенія Востока, какъ сезамъ, сладкіе стручки, шафранъ, маисъ и рисъ пріобрѣли право гражданства въ Европѣ; сахаръ, вино, масла, фрукты и овощи Юга стали массами ввозиться въ Европу, а также и шерсть, шелка, бархатъ, атласъ, кисея, ситцы, дамаскъ, ковры, одежды, мѣха, красильныя вещества, медикаменты, спеціи, зеркала, стеклянная посуда, кузнечное производство и тысячи разнообразнѣйшихъ предметовъ роскоши. То, что раньше принималось какъ пріятное, стало постепенно предметомъ необходимости; образовалось множество новыхъ потребностей, мысль стала предпріимчивѣй, техника утонченнѣй; въ модахъ, въ нравахъ общества, въ искусствѣ, даже въ культурѣ растеній, сказывалось вліяніе Востока. Эта связь съ Востокомъ въ установленіи торговыхъ отношеній была однимъ изъ многочисленныхъ экономическихъ послѣдствій переноса экономическаго центра тяжести на Югъ, поближе къ Востоку. Естественно, что въ эпоху Крестовыхъ походовъ наиболѣе выдвигаются въ торговлѣ города, лежащіе вблизи Средиземнаго моря, особенно южно-итальянскіе и южно-французскіе города: Венеція,

Пиза, Генуя, Амальфи, Мессина, Марсель, Тулонъ, Нарбонна и Монпелье, всѣ эти города принимаютъ огромное участіе въ торговлѣ, а расширеніе торговли привело неизбѣжно къ расширенію роли денегъ и вообще денежныхъ операцій. Въ связи съ расширеніемъ торговли стоитъ организація быстро развившихся кредитно-вексельныхъ и банковыхъ предпріятій. Недаромъ торговое и вексельное право и банковое дѣло носятъ на себѣ слѣды своего итальянскаго происхожденія. Наиболѣе употребительные термины, какъ въ бухгалтеріи, такъ и въ банковомъ и вексельномъ дѣлѣ, взяты изъ итальянскаго языка. Для урегулированія торговыхъ отношеній учреждаются консульства и посольства, вообще упрочиваются торговыя отношенія политическими отношеніями. Увеличивающаяся роль денегъ приводитъ къ увеличенію роли денежнаго капитала. Тѣ рамки, въ которыя ставила увеличеніе капитала средневѣковая доктрина, изъ которыхъ наиболѣе ощутительными были, какъ мы знаемъ, запрещеніе процентовъ на капиталъ, - должны были рано или поздно уничтожиться. Реформаторы Лютеръ и Кальвинъ, хотя принципіально относятся отрицательно къ процентамъ на капиталъ и въ этомъ пытаются поддержать каноническую доктрину, но обставляютъ свое отрицаніе такимъ рядомъ исключеній, что въ сущности уже реформація устранила пропасть къ дальнѣйшему экономическому развитію капитализма. Особенно большое значеніе, еще большее, чѣмъ значеніе Крестовыхъ походовъ, имѣетъ открытіе Америки. Если Крестовые походы расширили міръ Европы пріобщеніемъ къ нему Востока и расширили объемъ народнаго хозяйства отъ Европы до Востока, то открытіе Америки имѣло то же самое значеніе, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, со-

единивъ міръ Европы съ міромъ Америки, превративши европейскую цивилизацію въ европейско-американскую. Значеніе открытія Америки въ экономической жизни народовъ мы собственно испытываемъ и до сихъ поръ. Наибольшее непосредственное его вліяніе выразилось въ томъ, что изъ Америки въ Европѣ получился огромный наплывъ благородныхъ металловъ: золота и серебра, и это произвело въ Европѣ такую революцію цѣнъ, какой не знаетъ исторія торговли. Цѣны измѣнились въ нѣсколько разъ, на нѣкоторые товары въ пять, шесть разъ. Эта революція цѣнъ отраженнымъ образомъ имѣла значеніе не только для организаціи промышленности, но и для соціальной жизни. Въ исторіи постепеннаго и мирнаго отмиранія крѣпостного права въ Англіи играетъ огромную роль революція цѣнъ, потому что она измѣнила совершенно размѣры ренты, установленной въ опредѣленныхъ денежныхъ суммахъ, обезцѣнивъ эти суммы.

Рядомъ съ революціей цѣнъ слѣдуетъ поставить изобрѣтеніе пороха исозданіе постояннаго войска на основѣ огнестрѣльнаго оружія. Экономическое значеніе этого изобрѣтенія состоитъ въ томъ, что спеціализація военнаго дѣла сосредоточила военную повинность на опредѣленномъ контингентѣ лицъ и освободила трудъ всего остальнаго населенія. Политическіе результаты этихъ двухъ положеній довольно общеизвѣстны. При переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени начинаютъ создаваться болѣе обширныя, хозяйственно-политическія единицы, городское хозяйство перерождается въ территоріальное, создаются огромныя самостоятельныя государства. Этому соотвѣтствуетъ самостоятельность государства и его интересовъ, которые отстаиваются государственнопра-

вовыми теоріями въ противоположность средневѣковому идеалу, согласно которому верховная власть принадлежитъ только папѣ и только делегируется имъ императору.

Рядъ писателей, начиная съ Данте, который еще въ значительной степени стоитъ на почвѣ средневѣковыхъ представленій, стремится отстаивать самостоятельность государства и его интересовъ, свѣтское государство и его секуляризацію. Особенно большое значеніе имѣетъ здѣсь литературная дѣятельность Макіавели и его сочиненіе „О князѣ", Гоббесъ, Гуго Гроцій и др. писатели. Ученіе этихъ писателей должно разсматриваться въ исторіи государственныхъ ученій и для насъ достаточно отмѣтить то симптоматическое значеніе, которое они имѣютъ, какъ показатели растущей секуляризаціи государства.

До сихъ поръ мы указывали внѣшніе матеріальные и политическіе моменты перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, но не меньшее, а по моему убѣжденію, даже большее значеніе имѣетъ духовный переворотъ, который совершился въ это время. Переворотъ этотъ носитъ общее названіе возрожденія или ренессанса. Онъ имѣетъ двѣ формы, два русла: свѣтское и церковное, и въ исторіи онъ различается какъ гуманизмъ и реформація.

Остановимся сначала на гуманизмѣ. Гуманизмъ, какъ показываетъ само названіе, есть возстановленіе человѣческой личности. Русскій историкъ гуманизма, Карелинъ, указываетъ два существенныхъ признака, составляющихъ особенность гуманистической литературы. Во-первыхъ, появляющійся въ немъ индивидуализмъ и глу-

бокій интересъ къ классической древности. Гуманистическій индивидуализмъ характеризуетъ: 1) интересъ человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру, во 2) интересъ во внѣшнемъ мірѣ, преимущественно къ другому человѣку, въ 3) убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ нестъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ, въ 4) интересъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка. „Ренессансъ,—говоритъ историкъ философіи, Куно Фишеръ,—въ корнѣ измѣнилъ челсвѣческія воззрѣнія на жизнь и на міръ, освобсдивъ ихъ отъ силъ, давившихъ въ средніе вѣка, и ставъ по отношенію къ этимъ силамъ въ такую оппозицію, которую церковь, сама схваченная въ началѣ духовнымъ движеніемъ времени, поощряла и даже ускоряла, помогая этому движенію, и распознала лишь впослѣдствіи. Основной темой среднихъ вѣковъ было возстановленіе и возвеличеніе „Civitas Dei", т.е.божественнаго царства на землѣ, которое господствуетъ надъ міромъ въ неосязаемыхъ для чувствъ порядкахъ и связуетъ индивидуумовъ. Основная тема ренессанса исходитъ изъ вполнѣ противоположнаго направленія, она состоитъ въ проявленіи человѣка, его величія, его славы, она состоитъ въ культѣ человѣческой индивидуальности, его генія, его силъ, его натурально-естественной свободы. Если существовалъ когда-либо вѣкъ, который вѣрилъ въ человѣческій умъ, универсальный геній, человѣческое всемогущество и магію, который произвелъ духовно сильныхъ личностей и испыталъ ихъ очарованіе, обожествивъ человѣческій міръ въ природѣ, государствѣ, искусствѣ, то именно такимъ

былъ вѣкъ ренессанса. Весь его интересъ сосредоточенъ на естественномъ, благодаря своей силѣ и дарованіямъ, безконечно возвышенномъ человѣкѣ. Вотъ въ такомъ смыслѣ нужно говорить о ренессансѣ, что онъ сдѣлалъ гуманизмъ своимъ предметомъ. „Ренессансъ вызвалъ къ жизни человѣка," какъ сказалъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его знатоковъ, Бурхардтъ."

Эти черты возрожденія личности въ ренессансѣ получаютъ до извѣстной степени классическую формулировку въ сужденіи одного изъ виднѣйшихъ италіанскихъ гуманистовъ, Пико де-ля Мирандолла, который въ своемъ сочиненіи „Oratio de hominis dignitate ", „Рѣчь о человѣческомъ достоинствѣ," высказываетъ слѣдующія сужденія о человѣкѣ. „Посреди міра поставленъ ты затѣмъ, чтобы обозрѣвать все, что въ немъ есть,—говоритъ Пико де-ля Мирандолла,—обращаясь къ человѣку. Ни небеснымъ, ни земнымъ, ни смертнымъ, ни безсмертнымъ ты созданъ съ тѣмъ, чтобы, какъ свой собственный, свободный и самовластный творецъ и созидатель ты создалъ себѣ форму, которую ты пожелаешь. Ты можешь выродиться въ тупое животное и ты можешь возвыситься до божественнаго существа силой всей твоей внутренней воли. О, возвышенная благость этого божественнаго Отца, о, величественная и удивительная миссія человѣка, которому дано добиться того, чего онъ пожелаетъ и быть тѣмъ, къ чему онъ стремится. Животныя приносятъ съ собой уже изъ утробы матери все, чѣмъ они должны владѣть. Небесные небожители были съ самаго начала тѣмъ, чѣмъ они становятся на всю вѣчность. Одному человѣку вселилъ Отецъ сѣмена всевозможной жизни, сѣмена, кото-

рыя слѣдуетъ развивать и которыя будутъ расцвѣтать въ немъ и приносить свои плоды."

Это классическое мѣсто, по справедливому замѣчанію историка Вергера, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ самосвидѣтельствъ эпохи ренессанса, его стремленія къ возрожденію человѣчества, человѣческой природы и ея ненарушимой цѣльности. „Основнымъ фономъ, отъ котораго въ силу контраста такъ ярко отдѣлилась культура ренессанса, была оріентировавшаяся въ ту сторону бытія аскетическая метафизика церкви, для которой человѣкъ и міръ представлялись не какъ гармоническое единство, но какъ вѣковѣчный дуализмъ, земной и божественной, чувственной и духовной природы. Жизненной силой этого возрожденія было Евангеліе о цѣльности и свободѣ личнаго Я, о безконечной цѣнности каждой отдѣльной, постоянно совершенствующейся человѣческой души, ея непреходящее сознаніе возможности и необходимости довести до совершенства энергическое самовоспитаніе, созидательную силу и человѣческую индивидуальность. Гуманизмъ есть сознаніе законныхъ силъ человѣческой природы, это есть подъемъ индивидуализма и протестъ самостоятельности и самодѣятельности самой личной жизни противъ воспитанія, традицій, авторитета и происхожденія; жажда удовлетворенія физическихъ потребностей и признаніе цѣны за силами матеріальными, это полное перерожденіе всего міровоззрѣнія, разсматривающее землю не съ прежнимъ чувствомъ отрицанія и презрѣнія въ ожиданіи небеснаго рая, но научающій любить ее какъ свою родину, научающій наслаждаться ею всѣми чувствами и все снова и снова побѣждать ее силою знанія и дѣятельности. Вотъ, что вдохну-

ло новую жизнь". Гуманизмъ въ исторіи соединенъ съ возрожденіемъ классической древности и возрожденіемъ къ ней интереса. Въ сущности интересъ къ классической древности былъ только внѣшней формой проявленія гуманизма, тѣмъ, въ чемъ гуманизмъ созналъ себя какъ таковой, въ противоположность средневѣковому міровоззрѣнію. Гуманизмъ можно понять только съ этой противоположности. То, что было связано съ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, взято подъ подозрѣніе.

Средневѣковое міровоззрѣніе относилось къ жизни съ нескрываемымъ пессимизмомъ и подозрѣніемъ, напротивъ гуманизмъ относился къ человѣку, къ его естественнымъ силамъ съ такимъ довѣріемъ, что легко забываетъ о порочныхъ наклонностяхъ человѣческой природы, о грѣховности , игравшей такую роль въ міровоззрѣніи среднихъ вѣковъ. Возрожденіе классической древности имѣетъ значеніе, какъ возрожденіе ряда жизненныхъ цѣнностей, существовавшихъ до христіанства, внѣ христіанства и имѣющихъ самостоятельную внѣрелигіозную цѣнность. Въ этомъ смыслѣ оно хотя сначала и совершалось про благосклонномъ отношеніи представителей церкви, даже покровительствѣ многихъ папъ, но явилось до извѣстной степени началомъ внѣцерковнымъ, противоцерковнымъ. во всякомъ случаѣ былъ поставленъ передъ сознаніемъ историческаго человѣчества новый вопросъ, именно вопросъ о томъ, какимъ образомъ примирить въ своемъ сознаніи эти два начала:- духовное и плотское, два понятія о человѣкѣ, выработанныя средними вѣками и античной цивилизаціей. Внѣшняя исторія гуманизма лежитъ за предѣлами нашего изученія; мы знаемъ, что въ силу ряда историческихъ причинъ, возрожденіе послѣдовало прежде всего въ

Италіи, гдѣ никогда не умирали античныя традиціи, и поэтому, естественно, здѣсь раньше всего и должна была возродиться античная древность. Одной изъ формъ, въ которой наиболѣе рѣзко выразилось это возрожденіе, было искусство. Какъ извѣстно, италіанскій ренессансъ въ искусствѣ, въ исторіи живописи и скульптуры остается непревзойденнымъ и до настоящаго времени, во всякомъ случаѣ остается совершенно исключительнымъ періодомъ въ исторіи искусства.

То, что говорилось до сихъ поръ, какъ бы не имѣетъ прямого отношенія къ исторіи хозяйственнаго быта и хозяйственныхъ идей. Но это только повидимому и можетъ показаться при недостаточно глубокомъ разсмотрѣніи. Въ дѣйствительности же это провозглашеніе правъ натуральнаго человѣка, его натуральныхъ потребностей уже давало возможность развитія народнаго хозяйства въ современномъ смыслѣ слова и цѣлому ряду сторонъ современной экономической жизни. Достаточно только сопоставить и противопоставить тѣ цѣнности, которыя признавало и допускало средневѣковое міровоззрѣніе и тѣ, которыя выставлялъ гуманизмъ для того, чтобы это увидѣть и почувствовать. Народное хозяйство и хозяйственная дѣятельность, въ той формѣ свободнаго развитія хозяйственныхъ силъ и способностей, въ результатѣ чего образуется современное народное хозяйство, есть одна изъ сторонъ проявленія дѣятельности свободнаго индивида, возрожденнаго гуманизмомъ. Однако, какъ я сказалъ, гуманизмъ есть одна изъ формъ перехода средневѣковья къ новому времени. Рядомъ съ свѣтскимъ возрожденіемъ, какъ извѣстно, шло религіозное. Рядомъ съ гуманизмомъ, связаннымъ съ возрожденіемъ

античной древности, стоитъ реформація. Реформація представляетъ собой съ интересующей насъ точки зрѣнія возрожденіе религіознаго индивидуализма. Это - провозглашеніе правъ религіозной личности и его свободнаго непосредственнаго отношенія къ Богу, и въ этомъ смыслѣ - бунтъ и отторженіе отъ средневѣковой церкви, которая считала себя единственно посредствующимъ звеномъ между индивидомъ и божествомъ. Оставляя здѣсь въ сторонѣ всѣ религіозныя идеи реформаціи, относящіяся къ исторіи церкви, ограничусь только тѣмъ моментомъ, который имѣетъ непосредственное значеніе для развитія хозяйственной идеи. Что касается хозяйственнаго значенія идеи реформаціи, то и здѣсь прежде всего приходится отмѣтить секуляризацію хозяйства государства и различныхъ сторонъ жизни, которыя проведены въ реформаціи. Согласно основнымъ понятіямъ реформаціи, этотъ строй жизни, который связанъ съ католической церковью и папской теократіей, подлежитъ упраздненію и вслѣдствіе этого весь тотъ гнетъ, который оказывала папская теократія на государство и народное хозяйство, съ этой точки зрѣнія подлежитъ упраздненію. Лютеръ сознательно стремился отдѣлить свѣтское отъ церковнаго. Онъ руководился при этомъ религіозными мотивами, но послѣдствіемъ этого было то, что гражданская, профессіональная и политическая дѣятельность получили самостоятельное признаніе и самостоятельную цѣнность. Гражданская профессія, скромная дѣятельность въ домѣ, на дворѣ и въ предпріятіи разсматриваются Лютеромъ не какъ отвлекающее отъ неба, но какъ дѣйствительно духовное занятіе. Эмансипація государства и народнаго хозяйства подъ вліяніемъ церкви сос-

тавляетъ существенную часть жизненной работы Лютера. Лютеръ ввелъ въ словоупотребленіе въ современный нѣмецкій языкъ тотъ терминъ, то понятіе, которое является наиболѣе ходовымъ, наиболѣе распространеннымъ въ современной политической экономіи и въ промышленной статистикѣ, именно Beruf или способность или профессія. Это понятіе было введено имъ при переводѣ Библіи на нѣмецкій языкъ, при чемъ онъ ввелъ не только слово, но и идею о томъ, что человѣкъ въ своихъ способностяхъ, въ своей будничной повседневной работѣ, а въ частности въ хозяйственной дѣятельности, осуществляетъ призваніе, что эта дѣятельность сама по себѣ представляетъ извѣстную цѣнность. Вся исторія экономическихъ идей и экономическихъ отношеній, въ особенности новѣйшее изученіе исторіи экономическаго развитія, приводитъ все больше и больше къ признанію значенія этой основной идеи реформаціи для экономическаго развитія. Не будетъ парадоксомъ сказать, что новѣйшая экономическая жизнь духовно столько же зародилась въ гуманизмѣ и возрожденіи древности, сколько въ этой идеѣ Beruf, какъ свѣтской дѣятельности, имѣющей самостоятельную цѣнность. Подробное развитіе этой мысли отнесло бы насъ далеко въ сторону, я остановлюсь, хотя и въ краткихъ чертахъ, на другомъ крылѣ реформаціи, такъ называемомъ реформаторствѣ, во главѣ котораго стоитъ Кальвинъ, потому что онъ имѣетъ въ исторіи развитія хозяйственныхъ отношеній еще большее значеніе, чѣмъ Лютеръ. Въ кальвинизмѣ мы имѣемъ въ извѣстной степени возрожденіе средневѣковой теократіи, но на реформатскихъ началахъ. Кальвинъ вмѣстѣ съ Лютеромъ отстаиваетъ самостоятельную цѣнность и значеніе государства

и вообще гражданской дѣятельности. Идея Beruf-а въ міровоззрѣніи Кальвина играетъ такую же роль, какъ и у Лютера, но въ противоположность Лютеру, который относится, особенно во вторую половину своей жизни, довольно пассивно къ гражданской и экономической жизни, Кальвинъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальнымъ, и экономическимъ реформаторомъ, онъ стремится построить жизнь, опредѣлить всѣ ея стороны на основѣ Библіи, и въ кальвинизмѣ мы имѣемъ такой примѣръ послѣдовательной библіократіи, который трудно встрѣтить даже въ средніе вѣка. Осуществлялъ свои идеи Кальвинъ въ Женевѣ, въ которой онъ получилъ вліяніе и окончательно водворился послѣ однократнаго изгнанія. Въ исторіи Женевской республики мы имѣемъ какъ бы повтореніе того, что наблюдаемъ въ Флорентійской республикѣ, но только съ той разницей, что во главѣ стоитъ не идеалистъ монахъ Савонаролла, а реформаторъ Кальвинъ, который обладаетъ желѣзной волей, поразительной энергіей и не останавливается для осуществленія своихъ идей ни передъ чѣмъ. Женевская республика и Женевская коммуна представляютъ собой вообще очень интересный примѣръ протестантской библіократіи. Въ Женевѣ послѣ того, какъ она сдѣлалась протестантскимъ городомъ передъ эпохой кальвинизма, какъ во Флоренціи передъ эпохой Савонароллы, была всеобщая распущенность и деморализація общества, доведенная до апогея. Слово свобода, которое было у всѣхъ на устахъ, служило только для того, чтобы оправдать эмансипацію партій. Богатые и бѣдные, старые и юные вполнѣ отдавались этой новой свободѣ, которая была въ дѣйствительности распущенностью и безнравственностью. И большинство изъ нихъ

грировавшихъ бѣглецовъ изъ разныхъ странъ, особенно изъ Франціи, не были выигрышемъ для поднятія морали и порядка въ городѣ. При такомъ положеніи выступилъ тогда Кальвинъ и упорной борьбой, не безъ противодѣйствія, удалось ему нравственно преобразовать обмірщившееся и дезорганизованное общество и изъ республики, лишенной руководителя, сдѣлать теократію, главой которой въ дѣйствительности былъ онъ самъ. Но для того, чтобы провести нравственную реорганизацію, ввести церковную дисциплину и воспитать народъ въ святости, которая была окончательной цѣлью теократическихъ учрежденій, онъ нуждался въ органѣ, и вотъ вскорѣ послѣ возвращенія Кальвина изъ его краткаго изгнанія, черезъ такъ наз. ордонансы онъ учредилъ консисторію, которая должна была осуществить церковную дисциплину. Члены ея должны были поклясться, что они будутъ бороться съ безбожіемъ и богохульствомъ, распутствомъ и всѣмъ, что противорѣчитъ богопочтенію и евангелію реформаціи. Они были, такимъ образомъ, надзирателями надъ жизнью членовъ общины и имѣли право увѣщевать и вразумлять погрѣшающихъ. Если это не помогало, то коллегія выступала какъ таковая, изъ надзирающаго учрежденія образовывалось судебное, которое имѣло право наказанія или, если не помогало, примѣняло, какъ главное средство, изгнаніе. При этомъ перемѣшивается компетенція духовныхъ и свѣтскихъ властей. Свѣтскія власти должны были помогать церковнымъ органамъ взимать денежные штрафы и осуществлять лишеніе свободы и даже смертную казнь. Притомъ Кальвинъ, бывшій главой этой коллегіи, вмѣшивался въ самыя интимныя области нравовъ и нравственности. Не толь-

ко завѣдомые пьяницы или развратители подвергались строжайшему наказанію, но даже самыя невинныя удовольствія были воспрещены; театры и трактиры закрыты, танцы и игры всякаго рода воспрещены; даже воспрещена была фабрикація картъ, пѣніе легкомысленныхъ пѣсенъ, фривольныя или дерзкія выраженія, наказывались жестоко праздношатающіеся и принуждались къ работѣ; роскоши и дамскимъ нарядамъ также поставлены были границы. Любопытной стороной этой кальвинистской республики является то, что строгіе нравы, введенные въ Женевѣ, привели къ экономическому процвѣтанію этого города. Вообще кальвинизмъ при всей суровости, при всей крайности идей, имѣетъ совершенно исключительную роль въ исторіи капитализма, въ исторіи промышленности. Еще болѣе, чѣмъ лютеранство, онъ содѣйствуетъ выработкѣ тѣхъ психологическихъ качествъ, которыя очень благопріятны для развитія промышленной дѣятельности и накопленія. Основнымъ догматомъ кальвинизма является, какъ извѣстно, предопредѣленіе, т.е. убѣжденіе въ томъ, что вѣчная судьба каждаго лица предрѣшена и при томъ неизмѣнно. Изъ этого догмата, казалось бы, что должно быть выведено самое пессимистическое отношеніе къ жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ фактически оказалось, что этотъ догматъ оказался средствомъ выработки воли, образованія характера въ такой мѣрѣ, какъ ни одинъ изъ другихъ протестантскихъ догматовъ. Получилось это такимъ образомъ. Согласно основному міровоззрѣнію кальвинистовъ, хотя никто не знаетъ своей судьбы, своего предопредѣленія, но каждый долженъ быть убѣжденъ, что онъ избранъ, и вести себя какъ избранный и вслѣдствіе этого, для того, чтобы

поддержать въ себѣ эту увѣренность въ избраніи, а отсутствіе ея является грѣхомъ, человѣкъ долженъ постоянно слѣдить за собой, вести себя соотвѣтствующимъ образомъ.

Такимъ образомъ, благодаря такому психологическому примѣненію основного догмата кальвинизма, получилось, что выработка характера, систематичности дѣйствій, нормальной самодисциплины, являлись связанными въ наибольшей мѣрѣ именно съ кальвинизмомъ. Это качество среди анабаптистовъ, англійскихъ пуританъ, индепендентовъ, среди французскихъ гугенотовъ, среди вообще кальвинистовъ разсѣянія (діаспоры) выработались такіе характеры, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли наиболѣе искусные предприниматели. Эта особенность, т.е. связь извѣстнаго характера съ кальвинизмомъ была настолько извѣстна въ средніе вѣка, что выработалась даже поговорка, что еретичество, т.е. кальвинизмъ, родитъ промышленность. Одной изъ отличительныхъ чертъ этого настроенія является то, что Веберъ называетъ свѣтскимъ аскетизмомъ въ томъ смыслѣ, что аскетизмъ требуетъ выполненія извѣстныхъ дѣйствій не ради своего удовольствія, а ради извѣстной идеи, въ частности средневѣковой идеи. Средневѣковой аскетъ стремился въ монастырь, вслѣдствіе этого наилучшіе характеры, наиболѣе крупныя воли отнимались у міра и превращались въ монастырскихъ сподвижниковъ. Между тѣмъ кальвинизмъ, который въ своемъ міровоззрѣніи требовалъ отъ своихъ сторонниковъ такого воспитанія воли, вырабатываетъ типъ людей аскетовъ въ мірѣ, которые подвергали себя систематической дисциплинѣ. Благода-

ря этому, изъ среды кальвинистовъ выработался типъ первоначальнаго капиталиста, которыи въ наибольшей мѣрѣ способенъ былъ исполнять основное правило капитализма, именно накопленіе ради накопленія, а не ради удовлетворенія потребностей,—люди, которые смотрѣли на себя какъ на орудіе накопленія, которые считали своей обязанностью служить этому дѣлу, при которомъ они поставлены. Этого понятія, такъ сказать аскетическаго капитализма, конечно, не было и не могло яьиться въ средніе вѣка, которые къ капитализму вообще относились подозрительно. Этотъ типъ выработался, сыгралъ огромную роль въ экономической жизни Западной Европы, особенно Англіи, Голландіи, Франціи подъ вліяніемъ реформаціи.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА; ТОМАСЪ МОРЪ; ЕГО ЖИЗНЬ И МІРОВОЗЗРѢНІЕ. „УТОПІЯ" И ЕЯ ОЦѢНКА.

Гуманизмъ вмѣстѣ съ реформаціей внесъ новыя настроенія, поставилъ новыя проблемы передъ европейской мыслью, передъ европейскимъ сознаніемъ. Какъ я уже указалъ въ прошлый разъ, главная разница между аскетизмомъ и гуманизмомъ заключается въ томъ, что аскетизмъ средневѣковья всю энергію и все вниманіе устремляетъ внутрь ~~въ~~ человѣка, во внутреннее устройство человѣческой личности и исходитъ при этомъ изъ положеній о существованіи непримиримой внутренней борьбы. Гуманизмъ исходитъ изъ оптимистическаго построенія объ естественномъ развитіи, объ естественной неопровержимости человѣческой природы.

Поэтому, если искать причинъ, почему человѣческая личность угнетена и не развиваетъ всѣхъ своихъ естественныхъ способностей, то нужно ихъ видѣть во внѣшнихъ причинахъ, тормозящихъ и препятствующихъ этому развитію. Вслѣдствіе этого проблема внѣшняго устройства человѣческаго общества, внѣшнія реформы жизни, касающіяся какъ политическаго переустройства, такъ и соціально-экономическаго, естественно выступаютъ на первый планъ при этомъ проявленіи человѣческой жизни. Терминологія политическаго, демократическаго и экономическаго соціализма, который въ настоящее время заполняетъ историческое сознаніе человѣчества, рождается именно здѣсь, изъ этого переноса центра тяжести изъ внутри во внѣ. Наблюдая этотъ переворотъ, особенно интересно остановиться на мысляхъ тѣхъ писателей переходного момента, которые принадлежатъ обѣимъ эпохамъ и въ которыхъ этотъ переломъ отражается съ наибольшей силой и наибольшей выразительностью. Въ этомъ отношеніи 16 и 17 вѣка интереснѣе, нежели 18 и въ особенности 19 вѣкъ, который уже такъ далеко отошелъ отъ среднихъ вѣковъ, что сохранилъ довольно смутное воспоминаніе о нихъ. Такимъ всемірно историческимъ произведеніемъ переходной эпохи за „Политеей" Платона является произведеніе Томаса Мора подъ заглавіемъ „Утопія". „Утопія" отражаетъ въ себѣ настроеніе и задачи гуманизма, съ одной стороны, а съ другой стороны, еще принадлежитъ человѣку не вполнѣ отошедшему отъ средневѣкового міровоззрѣнія. Долженъ оговориться, что употребляя терминъ средневѣковой и гуманистическій, я употребляю ихъ отнюдь не въ хронологическомъ смыслѣ, такъ какъ я считаю средневѣковое міровоззрѣніе не позади, не устраненнымъ и не опере-

женнымъ жизнью, а употреблю въ смыслѣ историческаго термина, съ которымъ связано опредѣленное данное содержаніе, но и въ смыслѣ хронологическомъ, прошломъ данной страны. Легко убѣдиться и въ 19 вѣкѣ, что въ порядкѣ мышленія человѣка преобладаніе заботъ о внутреннемъ и внѣшнемъ человѣкѣ проходитъ во всѣ времена, хотя преобладаютъ мотивы гуманистическаго порядка. Въ Томасѣ Морѣ мы видимъ геніальнаго выразителя новыхъ настроеній и новыхъ вопросовъ; благодаря своей геніальности, благодаря своей новизнѣ, Томасъ Моръ представляетъ явленіе въ извѣстной степени какъ бы пророческое. Томасъ Моръ предсказываетъ и до извѣстной степени заранѣе резюмируетъ кругъ идей соціализма 19 вѣка и нашихъ дней. Это - соціалистическая система, выросшая на рубежѣ средневѣковья и новаго времени. По своему происхожденію Томасъ Моръ принадлежалъ къ высшей буржуазіи. Отецъ его былъ судьей верховнаго королевскаго суда въ Лондонѣ и готовилъ сына также къ судебной дѣятельности. Другъ его, извѣстный нѣмецкій гуманистъ Эразмъ, въ восторженныхъ чертахъ описываетъ наружность и характеръ Томаса Мора. Нравственное изящество Мора поразительно въ это необузданное время дикихъ страстей. Своимъ равновѣсіемъ оно напоминаетъ намъ современнаго европейца. Знаменитый гуманистъ Колетъ, называетъ Мора „единственнымъ геніемъ Англіи", хотя она обладала многими выдающимися умами. Онъ учился сначала въ колледжѣ св. Антонія, но затѣмъ былъ взятъ оттуда и поступилъ въ университетъ, гдѣ учился съ 1492 или 93 до 1494 или 95 г. Въ это время въ Оксфордскомъ университетѣ вмѣстѣ съ преподаваніемъ классическихъ язы-

ковъ въ значительной мѣрѣ пробивались новыя экономическія теченія. Англія также была охвачена гуманистическимъ ренессансомъ, но въ отличіе отъ итальянскаго ренессанса, примѣнявшаго нерѣдко грубыя языческія формы, англійскій ренессансъ развилъ его изъ скрытой религіозности, и это отличительная черта и Томаса Мора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Моръ сошелся особенно близко съ Колетомъ, ученикомъ Савонаролы, и такимъ образомъ, можно сказать про него, что черезъ посредство этого Колета онъ проникся духомъ Савонаролы, передъ нимъ онъ изливалъ свою юношескую исповѣдь. Другимъ любимымъ писателемъ Мора былъ Пико-де-ля-Мирандолла, итальянскій гуманистъ, который при своемъ гуманизмѣ обладалъ глубокой религіозностью. Впослѣдствіи отецъ Мора, мечтавшій для сына о судебной карьерѣ, перевелъ его изъ Оксфорда въ школу правовѣдѣнія въ Линкольнъ, съ цѣлью посвятить его судебной карьерѣ, и тамъ онъ получилъ юридическое образованіе и по окончаніи курса занялся адвокатурой. Однако это занятіе не побудило его прекратить свои научныя занятія. Его любимыми авторами были, съ одной стороны, Платонъ, его Политейя была его настольной книгой. Вліяніе Платона и его Политеи на Мора до такой степени велико и очевидно, что вы тотчасъ замѣтите, какъ станете знакомиться съ „Утопіей" Мора. Съ другой стороны, рядомъ съ Платономъ, идеалъ до-христіанской языческой теократіи. Моръ прилежно изучалъ Августина и идеалъ христіанской теократіи „De Civitatis Dei". Въ юности Моръ весьма увлекался аскетическимъ иделомъ и подумывалъ о монастырѣ, однако вступленіе въ бракъ побудило его отказаться отъ этого плана. 26-лѣтній Моръ пріобрѣлъ въ

БИБЛИОТЕКА

Лондонѣ такую широкую популярность, защищая обиженныхъ, что былъ избранъ въ члены парламента и здѣсь онъ выдвинулся, отстаивая интересы народа передъ королемъ Генрихомъ VII, своенравнымъ, деспотическимъ. Въ результатѣ этого Моръ былъ заточенъ въ лондонскую тюрьму Тоуэръ, и былъ присужденъ къ денежному штрафу. Однако по смерти короля его положеніе опять возстановилось, онъ пріобрѣлъ такое довѣріе у лондонскаго купечества, что два раза ѣздилъ посломъ во Фландрію и Кале. Это путешествіе потому заслуживаетъ нашего вниманія, что между этими двумя путешествіями, въ 1516 году, и была написана „Утопія", и въ извѣстной степени съ этимъ путешествіемъ связано это сочиненіе. Практическая дѣятельность въ юридической области и путешествія, предпринятыя Моромъ, содѣйствовали тому, что Моръ познакомился съ экономическимъ положеніемъ страны практически и сдѣлался еще въ большей степени сторонникомъ политической свободы, нежели былъ ранѣе. Новый король Генрихъ VIII былъ болѣе просвѣщеннымъ государемъ, нежели его предшественникъ; и Томасъ Моръ, несмотря на то, что былъ авторомъ небывало-смѣлаго для своего времени и не только для своего времени соціалистическаго сочиненія, тѣмъ не менѣе быстро поднимался по ступенькамъ государственной лѣстницы, занималъ высшіе государственные посты и наконецъ получилъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ, будучи назначенъ на должность лорда-канцлера. Такимъ образомъ, Моръ, авторъ соціалистическаго трактата, былъ и первымъ чиновникомъ англійскаго государства. При своей широкой юридической дѣятельности посвящалъ не мало времени вопросамъ на-

учнаго и философскаго сознанія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ знакомъ съ естественными науками и находился въ непосредственной дружбѣ и былъ близокъ съ нѣкоторыми представителями нѣмецкаго гуманизма. Между прочимъ въ его домѣ была написана знаменитая „Похвала глупости" Эразма, надѣлавшая такъ много шума въ свое время, и Эразмъ признаетъ значительное вліяніе Мора въ составленіи этого трактата. Подъ вліяніемъ Мора находился до извѣстной степени и другой его современникъ, Рабле, который заимствовалъ у Мора самое названіе „Утопія". Заслуживаетъ упоминанія, что Моръ въ своей „Утопіи" вообще по своимъ убѣжденіямъ былъ предшественникомъ женскаго движенія. Ученыхъ женщинъ онъ считалъ благомъ высшимъ, „чѣмъ богатство Креза и красота Елены" и даже, если женщина менѣе даровита, чѣмъ мужчина, нужно обрабатывать и неплодородную почву, „исправить природу посредствомъ усидчиваго труда и упорныхъ научныхъ занятій". Я упоминалъ о значительной искренней религіозности Мора. Это между прочимъ видно изъ того, что Моръ велъ полемику съ Лютеромъ и кончилъ свою жизнь какъ мученикъ католической церкви. Въ началѣ, когда началась реформація, Томасъ Моръ вмѣстѣ съ его королемъ, занимаетъ по отношенію къ ней отрицательное положеніе. Онъ цѣнилъ всемірный авторитетъ папы, но считалъ, что нужны нѣкоторыя улучшенія церкви. Самую полемику съ Лютеромъ онъ завелъ отъ лица Генриха VIII, усердного приверженца папы; онъ выпустилъ книгу въ защиту 7 таинствъ, составленную другими лицами и проредактированную Моромъ (впослѣдствіи эта книга послужила главнымъ пунктомъ обвиненія противъ

Мора). Когда Лютеръ, по обычаю того времени, отвѣтилъ рѣзкими выраженіями по адресу Генриха УІІІ, Томасъ Моръ выступилъ съ книгой подъ заглавіемъ „Отвѣтъ Томаса Мора на оскорбленія, возведенныя М.Лютеромъ на короля Генриха УІІІ," гдѣ Моръ соперничаетъ съ Лютеромъ въ рѣзкости тона и выраженій. Черезъ 5 лѣтъ Моръ выступилъ съ діалогомъ „О ересяхъ и религіозныхъ спорахъ", при чемъ здѣсь выражается мысль, что реформація есть анархія, полное освобожденіе личности отъ всѣхъ обязательствъ. Вы видите, что даже внѣшнимъ образомъ въ Морѣ гуманистъ и представитель того, что называется реформаціей, соединяется съ защитникомъ католической церкви въ борьбѣ за реформацію. По должности канцлера ему приходилось подвергать протестантовъ заключенію, какъ государственныхъ преступниковъ. Правда при этомъ онъ прибавлялъ: „Я ненавижу ихъ заблужденія, но не личность и желаю первымъ уничтоженія, а вторымъ - пощады." Однако враги Мора и его принципіальные литературные противники обвиняютъ его даже въ безпощадности, что во всякомъ случаѣ соотвѣтствовало духу того времени, что видно изъ примѣра Кальвина. Дальнѣйшій ходъ событій привелъ къ тому, что Моръ былъ присужденъ къ смертной казни именно въ качествѣ защитника истинной вѣры, т.е. католической церкви. Какъ извѣстно, Генрихъ УІІІ съ нѣкотораго времени, подъ вліяніемъ своихъ матеріальныхъ и финансовыхъ соображеній, а также подъ вліяніемъ другихъ соображеній, тоже совершилъ рядъ реформъ, и англиканская церковь отдѣлилась отъ папской. Король былъ объявленъ главою церкви согласно новому церковному строю, и была выработана новая присяга, обязательная для всѣхъ. Моръ отка-

зался ее принести, онъ отказался присягнуть именно въ томъ пунктѣ, гдѣ король признается главой церкви, и онъ, бывшій канцлеръ короля, какъ ослушникъ государственной власти, былъ заключенъ въ Тоуэръ въ 1533 г. Онъ высидѣлъ здѣсь болѣе года. Была назначена комиссія для его суда, при чемъ его обвинили на основаніи авторства книги „О семи таинствахъ", въ которой онъ принималъ лишь косвенное участіе, такъ какъ она была составлена Генрихомъ VIII лишь при помощи Мора. Въ концѣ концовъ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, при чемъ приговоръ сначала былъ составленъ въ болѣе суровой формѣ, именно предписано было его четвертовать и на каждомъ изъ четырехъ воротъ Сити выставить по части тѣла, а голову на Лондонскомъ мосту. Король замѣнилъ приговоръ отсѣченіемъ головы, на что Моръ воскликнулъ: „Избави Богъ моихъ друзей отъ подобныхъ милостей". 6 іюня 1535 года Моръ былъ казненъ; онъ умеръ со смѣлостью и великодушіемъ, достойнымъ великаго человѣка.

Ознакомившись съ біографіей Мора, обратимся къ его „Утопіи." Полное заглавіе „Утопіи," которое было присвоено въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, таково: „De optima rei publicae stanu, deque nova Insula Utopia libri duo Illustris viri thomae mori Regni britanorum Cancellaria," или „Рѣчь Рафаила Гитлодея, превосходнаго мужа, о лучшемъ состояніи государства, пересказанная знаменитымъ Томасомъ Моромъ, гражданиномъ и виконтомъ славнаго британскаго города Лондона." Оно носитъ еще болѣе подробное названіе „Золотой книги." Въ средніе вѣка любили длинныя заглавія, въ которыхъ содержался маленькій конспектъ главной мысли сочиненія, поэтому произведенія

Томаса Мора носятъ заглавія на нашъ взглядъ нѣсколько длинныя. „Утопія" представляетъ собой діалогъ, состоящій изъ двухъ частей, при чемъ лица, участвующія въ этомъ діалогѣ, суть самъ Моръ, его пріятель, нѣкій Рафаэль Гитлодей, португалецъ, который разсказываетъ довольно правдоподобную исторію о томъ, какъ спутники Америго Веспучи попали на нѣкоторый неизвѣстный островъ, называемый Утопіей, т.е.несуществующее мѣсто. Однако замыселъ былъ до такой степени замаскированъ и то время было до такой степени довѣрчивое къ замысламъ, что выдумка не всѣми была понята и многіе склонны были искать Утопіи, какъ многіе дѣтскіе читатели Жюля Верна вѣрятъ въ дѣйствительность описываемыхъ имъ мѣстъ и событій. „Утопія" состоитъ изъ двухъ частей, при чемъ первая часть представляетъ изъ себя соціально-политическій памфлетъ, весьма большой рѣзкости и суровости, въ которомъ дается безпощадная критика главныхъ соціальныхъ и экономическихъ золъ Англіи того времени, но по странной игрѣ вкуса, эта часть привлекла наименьшее вниманіе современниковъ. Они обратили преимущественное вниманіе на вторую часть, гдѣ описывается соціалистическое государство, существующее на островѣ Утопія. Такимъ образомъ, сказку предпочли голой дѣйствительности; былье-небылицѣ. Между тѣмъ въ настоящее время для соціальнаго историка Англіи эта первая часть представляетъ собой документъ первостепенной важности. Здѣсь высказываются жалобы и сѣтованія на жестокое отношеніе къ бродягамъ и ворамъ, по отношенію къ которымъ примѣняется массовая смертная казнь, между тѣмъ ихъ воровство и бродяжничество являются выводомъ изъ тѣхъ невыносимыхъ экономическихъ усло-

вій, при которыхъ они живутъ. Эти невыносимыя экономическія условія создаются ихъ обезземеливаніемъ, благодаря такъ называемому процессу огораживанія, игравшему столь важную роль въ соціальной исторіи Англіи. То время есть время развитія овцеводства благодаря тому, что развивающаяся шерстяная промышленность въ самой Англіи, съ одной стороны, а съ другой—во Фландріи, сдѣлала шерсть самымъ доходнымъ предметомъ сельскаго хозяйства и благодаря этому сельскія пастбища, отчасти даже поля, находившіяся подъ воздѣлываніемъ, обращались въ пастбища для овецъ. Съ этимъ былъ связанъ захватъ общественныхъ земель, извѣстный подъ именемъ сгораживанія, или соединеніе ихъ въ большіе участки. „Бѣдствіемъ для Англіи являются, по мнѣнію Мора, безчисленныя количества овечьихъ стадъ, которыя теперь покрываютъ всю Англію. Эти повсюду смирныя и нетребовательныя животныя у насъ оказываются до того жестокими и прожорливыми, что бросаются на людей и прогоняютъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, домовъ и деревень. Дѣйствительно, ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ собирается нѣжная и драгоцѣнная овечья шерсть, спѣшатъ благородные богачи и даже достопочтенные аббаты, чтобы оттягать себѣ участокъ земли. Ни привилегіи, ни доходы съ помѣстій, ничто не удовлетворяетъ этихъ жалкихъ людей и мало того, что они проводятъ жизнь въ полной праздности и удовольствіяхъ, въ тягость обществу и безъ пользы государству, на протяженіи многихъ миль въ окружности они лишаютъ почву всякой обработки и превращаютъ ее въ пастбище. Они сравниваютъ съ землей дома и цѣлыя деревни, оставляя только церкви, да и то съ тѣмъ, чтобы ус-

травивать въ нихъ хлѣба для барановъ, самыя населенныя и прекрасно обработанныя земли превращаются благодаря имъ въ пустыни. Безъ сомнѣнія они опасаются, что такимъ образомъ будетъ слишкомъ много садовъ и лѣса и звѣри останутся безъ пастбищъ. И вотъ такой жадный владѣлецъ окружается стѣной, пространствомъ въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли; мѣстныхъ крестьянъ выгоняютъ: однихъ обманомъ, другихъ силой, въ лучшемъ случаѣ цѣлымъ рядомъ принужденій волокитой, такъ что въ концѣ концовъ они принуждены бываютъ продавать свою собственность. И вотъ это семейство кочуетъ по полямъ и дорогамъ. мужчины, женщины, вдовы и сироты. отцы и матери съ малыми ребятами. Съ плачемъ покидаютъ они ту кровлю подъ которой они родились, землю, которая ихъ кормила. и не знаютъ, гдѣ искать себѣ пристанища. За безцѣнокъ они сбываютъ тотъ скарбъ. который могли захватить съ собой... Когда и такой слабый источникъ исчерпывается, что, конечно, не заставляетъ себя долго ждать что имъ остается дальше?- Воровство, а затѣмъ висѣлица." Поэтому для спасенія своего отечества отъ соціальнаго зла, онъ здѣсь предлагаетъ „заставить могущественныхъ разрушителей снова выстроить деревни и фермы, ими разоренныя, или по крайней мѣрѣ уступить земли такимъ людямъ, которые захотятъ возстановить развалины; обуздайте корыстолюбивый эгоизмъ богача, отнимите отъ него возможность накоплять богатства и присваивать себѣ доходы, изгоните праздность. Дайте земледѣлію широкое поле дѣятельности создайте фабрики для обработки шерсти и другихъ отраслей промышленности, чтобы дать полезное занятіе тѣмъ массамъ людей, несчаст-

ная судьба которыхъ дѣлаетъ изъ нихъ бродягъ и воровъ или, что тоже самое лакеевъ." Это—пожеланіе Мора о судьбахъ англійскаго капитализма, но извѣстно какую роль въ исторіи англійскаго капитализма играетъ это огораживаніе и обезземеливаніе крестьянъ. Эти справедливыя нареканія и критика Мора являются историческимъ памятникомъ тѣхъ страданій и злоупотребленій, которыми сопровождалось въ свое время это огораживаніе полей. Гдѣ же выходъ изъ этого зла, какова основная его причина, и въ отвѣтъ на этотъ вопросъ раскрывается то, что можно назвать соціалистическимъ credo Мора. Причиной этихъ несправедливостей Моръ считаетъ существованіе частной собственности. „Теперь, дорогой Моръ, я хочу раскрыть передъ тобой всѣ тайники своей души и сообщить тебѣ сокровеннѣйшія мысли. Вездѣ, гдѣ существуетъ право собственности, гдѣ все измѣряется на деньги, о справедливости и общественномъ благополучіи не можетъ быть и рѣчи: можешь ли ты допустить, что самое драгоцѣнное сокровище находится въ рукахъ недостойныхъ и можно ли назвать вполнѣ счастливымъ такое государство, гдѣ общественное достояніе служитъ добычей въ рукахъ горсти людей ненасытныхъ въ наслажденіяхъ, между тѣмъ, какъ масса гибнетъ отъ нищеты." Между тѣмъ достаточно устранить эту частную собственность, для того, чтобы были устранены всѣ злоупотребленія и вся несправедливости. На это Моръ высказываетъ свой скептицизмъ по отношенію къ осуществимости этого строя. Онъ говоритъ здѣсь то, что всегда, во всѣ времена и въ настоящее время говорится въ отвѣтъ на эти общія соображенія, именно указываетъ на противодѣйствіе

этому строю дурныхъ сторонъ человѣческой природы. „Я далекъ отъ того, чтобы раздѣлять твои убѣжденія. Напротивъ, я держусь того мнѣнія, что въ странѣ, гдѣ будетъ заведена общность имущества, будетъ очень неудобно жить. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ она не будетъ испытывать самой крайней нужды? Каждый будетъ уклоняться отъ труда и переносить заботы о своемъ пропитаніи на головы другихъ. Допустимъ даже, что нужно будетъ подгонять лѣнтяевъ, но вѣдь тамъ законъ ни за кѣмъ не признаетъ права исключительнаго пользованія, поэтому ропоту и недовольству не будетъ конца, и убійство за убійствомъ будутъ обагрять нашу республику."

„Какія узы наложите вы на анархію? Вѣдь власть пользуется у васъ авторитетомъ только по имени, она лишена того, что внушаетъ страхъ и уваженіе. Мнѣ вообще кажется, что никакая власть не мыслима въ такой странѣ равныхъ людей, которые отрицаютъ какое бы ни было превосходство надъ собой." На это Гитлодей отвѣчаетъ описаніемъ Утопіи.

Такъ какъ Утопія представляетъ собой вымышленное государство и такъ какъ вымышленный характеръ этого разсказа не оставляетъ сомнѣній и для самого автора, то отсюда понятенъ тотъ вопросъ, который ставился относительно Утопіи и въ извѣстной степени не разрѣшенъ и сейчасъ, именно: какъ самъ Моръ относится къ Утопіи: серіозно или несеріозно, шутитъ ли онъ или видитъ въ ней идеалъ?

Мы знаемъ, что для Платона главнымъ вопросомъ въ соціальной реформѣ былъ вопросъ объ общественномъ воспитаніи. Общест-

[redacted]. Общественное воспитаніе было въ его глазахъ средствомъ осуществить общественную реформу, начать новый строй. Тотъ же вопросъ, какъ начать, конечно, примѣнимъ къ Мору. Но на этотъ вопросъ у него мы отвѣта не находимъ. Такъ какъ онъ пишетъ не разсужденія, а сказку, то онъ сказку свою начинаетъ словами: „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ существовала соціальная община." Такимъ образомъ, здѣсь отвѣта на этотъ основной вопросъ мы не находимъ, не находимъ даже его постановки. Островъ Утопія имѣетъ около 200000 шаговъ посрединѣ, по бокамъ онъ постепенно и симметрично суживается, такъ что весь островъ обрисовывается въ видѣ полукруга, имѣетъ видъ молодого мѣсяца. На островѣ Утопіи насчитывается 54 обширныхъ и прекрасныхъ города. Языкъ, обычаи, учрежденія, законы въ нихъ одни и тѣ же. Всѣ 54 города выстроены по одному и тому же плану; въ нихъ одни и тѣ же общественныя зданія съ нѣкоторыми лишь приспособленіями къ нуждамъ каждой мѣстности. Самое малое разстояніе между городами 24 мили. Наиболѣе уединенные отстоятъ другъ отъ друга всетаки не болѣе, чѣмъ на день пѣшеходнаго пути. Главный городъ острова называется Амаурота. Жители такихъ городовъ живутъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, гдѣ занимаются земледѣліемъ. съ этой цѣлью въ деревняхъ встрѣчаются удобные дома, въ которыхъ находятся всякаго рода земледѣльческія орудія. Каждая земледѣльческая семья состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 40 человѣкъ мужчинъ и женщинъ и двухъ рабовъ: управляется однимъ отцомъ. Каждая группа

въ 30 семей управляется однимъ „филархомъ". Ежегодно въ городъ возвращается 20 земледѣльцевъ, завершившихъ двухлѣтній срокъ своей земледѣльческой службы. Эта ежегодная смѣна имѣетъ цѣлью, съ одной стороны, чтобы всѣ занимались земледѣліемъ, а съ другой - разнообразить городскую жизнь. Роковой вопросъ экономической жизни нашего времени, именно вопросъ объ отношеніяхъ между городомъ и деревней, между нездоровыми условіями городской жизни и болѣе здоровыми, но зато болѣе тяжелыми условіями сельскаго труда, здѣсь разрѣшается просто постояннымъ перекочевываніемъ изъ деревни въ городъ. Насколько это разрѣшеніе легко, оно не заслуживаетъ практическаго обсужденія, потому что это сказка. Но заслуживаетъ вниманія сама идея о томъ, чтобы засыпать какъ-нибудь пропасть между городомъ и деревней, губительность которой сознавалъ уже Моръ и губительность которой сознаютъ и новѣйшіе утописты.

Количество пищевыхъ продуктовъ, необходимыхъ для нуждъ каждаго города и его окрестностей, опредѣляется на каждый годъ очень точно. Несмотря на это, жители гораздо больше необходимаго разводятъ скота и обрабатываютъ полей. Избытокъ всего сохраняется на слѣдующій годъ или распредѣляется по сосѣдямъ. Что касается мебели, домашней утвари и другихъ предметовъ повседневнаго обихода, то земледѣльцы берутъ ихъ съ собой изъ города. Во время наступленія жатвы филархи земледѣльческихъ семействъ извѣщаютъ городское управленіе о числѣ необходимыхъ вспомогательныхъ рабочихъ. Въ назначенный день приходятъ цѣлыя толпы косарей и при

благопріятной погодѣ съ жатвой иногда управляются въ одинъ день Такъ разрѣшается вопросъ объ организаціи земледѣлія Теперь вопросъ объ организаціи правительства. Правительство выборное, въ нѣсколько этажей. 30 семействъ города выбираютъ одного правителя, который называется филархомъ, или на старомъ языкѣ Утопіи - сифогрантомъ. 10 филарховъ и 300 семействъ повинуются одному траніору или протофиларху; наконецъ, сифогранты, которыхъ 200, производятъ послѣдніе выборы. Они даютъ клятву подавать свои голоса лишь за лучшаго и способнѣйшаго гражданина и затѣмъ приступаютъ къ выбору князя изъ среды тѣхъ четырехъ гражданъ которые предложены народомъ. Званіе правителя остается на всю жизнь при томъ однако условіи, чтобы на него не падало подозрѣніе въ стремленіи къ единодержавію. Траніоры избираются ежегодно. Этотъ князь представляетъ собой скорѣй нѣкоторую политическую декорацію, такъ какъ никакихъ особыхъ правъ не имѣетъ. Такимъ образомъ, во главѣ Утопіи стоитъ правительство, представляющее собой нѣчто вродѣ совѣта старѣйшинъ. Это отголосокъ, съ большимъ измѣненіемъ, идеи Платона управленія философовъ.

Всѣ жители Утопіи несутъ обязанность производительнаго труда. Какъ я сказалъ, для всѣхъ является обязательнымъ земледѣліе и затѣмъ всѣ связаны какимъ-либо спеціальнымъ ремесломъ. Одни ткутъ полотно или шерсть, другіе дѣлаются каменщиками или горшечниками, третьи обрабатываютъ металлы или дерево, все это, прибавляетъ Гитлодей, самыя благородныя ремесла. Въ отличіе отъ античной древ-

ности, которая не признавала эти занятія благородными, здѣсь мы встрѣчаемъ высокую оцѣнку производительнаго труда. Сутки утописта дѣлятся на 24 часа, при чемъ изъ нихъ только шесть часовъ отводятся Моромъ на долю физическаго труда. Значитъ 8-ми часовой рабочій день, который сейчасъ считается цѣлью достиженія, здѣсь сокращенъ еще на два часа. Распредѣленіе времени здѣсь слѣдующее: три часа работы до полудня, затѣмъ обѣдъ, два часа отдыха, три часа вечерней работы и, наконецъ, ужинъ. Время между рабочимъ днемъ и сномъ каждый проводитъ по своему усмотрѣнію. Утопійцы далеки отъ того, чтобы проводить свои досугъ въ праздности или глупости. Они стараются въ свободное время разнообразить свои занятія. Это достигается благодаря широкому распространенію публичныхъ лекцій, вообще общедоступнаго образованія или благодаря упражненію въ спеціальныхъ ремеслахъ. Моръ спѣшитъ опровергнуть напрашивающіяся возраженія. Онъ говоритъ: „Ты скажешь, шести часовъ ежедневной работы недостаточно для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, Утопія должна быть несчастной страной. А на самомъ дѣлѣ какъ разъ 6 рабочихъ часовъ съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ и удовольствіямъ жизни и даютъ даже значительный остатокъ съѣстныхъ припасовъ." Это онъ доказываетъ тѣмъ, что на Утопіи нѣтъ праздныхъ людей - во-первыхъ, а во-вторыхъ, женщины привлечены къ производительному труду. Благодаря этому, общее количество труда, которымъ располагаетъ общество, увеличивается. Слѣдующій вопросъ, который надлежало разрѣшить Мору въ развитіи своего плана, это вопросъ о населеніи въ связи съ вопросомъ о

перенаселенiи. Такъ какъ Утопiя представляетъ собою островъ, по своему географическому строенiю опредѣленныхъ размѣровъ, то несомнѣнно размѣръ его населенiя ограниченъ, и какъ только эта вмѣстимость превышается, то обнаруживается перенаселенiе. Этотъ вопросъ разрѣшается такъ: каждый городъ долженъ насчитывать 6000 семействъ, и каждая семья должна содержать отъ 10 до 12 мужчинъ зрѣлаго возраста. Дѣти въ счетъ не идутъ. Когда семейство разростается свыше этой нормы, лишнiе члены переходятъ въ менѣе населенную семью. Если число жителей города увеличивается сверхъ этого числа лицъ, которыя могутъ и должны въ немъ жить, то лишнiе переводятся въ менѣе населенный городъ. Наконецъ, въ случаѣ переполненiя всего острова, предписывается массовое выселенiе. Переселенцы основываютъ свои колонiи на материкѣ, при чемъ колонiи управляются по утопическимъ законамъ. Но такъ какъ такое выселенiе, очевидно, недобровольное и не для всѣхъ могло быть пріятно, то въ сущности говоря, это выселенiе есть высылка, потому что свободнаго выбора лицамъ, которымъ предназначено выселиться, очевидно предоставлено быть не можетъ. Вопросъ о приростѣ населенiя оказывается такимъ образомъ для Утопiи роковымъ не разрѣшимымъ, такъ какъ разрѣшенiе высылкой не есть удовлетворительное рѣшенiе этого вопроса. Дальше слѣдуетъ вопросъ объ отношенiи между гражданами и о распредѣленiи продуктовъ различныхъ отраслей производства. Это самый трудный вопросъ въ организацiи народнаго хозяйства, какъ мы знаемъ изъ общей политической экономiи. Какимъ образомъ, приспособить распредѣленiе производительнаго труда такъ, чтобы не производилось лишняго ни въ

одной изъ этихъ областей, но производилось достаточно въ каждой изъ нихъ? Вопросъ этотъ разрѣшается въ Утопіи со сказочной легкостью, именно такимъ образомъ каждый городъ раздѣляется на 4 равныхъ квартала. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ помѣщается рынокъ необходимыхъ продуктовъ. Сюда сносятся издѣлія всѣхъ семействъ, которыя помѣщаются сначала въ складахъ, а затѣмъ сортируются и сохраняются въ соотвѣтствующихъ магазинахъ. Когда кому-нибудь что-нибудь нужно, онъ приходитъ и беретъ себѣ даромъ. Такъ какъ всего въ изобиліи, то не приходится бояться, что кто-нибудь возьметъ лишнее. Жадность и ненасытность всѣхъ живыхъ существъ проистекаетъ главнымъ образомъ изъ боязни голода. Впрочемъ эти пороки имѣютъ еще и другую причину - тщеславіе, заставляющее каждаго щеголять передъ своими ближними богатствомъ и ослѣплять ихъ видомъ своихъ сокровищъ. Утопическія постановленія дѣлаютъ весь этотъ вздоръ ненужнымъ. Кромѣ обывательскихъ нуждъ въ отдѣльности, существуютъ еще общественные обѣды. Именно на каждой улицѣ, на извѣстномъ разстояніи помѣщаются обширные дворцы, въ которыхъ живутъ сифогранты, и здѣсь обѣдаютъ тѣ 30 семействъ, которыя имъ подчинены. Этими обѣдами завѣдуютъ особые экономы. Самыя трудныя кухонныя работы поручаются рабамъ; женщины варятъ кушанья, приправляютъ ихъ, накрываютъ на столъ и убираютъ посуду. Онѣ смѣняются на этой работѣ по семействамъ. Такимъ родомъ въ утопическомъ государствѣ образуется какъ бы одна семья. Въ виду опасности отъ неурожая, островъ имѣетъ постоянные запасы хлѣба на два года. Излишекъ вывозится за границу. Къ предметамъ вывоза относятся: хлѣбъ

медъ, шерсть, ленъ, дерево, красильныя вещества, ѣаковины, кожи, воскъ, мыло и скотъ. Седьмая часть этихъ товаровъ распредѣляется между бѣдными той страны, куда вывозятся товары; остальное продается по умѣреннымъ цѣнамъ. Благодаря такой торговлѣ, Утопія не только пріобрѣтаетъ всѣ необходимые предметы, главнымъ образомъ желѣзо, но получаетъ также значительное количество золота и серебра. Съ того времени, какъ утопійцы ведутъ эту торговлю, они накопили невѣроятныя богатства, поэтому имъ безразлично, продавать ли за наличныя или въ кредитъ. Интересно отношеніе къ золоту, серебру, алмазамъ, вообще различнымъ драгоцѣнностямъ, которое существуетъ на Утопіи; чтобы обезцѣнить ихъ въ общественномъ мнѣніи, золото и серебро предназначаются для издѣлій самаго низменнаго свойства, изъ нихъ дѣлаютъ ночныя вазы не только для общественныхъ дворцовъ, но и для отдѣльныхъ домовъ; или выковываютъ, напримѣръ, цѣпи и окова для рабовъ и отличительные знаки для преступниковъ, потерявшихъ честь. Гитлодей приводитъ разсказъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели иностранные послы, появлявшіеся съ громадной массой золотыхъ, серебряныхъ и другихъ украшеній, которымъ привыкли придавать такое низменное употребленіе. Это все подробности сравнительно мало интересныя. Интересенъ становится моръ, когда онъ переходитъ къ основамъ моральнымъ и философскимъ, въ которыхъ сказывается гуманистъ, выученикъ италіанскихъ и нѣмецкихъ гуманистовъ. Прежде всего сказывается, что основнымъ понятіемъ о редиціи для утопійца является удовольствіе. Это - идеалъ во всякомъ случаѣ не аскетической нравственности. Это - идеалъ,

полученный въ наслѣдіе отъ античной древности, это ученіе эпикурейцевъ и другихъ философскихъ школъ. Можетъ быть ихъ обвиняютъ въ склонности къ эпикурейству, такъ какъ по понятіямъ ихъ, наслажденіе составляетъ хотя не единственный, но весьма существенный элементъ счастья. И, странное дѣло, эту жаждущую наслажденія мораль они основываютъ на серіозной и строгой религіи. Ихъ девизъ: никогда не спорить о счастьи, не исходя изъ основныхъ аксіомъ религіи и философіи; иначе они сочли бы свои умозаключенія не полными и построенными на основаніи ложныхъ теорій. Когда начинаемъ знакомиться съ ихъ религіознымъ ученіемъ, то узнаемъ въ немъ черты естественной религіи, идеи, выработанныя гуманистами, которыя получили свое развитіе въ ученіи 16 и 17 вѣковъ. Эти черты религіи скрываютъ въ себѣ, съ одной стороны, отвлеченность, а съ другой - отсутствіе связи съ исторической религіей и въ частности съ христіанствомъ. Естественная религія есть такая, которая не требуетъ для себя нарочитаго откровенія, которое человѣкъ находитъ въ себѣ, какъ естественный даръ. Эту религію мы находимъ у утопійцевъ. "Вотъ ихъ религіозный катехизисъ: душа безсмертна. Богъ, будучи самъ добрымъ, создалъ ее для того, чтобы она была счастлива. Добродѣтель послѣ смерти награждается, наказаніе тамъ является удѣломъ преступленій. Хотя эти догматы принадлежатъ религіи, однако утопійцы думаютъ, что достаточно одного разума, чтобы вѣрить имъ и считать ихъ правильными. Они не задумываясь опредѣляютъ, что человѣкъ былъ бы безуменъ, если бы не старался достичь наслажденія всѣми средствами. Тогда добродѣтель состояла бы только въ томъ, чтобы изъ двухъ на

слажденій выбирать наиболѣе пріятное и напротивъ того избѣгать тѣхъ непріятныхъ, послѣдствія которыхъ хуже чѣмъ доставленное наслажденіе. А упражняться въ суровыхъ и тяжелыхъ добродѣтеляхъ, отказываться отъ радости жизни, добровольно подвергаться изгнанію и смерти, не ожидая въ той жизни никакого вознагражденія, это по мнѣнію островитянъ явилось бы верхомъ глупости". Такимъ образомъ, въ этихъ словахъ мы находимъ совершенно отчетливую формулировку идей разумной религіи, для которой достаточно уже одного разума. Въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли еще болѣе опредѣляется гуманистическій характеръ воззрѣній Мора. Онъ указываетъ здѣсь, что добродѣтелью утопійцы считаютъ жизнь, согласную съ вакснами природы. Человѣкъ, слѣдующій влеченіямъ природы, повинуется въ своемъ отвращеніи или своей любви (или), только голосу разсудка. Онъ учитъ насъ жить весело и безобидно и стараться также устроить подобную жизнь и нашему ближнему и нашему брату. Безпорядочно пріятная жизнь, т.е. стремленіе сдѣлать радость цѣлью всѣхъ нашихъ поступковъ, представляетъ собой требованіе самой природы, и повиновеніе ея волѣ есть добродѣтель. Природа приглашаетъ всѣхъ людей помогать другъ другу и вмѣстѣ съ тѣмъ праздновать на пиршествѣ жизни. Это положеніе справедливо. Нѣтъ лица, которое стояло бы такъ высоко надъ остальными людьми, чтобы о немъ заботилась одна лишь природа. Природа дала всѣмъ одинъ обликъ, всѣхъ она согрѣваетъ одинаково, всѣхъ окружаетъ одной и той же любовью; она осуждаетъ увеличеніе собственнаго благосостоянія на счетъ другого. Достигать счастья, не нарушая законовъ,—это мудрость, работа для общей пользы,—это есть

религія. Топтать ногами счастье ближняго, имѣя въ виду только свое собственное,—это преступленіе. Напротивъ того, отказываться отъ своего собственнаго удовольствія, чтобы дать возможность другимъ принять въ немъ участіе - это признакъ возвышеннаго и чуткаго сердца, которое въ сильной мѣрѣ и вознаграждается прежде всего взаимными услугами. Затѣмъ оно возбуждаетъ чувство благодарности и доброй памяти у того лица, которому мы оказали одолженіе, а самому человѣку лишеніе себя извѣстной радости доставляетъ большее удовольствіе, чѣмъ причинило бы огорченіе. Наконецъ, человѣкъ, вѣрующій въ истинную религію, долженъ быть убѣжденъ, что Богъ вознаградитъ мимолетное лишеніе удовольствія неизъяснимыми и вѣчными наслажденіями. Такимъ образомъ, утопійцы сводятъ всѣ критеріи нашихъ поступковъ къ достиженію радости, какъ высшей и конечной нашей цѣли. Эти строки какъ будто написаны не въ 16, а въ 18 или даже 19 вѣкѣ и если бы мы не знали, что авторъ ихъ мученикъ католической церкви, авторъ трактата „О семи таинствахъ", то мы подумали бы, что это какой-либо изъ крайнихъ представителей итальянскаго гуманизма или же современный моралистъ. Переходный характеръ Мора и непримиримая борьба этихъ двухъ настроеній сказываются и здѣсь съ полной очевидностью. При чемъ эти мотивы смѣшиваются у него чисто механически, чередуются въ различныхъ стадіяхъ его жизни, въ различныхъ положеніяхъ жизни одно съ другимъ, оставаясь въ то же время между собой различными. Я сказалъ что на Утопіи есть рабы. Это кладетъ историческую печать на Утопію Мора. Всѣ современные, въ особенности соціалистическіе историки Утопіи, обыкновенно съ нѣкото-

рымъ чувствомъ удовлетворенія указываетъ, что Моръ не предвидѣлъ современнаго промышленнаго развитія, современныхъ машинъ, и вводитъ рабство для тѣхъ задачъ, для которыхъ современное человѣчество имѣетъ машины. Рабами становятся не всѣ военноплѣнные, а только тѣ, которые взяты съ оружіемъ въ рукахъ. Сынъ раба становится свободнымъ. Чужой рабъ также становится свободнымъ, если вступаетъ на почву Утопіи. Рабство становится удѣломъ гражданъ, совершившихъ тяжелое преступленіе и иностранцевъ, приговоренныхъ къ смерти. Послѣдній классъ очень многочисленъ. Утопійцы отыскиваютъ ихъ за границей и покупаютъ за ничтожныя деньги, а часто получаютъ ихъ даромъ. Всѣ эти рабы приговариваются къ принудительнымъ работамъ и носятъ цѣпи. Однако со своими уроженцами въ Утопіи обходятся строже, чѣмъ съ иностранцами ихъ считаютъ гнусными злодѣями, достойными послужить примѣромъ глубокаго нравственнаго паденія. Дѣйствительно, при воспитаніи въ нихъ вселяли зародыши добродѣтели, и они имѣли возможность быть счастливыми и добрыми, и все-таки они не могли воздержаться отъ преступленія. Нужно замѣтить, что если эту мысль, которую все-таки допускаетъ Моръ, продолжить нѣсколько далѣе и увеличить количество людей, не оправдавшихъ надежды и злоупотребившихъ ихъ добродѣтельнымъ воспитаніемъ, то это допущеніе опровергнетъ всѣ его построенія, такъ какъ они держатся на томъ предположеніи, что утопическое общество поддерживается добродѣтельными и самоотверженными сифогрантами и траніборами, работающими сообща съ гражданами. Наконецъ, еще одинъ классъ рабовъ образуется изъ бѣдныхъ поденщиковъ изъ сосѣднихъ странъ, которые добровольно являются съ предложеніемъ сво-

ихъ услугъ, т.е., которые считаютъ за честь быть рабами на Утопіи. Заслуживаетъ вниманія представленіе Мора о бракѣ. У него мы не находимъ коммунизма женъ, который есть въ Утопіи Платона, но все-таки бракъ не предоставляется у него вполнѣ свободному усмотрѣнію, а регулируется срокъ вступленія въ бракъ. Онъ регулируетъ срокъ брачущихся, именно дѣвушка не должна выйти замужъ ранѣе 18 лѣтъ, а юноша жениться ранѣе 22. Лица обоего пола, обличенные въ прелюбодѣяніи до брака, наказуются, бракъ запрещается имъ навсегда, развѣ только самъ князь проститъ имъ вину. Отецъ и мать того семейства, въ которомъ произошелъ подобный случай, считаются обезчещенными, потому что недостаточно слѣдили за поведеніемъ своихъ дѣтей. Если нарушается супружеская вѣрность, то виновные подвергаются еще болѣе строгому наказанію вплоть до отдачи въ рабство. Утопійцы не женятся очертя голову. Чтобы выбрать лучше себѣ жену, они держатся обычая, который можетъ показаться намъ очень страннымъ и смѣшнымъ. Многоженство запрещается, бракъ расторгается только смертью и заключается полюбовно. Уличенный въ нарушеніи супружеской вѣрности приговаривается къ рабству, при чемъ обѣ стороны получаютъ право отторгнуть другого. Обычное наказаніе, даже самое тяжелое наказаніе - это рабство. Утопійцы думаютъ, что рабство для преступника болѣе страшно, чѣмъ смерть и кромѣ того приноситъ пользу для государства. Работающій человѣкъ полезнѣе трупа, и примѣръ безконечнаго наказанія болѣе напугиваетъ, чѣмъ сама смерть по закону, заставляющая виноватаго тотчасъ же исчезнуть. Когда осужденные рабы устраиваютъ возстаніе, ихъ убиваютъ подобно дикимъ звѣрямъ, такъ какъ для нихъ око-

вы уже не оказываются достаточно тяжелыми. Однако терпѣливые и покорные не лишаются надежды на лучшую участь. Особая глава въ сочиненіи Мора посвящена религіи утопіицевъ. Здѣсь также сказывается гуманистъ. „Религіи Утопіи не только различны въ разныхъ провинціяхъ, но даже въ предѣлахъ одного и того же города. Одни почитаютъ солнце и луну или другое какое-нибудь свѣтило, иные высшимъ божествомъ признаютъ память человѣка, слава и добродѣтель котораго не имѣли себѣ подобнаго. Большинство населенія и въ то же время наиболѣе разумная часть его, отказывается однако отъ такого идолопоклонства и вѣруетъ въ единаго, вѣчнаго , неизмѣримаго, неизъяснимаго и неизвѣстнаго Бога, который выше всякаго человѣческаго пониманія, который наполняетъ весь міръ своимъ могуществомъ, а не своимъ тѣлеснымъ протяженіемъ. Этого Бога они называютъ Отцомъ." Такимъ образомъ, Утопія представляетъ собой государство, въ которомъ мы находимъ всѣ виды религіознаго культа, однако большинство все-таки отказывается отъ идолопоклонства и придерживается деизма того типа, который мы охарактеризовали ранѣе. Всѣ утопіицы согласны въ томъ, что есть Высшее Существо, являющееся одновременно и Творцомъ, и Провидѣніемъ. Это Существо называется на общежитейскомъ языкѣ именемъ „Митры". Разногласіе происходитъ отъ того, что „Митра" не всѣмъ является однимъ и тѣмъ же. Но какова бы ни была форма, въ которой каждый почитаетъ Бога, всѣ въ Немъ чтятъ величіе и всемогущество природы, которой, по всеобщему соглашенію народовъ, приписывается безграничное господство надъ всѣми дѣлами міра. Когда утопіицы узнали отъ путешественниковъ о Христѣ, они отнеслись къ Нему сочув-

ственнс, но тѣмъ не менѣе не измѣнили своего общаго настрсенія. Въ вопросахъ вѣроисповѣданіи утопійцы держатся широкой терпимости. „Утопъ, устроитель государства, предоставилъ всѣмъ полную свободу мыслей и вѣрованій, тѣмъ не менѣе онъ во имя нравственности строго наказывалъ того, кто унижалъ достоинство своей природы ученіемъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ или будто бы міръ управляется безъ всякаго Провидѣнія, одной игрой случая. Утопійцы вѣруютъ въ загробную жизнь, въ которой преступленіе наказуется, а добродѣтель вознаграждается. Они даже не признаютъ человѣкомъ того, кто отрицаетъ эти истины и ставитъ возвышенную сущность своей души на одну доску съ животнымъ тѣломъ. Съ полнымъ правомъ лишаютъ они его званія гражданина, будучи убѣждены, что онъ сталъ бы топтать ногами въ грязь нравы и общественныя учрежденія, если бы только его не останавливала боязнь. Кто усумнится, что личность, единственной уздой которой является законъ, а единственной надеждой его тѣла, что такая личность не станетъ глумиться надъ законами страны, разъ это будетъ соотвѣтствовать его наклонностямъ и эгоизму? Впрочемъ, оставаясь вѣрными правилу, что вѣра человѣка не зависитъ отъ его воли, ихъ не принуждаютъ ни къ какому наказанію, точно также не прибѣгаютъ ни къ какимъ угрозамъ, чтобы измѣнить ихъ убѣжденія. Единственно, что съ нимъ дѣлаютъ, это запрещаютъ публично выражать свои убѣжденія но позволяютъ разговаривать съ мыслящими людьми, въ особенности со священниками. Ихъ даже вызываютъ на такіе споры въ надеждѣ, что безразсудное мнѣніе ихъ измѣнится передъ голосомъ разума" Обыкновенно особенность принципа вѣротерпимости заключается въ томъ,

что онъ начинается „О здравіи" и кончается „За упокой"; исходя изъ общихъ принципіальныхъ соображеній относительно свободы совѣсти, тѣмъ не менѣе каждый законодатель, каждая эпоха, каждая общественная группа ставитъ свои границы, въ предѣлахъ которыхъ она можетъ осуществляться. Границы эти различны и передвигаются въ зависимости отъ общественнаго мнѣнія массъ. Мы видимъ, что Моръ въ своей Утопіи проводитъ (их) шире и дальше, нежели въ своей практикѣ государственнаго канцлера. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время признать такія границы господствующее большинство навряд ли согласилось бы.

Затѣмъ въ заключеніи Моръ опять возвращается къ критикѣ существующаго строя, которому онъ противопоставляетъ Утопію и при помощи этого еще болѣе выставляетъ отрицательную сторону существующаго государства. Онъ называетъ существующее государство „заговоромъ знатныхъ", которые подъ фирмой своего громкаго имени и подъ вывѣской государства дѣлаютъ все, что только вздумается. Эти заговорщики пользуются всякаго рода обманами, всѣми возможными средствами, чтобы достигнуть своей двойной цѣли. Прежде всего они хотятъ обезпечить себѣ неограниченное право на собственность, доставшуюся имъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ путемъ и, во-вторыхъ, они не хотятъ пользоваться нищетой бѣдныхъ для своихъ выгодъ и заставлять ихъ работать за возможно низкую плату. Въ Утопіи алчность немыслима, потому что здѣсь деньги не употребляются. Какой обильный потокъ слезъ и заботъ высыхаетъ уже отъ одного того, что такая богатая жатва преступленій уничтожается уже съ корнемъ. Кто не знаетъ, что

обманъ, воровство, грабежъ, вымогательства, народныя возстанія, жалобы, неурядицы, убійства, предательства и отравленія, кто не знаетъ, повторяю, что всѣ эти преступленія, за которыя общество постоянно караетъ, не уничтожая ихъ, могли бы исчезнуть съ лица земли въ тотъ же самый день, когда будутъ уничтожены деньги, тогда прекратились бы страхъ и безпокойства, заботы, невѣроятныя усилія и безсонныя ночи. Самая бѣдность, которая повидимому такъ нуждается въ деньгахъ, самая бѣдность исчезла бы вмѣстѣ съ деньгами. Заключительный мотивъ Утопіи тотъ же, что начальный: критика современнаго строя.

Обращаясь къ общей оцѣнки „Утопіи" Томаса Мора, мы должны прежде всего сопоставить ее съ „Государствомъ" Платона, которымъ она, очевидно, навѣяна, и съ которымъ находится въ непосредственномъ сродствѣ, съ другой стороны - съ экономическими ученіями того времени.

Что касается вопроса о сравненіи „Государства" Платона съ „Утопіей" Мора, то при всемъ сходствѣ и при всей внѣшней близости между этими двумя картинами, при нѣкоторой большей законченности „Утопіи" въ экономической части, все же въ сравненіи съ произведеніемъ Платона, мы должны ее признать произведеніемъ, стоящимъ значительно ниже. Правда, у Платона мы встрѣчаемъ и элементъ политической сатиры, но основная его задача философско-соціальная, тогда какъ Моръ самъ видѣлъ въ своемъ произведеніи скорѣе политико-экономическій памфлетъ, чѣмъ ту грандіозную, глубоко задуманную задачу реформъ, которую поставилъ себѣ Платонъ. Въ сравненіи съ „Государ-

ствомъ" Платона. „Утопія" Томаса Мора представляется произведеніемъ низшаго порядка, потому что она лишена того всечеловѣческаго углубленія, которое мы видимъ въ „Государствѣ" Платона. Это - произведеніе не философское, а соціально-политическое. Но если разсматривать его не въ сравненія съ произведеніемъ Платона, а безотносительно, то нельзя не признать, что „Утопія " Томаса Мора есть произведеніе всемірно-историческое и классическое въ томъ смыслѣ, что въ немъ прозвучалъ извѣстный мотивъ съ такой рѣшительностью и законченностью что всякій разъ послѣ, когда будемъ его встрѣчать, мы будемъ вспоминать объ этомъ первомъ произведеніи. „Утопія" дала даже нарицательное имя произведеніямъ такого фантастическаго характера, въ которыхъ изображается идеальный, по мнѣнію ихъ авторовъ, соціальный строй. Кромѣ того, „Утопія" уже на порогѣ новаго времени, въ 16 столѣтіи, дала законченное въ идейномъ отношеніи изображеніе соціалистическаго строя. „Утопія" есть произведеніе соціалистическое въ томъ смыслѣ, что всѣ проблемы человѣческаго неустройства и человѣческаго зла сведены здѣсь, вопреки болѣе глубокой и провидательной точки зрѣнія самого Мора, исключительно къ проблемѣ собственности и организаціи способа владѣнія орудіями производства; и разрѣшеніе этихъ золъ, всѣхъ неустройствъ общественныхъ, здѣсь сводится къ реорганизаціи института частной собственности. Это есть произведеніе, въ которомъ списывается порядокъ вещей, установленный при отсутствіи частной собственности и въ этомъ смыслѣ, это есть произведеніе соціалистическое. Здѣсь есть нѣкоторыя устарѣвшія детали историческаго характера, какъ, напримѣръ, институтъ рабства, но эти

историческія детали сравнительно второстепеннаго характера, и въ принципіальномъ отношеніи всѣ дальнѣйшія утопіи, которыя были написаны, кончая Беллами, воспроизводятъ въ существенномъ Томаса Мора. Между Томасомъ Моромъ и Беллами нѣтъ разницы. То, что у Мора исполняютъ рабы, у Беллами производится современной техникой, то, что у Мора производится ремесленнымъ способомъ, то у Беллами - фабричнымъ; то, что у Мора производится въ мелкихъ размѣрахъ, то у Беллами—въ размѣрахъ болѣе крупной организаціи. Но самая идея построить общество на основаніи извѣстной реорганизаціи собственности настолько выдержанно и законченно развита Томасомъ Моромъ, что и до настоящаго времени „Утопія" остается какъ бы идейнымъ завѣщаніемъ, которое и теперь сохраняетъ смыслъ и силу. Въ этомъ отношеніи произведеніе Томаса Мора является произведеніемъ классическимъ.

РАБЛЕ. КОМПАНЕЛЛА. „ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА".

Интересно, что, какъ въ древнемъ мірѣ вмѣстѣ съ Платономъ, выдвинувшимъ очень энергично мотивъ соціалистическій, тотчасъ же, почти одновременно и не менѣе рѣзко, прозвучалъ мотивъ индивидуалистическо-анархическій, какъ въ средніе вѣка мы наблюдаемъ наряду съ коммунистическими сектами братьевъ хельчицкихъ и богемскихъ братьевъ, представлявшихъ точку анархически-индивидуалистическую, такъ и въ 16 вѣкѣ, одновременно съ Моромъ, одновременно съ его соціалистическимъ планомъ организаціи общества, мы встрѣчаемъ идеи и иного порядка, индивидуалистически-анархическаго, хотя также въ формѣ сказки-утопіи, въ формѣ беллетристическаго произведенія. Эти индивидуа-

листическо-анархическія идеи выразилъ знаменитый французскій сатирикъ Рабле, жившій съ 1483 до 1553 г. Если Моръ своихъ утопійцевъ заставилъ благоденствовать потому, что они подчиняются своему мудрому правительству, то Рабле считаетъ глупымъ такой порядокъ вещей, въ которомъ живутъ по часамъ, гдѣ индивидуальная воля сдавлена правительственными распоряженіями. Онъ списываетъ жизнь „телемитовъ" (отъ греческаго слова θέλω хочу, желаю), т.е. людей свободной воли, индивидуумовъ, которые живутъ какъ хотятъ, безъ всякаго порядка: когда хотятъ ложатся спать, работаютъ, ѣдятъ и пьютъ. Живутъ они во дворцахъ весьма благоустроенныхъ и хорошихъ. Главное здѣсь въ томъ, что они живутъ какъ кому угодно и, вслѣдствіе этой свободы, все совершается наилучшимъ образомъ. Полнѣйшая свобода приводитъ къ полной гармоніи. Рабле еще смѣлѣе разрѣшаетъ тѣ же вопросы, что и Моръ. И если Моръ считалъ нужными нѣкоторыя внѣшнія установленія для того, чтобы устранить зло въ обществѣ и зло въ личности, то Рабле предлагаетъ все уничтожить, предоставить полную свободу личности и тогда все будетъ къ лучшему.

Я упоминаю объ этомъ ученіи потому лишь, что это - очень ранній предвѣстникъ индивидуалистическо-анархическихъ идей, которыя въ свое время, особенно въ нашъ время, въ 19 вѣкъ, займутъ такъ много мѣста въ общественномъ сознаніи.

Прежде чѣмъ покончить съ вопросомъ объ утопіяхъ этого переходного времени, я хочу остановить ваше вниманіе еще на одномъ такомъ произведеніи, находящемся подъ несомнѣннымъ и непосредственнымъ вліяні-

емъ Мора, и въ то-же время запечатлѣвающемъ на себѣ и другія вліянія, съ одной стороны, вліянія Платона съ другой стороны - папской теократіи. Это произведеніе Томаса Кампанеллы.

Томасъ Кампанелла родился въ 1568 г. въ бѣдной крестьянской семьѣ въ маленькой деревушкѣ Калабріи. Имя Кампанеллы можно встрѣтить и въ исторіи философіи, гдѣ онъ вписалъ свое имя наряду съ великими мыслителями новаго времени: Джордано Бруно, Галлилеемъ и др. Въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ смѣлый и даже геніальный мыслитель предвосхитилъ идеи новаго времени, идеи Декарта и Канта.

Уже на 14 году Кампанелла добился принятія въ послушники въ Доминиканскій монастырь и тамъ слушалъ лекціи по философіи, увлекаясь особенно Ѳомой Аквинскимъ и философомъ-богословомъ Альбертомъ Великимъ. Въ то же время онъ занимался еврейскимъ языкомъ. Окончивши образованіе, онъ принялъ монашество и былъ посланъ въ монастырь св. Георгія, гдѣ познакомился съ сочиненіями одного изъ своихъ философскихъ предшественниковъ, монаха Телезія. Въ это время онъ уже возбуждаетъ все большее вниманіе своими философскими и научными дарованіями и является однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и даровитыхъ людей своего времени. На 30 году жизни онъ возвращается въ свою родную деревню. Здѣсь его занимаетъ патріотическій освободительный планъ. Италія была въ это время подъ испанскимъ владычествомъ. И вотъ Кампанелла составляетъ заговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе до 300 монаховъ заговоръ вооруженнаго возстанія для освобожденія Италіи отъ владычества Испаніи. Этотъ планъ былъ открытъ; Кампанелла былъ схваченъ и посаженъ въ неаполитанскую

тюрьму, называвшуюся „яйцомъ", гдѣ онъ былъ подвергнутъ ужаснымъ пыткамъ. Сохранился его собственный разсказъ объ этихъ пыткахъ, который характеризуетъ и нравы эпохи и величіе духа Кампанеллы: „Я провелъ заключеніе въ 50 различныхъ камерахъ и семь разъ подвергался самой ужасной пыткѣ. Послѣдній разъ она длилась 40 часовъ подрядъ. Я-туго связанный веревками, которыя впивались въ мое тѣло, повѣшенный за руки, связанный за спиной и притянутый къ деревянному столбу, я потерялъ шестую часть моего мяса и 10 фунтовъ крови за эти 40 часовъ и былъ признанъ мертвымъ. Пытку прекратили. Одни меня при этомъ бранили и, чтобы увеличить страданія, качали веревку, на которой я висѣлъ; другіе шопотомъ высказывали удивленіе моему мужеству. Ничто не могло меня поколебать и вырвать у меня хоть бы слово признанія. Выздоровѣвъ, благодаря какому-то чуду, черезъ 6 мѣсяцевъ я былъ брошенъ въ ровъ." Въ этой тюрьмѣ Кампанелла находился ни болѣе ни менѣе какъ 26 лѣтъ. Но послѣ этихъ первыхъ тяжелыхъ мѣръ, послѣ пытокъ, онъ получилъ письменныя принадлежности и въ тюрьмѣ началъ писать свои сатиры, сонеты, всемірно извѣстные, затѣмъ политико-экономическіе афоризмы и въ числѣ другихъ произведеній написалъ въ 1600 году свое „Civitas solis", т.е. „Государство солнца", на которомъ мы и остановимъ наше вниманіе. Наконецъ въ 1626 году онъ былъ освобожденъ послѣ 26-лѣтняго тюремнаго заключенія и получилъ отъ папы назначеніе директора коллегіи и полное разрѣшеніе публиковать свои книги. Въ это время прибылъ въ Римъ другой геніальный мыслитель-неудачникъ Галилей. Противникамъ Галилея и Кампанеллы удалось возбудить противъ нихъ фанатичную и невѣжественную толпу, и Кампанелла принужденъ былъ спа-

саться бѣгствомъ во Францію. Онъ попалъ въ Парижъ, былъ принятъ Людовикомъ XIУ и сдѣланъ Ришелье членомъ Академіи наукъ. Когда появился трудъ Декарта о методахъ, Кампанелла страшно заинтересовался авторомъ и искалъ его въ Голландіи, гдѣ тотъ скрывался, чтобы съ нимъ увидиться. Ему это не удалось. Умеръ онъ въ Парижѣ въ 1639 году на 70 году жизни послѣ неудачной попытки видѣться съ Декартомъ

И внѣшняя біографія Кампанеллы представляетъ собой яркую драматическую иллюстрацію переходного времени, когда скрещивались рядомъ самыя различныя настроенія и направленія. Съ одной стороны, доминиканскій монахъ, вѣрный католической церкви и подвергающійся ея преслѣдованіямъ, съ другой - смѣлый философъ, соціальный Утопистъ, проведшій пол-жизни въ тюрьмѣ, принужденный спасаться бѣгствомъ изъ Рима въ чужую страну и умершій тамъ послѣ неудачной попытки видѣться съ великимъ философомъ новаго времени.

Что касается „Государства солнца", то оно еще болѣе, чѣмъ произведеніе Мора, выражаетъ въ себѣ всю сложность и противорѣчивость этой эпохи и тѣхъ настроеній, которыя несъ въ себѣ Кампанелла. Внѣшняя композиція и небрежность изложенія ставятъ это произведеніе ниже „Утопіи" Мора. Такъ же, какъ и тамъ разсказъ ведется въ формѣ діалога съ капитаномъ возвращающимся изъ путешествія съ острова Солнца' и разсказывающаго что онъ видѣлъ, какіе порядки царятъ на этомъ островѣ.

Этотъ капитанъ описываетъ островъ „Тапробано" или Цейлонъ, на которомъ и помѣщается государство солнца

На томъ островѣ, посрединѣ его устроенъ большой городъ, раздѣленный на 7 круговъ, какъ бы 7 отдѣльныхъ крѣпостей. Посреди города дворцы, площади, водопроводы и посреди, на вершинѣ холма храмъ. Все это описывается съ увлекательными подробностями.

Что касается основъ управленія этимъ островомъ, то во главѣ его стоитъ первосвященникъ. Здѣсь сказался доминиканскій монахъ, вѣрный идеи папства, идеи іерократической и навязывающій теократическія идеи своему соціалистическому государству. „Первымъ среди нихъ,—говоритъ Кампанелла,—является первосвященникъ котораго на нашемъ языкѣ мы назвали бы метафизикомъ."

Всякіе споры и дѣла передаются на его рѣшеніе. Съ первосвященникомъ управляютъ три князя, три верховныхъ вождя, пользующіеся съ нимъ одинаковой властью и носящіе названія, которыя можно перевести, какъ Могущество, Мудрость и Любовь. Они воплощаютъ эти три качества. Первый изъ этихъ мужей, Могущество, какъ описываетъ Кампанелла, управляетъ интересами мира и войны, стало быть, всѣмъ военнымъ искусствомъ. Онъ является полководцемъ, но не властвуетъ надъ „Солнцемъ." Онъ завѣдуетъ военнымъ управленіемъ, фортификаціонной частью, укрѣпленіями, осадой, боевыми машинами и вообще всѣмъ, что сюда относится." Слѣдующій изъ трехъ мужей изъ 3 тріумвировъ, именно Мудрость, завѣдуетъ свободными искусствами, строительнымъ дѣломъ, науками, соотвѣтствующими имъ учрежденіями и учебными заведеніями, которыми завѣдуютъ отдѣльные чиновники. Изъ этихъ одинъ носитъ названіе спеціальнаго астролога, другой носитъ названіе космографа, третій - геометра, дру-

гіе - исторіографа, поэта, логика, ритора, грамматика, врача, физика, политика, моралиста. Затѣмъ этотъ же тріумвиръ заботится о томъ, чтобы преподаваемыя науки были по возможности доступны всѣмъ. Однимъ изъ средствъ популяризаціи наукъ въ „Государствѣ Солнца" является живопись. Всѣ стѣны города, наружныя и внутреннія, стѣны домовъ и всѣхъ зданій расписаны картинами и географическими изображеніями, относящимися ко всевозможнымъ отраслямъ знанія. Картины представляютъ собой прекрасное распредѣленіе всѣхъ наукъ, и жители получаютъ, такимъ образомъ, доступныя и, конечно, безплатныя поученія во всѣхъ отрасляхъ знаній. Наконецъ, что касается третьяго тріумвира, Любви, то ему ввѣрена забота о продолженіи рода, о томъ, чтобы мужчины и женщины сочетались такимъ образомъ, чтобы получилось возможно лучшее потомство. „Граждане „Государства Солнца насмѣхаются надъ нами за то, что мы прилагаемъ большія усилія для усовершенствованія породы собакъ и лошадей, а о собственномъ нашемъ человѣческомъ родѣ забываемъ." Его же заботамъ ввѣряется воспитаніе новорожденныхъ, медицина, аптечное дѣло, сельское хозяйство, скотоводство, столъ, кухонное дѣло, - однимъ словомъ, все, что относится къ внутренней сторонѣ жизни.

Этотъ Метафизикъ и три тріумвира представляютъ собой правительственное ядро „Государства Солнца". Не трудно видѣть здѣсь, вмѣстѣ съ вліяніемъ идей папской теократіи, и отголоски идей государства Платона съ его философами въ качествѣ правителей. Это - прямая традиція и заимствованіе. Затѣмъ отличительными чертами образа жизни и общественнаго устройства „Государства Солнца" является

то, что граждане ведутъ общественный образъ жизни. У нихъ существуетъ и общность женъ. Хотя все у нихъ общее, однако распредѣленіе отъ правительства. Зато науки, почетныя должности и общественныя удовольствія въ такой мѣрѣ являются общимъ достояніемъ, что никто ни у кого не въ состояніи ничего отнять. „Они говорятъ, что идея собственности у насъ возникла и продолжаетъ поддерживаться потому, что у насъ есть собственныя жены и дѣти. Отсюда получается эгоизмъ, который ведетъ къ тому, что мы дѣлаемся грабителями общественнаго достоянія для того только, чтобы помочь сыну стать богатымъ и пользоваться почетомъ и сдѣлать его наслѣдникомъ многихъ сокровищъ; кто родомъ знатенъ и богатъ, тому и бояться нечего, а кто слабъ, бѣденъ или низкаго происхожденія, тотъ становится жаденъ, вѣроломенъ и дѣлается льстецомъ. Стало быть, разъ этотъ эгоизмъ станетъ безцѣльнымъ, то остается одна лишь любовь къ обществу."

Въ высшей степени интересно и своеобразно наблюдать у монаха эту общность женъ, съ одной стороны, по мотивамъ монашеско-аскетическаго характера, т.е. нѣкоторой брезгливости къ семьѣ, въ виду того, что индивидуальная семья связываетъ человѣка узами семейнаго эгоизма, болѣе прочными, чѣмъ общность женъ, а съ другой стороны, это - идея Платона, идея совершенно не христіанская. Этотъ идеалъ Кампанеллы находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ понятіями церкви и здѣсь, еще ярче, чѣмъ у Томаса Мора, можно видѣть рядомъ лежащія идеи и настроенія трудно согласимыя, пожалуй, даже совершенно не согласуемыя между собой. Этотъ порядокъ вещей, основанный на отсутствіи эгоизма и взаимной любви, держится только согласіемъ и

солидарностью людей между собой. Наказаніе, которое здѣсь практикуется, есть лишеніе общественнаго стола и вообще участія въ общественной жизни.

Что касается воспитанія дѣтей, то само собой разумѣется, при общности женъ и отсутствіи семьи, оно является общественнымъ и одинаковымъ для всѣхъ. При чемъ всѣ дѣти, какъ мужского, такъ и женскаго пола, обучаются земледѣлію, скотоводству, ремесламъ. Здѣсь существуетъ и всеобщая повинность труда.

Затѣмъ, что касается правительства и прежде всего самого Метафизика и трехъ триумвировъ и, наконецъ, остальныхъ правителей, то отъ нихъ требуется извѣстный научный цензъ и извѣстныя личныя качества. Въ особенности велики требованія, предъявляемыя къ Метафизику: „Онъ долженъ быть силенъ въ богословіи и метафизикѣ, онъ долженъ знать происхожденіе, основы и доказательства всѣхъ наукъ, свойство и различіе вещей, необходимость, судьбу и гармонію міра, могущество, мудрость и любовь въ твореніяхъ Божіихъ, послѣдовательность существъ и ихъ связь съ явленіями на небѣ, на землѣ и въ водѣ. и съ идеалами Бога поскольку, конечно, человѣческій разумъ въ состояніи ихъ постичь." Имъ приходится изучать также пророковъ и астрологію. Нужно сказать, что Кампанелла является сыномъ своего времени, и астрологіи придаетъ очень большое значеніе. Онъ самъ былъ ревностнымъ астрологомъ. Когда выражаютъ сомнѣніе, что такой кабинетно-ученый человѣкъ можетъ явится недостаточно знающимъ жизнь то на это дается любопытный отвѣтъ, имѣющій значеніе и для нашего времени. Кампанелла говоритъ, что Метафизикъ долженъ изучить

большое количество наукъ и искусствъ, а для этого „нужно обладать обширнымъ, разносторонним умомъ и потому особенно подходитъ къ дѣлу управленія. Мы отлично знаемъ что тотъ, кто основательно изучитъ только одну науку, не сумѣетъ какъ слѣдуетъ разобраться ни въ ней, ни въ другихъ, и что тотъ, кто въ состояніи заниматься лишь одной отраслью знанія, почерпнувъ ее изъ книгъ, не образованъ и не быстръ умомъ". Эта характеристика, которая такъ низко цѣнитъ спеціальное образованіе, спеціальныя знанія безъ общаго образованія дѣлаетъ во всякомъ случаѣ честь проницательности Кампанелли, отмѣчающаго одинъ изъ коренныхъ духовныхъ недуговъ, которыми страдаетъ и наше новое время. Съ одной стороны, необходимость научной спеціализаціи, сосредоточенія на одной отрасли знанія, - съ другой стороны, отупляющее дѣйствіе этой спеціализаціи на человѣческое развитіе составляетъ неразрѣшенное противорѣчіе нашего времени.

Въ „Государствѣ Солнца" существуетъ полная общность жизни, настолько, что даже нѣтъ постоянныхъ домовъ и жилищъ; дома и жилища назначаются на извѣстное время, и черезъ извѣстные промежутки граждане мѣняются жилищами. Все составляетъ общее достояніе, мужчины и женщины получаютъ общее, одинаковое образованіе и, если происходитъ извѣстное раздѣленіе труда, соотвѣтствующее силамъ пола, то это скорѣй можно объяснить физіологическимъ различіемъ, чѣмъ различіемъ въ образованіи.

Спеціальной обязанностью женщинъ является обязанность готовить обѣды, за которыми прислуживаютъ мальчики и дѣвочки. Во время обѣдовъ читаютъ произведенія научнаго и общаго характера для

просвѣщенія обѣдающихъ. Одной изъ любопытныхъ особенностей является та прямолинейность рѣшенія вопроса о размноженіи и дѣторожденіи, которая отличаетъ утопіи Мора и Платона, но тамъ она не доходитъ до такихъ размѣровъ, какъ у цѣломудреннаго монаха Кампанеллы. Кампанелла считается съ вопросомъ о народонаселеніи и о перенаселеніи весьма смѣло. Онъ подчиняетъ государственному надзору и государственному разрѣшенію всѣ отдѣльные случаи дѣторожденій, при чемъ организація государственнаго надзора допускаетъ нѣчто вродѣ легальной проституціи или такого сожительства половъ, при которомъ не бываетъ дѣтей, по тѣмъ или инымъ причинамъ. Все это описывается съ такимъ реализмомъ, что здѣсь неудобно входить въ описаніе подробностей. Никто раньше 21 года не имѣетъ права приступать къ дѣторожденію при чемъ лица, приступающія къ дѣторожденію позже 21 года, заслуживаютъ особой похвалы, а за нарушеніе половой чистоты раньше этого возраста, наказываются смертной казнью, хотя эта смертная казнь примѣняется лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ отличіе отъ Мора, у Кампанеллы нѣтъ рабства; онъ просто обходитъ вопросъ о томъ, кѣмъ и какъ выполняются работы тяжелыя и непріятныя, для которыхъ Моръ назначалъ рабовъ.

Что касается продолжительности рабочаго дня, то, если Томасъ Моръ опредѣляетъ его въ 6 часовъ, Кампанелла въ этомъ отношеніи пошелъ еще дальше и опредѣляетъ рабочій день всего въ 4 часа. Онъ говоритъ такъ: „Всѣ общественныя должности, искусства, ремесла и работы распредѣлены между всѣми, такъ что каждому отдѣльному лицу достается на долю менѣе четырехъ часовъ работы въ день. Остальное вре-

мя солярій можетъ проводить въ пріятныхъ занятіяхъ, диспутахъ, въ чтеніи, разговорахъ, писаніи, прогулкахъ, умственныхъ и физическихъ упражненіяхъ и всякаго рода удовольствіяхъ." „Солярій увѣряютъ также, что крайняя бѣдность дѣлаетъ людей низменными, хитрыми, лживыми, вороватыми, развиваетъ въ нихъ склонность къ обману, интригамъ, лишаетъ человѣка любви къ родинѣ, способствуетъ нарушенію присяги и т.д. Однако и богатство дѣлаетъ людей беззастѣнчивыми, гордыми, невѣжественными, чванливыми, развиваетъ склонность къ предательству, хвастовству, порицанію другихъ, влюбленности въ себя, безсердечію и пр."

„Въ истинно же коммунистическомъ обществѣ всѣ одинаково богаты и бѣдны богаты потому, что владѣютъ всѣмъ, что имъ нужно, бѣдны потому, что никто не владѣетъ ничѣмъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ не они служатъ вещамъ, а вещи служатъ имъ. Вотъ почему они восхищаются благочестивыми монахами христіанства, болѣе же всего преклоняются передъ жизнью апостоловъ."

Въ „Государствѣ Солнца" большое вниманіе обращено на военное дѣло, какъ въ цѣляхъ обороны, такъ и наступленія. Война является въ представленіяхъ Кампанеллы довольно обычнымъ явленіемъ.

Что касается международныхъ отношеній, то здѣсь допускается обмѣнъ товаровъ на товаръ безъ денегъ. Деньги не играютъ никакой роли. Драгоцѣннымъ металламъ и камнямъ отводится такая же унизительная роль, какъ и у Томаса Мора.

Далѣе опредѣляются семейныя подробности жизни. Среди цѣлаго ряда болѣе или менѣе фантастическихъ подробностей заслуживаетъ еще

упоминанія способъ устройства управленія. Всѣ лица достигшія 20 лѣтъ, собираются въ Совѣтъ, обсуждаютъ общественныя дѣла и имѣютъ право жаловаться на правительство. Они собираются каждые 3 дни, а Метафизикъ и тріумвиратъ - ежедневно. Начальствующія лица могутъ быть смѣщены волею народа за исключеніемъ четырехъ высшихъ, которыя сами подаютъ въ отставку, предварительно посовѣтовавшись между собой.

Далѣе описывается ихъ религія, жрецы, молитвы, астрологія и т.д., но это представляетъ уже второстепенный интересъ

Такимъ образомъ, въ „Государствѣ Солнца", появившемся почти черезъ 100 лѣтъ послѣ „Утопіи"Томаса Мора, мы находимъ отчасти повтореніе тѣхъ же мотивовъ, что у Мора, отчасти другую комбинацію ихъ. Но во всякомъ случаѣ „Государство Солнца" Кампанеллы отличается тѣмъ же рѣзко выраженнымъ коммунистическимъ и соціалистическимъ характеромъ, что и „Утопія" Мора. Произведеніе Кампанеллы, заключающее въ себѣ идеи соціализма, представляютъ несомнѣнный интересъ и для новѣйшаго времени.*)

МЕРКАНТИЛИЗМЪ. КАКЪ ПЕРВОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. ЕГО ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ. СТАДІИ ЕГО РАЗВИТІЯ.

*) Примѣчаніе. „Утопія " Томаса Мора и „Государство Солнца" Кампанеллы имѣются въ русскомъ переводѣ Генкеля.
Изложеніе и нѣкоторыя историческія замѣчанія можно найти въ сочиненіи Каутскаго „Общественное движеніе въ средніе вѣка."

УЧЕНІЕ О ДЕНѢЖНОМЪ И ТОРГОВОМЪ БАЛАНСѢ.

До сихъ поръ намъ приходилось имѣть дѣло съ общими системами экономическаго мірсвоззрѣнія, съ тѣмъ, что можно назвать поэзіей политической экономіи. Теперь мы переходимъ къ дѣловой прозѣ, къ тѣмъ системамъ которыя относятся уже къ политической экономіи въ собственномъ узкомъ смыслѣ слова, т.е. къ ученіямъ объ организаціи хозяйственной техники. Это зарожденіе политической экономіи, какъ науки, въ собственномъ смыслѣ слова относится къ новому времени и связано съ образованіемъ новаго государства и новаго хозяйственнаго строя.

Какъ извѣстно, средніе вѣка отдѣляются отъ новаго времени рядомъ событій во всевозможныхъ отрасляхъ жизни политической, экономической и духовной.

Что касается экономической области, то здѣсь коренныя перемѣны произошли въ самой организаціи хозяйства. Эту перемѣну можно въ общемъ опредѣлить какъ переходъ отъ хозяйства феодальнаго и городского, раздробленнаго и мѣстнаго, къ хозяйству территоріальному, затѣмъ народному и, наконецъ, всемірному ведущемуся по болѣе широкому плану. Затѣмъ самый этотъ переходъ къ хозяйству народному и происхожденіе народнаго хозяйства связано съ рядомъ всемірно-историческихъ событій, повлиявшихъ въ этомъ направленіи. Къ числу этихъ событій принадлежатъ крестовые походы, которые хотя непосредственнымъ побужденіемъ имѣли чисто религіозные мотивы, но въ числѣ косвенныхъ результатовъ имѣли весьма значительныя экономическія послѣдствія.

Завязываются торговыя связи съ Востокомъ, расширяется обмѣнъ, расширяется торговое мореходство. Вслѣдствіе этого получаютъ выдающееся значеніе торговые города Средиземнаго моря, какъ Венеція. Затѣмъ, въ связи съ расширеніемъ торговли, получаетъ значеніе денежный капиталъ. При феодальныхъ отношеніяхъ, при отношеніяхъ городского хозяйства, деньги, денежный капиталъ, не имѣли широкаго примѣненія; главной сферой примѣненія денегъ было ростовщичество. Съ развитіемъ торговли денежный капиталъ находитъ естественное примѣненіе и, притомъ постоянно растущее.

Такое же значеніе, какое имѣли Крестовые походы для торговыхъ сношеній съ Востокомъ, имѣло открытіе Америки и морского пути въ Индію. Открытіе Америки имѣло еще то значеніе, что богатѣйшія залежи благородныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта устремились въ Европу. Это произвело настоящую революцію цѣнъ, всѣдствіе чего цѣны на основные предметы необходимости и рыночный оборотъ вмѣстѣ съ ними увеличились въ 5,6 и больше разъ, а эта денежная революція имѣла и многочисленныя соціальныя послѣдствія. Затѣмъ на основаніи образованія болѣе широкаго рынка происходитъ постепенное разложеніе цехового строя. Мелкія цеховыя ремесла объединяются въ домашней формѣ крупной промышленности, пріобрѣтаютъ первую форму капиталистическаго производства.

Въ то же время совершается рядъ открытій и усовершенствованій самой техники торговаго обмѣна. Изобрѣтаются векселя, которые въ настоящее время составляютъ непремѣнную принадлежность денежнаго торговаго оборота, получаютъ большое распространеніе.

Для того времени они являлись могущественнымъ и благотворнымъ стимуломъ развитія народнаго хозяйства. Такое же значеніе имѣетъ и развитіе банковъ. Нельзя не упомянуть еще о томъ переворотѣ въ государственномъ и политическомъ строѣ, который произвело изобрѣтеніе пороха. Съ изобрѣтеніемъ пороха связана постоянная армія и спеціализація въ военномъ дѣлѣ лишь нѣкоторой части населенія. Благодаря этой спеціализаціи, большая часть населенія получила возможность отдаться мирному труду. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще изобрѣтеніе книгопечатанія, имѣющаго значеніе для всѣхъ областей жизни.

Не меньше, чѣмъ экономическія преобразованія, были несомнѣнно и духовныя. Что касается духовныхъ перемѣнъ, то отчасти я упоминалъ о нихъ и раньше. Онѣ сводятся къ двумъ основнымъ фактамъ. Это - два историческія теченія, которыя въ это время пробиваютъ себѣ дорогу: съ одной стороны, гуманизмъ, съ другой - реформація, одно чисто-свѣтское, другое чисто-религіозное теченіе. Но и то и другое имѣютъ одну общую черту, общее значеніе. Они становятся въ оппозицію къ средневѣковому аскетическому міровоззрѣнію, отрицавшему самостоятельное значеніе мірского труда, въ лучшемъ случаѣ смотрѣвшаго на него, какъ на одно изъ средствъ религіозной дисциплины.- и признаютъ самостоятельную, независимую цѣнность мірского труда. Гуманизмъ приводилъ къ возвышенію правъ и потребностей натуральнаго, плотскаго человѣка и признавалъ самодовлѣющую цѣнность всѣхъ видовъ дѣятельности, въ частности экономическаго труда.

Это гуманистическое отношеніе къ жизни въ дальнѣйшемъ развитіи приводитъ къ философіи такъ называемаго просвѣщенія и матеріализму

18 вѣка. Въ значительной степени это теченіе мысли продолжается въ наше время въ формѣ гуманистическаго соціализма. Въ настоящее время въ связи съ этимъ гуманистическимъ теченіемъ находится пробужденіе научнаго раціонализма. А этотъ духъ раціонализма, какъ очень талантливо показалъ Зомбартъ въ своемъ сочиненіи о новѣйшемъ капитализмѣ, существенно входитъ въ экономическую жизнь нашего времени. Капитализмъ основанъ на расчетѣ, онъ раціоналенъ, онъ вноситъ точные методы въ тѣ хозяйственные процессы, тѣ хозяйственныя отношенія, которыя совершались раньше по мѣрѣ силъ, на совѣсть, по инстинкту. Такимъ образомъ, одна сторона новаго человѣка, новой личности, которая имѣетъ значеніе для капитализма, вырабатывается этимъ гуманистическимъ міровоззрѣніемъ на трудъ и на жизнь. Но рядомъ съ гуманизмомъ и до извѣстной степени въ связи съ нимъ, хотя со значительными различіями отъ него, дѣйствовала и реформація. Если гуманизмъ противопоставлялъ права натуральнаго человѣка дисциплинѣ средневѣковаго аскетизма, то реформація брала подъ свою защиту свободу религіозной личности. Въ этомъ смыслѣ реформація была не только отрицаніемъ стараго, но и созданіемъ новаго и въ этомъ новомъ, какъ особенно хорошо показали новѣйшія изслѣдованія Макса Вебера, реформація имѣла то значеніе, что она выработала новое свое ученіе пониманія христіанства, которое считаетъ міровой трудъ исполненіемъ религіознаго долга. Лютеръ ввелъ въ нѣмецкій переводъ Библіи и въ нѣмецкій языкъ слово и понятіе „Beruf", т.е.такое свѣтское дѣло, которое человѣкъ долженъ исполнить не ради своихъ матеріальныхъ выгодъ и интересовъ, а какъ ре-

лигіозное служеніе и призваніе; и это своеобразное новое пониманіе мірской жизни, не какъ педагогическаго средства, а какъ самостоятельнаго дѣла, самостоятельнаго служенія, способствовало выработкѣ совершенно новыхъ чувствъ и новаго психологическаго типа. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣли реформатскія секты, которыя появлялись въ Англіи и на европейскомъ континентѣ: кальвинисты, пуритане, квакеры, методисты и другія секты, которыя дисциплину личности развивали въ высокой степени. Такимъ образомъ, рядомъ съ гуманистическимъ типомъ человѣка, создавался другой типъ свѣтскаго человѣка, полнаго сознанія хозяйственнаго долга. Такая личность вступала въ экономическую жизнь, вооруженная всей силой энергіи, которая въ средніе вѣка уходила въ аскетическій монастырскій подвигъ; создалась новая психическая атмосфера, въ которой и развивается народное хозяйство, промышленный капитализмъ. Въ этой атмосферѣ вырабатывается и новое понятіе государства, независимаго отъ церкви и свободнаго отъ римской опеки. Ему отводится самостоятельная роль, какъ посредника между личностью и человѣчествомъ и какъ средство для экономическаго воспитанія, экономическаго развитія націи, а черезъ это и средство вообще человѣческаго развитія.

Идея меркантилизма и государственности, о которой я буду говорить, разсматриваемая внѣшне, въ сущности кажется идеей международнаго людоѣдства, выражаемой языкомъ грубой физической силы, примѣняемой въ экономическихъ отношеніяхъ.

Но то содержаніе, которое сюда вкладывается пуританами и Ква-

керами, создавшими Новую Англію, характеризуется болѣе глубокимъ пониманіемъ историческихъ задачъ государства и служенія этому государству. Въ связи съ этимъ новымъ идейнымъ теченіемъ слѣдуетъ отмѣтить выступленіе ряда политическихъ мыслителей и писателей, которые тоже выражаютъ одну общую идею о самостоятельности и самостоятельной цѣнности мірского государства. Они становятся въ оппозицію къ папской теократіи, которая полагала, что хороши всѣ средства для торжества теократическихъ идей на землѣ. Она утверждаетъ сосредоточеніе свѣтской и духовной власти въ однѣхъ рукахъ, отстаивая теорію двухъ мечей, духовнаго и свѣтскаго врученныхъ земному намѣстнику Христа.

Уже Данте, который является одной стороной великимъ представителемъ средневѣкового міровоззрѣнія, всей душой предчувствуетъ другое время – протестуетъ противъ этой свѣтской власти папы и возвышаетъ идею свѣтскаго государства. Послѣ Данте явился политическій мыслитель менѣе религіозный, но болѣе смѣлый, явился Макіавелли, который въ своемъ сочиненіи „О князѣ" послѣдовательно развивалъ свою теорію о государствѣ, гдѣ для служенія государству считалъ удобными всякія средства, не смущаясь ни этическими, ни религіозными требованіями. Онъ воскресилъ греческую и римскую идею о государствѣ какъ о самодовлѣющемъ началѣ жизни.

Ту же идею, но иначе, выразилъ и Гоббесъ. У него государство это—„Левіаѳанъ", государственный организмъ, который беретъ на себя задачу устройства общественной жизни и прекращенія борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Поскольку эта идея противоположна идеѣ папской теократіи,

она тоже служитъ эмансипаціи жизни отъ средневѣковой теократической опеки и эмансипаціи мысли, которая проходитъ по различнымъ направленіямъ, сказывается въ различныхъ теченіяхъ мысли и жизни. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что и каноническое право, которое непосредственно стѣсняло католическое населеніе въ экономической жизни, хотя бы своимъ запрещеніемъ права взиманія процентовъ на капиталъ, ограничивается въ дѣйствіи, напр., это запрещеніе отчасти отмѣнено въ Англіи Елисаветой. Реформаторы Лютеръ и Кальвинъ, хотя въ принципѣ были противъ процента, но въ видѣ исключенія допустили взиманіе процентовъ. Слѣдовательно, доктрина сохраняла силу лишь на части прежней территоріи.

Мы должны остановить наше вниманіе на фактѣ образованія территоріально-народнаго хозяйства изъ государства городского, мѣстнаго. Это не могло совершиться безъ активнаго участія политической организаціи государственной власти. Народное хозяйство есть нѣчто слишкомъ сложное, чтобы можно было предоставить себѣ его на первыхъ порахъ развивающимся, говоря образно, не въ оранжереѣ, а подъ открытымъ воздухомъ. Этой оранжереей для народнаго хозяйства, для экономическаго объединенія человѣчества, и является государство. Для этого оно само должно было предварительно родиться на свѣтъ. Для этого нужно было, чтобы надъ центробѣжной силой государственнаго раздробленія восторжествовала сила центростремительная, объединяющая. Такія государства образуются въ Европѣ къ началу новаго времени это - Англія, Франція, Россія, отчасти Германія. Всѣ они стремятся стягиваться въ политическія территоріи, и когда это объединеніе происходитъ, то создается новый факторъ обще-историческаго и обще-эко-

номическаго прогресса,- именно центральная государственная власть. Это дѣйствіе государственной власти на экономическое развитіе сводится къ тому, что центральная власть ставитъ себѣ прямой задачей созданіе народнаго хозяйства, развитіе промышленности, вообще насажденіе новой экономической жизни. И эта политика называется въ исторіи не совсѣмъ точно меркантилистической. Поэтому, прежде всего, говоря о меркантилизмѣ, нужно устранить основное недоразумѣніе, что меркантилизмъ не есть ученіе отдѣльныхъ писателей, какъ его часто считаютъ, хотя онъ выражается и въ отдѣльныхъ ученіяхъ. Это есть прежде всего цѣлое историческое теченіе, рядъ историческихъ дѣйствій объединенныхъ одной общей цѣлью. Профессоръ Конъ дѣлаетъ такое опредѣленіе меркантилизма: „Такъ называемый меркантилизмъ въ дѣйствительности есть стремленіе европейскихъ государствъ съ среднихъ вѣковъ до 19 вѣка, поднимать свое народное хозяйство путемъ развитія производительныхъ силъ. Это является дѣломъ воспитанія и планомѣрныхъ воспитательныхъ средствъ, которыя въ такой же мѣрѣ требовали искусства государственнаго человѣка, какъ и созданія новѣйшаго государства."

Подобнымъ же образомъ характеризуетъ меркантилизмъ и другой историкъ хозяйственнаго быта, профессоръ Карлъ Бюхеръ: „Меркантильную систему долгое время считали теоретическимъ научнымъ построеніемъ, покоящемся на томъ основномъ положеніи, что богатство страны заключается въ суммѣ наличныхъ денегъ, находящейся въ ея предѣлахъ. Вѣроятно въ настоящее время этотъ взглядъ уже всѣми оставленъ. Меркантилизмъ не мертвая догма, а направленіе практической

дѣятельности всѣхъ выдающихся государственныхъ людей отъ Карла V до Фридриха Великаго. Типическимъ выраженіемъ меркантилизма явилась экономическая политика Кольбера.

Уничтоженіе или пониженіе внутреннихъ пошлинъ и пошлинъ подорожныхъ, введеніе единой системы пограничныхъ таможенъ, обезпеченіе снабженія страны необходимымъ сырьемъ и жизненными припасами путемъ затрудненія вывоза ихъ и введенія лѣсной регаліи, поощреніе крупной промышленности насажденіемъ новыхъ ея отраслей, поддержка ея со стороны государственной власти и техническая регламентація, а также охрана черезъ таможенно-полицейскія мѣропріятія отъ иноземной конкуренціи, устройство искусственныхъ дорогъ, каналовъ, морскихъ портовъ, попытка къ объединенію мѣръ и вѣсовъ; регулированіе торговаго права и торговой пересылки извѣстій, попеченіе о техникѣ, искусствѣ и наукахъ въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ самому государству; упорядоченіе государственнаго и коммунальнаго хозяйства; устраненіе неравенствъ въ податномъ обложеніи,- все это служило одной цѣли, созданію замкнутаго извнѣ государственнаго хозяйства, способнаго удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ членовъ національной работой и путемъ оживленнаго внутренняго обмѣна отдавать въ распоряженіе цѣлаго всѣ естественныя вспомогательныя средства страны и всѣ индивидуальныя силы народа."

Такъ вотъ что такое меркантилизмъ.

Въ смыслѣ хронологическомъ, меркантилизмъ, какъ государственное воздѣйствіе на промышленную жизнь, какъ извѣстная активная экономическая политика государства, простирается на рядъ столѣтій и ед-

ва ли и въ настоящее время мы можемъ считать эту эру законченной. Во всякомъ случаѣ господство его, въ узкомъ смыслѣ слова, продолжается съ XVI по начало XIX вѣка.

Меркантилизмъ, съ наступленіемъ извѣстнаго историческаго возраста, при наступленіи извѣстныхъ условій, наблюдается въ разныхъ государствахъ. Онъ наблюдается въ Англіи, начиная съ эпохи Елизаветы, въ Италіи—съ эпохи Медичи, въ Германіи—съ Карла У, въ Россіи, начиная съ Петра Великаго. Это историческое явленіе отражается и въ сознаніи современниковъ извѣстными ученіями, и вотъ эти ученія и опредѣляются какъ меркантилистическія въ узкомъ смыслѣ слова.

Прежде чѣмъ перейти къ отдѣльнымъ представителямъ меркантилизма, которыхъ вообще очень много, я изложу это ученіе въ видѣ положеній, выражающихъ тѣ общія и характерныя мнѣнія, которыя раздѣляются большинствомъ меркантилистическихъ дѣятелей, представителей меркантилистическаго настроенія и государственныхъ людей. Эти положенія слѣдующія: I)чѣмъ больше денегъ имѣетъ страна, тѣмъ больше ея богатство. Точка зрѣнія на богатство какъ на деньги, слѣдовательно, признаніе денегъ исключительной и какъ бы спеціальной формой богатства, является характернои чертой для всего меркантилистическаго міровоззрѣнія, и мы будемъ наблюдать ее въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни измѣнилась меркантилистическая доктрина, но это мнѣніе, что богатство есть деньги, сопровождаетъ ее повсемѣстно. Это мнѣніе кажется намъ теперь или страннымъ, или глупымъ, вѣдь и маленькому ребенку понятно, что деньгами нельзя питаться, нельзя одѣваться. Какъ извѣстно, Евгеній Онѣгинъ

безъ особаго углубленія въ политической экономіи усвоилъ: „почему

Не нужно золота ему (государству),

Когда простой продуктъ имѣетъ."

Такая иллюзія или аберрація со стороны цѣлаго поколѣнія явилась бы совершенно непонятной, если бы мы не приняли во вниманіе тотъ историческій моментъ, когда это мнѣніе высказывалось. Нужно сказать, что политическая экономія есть наука относительная, и всѣ ея истины относительны и то, что является вѣрнымъ, какъ характеристика положенія вещей въ одинъ историческій моментъ, то становится невѣрнымъ черезъ извѣстное время. Можно утверждать, что меркантилистическая эпоха, стремившаяся къ деньгамъ, была по своему права и что тогда, дѣйствительно, чѣмъ больше денегъ имѣла страна, тѣмъ больше было ея богатство. Напр., Англія не имѣетъ ни своихъ рудниковъ, ни своихъ естественныхъ источниковъ для добыванія благородныхъ металловъ. между тѣмъ роль денегъ въ мѣновомъ хозяйствѣ совершенно ясна и незамѣнима Хотя деньги - товаръ, но товаръ, служащій мѣновымъ эквивалентомъ покупающимъ всѣ другіе товары. Слѣдовательно, для того чтобы имѣть возможность развить шире и оплодотворить народное хозяйство, нужно имѣть извѣстное количество денегъ, пріобрѣтенныхъ сложнымъ путемъ обмѣна. Деньги являются первымъ средствомъ для развитія производительныхъ силъ страны.

Я остановился на характеристикѣ меркантилизма, на перечисленіи основныхъ положеній, къ которымъ сводятся принципы меркантилистической политики. Первое положеніе сводится къ тому, что чѣмъ больше денегъ имѣетъ страна, тѣмъ больше ея богатство. Я указывалъ

относительное историческое оправданіе ея, относительную вѣрность ея положенія, которое заключается въ томъ, что для широкаго развитія мѣнового и капиталистическаго хозяйства необходимъ капиталъ въ денежной формѣ т.е. необходимо извѣстное количество денегъ въ странѣ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ своихъ рудниковъ не имѣется или не имѣется въ достаточномъ количествѣ добываемыхъ внутри страны металловъ, ставится на очередь вопросъ о привлеченіи денегъ или металловъ изъ чужихъ странъ. А такъ какъ, кромѣ колоніальной политики, мирнымъ способомъ ихъ привлеченія является только торговля, то очевидно, что внѣшняя торговля съ заграницей оказывается естественнымъ средствомъ исполненія этого правила меркантилистической мудрости. Отсюда и проистекаетъ извѣстное стремленіе меркантилистической политики привлекать деньги въ страну. Это направленіе мысли получило классическое выраженіе, отлилось въ лапидарную форму въ отвѣтѣ лондонскихъ купцовъ, лондонскаго Сити, данномъ королю Ричарду II, когда онъ спросилъ ихъ, что потребно для народнаго благосостоянія. Они отвѣчали: „Мы должны стараться покупать у иностранцевъ менѣе, чѣмъ продавать." Средства для привлеченія и удержанія денегъ были различны, и та самая Англія, которая раньше другихъ странъ вступила на путь меркантализма, и выработала первые для того пріемы, самые грубые и наивные. Признавая задачей этой политики - удержаніе денегъ въ странѣ, Англія въ раннюю пору своей экономической исторіи XIV. XV. XVI вѣк. понимала эту задачу въ смыслѣ буквальномъ, почти физическомъ. Англія принимала цѣлый рядъ мѣръ, чтобы деньги попавшія въ страну, изъ нея не выпускались. Такъ была организована внѣшняя торговля Англіи съ кон-

тинентомъ для того, чтобы деньги, которыя получали англійскіе купцы за товаръ, не попадали въ карманъ чужихъ странъ и были израсходованы тутъ же и чтобы ихъ не миновала королевская пошлина, были устроены особыя складныя мѣста, гдѣ производилась торговля На континентѣ эти складочныя мѣста были, напр въ Шампаньи, Антверпенѣ и Брюгѣ. Въ этихъ-то складочныхъ мѣстахъ была сосредоточена торговля и здѣсь подвергнута надзору. Каждому купцу несбходимо было ѣздить въ эти складочныя мѣста, гдѣ каждую копейку высчитывали въ заботѣ о томъ, чтобы она не ушла за границу. Еще болѣе грубымъ средствомъ являлось учрежденіе монетнаго двора и института королевскихъ мѣнялъ. По средневѣковымъ понятіямъ монета не является естественной цѣнностью, а цѣна ея опредѣляется тѣмъ, что на ней написано. Право выпускать монету было прерогативой королевской власти, которая могла выпускать монету, не сообразуясь съ ея естественной цѣнностью. Если пріѣзжалъ иностранецъ и привозилъ съ собой монету своей страны, то озабочивались тѣмъ, чтобы онъ эти деньги оставилъ въ странѣ, а для этого онъ долженъ былъ ихъ размѣнять на мѣстныя деньги. Этотъ законъ былъ не къ выгодѣ иностранцевъ, потому что имъ приходилось за свои деньги брать такое количество англійскихъ, какое имъ давали. Вслѣдствіе этой операціи создавалась возможность контролировать суммы денегъ и удерживать ихъ въ странѣ. Затѣмъ еще болѣе грубымъ, средневѣковымъ средствомъ былъ статутъ „истраченія". Согласно этому статуту каждый купецъ или иностранецъ который попадалъ въ Англію съ извѣстной суммой денегъ, обязывался ихъ истратить на мѣстные товары. Для того чтобы купецъ исполнилъ требованіе этого статута, къ нему былъ приставляемъ особый

надсмотрщикъ, хозяинъ, впослѣдствіи замѣненный особымъ чиновникомъ, сыщикомъ, который ходилъ за нимъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы онъ истратилъ деньги на покупку англійскихъ товаровъ. Это - самый примитивный способъ удержанія въ странѣ денегъ.

Вторымъ положеніемъ меркантилистической политики является то, что источникъ сбогащенія благородными металлами есть внѣшняя торговля. Это положеніе находится въ связи съ характеромъ тѣхъ странъ, которыя вступили на путь меркантилистической политики и не имѣли своихъ рудниковъ. Онѣ могли сдѣлаться богатѣйшими странами лишь посредствомъ внѣшней торговли. Кромѣ того, здѣсь заключается и другая мысль. Когда начинается мѣновое хозяйство, а страна въ своемъ большинствѣ ведетъ еще хозяиство натуральное, чуждое обмѣну, тогда это мѣновое хозяйство сосредоточивается лишь на верхахъ; въ то же время мѣновое хозяйство нуждается въ расширеніи обмѣна, а такъ какъ достаточнаго рынка не находится въ самой странѣ внутри ея, то естественно, что она вынуждена прибѣгнуть къ торговлѣ внѣшней. Въ связи съ этимъ находится общеизвѣстный фактъ изъ исторіи капиталистическихъ странъ, что въ началѣ капиталистическаго развитія внѣшній рынокъ имѣетъ непропорціонально большое значеніе и лишь впослѣдствіи онъ его теряетъ, благодаря развитію внутренняго рынка.

Если искать параллели въ русской жизни, то здѣсь можно найти весьма близкое ученіе, находящееся въ связи съ этими меркантилистическими идеями. Именно въ началѣ 90-ыхъ годовъ, когда только впервые выступало такъ называвшееся неомарксическое теченіе въ русской экономической мысли, когда входило въ мысль пониманіе эконо-

мическаго развитія Россіи, какъ процесса капиталистическаго, стри-
давшагося господствовавшими раньше народническими понятіями, то
однимъ изъ пунктовъ пререканій былъ слѣдующій: Николай -онъ и Во-
ронцовъ учили, что развитія капитализма въ Россіи не можетъ быть,
потому что капитализмъ нуждается во внѣшнемъ рынкѣ, а внѣшняго рын-
ка Россія завоевать не можетъ. Противная сторона была другого мнѣ-
нія, именно, что капитализмъ можетъ существовать и внутреннимъ рын-
комъ; въ сущности обѣ стороны были по своему правы, потому что, ес-
ли разсматривать дѣло въ историческихъ перспективахъ, то по мѣрѣ то-
го, какъ натуральное хозяйство уступаетъ мѣсто мѣновому, развивает-
ся и создается внутренній рынокъ, начальныя же стадіи мѣнового хо-
зяйства нуждаются во внѣшнемъ рынкѣ или искусственно создаваемомъ
сбытѣ.

Третьимъ положеніемъ меркантилистической доктрины будетъ то,
что внѣшняя торговля является наиболѣе выгодной, если обмѣнъ соб-
ственныхъ продуктовъ на продукты чужихъ странъ производится черезъ
посредство собственныхъ купцовъ,—а въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло
идетъ о морской торговлѣ,—на собственныхъ торговыхъ корабляхъ. Это
положеніе довольно ясно: оно является слѣдствіемъ желанія удержать
торговую прибыль, которую пришлось бы платить, если бы торговля на-
ходилась въ чужихъ рукахъ. Въ Англіи историческимъ памятникомъ мер-
кантилистической политики остаются навигаціонные законы, составлен-
ные Кромвелемъ и затѣмъ измѣненные нѣсколько разъ въ болѣе позднюю
эпоху. Это навигаціонные законы, которые даже Адамъ Смитъ, привер-
женецъ свободной торговли, считаетъ мѣропріятіемъ мудрымъ и полез-

нимъ и которые въ исторіи Англіи играли вообще очень большую роль, такъ какъ привели къ столкновенію съ С.А.Соединенными Штатами и къ отложенію ихъ. Законъ этотъ сводится къ слѣдующему:

1) никакіе товары не могли вывозимы и привозимы изъ британскихъ колоній иначе, какъ англичанами или на англійскихъ или колоніальныхъ судахъ;

2) ни одно лицо, которое не состоитъ англійскимъ подданнымъ, не можетъ быть купцомъ и мануфактуристомъ въ этихъ колоніяхъ;

3) всякій колоніальный чиновникъ долженъ дать клятву, что онъ будетъ наблюдать надъ исполненіемъ этихъ постановленій;

4) никакіе товары не могутъ быть ввозимы въ Англію иначе, какъ на своихъ корабляхъ;

5) никакіе колоніальные продукты не должны быть вывозимы въ иное мѣсто, какъ въ Англію.

Этотъ актъ былъ изданъ для колоній, но имѣлъ значеніе и для всемірной торговли. Мѣновая торговля играла тогда гораздо болѣе значительную роль, нежели теперь.

Слѣдующимъ положеніемъ меркантилизма, особенно характеризующимъ его съ теоретической точки зрѣнія, является такое: богатство растетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе продается за-границу и чѣмъ менѣе покупается у Заграницы. Разница между суммою, на которую продается и суммою, на которую покупается, должна выплачиваться наличными деньгами. Международная торговля уподобляется вѣсамъ или балансу; ввозъ и вывозъ подобны чашкамъ вѣсовъ, и перевѣсомъ какой-либо изъ нихъ опредѣляется, проникаетъ ли золото въ страну и, слѣдовательно,

страна богатѣетъ, или же золото уходитъ и страна бѣднѣетъ. Задача внѣшней торговли - поддержать благопріятный балансъ, и ею проникнута не только меркантилистическая политика, но и вообще политика международнаго хозяйства. Въ развитіи меркантилистической мысли эта общая задача относительно того, какъ создать внѣшнюю торговлю наиболѣе благопріятную для денежнаго баланса страны, прошла нѣсколько стадій. Она понималась то болѣе узко, то болѣе широко. Самое узкое понятіе сводится къ тому, чтобы не пускать денегъ изъ страны, запирать ихъ въ кошелекъ и подальше прятать. Для этого были приноровлены такія особыя мѣры, какъ институтъ мѣнялъ, складочныя мѣста, къ этому была приноровлена и вся торговая практика. Это - самая ранняя стадія меркантилизма XI - XVI вѣковъ. Но затѣмъ развитіе хозяйственныхъ отношеній и экономической мысли привело къ тому сознанію, что вопросъ былъ слишкомъ узко поставленъ потому, что не самый выгодный способъ употребленія денегъ есть прятать деньги въ кошелекъ. Стали отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что вывозить за границу деньги выгоднѣе, чѣмъ оставлять ихъ у себя. Вмѣсто денежнаго баланса появился торговый балансъ. Онъ понимаетъ ту же самую задачу благопріятнаго баланса технически гораздо шире, т.е. уже не какъ удержаніе денегъ, а какъ извлеченіе ихъ изъ международной торговли, - это идея торговаго баланса.

Въ настоящее время политическая экономія и вообще раціональное международное хозяйство не отказались отъ идеи торговаго баланса, а только еще болѣе расширили ее въ идею платежнаго баланса. Такимъ образомъ понимаются отношенія странъ торгующихъ. Если платежный балансъ

благопріятенъ, то торговый балансъ можетъ быть неблагопріятенъ, но страна тѣмъ не менѣе выигрываетъ.

Въ настоящее время Англія имѣетъ благопріятный платежный балансъ и неблагопріятный торговый и въ то же время представляетъ изъ себя одну изъ самыхъ богатыхъ странъ.

Въ всякомъ случаѣ тѣ заботы, которыя ставили себѣ меркантилисты, вообще проистекаютъ изъ мѣнового хозяйства, изъ международнаго обмѣна и получаютъ различныя формулировки въ зависимости отъ политическихъ условій. Въ настоящее время въ Россіи эта забота представляетъ собой одну изъ самыхъ основныхъ пружинъ, движущихъ нашу финансовую, экономическую и торговую политику. Россія должна поддерживать благопріятный торговый балансъ, т.е. должна больше вывозить, чѣмъ ввозить. Средство, къ которому она для этого прибѣгаетъ, - это покровительство идеямъ меркантилизма. Въ этомъ отношеніи идеи меркантилизма, въ связи съ развитіемъ народнаго хозяйства, остаются въ силѣ и по настоящее время, только мы уже отказались отъ того узкаго пониманія этой задачи, которое было свойственно ранней эпохѣ и объяснялось болѣе простыми историческими обстоятельствами.

Слѣдующимъ стремленіемъ меркантилистической политики является созданіе многосторонняго народнаго хозяйства, другими словами, созданіе промышленности: чѣмъ больше занятій, чѣмъ больше возможности найти заработокъ, тѣмъ лучше положеніе всего населенія. Этимъ положеніемъ опредѣляется дѣятельность всѣхъ выдающихся политиковъ меркантилизма. Имъ руководился Кольберъ, когда насаждалъ

во Франціи промышленность за счетъ земледѣлія, этимъ же руководился Фридрихъ Великій въ Германіи, этимъ же руководились англійскіе политики и Петръ Великій въ Россіи.

Политика министерства Витте, насаждавшаго насильственными мѣрами государственную промышленность, есть то же, что въ исторіи политической экономіи носитъ названіе меркантилизма, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ и новыхъ формахъ, почему ее слѣдуетъ называть неомеркантилизмомъ. Такъ какъ развитіе народнаго хозяйства связано съ ростомъ населенія, т.е. оно, съ одной стороны, создаетъ этотъ ростъ, а съ другой-обусловливается этимъ ростомъ, то отсюда понятно, что меркантилистическая политика включила въ свою задачу и заботу объ увеличеніи населенія. Меркантилисты жили въ такую историческую эпоху, когда считали возможнымъ опасаться недостаточнаго народонаселенія, а не избытка населенія, не перенаселенія, какъ это обнаружилось въ XIX вѣкѣ. Въ этомъ смыслѣ они были, въ противоположность Мальтусу, оптимистами и потому общее пониманіе меркантилистами проблемы населенія можетъ быть выражено такъ, „чѣмъ больше населеніе страны, тѣмъ больше ея хозяйственное процвѣтаніе

Слѣдующее положеніе меркантилизма такое: на предметахъ вывоза получается больше прибыли въ томъ случаѣ, если они состоятъ изъ переработанныхъ продуктовъ, а не сырья. Отсюда вытекаетъ, что переработка собственныхъ матеріаловъ внутри страны гораздо цѣлесообразнѣе, нежели отправка ихъ сырьемъ за границу для того, чтобы они въ видѣ товаровъ возвращались снова внутрь страны. Это положеніе, которому меркантилизмъ особенно придавалъ значеніе, которое

является вѣрнымъ и для настоящаго времени, характеризуетъ народное хозяйство любой страны. Если есть возможность перерабатывать сырье въ своей странѣ, то убыточно пересылать его за границу. Яркій примѣръ этого мы видимъ въ Остъ-Индіи. Остъ-Индія благодаря своей зависимости отъ Англіи, принуждена свой хлопокъ посылать въ Англію, а изъ Англіи получать бумажныя ткани. Насколько это выгодно для Англіи, настолько же невыгодно для Остъ-Индіи и если Остъ-Индія нарушаетъ правила меркантилистической мудрости, то потому только, что не въ состояніи ихъ осуществить.

Если вообще такую роль играетъ забота о внѣшней торговлѣ и внѣшнемъ рынкѣ, то сами собой выдвигаются чисто политическія задачи, состоящія, какъ видно на только что указанномъ примѣрѣ Англіи и Остъ-Индіи, въ установленіи отношеній политической зависимости между странами въ стремленіи превращенія чужеземной страны въ колонію, въ развитіи колоній. Наиболѣе выгодной является торговля съ такой страной, которая не располагаетъ политическимъ вліяніемъ или, подобно колоніямъ, находится въ положеніи зависимости отъ сосѣдней страны. Это правило меркантилизма было создано въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ, когда началъ развиваться капитализмъ, когда была открыта Америка, когда былъ проложенъ морской путь въ Остъ-Индію, когда получилась возможность пріобрѣтенія колоній и открылось поле дѣйствія для колоніальной политики, т.е. расширенія своей территоріи за счетъ земель отдаленныхъ и чужеземныхъ. Это правило представляетъ собой нѣчто не только прошедшее и изжитое въ исторіи но продолжающееся и до

нашихъ дней. И въ настоящее время народно-хозяйственное, экономическое развитіе еще не вышло изъ того состоянія, въ которое оно вошло при переходѣ къ новому времени, и которое выразилось въ этомъ правилѣ меркантилистической политики. Всѣмъ извѣстно, какую роль и теперь играютъ колоніальные интересы, колоніальныя войны, особенно послѣ русско-японской войны, ярко иллюстрирующей собою эту колоніальную политику.

Слѣдующимъ положеніемъ политики меркантилизма является признаніе цѣлесообразности и необходимости вмѣшательства государства въ экономическія отношенія въ цѣляхъ національныхъ и общегосударственныхъ интересовъ. Лишь гласмѣрное вмѣшательство государства придаетъ торговлѣ такое состояніе, въ какомъ она приноситъ странѣ наибольшую пользу, и не только торговлѣ, но и промышленности. Вмѣстѣ съ созданіемъ новаго государства, вмѣстѣ съ появленіемъ крѣпкой государственной власти, сознающей свою силу, явилась мысль, что эта власть имѣетъ не только политическія, но и экономическія задачи, что она должна быть творческимъ могуществомъ и живительной энергіей не только въ области чисто государственной, но и соціальной и общественной. Эта общая идея сближаетъ меркантилизмъ, какъ это ни странно, съ соціализмомъ, сближаетъ эпоху зарожденія капитализма съ эпохой его зрѣлости и, быть можетъ, начинающагося упадка. Но эта общая мысль, что государство призвано регулировать экономическія отношенія, которая выразилась и въ рядѣ утопій, конкретно принимаетъ самыя различныя формы. Въ началѣ той эпохи, о

которой идетъ рѣчь, меркантилистическая политика приняла форму, мало способную расположить къ себѣ; именно форму мелочного полицейско-государственнаго контроля надъ разными сторонами экономической жизни. Государство регламентируетъ производство со всевозможныхъ сторонъ. Въ настоящее время существуетъ фабричное законодательство, посредствомъ котораго государство вмѣшивается въ отношенія производителей и потребителей. Тогда такого законодательства не было, но существовалъ рядъ законовъ, которые опредѣляли отношенія работодателей и рабочихъ, устанавливали заработную плату, продолжительность рабочаго дня, качество продукта, его количество, въ извѣстныхъ случаяхъ его цѣну и т.д. Въ Англіи, напр., закономъ было установлено, какое сословіе какой костюмъ можетъ носить; былъ изданъ рядъ законовъ о роскоши, подъ страхомъ наказанія преслѣдовая ихъ роскошь; затѣмъ государство запрещало вывозить шерсть, въ позднѣйшее время запрещалось вывозить машины, обученныхъ рабочихъ и такъ далѣе.

Однимъ словомъ, была введена въ жизнь очень обременительная, мелочная и многосторонняя опека государства надъ экономической жизнью, и меркантилизмъ тамъ больше всего исполнилъ свою воспитательную миссію, культивируя внутреннюю промышленность. Несомнѣнно, эти мѣры были цѣлесообразны и явились какъ бы оранжереей, въ которой могло расти молодое растеніе,- развивавшійся капитализмъ.

Наконецъ, послѣднее общее положеніе, которое даетъ меркантилистическая доктрина, это то, что перевѣсомъ въ торговлѣ и промышленности усиливается и политическій перевѣсъ, что экономическая сила

лежитъ въ основѣ политическаго вліянія государства.

Вотъ въ краткихъ и общихъ чертахъ то, что представляетъ собой такъ называемый меркантилизмъ, какъ совокупность мѣропріятій принимаемыхъ въ извѣстную политическую эпоху государственной властью разныхъ странъ.

Какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ, развитіе меркантилизма представлено весьма обширно. Въ каждой европейской странѣ насчитывается цѣлый рядъ выдающихся представителей экономической науки, которыхъ можно причислить къ меркантилизму. Какъ я указалъ, съ эпохи меркантилизма начинается политико-экономическая литература въ собственномъ смыслѣ слова, т.е. начинается тотъ потокъ монографій, посвященныхъ общимъ и частнымъ вопросамъ экономической жизни, который съ тѣхъ поръ все увеличивается и расширяется. Трактаты о деньгахъ, торговлѣ, промышленности, земледѣліи, о разныхъ сторонахъ хозяйственной жизни изъ подъ пера меркантилистовъ появляются уже въ весьма большомъ количествѣ, поэтому въ своемъ изложеніи, для того, чтобы познакомить васъ съ духомъ и характеромъ этой литературы, приходится дѣлать выборъ и остановиться на нѣсколькихъ наиболѣе яркихъ представителяхъ англійскаго меркантилизма, какъ на наиболѣе раннихъ, съ одной стороны, съ другой стороны-на представителѣ нашего русскаго меркантилизма, Иванѣ Посошковѣ.

В. Англіи видным писателем XVI вѣка является Вильямъ Стаффордъ выступившій подъ псевдонимомъ начальныхъ буквъ своего имени, что далo повод связать его имя съ именем Вильяма Шекспира и приписать этотъ памфлетъ великому драматургу.

Произведеніе его написано въ видѣ діалога, на манеръ Томаса Мора, что было распространенной формой въ литературѣ того времени, но по содержанію отъ Мора отличается: оно болѣе практично и болѣе уз-
1. Бесѣдуютъ четыре лица: рыцарь, фермеръ, купецъ и докторъ теологіи, которому въ спорахъ принадлежитъ рѣшающій голосъ, и за которымъ скрывается самъ авторъ. Всѣ жалуются на тяжелыя времена, каждый по своему, при чемъ общій мотивъ жалобъ состоитъ въ упадкѣ цѣнности денегъ, ибо приливъ металловъ произвелъ революцію цѣнъ. Рыцарь жалуется на дороговизну товаровъ, за которые приходится платить гораздо больше, чѣмъ раньше. Фермеръ-земледѣлецъ жалуется на крайнее возвышеніе ренты и на огораживанія, на которыя жалуется и Моръ въ своей „Утопіи". Купецъ жалуется на общее повышеніе заработной платы, которая настигаетъ представителей капитала. Это - отдѣльныя жалобы. Затѣмъ, что касается общихъ вопросовъ, то Стаффордъ останавливается на томъ, что иностранный купецъ, являясь въ Англію, вывозитъ англійскія монеты, а это представляетъ собою самостоятельное народнохозяйственное зло. Онъ съ негодованіемъ относится къ развитію роскоши, вслѣдствіе чего англичане покупаютъ множество совершенныхъ пустяковъ, за которые приходится платить большія деньги. Затѣмъ его огорчаетъ то обстоятельство, что позволяютъ вывозить за границу матеріалы для мануфактуры, которые, отдѣлавши, иностранцы снова ввозятъ въ Англію, перепродавая по дорогой цѣнѣ. „Долго ли мы будемъ -говоритъ онъ,- оставаться такими глупцами, чтобы видѣть и терпѣть этотъ постоянный грабежъ нашего добра и нашихъ сокровищъ?" Средствомъ для того, чтобы эти матеріалы перерабаты-

вались въ странѣ, средствомъ къ развитію внутренней промышленно - сти онъ видитъ, что естественно для меркантилиста, въ таможенныхъ пошлинахъ. „Однажды,- говоритъ онъ,- я спросилъ книгопродавца, почему бѣлая и сѣрая бумага не дѣлаются у насъ такъ же, какъ за моремъ? На это и получилъ слѣдующій отвѣтъ. нѣсколько времени тому назадъ одинъ человѣкъ началъ выдѣлывать бумагу, но скоро закрылъ фабрику ибо увидѣлъ, что не можетъ ее теперь дѣлать такъ дешево, какъ за границей. Но я увѣренъ, прибавилъ книгопродавецъ, что если бы ввозъ иностранной бумаги былъ бы запрещенъ или даже обложенъ болѣе высокой пошлиной, то скоро у насъ начали бы дѣлать бумагу дешевле иностранной." Вотъ вамъ его идеалъ: высокія пошлины, которыя дѣлаютъ чудеса.

Однако Стаффордъ это покровительство считаетъ не для всей промышленности одинаково полезнымъ. Онъ раздѣляетъ всѣхъ промышленниковъ на три класса: „нѣкоторые изъ нихъ только удаляютъ деньги изъ страны; сюда принадлежатъ торговцы колоніальными товарами, виноторговцы, модистки и т.п.; ко второму классу принадлежатъ промышленники, которые полученныя въ странѣ деньги въ ней же и тратятъ (портные, мясники, булочники), и, наконецъ, къ третьему разряду принадлежатъ фабриканты матерій и лица, обрабатывающія кожи и шерсть, которые вывозятъ деньги изъ за границы и привлекаютъ, слѣдовательно, сокровища въ страну. Этотъ третій разрядъ промышленниковъ и заслуживаетъ особаго покровительства и попеченія."

О томъ, какъ Стаффордъ широко, можно сказать, съ прямолинейностью понимаетъ возможность вмѣшательства государства въ эконо-

мическія отношенія, лучше всего показываетъ слѣдующій случай, разсказанный имъ въ своемъ памфлетѣ: „я желалъ бы,- разсказываетъ онъ,- чтобы мы послѣдовали примѣру одного приморскаго городка въ Валлисѣ, Кармертена. Когда разъ туда прибыло съ грузомъ яблокъ судно, которое до тѣхъ поръ привозило хорошій хлѣбъ, то городскія власти приказали, чтобы никто не покупалъ этихъ яблокъ подъ страхомъ большой пени. Судно долго стояло въ гавани; яблоки начали гнить, и, наконецъ, владѣлецъ его обратился къ властямъ за объясненіемъ: почему запрещено жителямъ покупать привезенные имъ фрукты. Ему отвѣчали, что вѣдь онъ пріѣхалъ покупать лучшіе товары города, какъ то: шерсть, фризъ и шерстяныя матеріи, между тѣмъ, какъ для продажи у него былъ такой пустой товаръ, какъ яблоки, которыхъ грузъ былъ бы уничтоженъ въ одну недѣлю. Пусть онъ привезетъ, какъ онъ это прежде дѣлалъ, солодъ или хлѣбъ, въ которыхъ страна дѣйствительно имѣетъ нужду, и тогда его просятъ пожаловать во всякое время, и онъ получитъ въ городѣ право свободной купли и продажи." Этотъ случай онъ считаетъ не только весьма типичнымъ, но и рекомендуетъ его своему отечеству для подражанія. Вообще, онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ развитія промышленности по сравненію съ земледѣліемъ и возражаетъ тѣмъ, которые не соглашаются съ нимъ: „нѣкоторые утверждаютъ, что лучше было бы, если вмѣсто того, чтобы съ невыгодой заниматься промышленностью, ремесленники занялись обработкой земли; но спрашивается, чѣмъ же будетъ жить весь этотъ лишній народъ, когда и теперешніе земледѣльцы едва добываютъ хлѣбъ для своего существованія."

Главный же и рѣшающій аргументъ, который выставляется имъ въ пользу развитія промышленности, тотъ, что она приноситъ въ страну деньги, которыя являются непосредственнымъ и единственнымъ богатствомъ.

Такова первоначальная система меркантилистической политической экономіи, которую мы видимъ у Стаффорда.

Дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ меркантилистическихъ писателей на протяженіи XVI, XVII, XVIII вѣковъ, общій характеръ которыхъ заключается въ томъ, что они постепенно смягчаютъ рѣзкость и односторонность меркантилистической доктрины. Система денежнаго баланса дѣлаетъ уже значительный шагъ въ эту сторону въ лицѣ Эдуарда Миссельдена, трактующаго вопросъ о свободѣ торговли и монополіи. У него деньги являются не только цѣлью, но и средствомъ торговой политики. Въ зависимости отъ торговли стоятъ всѣ остальныя стороны хозяйства. Вотъ что говоритъ онъ: „когда торговля процвѣтаетъ, королевскій доходъ увеличивается, земли и ренты улучшаются, судоходство увеличивается, и бѣдный людъ находитъ работу. Съ упадкомъ же торговли все это падаетъ."

Относительно свободы этой торговли и степени ея регламентаціи онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что, хотя отношенія свободной торговли цѣлесообразны и допустимы, но можно принять за общее правило, что только такое ограниченіе дозволительно, которое вознаграждается общественной пользой, хотя и самъ онъ осмѣиваетъ простодушнаго Стаффорда, восхищающагося практикой города Кармертена; онъ постоянно выставляетъ принципъ, что государство имѣетъ право

нарушать интересы отдѣльныхъ лицъ, если это соотвѣтствуетъ общему благу. Въ полемику съ нимъ вступилъ Малейнесъ, который въ 1701 году издалъ книгу „О ракѣ, разъѣдающемъ англійское государство", посвященную изслѣдованію современнаго положенія Англіи. „Государь,- говоритъ онъ,- не долженъ терпѣть перевѣса баланса въ торговлѣ на сторонѣ иностранныхъ продуктовъ сравнительно съ своими, туземными или, говоря иначе, не долженъ покупать больше, чѣмъ продавать. Богатство страны можетъ уменьшаться тремя путями: 1) вывозомъ денегъ 2) продажей туземныхъ товаровъ слишкомъ дешево и 3) покупкой иностранныхъ товаровъ слишкомъ дорого."

Слѣдующій шагъ впередъ, въ сторону освобожденія отъ узости доктрины денежнаго баланса меркантилистической системы дѣлается въ 2-хъ сочиненіяхъ Томаса Мена. Первое изъ нихъ издано въ 1600 году, второе же лишь послѣ смерти автора, въ 1664 году. Воззрѣніе Мена выражается такъ во второй главѣ его трактата „О богатствѣ Англіи черезъ иностранную торговлю":- „обыкновенное средство,- говоритъ онъ,- къ увеличенію нашего богатства и нашихъ сокровищъ есть иностранная торговля, въ которой мы всегда должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцамъ своихъ товаровъ на большую сумму, чѣмъ мы потребляемъ ихъ товаровъ. Поэтому предположимъ, что наше королевство имѣетъ въ избыткѣ сукно, олово, свинецъ, желѣзо и другіе мѣстные продукты, и мы ежегодно вывозимъ этотъ избытокъ въ чужія страны на сумму 22 сотни тысячъ фунтовъ. Черезъ это мы получаемъ возможность купить за моремъ иностранныхъ товаровъ для нашего потребленія, положимъ на 20 сотенъ тысячъ, и тогда королевство дѣлаетъ

ся богаче въ одинъ годъ на остальныя двѣ сотни тысячъ фунтовъ, которыя должны быть возвращены домой не иначе, какъ деньгами."

Слѣдовательно, этотъ писатель понимаетъ отношенія системы торговаго баланса уже какъ результатъ торговыхъ отношеній между двумя странами. Относительно денегъ и торговли и ихъ взаимныхъ отношеній онъ высказываетъ такое мнѣніе: „деньги создаютъ торговлю, и торговля увеличиваетъ деньги,- таково ея положеніе. Поэтому, чѣмъ больше денегъ пускать въ оборотъ, тѣмъ лучше. Если, пріобрѣтая нѣкоторое количество денегъ черезъ торговлю, мы и рѣшимся сохранить ихъ въ государствѣ, то заставитъ ли это и другія націи потреблять нашихъ товаровъ больше, чѣмъ прежде, и наша торговля оживится ли и расширится? Конечно нѣтъ. Такого благого дѣйствія не произойдетъ; скорѣй даже можно ожидать противнаго, потому что всѣ согласятся, что изобиліе денегъ въ странѣ дѣлаетъ иностранные продукты дороже для иностранцевъ, которые и перестаютъ ихъ потреблять." Въ приведенномъ мнѣніи видна уже вполнѣ сознательная идея торговаго баланса, авторъ возражаетъ противъ прятанія денегъ въ кубышку и высказывается за употребленіе ихъ въ торговлѣ: „деньги, которыя приносятся въ королевство посредствомъ баланса нашей иностранной торговли, суть единственныя деньги, которыя остаются при насъ, и черезъ которыя мы обогащаемся. Какъ много богатства ввозится или вывозится изъ страны, такъ много перевѣшиваетъ торговый балансъ въ нашу или чужую пользу. И все это должно происходить необходимо и неотвратимо вчѣ всякой возможность измѣненія: всѣ другіе пути и направленія усилить притокъ денегъ въ королевство можетъ быть и произведутъ это, но только на время.

и въ концѣ концовъ, окажутся не только полезными, но даже и вредными. Они подобны сильнымъ потокамъ, которые иногда вдругъ заливаютъ свои берега, но такъ же внезапно оставляютъ ихъ сухими по недостатку воды."

Такимъ образомъ въ Менѣ мы имѣемъ уже законченное и сложившееся ученіе о торговомъ балансѣ второй формѣ меркантилистической доктрины.

ПОСТЕПЕННОЕ СМЯГЧЕНІЕ МЕРКАНТИЛИЗМА И ПЕРЕХОДЪ КЪ УЧЕНІЮ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛѢ ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПЕРЕХОДА. ПОСОШКОВЪ И ЕГО ТРУДЪ „О СКУДОСТИ И БОГАТСТВѢ."

Слѣдующимъ шагомъ въ освобожденіи отъ этой доктрины и вообще въ развитіи экономической мысли будетъ уже переходъ къ болѣе широкимъ понятіямъ экономическихъ отношеній, гдѣ допускается свободная торговля между государствами. Этотъ шагъ дѣлаетъ писатель начала XVIII вѣка, Дедлей Нортъ, который окончательно уже освобождается отъ многихъ односторонностей меркантилистическихъ доктринъ. Прежде всего онъ въ своихъ „Разсужденіяхъ о деньгахъ" указываетъ дѣйствительную роль денегъ и тѣмъ самымъ уничтожаетъ ту исключительную цѣнку ихъ, какъ богатства по преимуществу, какъ единственной и непосредственной формы богатства, которая лежитъ въ основаніи доктрины меркантилизма: „деньги,-говоритъ онъ,- суть ничто иное, какъ вѣсы и мѣры, которыми торговля болѣе удобно ведется, чѣмъ это было бы безъ нихъ. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что націи, которыя очень бѣд-

ны, употребляютъ въ началѣ ихъ торговли вмѣсто монеты что-нибудь иное. Такъ, Швеція употребляетъ мѣдь, нѣкоторыя колоніи - сахаръ и табакъ. Какъ только ихъ богатство увеличивается, онѣ переходятъ къ употребленію золота и серебра. Итакъ, благородные металлы выбраны для денегъ, потому что представляютъ больше удобствъ. Дальше онъ говоритъ, что "такъ какъ обмѣнъ представляетъ много техническихъ неудобствъ, то деньги и получили форму монеты.... Но деньги, служа мѣрой для обмѣна, въ то же время и сами составляютъ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе, и въ нихъ также можетъ быть недостатокъ и изобиліе. Въ этомъ случаѣ деньги берутся тамъ, гдѣ ихъ много, отвозятся съ хорошимъ барышемъ туда, гдѣ ихъ мало, и гдѣ желаютъ ихъ получить, какъ и всякій другой товаръ. Такъ поступаетъ дѣятельная и благоразумная нація; другая политика тутъ не можетъ пособить, кромѣ той, которая благопріятствуетъ увеличенію торговли и богатства. Это положеніе, какъ оно ни просто, однако рѣдко понимается большинствомъ человѣчества: до сихъ поръ стараются удержать въ своей странѣ золото и серебро, разсчитывая черезъ это немедленно разбогатѣть, что составляетъ, однако, глубокую ошибку и всегда служило препятствіемъ къ возрастанію богатства многихъ странъ." Въ Дедлеѣ Нортѣ, слѣдовательно, меркантилистическая доктрина о деньгахъ, какъ о богатствѣ, находитъ уже рѣшительнаго своего противника. Онъ сознаетъ ту односторонность, тѣ внутреннія противорѣчія, которыя она въ себѣ заключаетъ. Относительно государства онъ высказываетъ также болѣе смѣлые и широкіе принципы. Онъ сознаетъ, что хотя народное хозяйство представляетъ изъ себя до извѣстной степени самостоятельное цѣлое, но оно есть въ

то же время часть международной организаціи. Онъ утверждаетъ, что "весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи -все равно, какъ индивиды одного народа; что потеря торговли одной націи составляетъ несчастіе не для нея одной, но и для всего свѣта. ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ. Что не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо если бы таковая оказалась, люди ее оставили бы, а гдѣ торговцы преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго часть они составляютъ, также преуспѣваетъ.

Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо то, что дается одному подданному, то берется у другого!

Свою замѣчательную книгу Дедлей Нортъ заканчиваетъ слѣдующими замѣчательными словами: ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство.

Такимъ образомъ, путемъ внутренняго саморасширенія и самоуглубленія, меркантилистическая доктрина въ рядѣ писателей и литературныхъ произведеній все болѣе и болѣе перестаетъ быть односторонней и все болѣе и болѣе приближается къ тѣмъ понятіямъ, которыя существуютъ и въ настоящее время.

Кромѣ этихъ англійскихъ экономистовъ, я хочу теперь остановить ваше вниманіе на нашемъ отечественномъ меркантилистѣ, крестьянинѣ Иванѣ Посошковѣ, который былъ современникомъ Петра Великаго. Этотъ писатель, если только можно такъ назвать крестьянина, жившаго въ

своемъ селѣ и посвящавшаго свои досуги составленію различныхъ произведеній, представляетъ собой одинъ изъ примѣровъ русскаго самоучки, который силой своего ума и таланта пробиваетъ себѣ дорогу вопреки всѣмъ жизненнымъ обстоятельствамъ, вопреки тому, что не получилъ никакого образованія. Профессоръ Погодинъ, издавшій сочиненіе Посошкова, сдѣлалъ эпиграфомъ слѣдующее изреченіе самого Посошкова, какъ характеризующее этого самородка: „много нѣмцы насъ ушлѣе науками, а наши остротою, по благодати Божьей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно." Нужно дѣйствительно сказать, что произведенія Посошкова интересны не только какъ первыя наши экономическія сочиненія, но не уступаютъ самымъ выдающимся произведеніямъ европейскаго меркантилизма.

Крестьянинъ Иванъ Посошковъ родился около 1670 года и жилъ въ селѣ Покровскомъ Новгородской губерніи. Въ 1700 году онъ подавалъ проектъ финансовой реформы, а въ 1701 году онъ написалъ записку боярину Головину о ратномъ поведеніи.

Въ 1710 году Посошковъ написалъ сочиненіе „Отеческое завѣщательное поученіе" своему сыну, который среди другихъ молодыхъ людей былъ отправленъ Петромъ Великимъ за границу. Это завѣщаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нравоученіе, которое содержитъ самыя различныя, какъ религіозныя, такъ и практическія указанія относительно его жизни. Слѣдующее его сочиненіе, уже по вопросамъ церковнаго характера, было подано Стефану Яворскому, рязанскому епископу, впослѣдствіи митрополиту. Наконецъ, въ [illegible] годахъ, около 1724 года, онъ написалъ сочиненіе, которое остается выдающимся и до настоящаго времени.

подъ заглавіемъ: „Книга о скудости и о богатствѣ, сіе есть изъясненіе отъ чего приключается скудость и отъ чего обозвитое (изобильное) богатство умножается."

Это произведеніе было написано имъ для подачи императору Петру, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія произведенія. Петръ умеръ, а тѣ отрывочныя данныя, которыя мы имѣемъ относительно Посошкова, не даютъ возможности прослѣдить дальнѣйшую судьбу сочиненія, которое при преемникахъ Петра привело Посошкова въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и застаетъ его 1725 годъ. Въ 1726 году онъ умеръ и похороненъ въ С-Петербургѣ. Въ точности причины его заключенія въ Петропавловскую крѣпость неизвѣстны, но можно думать, что причиной было это сочиненіе. Самое произведеніе до XIX вѣка было затеряно и неизвѣстно, и только въ XIX вѣкѣ проф. Погодину посчастливилось его открыть и сдѣлать общимъ достояніемъ. Сочиненіе представляетъ собой огромный интересъ не только для развитія экономической мысли, но и для русской исторіи, потому что наблюдательность ума, остроуміе и талантъ этого простого крестьянина касаются различныхъ сторонъ жизни своего времени. Эта книга „О скудости и о богатствѣ" на самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя трактатъ, посвященный не только вопросамъ экономической жизни, но и затрагивающій цѣлый рядъ вопросовъ, судопроизводства, полицейскаго и церковнаго права, общекультурной жизни,- однимъ словомъ, книга представляетъ яркую и живую картину жизни русскаго народа въ эпоху Петра Великаго. Она раздѣлена на 9 главъ: 1-ая глава о духовенствѣ, гдѣ онъ сѣтуетъ на низкій уровень образованія духовенства и высказываетъ пожеланіе повышенія его обра-

зованности. Слѣдующая 2-ая глава посвящена военному дѣлу; 3-я вопросамъ правосудія, объ устройствѣ суда; 4-ая трактуетъ о купечествѣ,-это собственно чисто экономическая глава; 5-ая о художествахъ, о мануфактурной промышленности; 6-ая о разбойникахъ,т.е.по вопросамъ уголовнаго права: 7-ая о крестьянствѣ; 8-ая о дворянствѣ и землѣ;9-ая о царскомъ интересѣ,т.е.,такъ сказать, о финансовомъ правѣ. Во вступленіи къ своему сочиненію Посошковъ высказываетъ общія свои понятія о томъ, что такое богатство: „понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ· ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончеванетъ." Вы слышите, какъ здѣсь русскій мужикъ повторяетъ разсужденія Вильяма Стаффорда. „Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще о невещественномъ богатствѣ,т.е.объ истинной правдѣ; правдѣ отецъ Богъ и правда вельми богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ." Высказывая это общее сужденіе о богатствѣ, онъ дальше излагаетъ основную руководящую мысль своего сочиненія. Нужно сказать, что, дѣйствительно, нельзя не удивлять-

ся смѣлости и самоотверженности этого крестьянина, который пишетъ трактатъ и передаетъ его въ руки Петра Великаго, трактатъ, хотя и проникнутый искреннимъ чувствомъ преданности къ нему, но безусловно содержащій такую рѣзкую и безпощадную критику того что происходитъ, что очевидно мысль о собственной безопасности была далека отъ автора.

Въ четвертой главѣ сочиненія Посошкова содержится трактатъ о купечествѣ или о торговлѣ. Здѣсь проявляется собственно меркантилистическій характеръ воззрѣній Посошкова или, по крайней мѣрѣ, тѣ черты его, которыя сближаютъ воззрѣнія Посошкова съ воззрѣніями, развивающимися въ западно-европейской экономической литературѣ, и которыя характеризуются обычно, какъ меркантилистическія. Прежде всего, это меркантилистическое міровоззрѣніе придаетъ торговлѣ значеніе совершенно исключительное. Посошковъ особенно подчеркиваетъ и отстаиваетъ, даже въ полемической формѣ, значеніе, какое имѣютъ купечество и торговля. Не нужно забывать, что эта защита относится къ тому времени, когда занятіе торговлей не считалось особенно почетнымъ. „И купечество,- начинаетъ онъ эту главу,- въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое, не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ.

„И того ради и о нихъ попеченіе не скудное надлежитъ имѣть яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ: не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни

купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается, и того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей имъ не чинились. Есть многіе несмысленные люди - купечество ни во что ставятъ и гнушаются ими и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкій человѣкъ не потребенъ былъ бы."

Послѣ этой общей защиты купечества, онъ обращается къ анализу тѣхъ недостатковъ организаціи современной ему торговли, которые онъ наблюдаетъ, и прежде всего указываетъ, что купечество не представляетъ собой замкнутаго сословія, и что доступъ къ занятію торговлей открытъ всякому желающему.

Вслѣдствіе этого неумѣренная конкуренція затрудняетъ правильную организацію торговли со стороны тѣхъ, кто является къ тому призванъ. Поэтому Посошковъ стоитъ за регламентацію торговли и разрѣшеніе ея лишь для опредѣленнаго сословія: „и посему всину и всякому иночинцу стнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ. И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитися купечеству не возможно и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ." Это - та же самая мысль, которая лежала въ основѣ меркантилистической политики Англіи и другихъ странъ, гдѣ было раздѣленіе на сословія, и привилегіи выдавались извѣстнымъ торговымъ компаніямъ, гильдіямъ. Забота

о торговлѣ входила, какъ существенная часть, въ составъ меркантилистической политики.

Далѣе Посошковъ съ горячностью останавливается на томъ, что въ торговлѣ слишкомъ много обмановъ, и что качество товаровъ совершенно не гарантируется: „а сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собой другъ другу неправду чинить, ибо другъ друга обманывать. Товары яко иноземцы, тако и русскіе, на лицо являютъ доброе, а внутрь положенія или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за доброе, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ обличаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого непрабаго порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадаютъ и въ убожество вящее приходятъ: и тако вси отончеваютъ. А аще бо въ купечествѣ самая христіанская правда установилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишнія бъ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не прирашивали бъ ни же стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бъ и во всемъ поступали бъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе пошло бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ."

Какъ извѣстно, въ западной Европѣ, напр. въ Англіи, были установлены строгіе законы о качествѣ товаровъ: ихъ мѣра, ширина и длина, ихъ

достоинство, все это предусматривалось цеховой регламентаціей, а затѣмъ и правительственной регламентаціей. Отсутствіе таковой у насъ заставляетъ нашего меркантилиста выражать пожеланія ея. Для того, чтобы эта задача выполнялась, онъ развиваетъ весьма своеобразный и курьезный планъ организаціи торговли, въ которой главную роль играетъ особый чиновникъ. „И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотскій, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка, окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дощицѣ написать еще: сотскій; такожде надъ лавкой пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, куня какой товаръ, прямо знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямо отвѣсилъ или обмѣрялъ, и товары доброй или плохой и настоящую ли цѣну взялъ. А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ и высѣчь батоги или плетьми, чтобы впредь такъ не дѣлалъ; а буде въ другой разъ такжеучинитъ, то доправить штрафу сугубо и наказаніе учинить сугубоемъ."

Такимъ образомъ, это - тѣ же самыя меркантилистическія идеи надзора за торговлей, но преломляющіяся, соотвѣтственно исторической обстановкѣ, своеобразно у нашего мыслителя.

Затѣмъ слѣдующій вопросъ, на которомъ онъ останавливается, состоитъ въ томъ, что, благодаря организованности иностранной торговли и неограниченности конкуренціи, не устанавливаются крѣпкія цѣны для заграничныхъ товаровъ. И для того чтобы это зло устранить, онъ предлагаетъ своеобразную организацію торговли, нѣчто въ родѣ торговыхъ

синдикатовъ, существующихъ въ настоящее время, нѣчто въ родѣ нормировки въ цѣляхъ поддержанія извѣстнаго уровня цѣнъ. „И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары какъ богатые, такъ и убогіе съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было. И егда иноземецъ сторгуетъ какова товара русскаго многое число или малое, то всѣмъ русскимъ людемъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, комуждо изъ своихъ товаровъ поверстався по количеству товаровъ своихъ, чтобъ ни богатому ни убогому обиды не было."

Дальше онъ предусматриваетъ тотъ случай, что иностранцы, въ отвѣтъ на такую забастовку русскихъ купцовъ, на этотъ синдикатъ, отвѣтятъ тоже синдикатомъ и не возьмутъ товаровъ. На это онъ предлагаетъ отвѣтить еще увеличеніемъ цѣнъ: „и буде двойния цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божьимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть. Общее же я мню: хотя они хитри въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойния цѣны: будутъ торѣ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и не хотя отложатъ: нужда прогоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ, хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ прожить безъ товаровъ ихъ; а они безъ нашихъ товаровъ и 10 лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати передъ нами и во всемъ упадокъ передъ

нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ со своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну устанавливаютъ нискую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ выше двойныя цѣны." Онъ хочетъ обуздать иностранцевъ не только относительно цѣнъ но и относительно цѣнности денегъ, жалуется, что иностранцы размѣниваютъ наши деньги не по номинальному курсу, а по ихъ дѣйствительной цѣнности. Онъ говоритъ: „имъ надлежитъ деньги пѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ великій Императоръ самъ собою владѣетъ и въ своемъ государствѣ аще и копейку повелитъ за гривну плать, то такъ и можетъ правитися."

Въ сущности это та же самая мысль, только наивно выраженная, которая лежала въ основѣ англійскои политики, института королевскихъ мѣнялъ и королевскаго монетнаго двора: задача этого института была въ томъ, чтобы полноцѣнныя иностранныя деньги размѣнять на англійскія по ихъ номинальной цѣнности. Такой же порядокъ Посошковъ мечталъ бы завести для иностраннаго купечества, торгующаго въ Россіи, чтобы имъ давать наши обезцѣненныя деньги по ихъ номинальной цѣнности.

Далѣе онъ рекомендуетъ обставить самый пріемъ заграничныхъ товаровъ большей строгостью со стороны ихъ качества. „А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію и по согласію общему и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно; и выбирали бъ кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собой по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы ни-

кому обиды не было. А буде же иноземцы на тотъ отборный товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложатъ цѣну лишнюю, то и того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбиранія установилась. А буде заупрямятся и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ, то отказать имъ; пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плочихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не назвали и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы."

Слѣдовательно, это синдикатское соглашеніе должно охватить организацію какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли. При этомъ онъ предостерегаетъ нашихъ соотечественниковъ относительно увлеченія заграничными товарами, въ особенности предметами роскоши, разными иностранными винами и разными нарядами. Подобно тому, какъ въ Англіи существовалъ законъ противъ роскоши и законъ, который опредѣлялъ, кто въ какой костюмъ имѣетъ право наряжаться, и Посошковъ рекомендуетъ установить обязательные костюмы для всѣхъ сословій и чиновъ, такъ что, если бъ настоящее время Россія представляетъ такое множество формъ, установленныхъ закономъ, то проэктъ Посошкова идетъ въ этомъ направленіи значительно дальше. Онъ мечтаетъ сдѣть всю Россію въ установленные закономъ костюмы или формы: „паки мнѣ мнится не худо бы расположить, чтобы всякій чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ, посадскіе люди, все купечество, собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ никоими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть; посадскій или приказ-

ный или дворянинъ или холопъ чей; и не только съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно." Далѣе онъ подробно описываетъ, какіе костюмы какому сословію слѣдуетъ носить. Вотъ собственно самыя яркія и цѣнныя идеи его по вопросу о торговлѣ.

Слѣдующая глава его сочиненія называется: „О художествѣ", т.е. о ремеслахъ, объ организаціи ремеслъ, слѣдовательно, обрабатывающей промышленности. Здѣсь Посошковъ совершенно справедливо съ точки зрѣнія историческаго момента организаціи ремесленнаго труда того времени сѣтуетъ о томъ, что у насъ не существуетъ строгой цеховой регламентаціи производства, засвидѣтельствованнаго умѣнья заниматься ремесленнымъ трудомъ, до извѣстной степени ограждающихъ производство отъ конкуренціи товаровъ дурного качества. Основная его мысль здѣсь состоитъ въ желательности установленія у насъ цехового строя ремесленной промышленности. „Въ художникахъ", - говоритъ онъ,- аще не будетъ добраго надзирателя и надлежащаго имъ управленія, то имъ никоимы дѣлы обогатитися невозможно, ниже славы себѣ доброй получити, но до скончанія вѣка будутъ жить въ скудости и безславіи. А еслибъ учиненъ былъ о нихъ гражданскій указъ, еже бы имъ изъ самаго начала учитися постоянно жить, давшись къ мастеру въ ученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не то что года, но и недѣли не доживъ, прочь отходить и не взявъ отпускного письма и послѣ сроку со двора не сходить, то бы всѣ мастеры ни въ томъ бездѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми мастерами бы были, а прежде такой порядокъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ ученіе лѣтъ на 5 или на 6, и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать

собою, да и цѣну спуститъ и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ - ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ. А сказываютъ про иноземцовъ, что у нихъ учиненъ о семъ гражданскій указъ такой твердый, что буде кто, не доживъ до сроку хотя и единаго дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ человѣкъ не будетъ добрымъ человѣкомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускного, никто де его не приметъ въ наймиты, ни въ ученики, никто де его не возьметъ; и того ради у нихъ и мастеры добры и похвальны."

Такъ вотъ онъ полагаетъ, что „по иноземческимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускаютъ того мастерства дѣлать до смерти его." Остальныя его замѣчанія по поводу ремеслъ касаются вопросовъ сравнительно второстепенныхъ и не принципіальныхъ.

Слѣдующая, 6-ая, глава, посвящена вопросу о разбойникахъ. Эта глава, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько плохо обстояли дѣла съ общественной безопасностью, какъ распространены были у насъ разбои, и, во-вторыхъ, она характеризуетъ уголовное міровоззрѣніе лучшихъ людей того времени, наиболѣе просвѣщенныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и Посошковъ. Согласно этому міровоззрѣнію, лишь самыя крупныя и рѣзкія мѣры должны быть применены для борьбы съ этими разбоями: „во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ на Руси, а все оттого, что тамъ полички имъ ни малыя нѣтъ въ тюрьмахъ долго не держатъ: когда кого поймаютъ, тогда ему указъ учиняютъ; и того ради тамъ не смѣютъ и воровать много. А у насъ, поймавъ

вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстатися, посадятъ въ тюрьму да кормятъ его будто добраго человѣка и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ 10 и 20, и въ такомъ долгомъ сидѣньи многс ихъ уходятъ, а ушедъ, уже пуще стараго воровать станутъ." Посошковъ самъ здѣсь высказывается за самыя строгія мѣры и за примѣненіе скорой смертной казни за всякое совершеніе разбоя и убійства.

Слѣдующая глава посвящена вопросу о крестьянствѣ. Здѣсь онъ касается цѣлаго ряда больныхъ сторонъ въ положеніи современнаго крестьянства: „крестьянское житье скудостно ни отъ чего иного, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителеи и отъ помѣщичья насилія и отъ небреженія ихъ." Онъ заботится о поднятіи производительности и энергіи крестьянскаго труда, и больше всего его заботитъ, что по условіямъ русскаго земледѣлія, по условіямъ климата, значительную часть года, зимнее время, крестьяне остаются безъ труда, лѣнятся и вслѣдствіе этои лѣности разоряются. Онъ касается не только этихъ сторонъ крестьянской жизни, но и ихъ соціальнаго положенія, отношенія къ нимъ помѣщиковъ, и говоритъ много горькихъ истинъ по адресу помѣщиковъ, признвая ихъ болѣе разумнс относиться къ своимъ крестьянамъ, подчиняя точку зрѣнія частноправовую точкѣ зрѣнія государственной: „а и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая: ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовнхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ

съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ ставетъ мало мало посытѣе быть. то на него и подать прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ крестьянину де не давай сбрости, но стриги его, яко овцу, до гола. И тако творя, царство пустошатъ: понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ.- Крестьянамъ помѣщики - возражаетъ онъ противъ этого,- не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель - Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно." Эту мысль онъ не разъ приводитъ и въ другихъ мѣстахъ, желая сказать, что крестьяне и ихъ благосостояніе есть дѣло государственной важности, а не помѣщичьяго только интереса. Не нужно забывать, что крѣпостное право въ Россіи въ это время было явленіемъ, если и не новымъ, то во всякомъ случаѣ сравнительно недавняго происхожденія. Какъ разъясняетъ проф. Ключевскій въ третьемъ выпускѣ своей исторіи, крѣпостное право отвердѣваетъ послѣ Смутнаго времени, въ результатѣ и въ связи съ тѣми соціальными процессами, которые развивались въ Смутное время до Петра Великаго. Крѣпостное право было, такъ сказать, явленіемъ вчерашняго историческаго дня. Эти воззрѣнія, противопоставляющія частную помѣщичью точку зрѣнія на крестьянъ и крестьянскую собственность точкѣ зрѣнія государственной, - въ сущности въ корень подрывающія и ограничивающія права помѣщиковъ на крестьянъ нельзя не признать весьма передовыми, до извѣстной степени предвозвѣщающими идею освобожденія крестьянъ еще въ эпоху Петра Великаго. „По моему мнѣнію,-повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.- царь паче помѣ-

щиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а царю они вѣчные, и крестьянское богатство - царственное, а нищета крестьянская - оскуденіе царственное и того ради цари, яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были. И аще по вышеписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лицы будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть и къ прежнему будетъ крестьянамъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить."

Здѣсь онъ заботится о равномѣрномъ распредѣленіи податей.

Слѣдующая глава „О дворянахъ, крестьянахъ и земельныхъ дѣлахъ." Онъ обращается къ дворянамъ, признавая ихъ рационально относиться къ земледѣлію.

Наконецъ, послѣдняя глава „О царскомъ интересѣ" посвящена вопросу о финансовыхъ дѣлахъ. Здѣсь онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ умныхъ замѣчаній относительно распредѣленія податей и способа ихъ полученія въ Россіи и, между прочимъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на чистотѣ денежной системы. Забота о деньгахъ, о порчѣ денегъ, является, какъ извѣстно, вообще характерной для меркантилистическаго направленія въ виду того особаго значенія, какое придавалось торговлѣ и денежнымъ отношеніямъ. Это была такая эпоха, когда подѣлка монеты не считалась предосудительной, хотя чеканка монеты и считалась какъ бы прерогативой короны данной страны. Обращаясь къ русскимъ государямъ, Посошковъ говоритъ: „яко у насъ въ Россіи вѣра содержится христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическая неимущая, тако

требе и деньгамъ россiйскимъ быть самымъ чистымъ, безъ всякаго примѣса и еже бы имъ отъ всѣхъ иностранныхъ отмѣннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра."

Сочиненiе это подписано слѣдующими словами: „и нынѣ всеусердно твоего милосердiя прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды; понеже писахъ не слагая имъ. Паче же да будетъ воля Божiя и твоя превысокая царская воля во мнѣ. Аминь."

Яко аще кто восхочетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуетъ, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему мiру имать ненавистенъ быть.

Всенижайшiй и мизернѣйшiй рабичищъ, правды же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ зрѣнiя людскаго прилѣтнымъ трудомъ восписавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь."

Я старался васъ познакомить въ длинныхъ выдержкахъ съ замѣчательнымъ произведенiемъ нашего отечественнаго экономиста и этими выдержками старался дать вамъ почувствовать, какъ литературныя достоинства, живость изложенiя, яркость образовъ, такъ и свѣжесть мысли, которая проявляется въ этомъ произведенiи и заставляетъ причислить его къ числу самыхъ выдающихся произведенiй меркантилистической литературы, не только въ Россiи, гдѣ оно почти единственное, но и вообще мiровой меркантилистической литературы.

Въ немъ отразились достаточно ярко и наиболѣе выдающiяся особенности меркантилистической доктрины, именно: вѣра въ полицейское государство и регламентацiю, отсутствiе всякихъ сомнѣнiй въ цѣлесообразности и допустимости этой регламентацiи, забота о торговлѣ, о

денежной системѣ и вообще забота о развитіи внутренняго труда, враждебное и недовѣрчивое отношеніе къ за границѣ и торговымъ сношеніямъ съ за границей.

Посошковымъ я закончу изложеніе собственно меркантилистическаго направленія въ политической экономіи.

Теперь намъ надлежитъ итти дальше къ тѣмъ направленіямъ и понятіямъ, которыя отмѣчаютъ собой новые шаги въ развитіи экономической мысли, или въ которыхъ отражается новѣйшая исторія. Дальнѣйшее развитіе, которое было пережито меркантилистической доктриной, въ общемъ сводится къ тому, что она первоначально приходитъ какъ будто къ полному разложенію, т.е. въ результатѣ развитія меркантилизма получается ученіе, которое вполнѣ его отрицаетъ, представляетъ какъ бы полную его противоположность. Такимъ отрицаніемъ меркантилизма въ Англіи является Адамъ Смитъ, во Франціи - физіократы. Однако это отрицаніе, какъ показываетъ дальнѣйшее развитіе экономической мысли, не представляетъ изъ себя окончательнаго вывода, а есть лишь, по выраженію Гегеля, антитезисъ къ тезису, т.е. противоположность къ ранѣе принятой крайности.

Писателями о меркантилизмѣ, кореннымъ образомъ его отрицающими, его антагонистами, въ Англіи являются цѣлый рядъ выдающихся экономистовъ. Начиная съ Д.Норта, цѣлый рядъ экономическихъ писателей камешекъ за камешкомъ вынимаютъ изъ зданія меркантилизма и уменьшаютъ его прочность.

Въ Англіи, въ періодъ между меркантилизмомъ и Адамомъ Смитомъ, заслуживаютъ упоминанія два выдающихся философа, которые были вмѣстѣ

и выдающимися политико-экономами XVII – XVIII вѣк. Это – Локкъ и Юмъ.

Что касается Локка, то онъ развиваетъ дальше мысли высказанныя Д.Нортомъ относительно того, что торговля представляетъ собой международное раздѣленіе труда, и устанавливаетъ на этомъ раздѣленіи труда экономическое братство народовъ. Шагъ, который онъ дѣлаетъ въ этомъ направленіи, разрушенія меркантилистической доктрины, заключается въ томъ, что онъ ставитъ вопросъ о природѣ источниковъ богатства, и, если меркантилистическая доктрина видѣла его въ деньгахъ и торговлѣ, то Локкъ устанавливаетъ принципъ, которому суждено сыграть первостепенную роль въ политической экономіи XIX вѣка. Этимъ принципомъ онъ считаетъ трудъ.

Итакъ, Локкъ указываетъ на трудъ, какъ на источникъ цѣнностей и какъ на причину обогащенія. „Трудъ есть,– говоритъ онъ,– то, что опредѣляетъ различіе цѣнности всякихъ вещей. Возьмите, напримѣръ, акръ земли, засаженный табакомъ или сахарнымъ тростникомъ, и засѣянный пшеницей или ячменемъ, и, наконецъ, тотъ же акръ необработанной земли вы увидите тогда, что только улучшеніе труда составляетъ большую часть цѣнности. Если мы возьмемъ,– говоритъ онъ далѣе,– нѣкоторые изъ обыкновенныхъ предметовъ необходимости и проведемъ ихъ черезъ нѣсколько стадій обработки прежде, чѣмъ они дойдутъ до нашего употребленія, мы увидимъ тогда, сколь многая часть ихъ цѣнности получается черезъ человѣческій трудъ. Хлѣбъ, вино и платье суть предметы ежедневнаго потребленія и находятся въ большомъ изобиліи; однако желуди вода и листья или шкуры были бы еще нашимъ хлѣбомъ, питьемъ и одеждой, если бы трудъ не снабдилъ насъ болѣе полезными пред-

метами; все, чѣмъ хлѣбъ дороже желудей, вино - воды, сукно или шелкъ-листьевъ, кожъ или мха,- все это всецѣло принадлежитъ труду и индустріи." Такимъ образомъ, Локкъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми писателями XVII и XVIII вѣк., вмѣстѣ съ Вильямомъ Петти, авторомъ „Политической ариеметики" высказываетъ ту идею, что трудъ есть основа цѣнности идею, которая легла въ основу классической политической экономіи и соціалистической, въ лицѣ Маркса и Родбертуса,- и которая съ тѣхъ поръ вообще не сходитъ съ лица земли экономическои науки. По своимъ представленіямъ о даровыхъ силахъ въ природѣ которымъ сообщаетъ цѣнность только трудъ человѣка, Локкъ на полъ-ка опережаетъ ученіе физіократовъ. Это сходство съ школой физіократовъ замѣчается и въ другихъ вопросахъ экономіи и финансовъ: такъ, въ значеніи, которое онъ придавалъ земледѣлію: „страна -говоритъ онъ. напр.- дѣлается богатои или бѣдной, смотря по тому, какимъ дѣлается земледѣлецъ, и не иначе ..Такъ какъ первый источникъ богатства заключается въ землѣ то и общественныя потребности должны удовлетворяться удобнѣе всего налогомъ на землю. Какимъ бы путемъ налогъ ни взимался и изъ какихъ бы то ни было рукъ получался, но въ странѣ, гдѣ главнѣйшій фондъ-земля, онъ, въ концѣ концовъ, все таки упадетъ на землю. Во всякой странѣ, гдѣ только взимаются налоги, наибольшая тягость ихъ чувствуется землей." Кромѣ этихъ вопросовъ, Локкъ много занимался вопросами пауперизма и призрѣнія бѣдныхъ въ виду того, что пауперизмъ въ это время чрезвычайно усилился. Интересно, что философъ, который является однимъ изъ самыхъ самобытныхъ, крупныхъ мыслителей въ области философіи, является и въ области экономической мысли однимъ изъ самыхъ

значительнѣхъ мыслителей своего времени. Это еще болѣе можно сказать про другого философа Англіи, Давида Юма, къ воззрѣніямъ котораго мы теперь переходимъ.

Что касается значенія Юма въ философіи, то ни до, ни послѣ Англія, пожалуй, не имѣла ему равнаго по силѣ ума и анализа. Юмъ былъ тотъ, кто въ извѣстномъ смыслѣ духовно родилъ Канта; Кантъ сознавался самъ, что Юмъ пробудилъ его отъ догматическаго сна. Хотя главная сила его въ философскихъ трудахъ, но мы остановимся лишь на экономическихъ его воззрѣніяхъ, которыя тоже чрезвычайно интересны и поучительны. Наиболѣе оригинально мнѣніе Юма относительно вопроса о деньгахъ. Если Локкъ въ своемъ ученіи о трудѣ, какъ основѣ цѣнности, подрываетъ одинъ изъ столбовъ, на которомъ зиждется меркантилизмъ, именно ученіе о производительности торговли, то Юмъ своимъ ученіемъ о роли денегъ подрываетъ другое ученіе меркантилизма, именно о деньгахъ, какъ исключительной и главной формѣ богатства.

Юмъ разсматриваетъ деньги лишь какъ орудіе для того, чтобы облегчить обмѣнъ товаровъ: „онѣ составляютъ, по метафорическому выраженію, не колеса торговли, а масло, благодаря которому движеніе этихъ колесъ становится мягче и легче." Самъ по себѣ большій или меньшій запасъ денегъ не имѣетъ никакого значенія; большое количество денегъ въ странѣ, если и выгодно для кого, то только для правительства, которому оно можетъ оказать помощь въ военномъ дѣлѣ. Исходя изъ этого воззрѣнія о почетной роли денегъ, какъ средства, Юмъ взрываетъ и всю теорію денежнаго и торговаго баланса, которая вся была построена на признаніи исключительной оцѣнки денегъ, на ихъ привлеченіи въ страну

во что бы то ни стало. „Предположимъ, что въ одну ночь четыре пятыхъ всѣхъ денегъ Великобританіи исчезнутъ, и что нація въ отношеніи денегъ очутится въ томъ положеніи, въ которомъ была при Генрихѣ и Эдуардѣ; какія послѣдствія отсюда произойдутъ? не должны ли черезъ это пропорціонально упасть цѣны всякаго труда и товаровъ *и все* сдѣлаться столь же дешевымъ, какъ нѣкогда, въ прежнія времена? Какая же тогда нація можетъ конкурировать съ нами на чужихъ рынкахъ или брать такія незначительныя фрахтовыя деньги и продавать мануфактуры *такъ же* дешево, какъ мы, и съ весьма большой прибылью? Въ короткое время мы должны привезти назадъ наши деньги, которыя отъ насъ исчезли, и у насъ опять настанетъ въ нихъ такое же изобиліе, какъ у сосѣдей. Какъ скоро это произойдетъ, мы потеряемъ опять всѣ выгоды, которыми пользовались благодаря дешевымъ цѣнамъ труда и товаровъ, и деньги уже потекутъ отъ насъ вслѣдствіе ихъ изобилія. Но возьмемъ теперь обратное: предположимъ, что количество денегъ Великобританіи въ одну ночь увеличилось бы въ 5 разъ; какое бы дѣйствіе отсюда послѣдовало? Не должны ли черезъ это всѣ товары и трудъ сдѣлаться такъ крайне дороги, что никакая чужая нація не будетъ у насъ ничего покупать? Напротивъ иностранные товары будутъ сравнительно такъ дешевы, что, не смотря на всѣ запретительные законы, которые мы могли бы установить, нашъ рынокъ будетъ переполняться чужими товарами, и наши деньги потекутъ вонъ до тѣхъ поръ, пока мы не сравняемся съ сосѣдями и не потеряемъ этого преимущества, повлекшаго за собой столь вредныя послѣдствія."

Здѣсь проявляется пониманіе интересовъ международнаго обмѣна

гораздо болѣе углубленное, и потому гораздо болѣе вѣрное, нежели то, которое существовало въ меркантилистическомъ ученіи.

Меркантилизмъ опирался на представленіе о деньгахъ, какъ объ исходномъ пунктѣ и цѣли всякой торговли. Юмъ исходитъ изъ воззрѣнія на деньги лишь какъ на средство торговли, слѣдовательно, все его пониманіе процесса обмѣна международной торговли приводитъ къ совершенно другимъ результатамъ, нежели меркантилистовъ. Если меркантилисты были протекціонистами, то Юмъ является уже сторонникомъ свободной торговли. Такія мѣры, какъ таможенныя пошлины, являются несущественными, второстепенными, по сравненію съ общимъ производствомъ, производительностью труда, которыя опредѣляются состояніемъ народнаго хозяйства. „Чѣмъ больше находится людей,- говоритъ онъ, - больше трудолюбія и больше товаровъ, тѣмъ, слѣдовательно, больше и денегъ; послѣднее всегда соразмѣрно первому, и отсюда происходитъ ихъ взаимное равновѣсіе." Въ этомъ разсужденіи Юма мы слышимъ уже многое изъ того, къ чему мы привыкли послѣ Адама Смита; и послѣ этого разсужденія его, послѣ физіократовъ, всѣ воззрѣнія Адама Смита представляются уже не такъ новыми, не такъ оригинальными, скорѣй подводящими итоги, нежели проводящими революціонныя идеи. Юмъ останавливается также, какъ и Локкъ и другіе предшественники Смита, на вопросѣ о значеніи народнаго труда для народнаго хозяйства. „Все на свѣтѣ,- говоритъ онъ, - пріобрѣтается черезъ трудъ, и наши страсти суть единственная пружина труда. Когда нація имѣетъ излишекъ въ мануфактурахъ и механическихъ искусствахъ, то собственники земли, равно какъ и фермеры, обращаются къ земледѣлію, какъ къ наукѣ, и удваиваютъ свое при-

лежаніе и внимательность, Ничего, что получается отъ ихъ труда, не пропадаетъ, но обмѣнивается на трудъ мануфактуриста, и люди становятся стяжательны изъ любви къ роскоши. Сверхъ необходимаго на содержаніе земледѣльцевъ, образуется излишекъ сельскихъ произведеній, который идетъ въ мирное время на содержаніе мануфактуристамъ и занятымъ свободными профессіями. Но кромѣ того государству весьма легко многихъ изъ этихъ мануфактурныхъ рабочихъ обратить въ солдатъ, и тогда они содержатся на тотъ же излишекъ." Соотвѣтственно этому своему міровоззрѣнію, Юмъ весьма высоко ставитъ значеніе иностранной торговли и стоитъ за возможно большее развитіе потребностей. А такъ какъ роскошь является однимъ изъ средствъ и условіемъ развитія *международной* торговли, то естественно, что меркантилисты были противниками роскоши, а Юмъ является ея защитникомъ. Типичнымъ для меркантилизма отношеніемъ къ вопросу о роскоши является отношеніе нашего отечественнаго меркантилиста Посошкова. Напротивъ, Юмъ старается доказать, что стремленіе человѣка къ удовлетворенію второстепенныхъ нуждъ и прихотей является главнымъ двигателемъ къ торговлѣ и усиленной производительности. Чѣмъ болѣе богатыхъ людей живетъ въ странѣ, чѣмъ роскошнѣе они живутъ, тѣмъ болѣе страна богатѣетъ и процвѣтаетъ. Прежде всего, по его мнѣнію, развивается иностранная торговля, такъ какъ гораздо удобнѣе и легче получать иностранные продукты, нежели дожидаться развитія собственныхъ мануфактуръ, что совершается медленно и постепенно. Но затѣмъ кругъ потребностей и самая сила стремленія къ ихъ удовлетворенію еще болѣе расширяются и тогда получаютъ свое развитіе и туземныя мануфактуры, которыя, слѣдовательно, обязаны своимъ

происхожденіемъ отчасти иностранной торговлѣ. Само собой разумѣется, обсужденіе этого вопроса о роскоши, желательности или вредѣ ея, какъ меркантилисты, такъ и Юмъ, совершаютъ съ точки зрѣнія экономической цѣлесообразности, внѣ общечеловѣческой оцѣнки ея.

Ставится вопросъ не о томъ, желательна или нежелательна роскошь, а о томъ, выгодна или невыгодна она въ цѣляхъ развитія производства, и нужно сказать, что этотъ вопросъ въ его экономической постановкѣ не сошелъ со сцены и въ позднѣйшее время.

Еще въ началѣ XIX вѣка между Мальтусомъ и другими экономистами велся споръ о томъ, полезны или не полезны землевладѣльцы, какъ главные потребители предметовъ роскоши? По мнѣнію однихъ, ихъ функція состоитъ въ томъ, что они содѣйствуютъ развитію отечественной промышленности, по мнѣнію другихъ -это не плюсъ, а минусъ для народнаго хозяйства. Такимъ образомъ, тѣ вопросы, которые раздѣляли еще Юма и меркантилистовъ, перешли въ политическую экономію новѣйшаго времени. Ближайшимъ и непосредственнымъ предшественникомъ Смита является, съ одной стороны, по своимъ воззрѣніямъ почти меркантилистъ, писатель Джемсъ Стюартъ, который написалъ полный и систематическій трудъ политической экономіи и издалъ его за десять лѣтъ до появленія труда Смита -„Богатства народовъ", а съ другой стороны, писатели Джоссуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ, которые идутъ еще дальше Юма въ своемъ отрицаніи идей меркантилизма, отрицаніи, приведшемъ къ возникновенію идей экономическаго либерализма. Если меркантилизмъ представляетъ собой возведеніе въ систему національнаго антагонизма, экономическаго соперничества народныхъ хозяйствъ, то, по мнѣнію Токкера, „между народами не существуетъ никакого антагонизма

интересовъ, а напротивъ господствуетъ согласіе, гармонія. Провидѣніе каждому народу доставило возможность возвышенія и успѣха." Тотъ же Токкеръ опровергаетъ мнѣніе о томъ, что деньги являются богатствомъ страны, и что бѣдныя націи являются будто бы естественными врагами богатыхъ націй въ экономическомъ отношеніи.

То же самое думаетъ и Фергюсонъ, который заявляетъ: „интересы отдѣльныхъ лицъ весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно купеческій, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности гражданъ." Наконецъ Фергюсонъ, какъ и Адамъ Смитъ, заявляетъ рѣшительно, что „торговля есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправый путь."

Итакъ, наблюдая этотъ ходъ развитія экономической мысли посредствомъ разложенія экономическихъ доктринъ, мы должны придти къ тому заключенію, что къ концу XVIII вѣка, т.е. ко времени появленія Адама Смита и его труда, идейное разложеніе меркантилизма было уже совершившимся фактомъ. Этому факту нужно было дать только соотвѣтствующее выраженіе, нужно было найти классическую форму для того, чтобы добиться общаго признанія того, что уже признавалось молчаливо или открыто многими въ то время. Это историческое дѣло сдѣлалъ Адамъ Смитъ въ Англіи.

Однако раньше Адама Смита въ Англіи, выступили, имѣвшіе анало-

гичное значеніе, экономисты во Франціи, подъ названіемъ физіократовъ.

Физіократовъ, какъ и Адама Смита, отъ меркантилизма отдѣляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ переходныхъ произведеній и писателей, которые разрушаютъ, подрываютъ шагъ за шагомъ, камень за камнемъ основы меркантилизма.

Во Франціи, въ эпоху Кольбера, давшаго меркантилизму свое имя „кольбертизмъ", онъ получилъ самыя крайнія формы выраженія во внутренней политикѣ и во внутренней жизни. Этотъ кольбертизмъ совпалъ съ глубочайшимъ экономическимъ и соціальнымъ кризисомъ страны. Положеніе французскаго крестьянства и сельскаго хозяйства вообще въ XVIII вѣкѣ, и въ особенности въ эпоху революціи, достаточно изучено и описано въ литературѣ и оно таково, что трудно было бы преувеличить его тяжесть. Съ одной стороны феодальная зависимость, разныя натуральныя повинности, которыя лежали на крестьянствѣ, съ другой стороны-кризисъ, связанный съ перенаселеніемъ и отсутствіемъ сельскохозяйственнаго прогресса, и, канонецъ, страшная тяжесть налоговъ, лежавшая на этомъ крестьянствѣ. Все это въ совокупности производило самое мрачное и тяжелое впечатлѣніе о той правительственной политикѣ, которая связана была съ именемъ Кольбера и съ системой кольбертизма, поэтому и сторонники улучшенія въ положеніи крестьянства и вообще народа являлись естественными противниками Кольбера и кольбертизма.

Въ числѣ этихъ противниковъ заслуживаетъ упоминанія Буагильберъ и Вобанъ.

Буагильберъ всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ съ системой Коль-

бера. Въ своихъ статистическихъ трудахъ онъ описалъ Францію его времени.

Въ своихъ сочиненіяхъ: „Détail de la France sans le regne present" 1697г. и „Faetum de la France" 1707г. онъ описываетъ весьма мрачными красками царствованіе Людовика XIУ, а въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ онъ является серьезнымъ и страстнымъ противникомъ меркантилизма. Онъ постоянно и настойчиво повторяетъ, что богатство націй заключается не въ серебрѣ и золотѣ, но въ полезныхъ вещахъ и въ особенности въ продуктахъ земледѣлія. Онъ съ большимъ осужденіемъ относится ко всякому произвольному вмѣшательству въ дѣла внутренней и внѣшней торговли, особенно хлѣбной, которое было широко распространено въ эпоху Кольбера. Богатство народа, думаетъ онъ, не зависитъ отъ правительства; вмѣшательство послѣдняго въ промышленныя дѣла болѣе вредно, чѣмъ полезно; нельзя безнаказанно нарушать естественные законы экономическаго порядка; интересы частныхъ лицъ и классовъ при системѣ свободы вполнѣ солидарны, а выгоды отдѣльныхъ личностей совпадаютъ и съ интересами государства. Такая же гармонія интересовъ существуетъ и между отдѣльными націями, которыя связаны между собой, какъ города отдѣльнаго государства связаны между собой. Свобода обмѣна приводитъ не только къ благосостоянію, но къ миру и гармоніи.

Буагильберъ раздѣляетъ людей не по принадлежности къ націямъ, а по соціальному положенію. По мнѣнію его, есть два класса людей: одни ничего не дѣлаютъ и пользуются всѣми благами, другіе цѣлые дни трудятся и едва зарабатываютъ себѣ скудное пропитаніе, и для нихъ онъ

желалъ бы оказать покровительство и помощь.

Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ Буагильбера чувствуется начало революціонныхъ настроеній, хотя это и начало XVIII вѣка. Буагильберъ много говоритъ и о нуждахъ земледѣлія, которымъ, по его мнѣнію, неосновательно стали пренебрегать во Франціи, и желалъ бы замѣнить косвенные налоги прямыми подоходными и возстановить уплату ихъ натурой, чѣмъ онъ надѣется обезпечить равномѣрность налоговъ.

Что касается Вобана, то онъ - извѣстный маршалъ, военный дѣятель XVII вѣка, написалъ въ преклонномъ возрастѣ только одинъ трудъ: „Projet d'une dixme Royale", „Проэктъ королевской десятины", вышедшій въ 1707 году. Этотъ проэктъ навлекъ на себя опалу короля и былъ изъятъ изъ обращенія правительствомъ, однако доставилъ Вобану почетное имя въ исторіи. Въ этомъ сочиненіи маршалъ Вобанъ скорбитъ о печальномъ положеніи трудящагося населенія Франціи. Правительство должно было бы заботиться равно о положеніи всѣхъ классовъ населенія и въ особенности нищаго, ибо трудъ является основой богатства, земледѣліе есть самая важная отрасль промышленности; существенное условіе промышленнаго успѣха есть свобода. Всѣ ненужныя и чрезмѣрныя ограниченія въ мануфактурной дѣятельности и торговлѣ слѣдуетъ отбросить. Съ особой энергіей онъ протестуетъ противъ неравномѣрности обложенія, противъ льготъ и привиллегій высшихъ классовъ. Всѣ существующіе въ его время виды обложенія онъ предлагаетъ замѣнить однимъ общимъ налогомъ на доходъ и земли, который долженъ падать на всѣ классы. Предложенный имъ налогъ носитъ наименованіе „королевской десятины", т.е. составляющій одну десятую часть дохода, при

чемъ этотъ налогъ взимается съ земледѣльцевъ натурой, а съ торговцевъ деньгами.

Кромѣ этихъ писателей, былъ цѣлый рядъ другихъ, которые занимались или общими или отдѣльными вопросами экономической жизни, констатировали тѣ или другія затрудненія, но сочиненія Буагильбера и Вобана содержатъ въ себѣ уже довольно рѣшительное отрицаніе политики „кольбертизма." Въ этомъ отношеніи они являются предшественниками той группы экономистовъ, которые эти вопросы сдѣлали какъ бы своей спеціальностью. Тѣ потребности жизни, которыя назрѣвали, были именно: потребность аграрной реформы въ самомъ широкомъ смыслѣ, потребность оздоровленія земледѣлія, потребность финансовыхъ реформъ, освобожденіе народнаго труда отъ давленія протекціонизма,- всѣ эти назрѣвшія потребности выражали въ частности и писатели, предшественники физіократовъ, но онѣ получили систематическія выраженія и философскую формулировку лишь въ ученіи физіократовъ.

Нашему вниманію теперь предстоитъ знакомство съ экономической школой физіократовъ.

Школа эта, считавшая въ своихъ рядахъ цѣлыя группы писателей по экономическимъ вопросамъ, сама назвала себя, и ея современники звали ее, просто экономистами, и лишь одинъ изъ писателей физіократовъ, Дюпонъ-де-Немуръ, озаглавилъ собраніе статей физіократическаго направленія словомъ „физіократія", или естественный порядокъ общественнаго строя. Физіократія - это значитъ господство природы, и самое названіе лучше всего показываетъ отличительную особенность этой школы, именно то, что она стремилась къ согласію съ природой,

къ естественному порядку вещей.

Особенностью міровоззрѣнія физіократовъ является то, что въ немъ мы имѣемъ болѣе или менѣе цѣлостное общее міровоззрѣніе. Въ ученіи меркантилистовъ и послѣдующихъ экономистовъ мы имѣли дѣло съ экономическими писателями, писавшими по отдѣльнымъ вопросамъ экономической жизни, но не развивавшихъ въ этихъ своихъ мнѣніяхъ общихъ основъ міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи можно было чувствовать извѣстное недовольство, неудовлетворенность, по сравненію съ предыдущими системами міровоззрѣнія, съ которыми я васъ знакомилъ, и которыя задумывались по гораздо болѣе широкому плану. Въ міровоззрѣніи физіократовъ мы опять имѣемъ цѣлостное міровоззрѣніе, и въ этомъ и заключается, какъ ихъ отличительная черта, такъ вмѣстѣ и преимущетсво по сравненію съ тѣмъ, что давали намъ предыдущіе экономисты.

Физіократія представляется не только экономической теоріей и экономической политикой, но и философіей экономической жизни. Вопросы экономическаго міровоззрѣнія выводятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ, связаны съ нимъ неразрывно, такъ что нельзя излагать физіократизмъ, не касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ устоевъ міровоззрѣнія, и нельзя начинать изложеніе ученія физіократовъ, не останавливая главное, исключительное вниманіе на личности дѣятеля и главы этой школы, Франсуа Кенэ.

Кенэ родился въ 1694 году въ деревнѣ Мерэ, въ крестьянской семьѣ и былъ 10-мъ изъ 13 дѣтей сельскохозяйственнаго рабочаго, а окончилъ жизнь дворяниномъ, возведенный въ дворянское достоинство собственноличнo королемъ, называвшимъ его: „мой мыслитель" (Mon penseur).

На 12-омъ году онъ поступилъ въ школу, а на 16-омъ поступилъ въ обученіе къ деревенскому фельдшеру, но его потянуло въ Парижъ, гдѣ онъ занимался медициной и философіей. Получивши званіе практическаго врача, онъ началъ заниматься практикой и выпустилъ рядъ сочиненій по медицинѣ и физіологіи человѣка и животныхъ.

Отличительной особенностью этого замѣчательнаго человѣка была необыкновенная разносторонность умственныхъ интересовъ. Эта разносторонность умственныхъ интересовъ сама по себѣ есть признакъ большого ума, не могущаго замкнуться въ рамки какой-либо спеціальности и удовлетвориться ею; и у Кенэ - это не только признакъ большого ума, но и признакъ талантливости изслѣдованія, потому что во всѣхъ областяхъ, гдѣ онъ прилагалъ свою силу, онъ выступалъ какъ самостоятельный изслѣдователь, какъ творческій умъ.

Въ 1749 году Кенэ поступилъ въ Версаль врачемъ къ извѣстной маркизѣ де-Помпадуръ и поселился въ королевскомъ дворцѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Людовикомъ XУ, которому была близка маркиза де-Помпадуръ, и сдѣлался лейбъ-хирургомъ. Нужно сказать, что это положеніе, внѣшнимъ образомъ какъ бы двусмысленное и компроментирующее, положеніе врача у любовницы короля, по свидѣтельству біографовъ, совершенно не грязнило и не затрогивало Кенэ. Мыслитель старался не замѣчать и проходить мимо многаго изъ того, что заставило бы спотыкнуться болѣе слабаго духомъ человѣка, и переносилъ свое положеніе безъ урона своего нравственнаго достоинства. Въ 1753 г. онъ издалъ свое послѣднее медицинское сочиненіе о лихорадкѣ, а на седьмомъ десяткѣ своей жизни онъ становится экономистомъ, и пер-

вия его работы по политической экономіи появляются, когда ему было 64 года отъ роду. Забѣгая впередъ, скажу, что и политическую экономію черезъ извѣстное время онъ оставилъ съ тѣмъ, чтобы подъ самую старость обратиться къ изслѣдованіямъ математическаго и геометрическаго характера, и написалъ трактатъ въ этой области. Умеръ онъ 80-ти лѣтъ отъ роду.

Въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка Кенэ, который былъ знакомъ со всѣми выдающимися умами того времени, и въ антресоляхъ котораго они нерѣдко собирались, дѣлается участникомъ и сотрудникомъ знаменитаго изданія „Энциклопедіи". „Энциклопедія въ настоящее время считается памятникомъ французскаго просвѣщенія и матеріализма XVIII вѣка; однако вначалѣ она не имѣла такого направленія и задумывалась по болѣе широкому плану. Первой статьей, которую написалъ Кенэ, была статья философская по теоріи познанія, подъ заглавіемъ: „Evidence", т.е. „Очевидность", вышедшая въ 1756 году, а затѣмъ вторая, экономическая статья о фермерахъ и зерновыхъ хлѣбахъ, гдѣ намѣчаются его экономическія воззрѣнія. Въ концѣ 1754 году онъ окончилъ свое самое извѣстное сочиненіе по земледѣлію: „Экономическую таблицу" (Tableau economique). Но это сочиненіе было издано всего въ нѣсколькихъ экземплярахъ для частнаго употребленія и лишь въ 90-хъ годахъ XIX вѣка оно было найдено и издано австрійскимъ экономистомъ Стефаномъ Бауэромъ, тогда какъ раньше помѣщался только анализъ этихъ таблицъ.

Эта „Экономическая таблица" въ видѣ математическихъ схемъ заключаетъ въ себѣ какъ бы математическое изложеніе экономическаго ученія физіократовъ. Эта темная и трудная матерія популяризировалась

рядомъ писателей, сторонниковъ и послѣдователей Кенэ, въ числѣ которыхъ, прежде всего, долженъ быть названъ Мирабо старшій, который въ своемъ сочиненіи „Другъ людей" (Ami des hommes) изложилъ идеи Кенэ.

Идеи ученія Кенэ получили дальнѣйшее развитіе въ журналѣ, издававшемся однимъ изъ близкихъ друзей Кенэ, Дюпонъ-де-Немуромъ, и называвшемся „Журналъ земледѣлія, торговли и финансовъ." Послѣ прекращенія этого журнала въ 1776 году, одинъ изъ физіократовъ издавалъ журналъ, который тоже былъ посвященъ популяризаціи идей Кенэ и выходилъ при близкомъ его участіи. Въ 1776 году Дюпонъ-де-Немуръ издалъ сборникъ статей Кенэ, которыя, частью изъ скромности, частью изъ другихъ соображеній, печаталъ анонимно подъ заглавіемъ „Физіократія или естественное устройство правительства, наивыгоднѣйшее для человѣческаго рода."

Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько статей, которыя расчитывалъ помѣстить въ „Энциклопедіи", но не помѣстилъ, не сочувствуя тому матеріалистическому характеру, который приняла „Энциклопедія". Послѣ смерти Людовика XV, при Людовикѣ XVI, Кенэ попалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора, но видѣлъ еще министерство своего товарища и единомышленника Тюрго, хотя и не пережилъ его паденія. Кенэ умеръ въ 1877 году, 80-ти лѣтъ отъ роду, въ Версалѣ.

Въ этой біографіи уже заключаются указанія на то, что система физіократовъ-происхожденія нѣсколько кабинетнаго. Это есть созданіе мыслителя, пробовавшаго свои умственныя силы въ различныхъ отрасляхъ. Первой философской статьей Кенэ, помѣщенной въ „Энциклопедіи", была „Очевидность", и самое изложеніе міровоззрѣнія физіократовъ приходит-

ся начать указаніемъ на основныя философскія идеи этой статьи.

У Кенэ, вслѣдъ за Декартомъ, вопросъ о познаніи ставился, какъ вопросъ о соотношеніи между духомъ и матеріей, между активной познавательной силой и пассивной матеріей. Вопросъ заключался въ томъ, какимъ образомъ возможно соединить, привести въ связь эти два несоединимыя между собой начала, а только при этомъ соединеніи возможно познаніе истины. Этотъ вопросъ Кенэ, вслѣдъ за Декартомъ и Мальбраншемъ, разрѣшалъ въ томъ смыслѣ, что существуетъ высшая сила, - Божество, которое создаетъ эту возможность познанія, которое создаетъ это соединеніе активнаго и пассивнаго начала въ нашемъ познаніи. При этомъ, если такимъ образомъ актуальное начало Божества является общимъ условіемъ нашего познанія, то Кенэ признаетъ два источника познанія. Съ одной стороны, познаніе естественно-научное, какъ мы теперь сказали бы, т.е. познаніе, въ которомъ доказательства даются опытомъ, и условіемъ доказательства является очевидность, о которой онъ и писалъ. Въ области опытнаго знанія Кенэ, вслѣдъ за Локкомъ, является представителемъ чистаго опытнаго знанія и отрицаетъ всякія прирожденныя идеи, заранѣе данныя до всякаго опыта. Но рядомъ съ этимъ, какъ самостоятельный источникъ познанія, онъ признаетъ вѣру въ истины религіозныя, въ будущую жизнь, въ Божество. Эти оба источника познанія, соединяясь, даютъ въ своемъ результатѣ оптимистическое міровоззрѣніе, основанное на вѣрѣ въ разумное начало, дѣйствующее въ мірѣ. Природа міра въ своемъ цѣломъ представляетъ собой созданіе того существа, которое все устрояетъ наилучшимъ образомъ, поэтому для человѣка нужно заботиться о

томъ, чтобы, насколько ему возможно, узнать, что это благое существо отъ насъ хочетъ, и, узнавши, исполнить это желаніе. Все, что содѣйствуетъ прогрессу, счастью человѣческаго рода, все это разсматривается Кенэ въ послѣднемъ счетѣ, какъ заповѣдь Божія, такъ что и хозяйственная свобода, какъ основной тонъ экономической политики, въ этомъ смыслѣ также имѣетъ религіозное основаніе. Вотъ общая исходная точка зрѣнія Кенэ, что существуетъ предустановленная гармонія, что естественная сила, т.е. естественные мотивы и интересы, двигающіе человѣкомъ, въ своей совокупности образуютъ нѣкоторое гармоническое цѣлое.

Для человѣка требуется только вѣрно опредѣлить путь своей дѣятельности, при чемъ однако онъ остается существомъ свободнымъ. Онъ имѣетъ возможность выбирать соотвѣтственно указаніямъ своего разума тотъ или другой путь, при чемъ ему слѣдуетъ остановиться на наиболѣе правильномъ. Въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ стоитъ представленіе Кенэ объ естественномъ правѣ и естественномъ порядкѣ устройства человѣческаго общества. Такъ какъ идеи естественнаго права излагаются вамъ въ другихъ курсахъ, то я ограничусь лишь изложеніемъ того, какъ эти идеи преломлялись у Кенэ. Естественное право, по мнѣнію Кенэ, прежде всего должно отвѣчать справедливости. Справедливость же есть „естественный и верховный законъ, признанный свѣтомъ разума и точно опредѣляющій, что принадлежитъ индивиду и что другимъ индивидамъ." Теперь само естественное право отличается отъ дѣйствующаго, „отъ законнаго права или права принудительно установленнаго человѣческими законами, тѣмъ, что съ очевидностью

признается свѣтомъ разума, и въ силу одной только этой очевидности, помимо какого-либо принужденія, обязательно, тогда какъ законное право, ограниченное положительнымъ закономъ, обязательно въ силу наказанія, установленнаго санкціей этого закона за его нарушеніе, и признается нами лишь вслѣдствіе простого указанія закона. Этими различными условіями опредѣляется вся область примѣненія естественнаго права и его различіе отъ права законнаго."

Слѣдовательно, существуютъ два порядка, два права: одно - естественное, разумное, а другое - законное или положительное право, которое допускаетъ *принудительную* санкцію. Въ чемъ же состоитъ естественное право? Кенэ прежде всего опровергаетъ то мнѣніе, по которому естественное право людей должно было предоставлять всѣмъ право на все; онъ допускаетъ „естественное право человѣка лишь въ состояніи абсолютной независимости людей другъ отъ друга и въ состояніи войны между ними, которую каждый изъ нихъ велъ для того, чтобы воспользоваться своимъ неограниченнымъ правомъ." Здѣсь Кенэ полемизируетъ съ договорной теоріей Руссо, отчасти съ Гоббесомъ, которые доказываютъ, что человѣкъ, соединяясь въ общество, совсѣмъ не ограничиваетъ тѣхъ естественныхъ правъ, которыя принадлежатъ каждой отдѣльной личности въ особенности. Естественное право не состоитъ въ правѣ всѣхъ на все, а лишь на тѣ вещи, пользованія которыми человѣкъ можетъ достигнуть. „Право всѣхъ на все, - говоритъ Кенэ, - походитъ на право каждой ласточки, на всѣхъ летающихъ по воздуху мошекъ, которое сводится въ дѣйствительности къ тому количеству, какое она можетъ добыть трудомъ или поисками, предписываемыми потребностью."

Такимъ образомъ право всѣхъ на все сводится къ праву на ту долю, которую каждый изъ людей можетъ себѣ обезпечить, при чемъ безразлично, живетъ ли онъ охотой, рыбной ловлей или естественно растущими произведеніями земли.

„Входя въ общество и заключая между собои обязательства относительно взаимной помощи, люди усиливаютъ такимъ путемъ пользованіе своимъ естественнымъ правомъ и обезпечиваютъ даже довольно широкое примѣненіе этого пользованія, если только организація общества согласна съ порядкомъ, наиболѣе выгоднымъ для людей, и соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ ихъ естественнаго права."...„Поэтому нарушенія естественныхъ законовъ,- по мнѣнію Кенэ,- являются наиболѣе распространенными и обыкновенными причинами физическихъ несчастій, постигающихъ людей. Даже богатые, которые имѣютъ большую возможность избѣгать ихъ, благодаря своей самонадѣянности, своими страстями и даже удовольствіями навлекаютъ на себя много непріятностей, въ чемъ могутъ винить только самихъ себя. Это незамѣтно приводитъ насъ къ другой причинѣ физическаго и моральнаго зла, нѣсколько иного характера, чѣмъ физическіе законы, а именно, къ злоупотребленію людьми своей свободой. Свобода, которая является основнымъ аттрибутомъ человѣка, и которую ему хотѣлось бы расширить болѣе ея естественныхъ границъ, всегда представляется ему непогрѣшимой, даже если онъ самъ наноситъ себѣ вредъ и, вслѣдствіе злоупотребленія свободой, разстраиваетъ свое здоровье, растрачиваетъ свое имущество и разоряетъ свою землю; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ

жалуется лишь на виновника своей свободы, такъ какъ ему хотѣлось бы быть еще болѣе свободнымъ."

Слѣдовательно, свободу, данную человѣку, Кенэ присоединяетъ къ числу условій, нарушающихъ естественный порядокъ вещей, но каждый можетъ ее и возстановить. „Итакъ, каждый имѣетъ естественное право разумно пользоваться всѣми способностями, какими только надѣлила его природа, и при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ она помѣстила его, подъ условіемъ не вредить ни себѣ, ни другимъ; условіе, при отсутствіи котораго никто не былъ бы увѣренъ въ томъ, что сохранитъ пользованіе своими естественными правами."

Признаніе естественныхъ правъ личности приводитъ насъ къ праву объективному, т.е. къ такому порядку, который это естественное право каждой отдѣльной личности устанавливаетъ въ организованномъ обществѣ. Слѣдовательно, „люди, соединенные въ общество, должны быть подчинены естественнымъ и положительнымъ законамъ. Естественные законы бываютъ либо физическіе, либо моральные. При этомъ, подъ физическимъ закономъ понимается правильное теченіе всякаго физическаго явленія изъ области естественнаго порядка, наиболѣе выгоднаго для людей. Подъ моральнымъ же закономъ подразумѣвается здѣсь правильное теченіе каждаго человѣческаго дѣйствія изъ области моральнаго порядка, согласнаго съ физическимъ, очевидно, наиболѣе выгоднымъ для человѣческаго рода." „Совокупность этихъ законовъ составляетъ то, что называется естественнымъ закономъ." „Всѣ люди, - продолжаетъ Кенэ, - всѣ человѣческія власти должны быть подчинены этимъ верховнымъ законамъ, установленнымъ Верховнымъ существомъ. Они незыблемы, ненарушимы и

вообще - самые лучшіе законы, какіе только могутъ существовать; основаніемъ наилучшаго правительства является, слѣдовательно, основное правило всѣхъ положительныхъ законовъ, такъ какъ положительные законы суть ничто иное, какъ законы управленія, относящіеся къ естественному порядку, очевидно наиболѣе выгодному для человѣческаго рода." Здѣсь заслуживаютъ нѣкотораго поясненія отношенія между законами физическими и законами моральными. И тѣ и другіе относятся Кенэ къ области естественныхъ правъ, естественныхъ законовъ, однако онъ ихъ различаетъ въ томъ, что физическіе законы дѣйствуютъ силой механической; причина этихъ законовъ - естественно научная, но, согласно общему міровоззрѣнію Кенэ, дѣйствіе ихъ, предоставленное естественному порядку вещей, приводитъ всякаго къ извѣстнымъ благимъ и положительнымъ результатамъ. Моральные законы включаютъ дѣятельность свободныхъ людей, направляющихъ эту дѣятельность по извѣстнымъ нормамъ въ согласіи съ естественнымъ закономъ.

Конечно, человѣкъ, дѣйствующій согласно естественнымъ законамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи своей свободы, испытываетъ дѣйствіе физическихъ и моральныхъ законовъ, какъ міра механическаго, такъ и міра одушевленнаго. Но, несмотря на это, соединеніемъ дѣятельности свободнаго человѣка и механическихъ нормъ создаются въ совокупности естественныя правила для человѣческаго общества. Что касается положительныхъ законовъ, то „положительные законы суть правила, изданныя верховной властью для того, чтобы установить порядокъ въ администраціи и управленіи."

Здѣсь заслуживаетъ упоминанія то взаимодѣйствіе, которое мы-

слится между естественнымъ закономъ и положительнымъ правомъ. Естественное право, по самой своей идеѣ, очевидно незыблемо, неизмѣнно, но въ то же время оно формально, какъ сказали бы мы на теперешнемъ философскомъ языкѣ, регулятивный принципъ. Этотъ принципъ осуществляется въ исторіи при измѣняющихся обстоятельствахъ.

Но это историческое развитіе регулируется принципами естественнаго права. Одинъ - абсолютно неизмѣнный, неподвижный принципъ, а другой - измѣнчивый и подвижный, который долженъ постоянно измѣняться соотвѣтственно требованіямъ жизни.

Въ этомъ отношеніи вотъ тѣ признаки, въ которыхъ мыслится взаимодѣйствіе между естественнымъ и положительнымъ правомъ. Что касается вопроса о той организаціи общественной и государственной, которая наиболѣе, по мнѣнію Кенэ, выгодна и, слѣдовательно, для своего времени наилучше осуществляетъ естественное право, то міровоззрѣніе Кенэ характеризуется просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Кенэ есть сознательный противникъ конституціонализма и еще большій противникъ республики, такъ же, какъ противникъ феодализма. Отрицательное отношеніе физіократовъ къ феодализму сказалось даже въ исторіи французской революціи.

Нѣкоторые историки предполагаютъ, что настроеніе ночи 4-го августа, когда французское дворянство отказалось отъ своихъ феодальныхъ правъ, въ значительной мѣрѣ навѣяно идеями физіократовъ. Основаніемъ этой критики многовластія при феодализмѣ было то, что права отдѣльныхъ феодаловъ раздробляютъ права единой власти и узурпируютъ ее въ своихъ интересахъ. То же самое зло Кенэ, а за нимъ и другіе фи-

зіократы, усматриваютъ въ конституціонализмѣ и, какъ въ болѣе послѣдовательномъ его выраженіи, республиканизмѣ. Конституціонализмъ, какъ система противоборствующихъ силъ (systeme des contre-forces), характеризуется какъ борьба различныхъ партій и группъ; при чемъ та или другая партія или классъ узурпируетъ въ свою пользу и въ своихъ интересахъ права и государственную власть. Въ еще большей степени Кенэ относитъ это къ демократической республикѣ. Кенэ исходитъ изъ того мнѣнія, что существуетъ такая единственная, абсолютная монархическая королевская власть, которая стоитъ выше борьбы классовъ, надъ классами, и которая призвана осуществить естественную справедливость, естественное право, не считаясь съ отдѣльными интересами.

Любопытно отмѣтить, какъ историческую аналогію, что эта конструкція монархической власти съ соціально-абсолютической точки зрѣнія находитъ себѣ нѣкоторое подобіе у нашихъ славянофиловъ, у тѣхъ лучшихъ идейныхъ представителей славянофильства, которые такимъ же образомъ защищали идею самодержавной власти, какъ стоящей надъ классами и выше классовъ. Подобныя же понятія мы встрѣчаемъ въ Германіи у соціалиста Родбертуса, такъ что тѣ же понятія, которыя отличаютъ нашихъ славянофиловъ, можно не разъ наблюдать въ исторіи при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ.

Это своеобразное пониманіе наилучшей организаціи государственной власти Кенэ выразилъ въ сочиненіи о китайскомъ государствѣ, въ которомъ описываетъ китайскій порядокъ вещей, при чемъ, конечно, здѣсь не слѣдуетъ искать вѣрности китайской дѣйствительности. Это

есть своего рода утопія, сочиненіе на заданную тему, съ той лишь разницей, что утопійскаго государства не существовало въ дѣйствительности, а китайское государство существуетъ. Но общаго съ Китаемъ здѣсь лишь то, что въ Китаѣ существуетъ абсолютная монархія, и для Кенэ нужно было описать государство, въ которомъ существуетъ такой строй. Затѣмъ, что касается общей причины соціальныхъ и политическихъ золъ, то Кенэ и физіократы усматриваютъ эту причину не въ направленіи воли, не въ порочности человѣческой воли и наклонности ея ко злу, но въ незнаніи и въ невѣжествѣ. Въ этомъ смыслѣ Кенэ, какъ представитель вѣка просвѣщенія, XVIII вѣка, гораздо болѣе приближается къ Сократу и вообще къ дохристіанской этикѣ. По мнѣнію Кенэ, достаточно раскрыть глаза людямъ и освободить ихъ отъ невѣжества, чтобы спасти ихъ. Отсюда вообще преувеличенная оцѣнка теоретическаго ученія, теоретическаго знанія. Неудивительно, что Мирабо, другъ и пламенный почитатель Кенэ, оцѣнивалъ „Экономическую таблицу", какъ равносильную изобрѣтенію письма и изобрѣтенію монеты.

Вотъ, исходя изъ такой точки зрѣнія, физіократы ставятъ себѣ задачей истинное просвѣщеніе своихъ современниковъ. Съ одной стороны, относительное улучшеніе политическаго строя въ видѣ просвѣщеннаго деспотизма, съ другой стороны - въ видѣ улучшенія экономическаго строя.

Здѣсь мы вступаемъ уже въ область чисто экономическихъ ученій, и въ этой области наиболѣе сказываются черты историческаго момента и вообще окружающей экономической обстановки. Физіократы

во всякомъ случаѣ, эти стадіи, эти условія момента, переработали и связали съ общей теоріей, такъ что нельзя оторвать одно отъ другого и разрушить цѣльность всего зданія. Отличительными чертами физіократовъ въ области хозяйственной является ихъ признаніе универсальнаго значенія развитія принципа естественной свободы. Въ этомъ отношеніи они, вмѣстѣ со многими критиками меркантилизма, являются противниками меркантилистической политики, но, въ отличіе отъ нихъ, для физіократовъ требованіе свободы не есть требованіе практической политики, а есть требованіе осуществленія естественнаго права, абсолютное требованіе заповѣди Божества. Впрочемъ, ранніе физіократы въ этомъ отношеніи болѣе умѣренны и болѣе практичны. Ранніе физіократы, именно Гурнэ и Д'Аржансонъ высказывали идею свободной торговли, какъ идею разумной цѣлесообразной политики, оставляя въ сторонѣ ея практическую цѣлесообразность, которую Кенэ отстаиваетъ, какъ принципъ естественнаго права. Но при этомъ, свобода естественная понимается односторонне: она понимается индивидуалистически. Это есть принудительная свобода, устраненіе всякихъ мѣръ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь всякихъ группъ и общества. Они такъ же враждебно относятся къ таможенной политикѣ и пошлинамъ, какъ и ко всѣмъ рабочимъ организаціямъ, цеховымъ организаціямъ и вообще ко всѣмъ попыткамъ ограничить групповую и общественную свободу. Они хотятъ атомизировать общество и предоставить каждаго снова своей собственной судьбѣ. Пониманіе этой индивидуалистической свободы характерно для XVIII вѣка, для эпохи Просвѣщенія. Уже Гурнэ, который былъ практическимъ дѣятелемъ, какъ и Д'Аржансонъ

формулировалъ требованіе свободы торговли въ своей знаменитой формулѣ: „laisser faire, laisser passer", т.е. предоставить естественному порядку развиваться.

Высказывая такой принципъ, физіократы обращаются какъ противъ меркантилизма, такъ и противъ соціализма, потому что и меркантилизмъ и соціализмъ считаютъ, что необходимо какъ можно больше вмѣшательства государства. По мнѣнію Гурнэ, каждый знаетъ свой интересъ лучше, нежели другой, для котораго этотъ интересъ безразличенъ. Это — общія физіократическія идеи относительно всего экономическаго строя.

Обращаюсь къ его ближайшему анализу.

Физіократы тѣмъ отличаются отъ своихъ предшественниковъ, меркантилистовъ, и отъ дальнѣйшихъ представителей политической экономіи, что они на первый планъ народнаго хозяйства, какъ страсль народнаго труда единственно производительную, выдвигаютъ земледѣліе. Только земледѣліе производительно, все остальное является паразитарнымъ по отношенію къ нему. Какъ торговля, такъ и мануфактуры, зависятъ отъ земледѣлія. Онѣ питаютъ земледѣліе обращеніемъ цѣнностей, но не создаютъ ихъ. Слѣдовательно, физіократы выступаютъ здѣсь, какъ идеологи земледѣлія. Въ земледѣліи все общество, разсматриваемое съ экономической стороны, по своимъ экономическимъ функціямъ, распадается на два класса: во-первыхъ, на производительный, — на тѣхъ, кто трудится въ земледѣліи, и, во-вторыхъ, непроизводительный, которому чуждо земледѣліе. Въ виду того, что въ земледѣліи существуютъ земельная собственность и земельные собственники, —

они выдѣляли ихъ еще въ 3-ій классъ, классъ землевладѣльцевъ, и называли его „classe mixte" (или смѣшанный), считая этотъ классъ непроизводительнымъ, но въ то же время за его принадлежность къ земледѣлію не рѣшаясь счесть его вполнѣ непроизводительнымъ. Земледѣліе, какъ единственная производительная отрасль народнаго труда, создаетъ цѣнность не только для производительнаго класса, но и для всего общества, слѣдовательно, оно создаетъ прибавочную цѣнность, избытокъ, достаточный для того, чтобы покрыть, оплатить издержки всѣхъ непроизводительныхъ отраслей труда, т.е. мануфактуры и торговли. Только въ земледѣліи „classe productive" создаетъ чистый продуктъ. Это-то, что впослѣдствіи Марксъ назвалъ прибавочной цѣнностью, а Родбертусъ - рентой, и что является свободнымъ избыткомъ продукта, созданнаго производительнымъ трудомъ. Для народнаго труда имѣетъ важность только то, что такъ или иначе затрагиваетъ судьбы земледѣлія. Въ области цѣнъ, напримѣръ, для народнаго хозяйства имѣетъ значеніе - высокъ или низокъ уровень цѣнъ на продукты земледѣлія. Если этотъ уровень высокъ, то вся страна богата, если этотъ уровень низокъ, то вся страна бѣдна, потому что этимъ подрывается земледѣліе и понижается процентъ на капиталъ, и вообще все народное хозяйство терпитъ ущербъ. Что касается промышленнаго труда, то, хотя онъ не умножаетъ богатства, но способствуетъ умноженію населенія, если только онъ не развивается въ ущербъ земледѣлію, - иначе онъ ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. Что касается торговли, то только націи, ведущія торговлю продуктами земледѣлія, торговлю сырьемъ, могутъ вести и международную широкую торговлю. Мануфак-

турная торговля можетъ поддерживаться только доходами съ земледѣлія. Что касается роли денегъ, которымъ отводилось такое мѣсто въ ученіяхъ меркантилистовъ, то физіократы впадаютъ въ противоположную крайность. Они считаютъ деньги простымъ товаромъ, признаннымъ быть только посредникомъ въ обмѣнѣ и совершенно закрываютъ глаза на спеціальныя качества этого товара, присущія ему. На этомъ основаніи они смотрятъ на теорію торговаго баланса пренебрежительно, называя его химерой, потому что, если торговля не создаетъ новыхъ цѣнностей, и деньги только просто товаръ, то какимъ образомъ можно торговлей обогощаться и вообще придавать ей какое-нибудь значеніе. Свое ученіе о производительной роли земледѣлія и о томъ значеніи, какое представляетъ земледѣльческое производство для всего народнаго хозяйства, Кенэ облекъ въ математическую форму „Экономической таблицы". Въ ней заключаются математическія иллюстраціи къ идеямъ физіократовъ о производительной роли одного только земледѣлія. Очевидно, общая задача, которая здѣсь должна быть иллюстрирована, сводится къ тому, чтобы показать, какимъ образомъ цѣнности, производимыя въ земледѣліи, распредѣляются по всему народному хозяйству, по непроизводительнымъ отраслямъ труда и какимъ образомъ совершается этотъ обмѣнъ. Этотъ процессъ общаго производства и обмѣна облеченъ въ сложную математическую формулу и изложенъ въ „Экономической таблицѣ". Болѣе простая цифровая иллюстрація этого процесса можетъ быть сдѣлана такъ:

Кенэ, а съ нимъ и школа физіократовъ, представляли себѣ процессъ общественнаго производства и обращенія такимъ образомъ: существуютъ три класса: 1) классъ производительный (classe productive), 2) классъ

собственниковъ (classe propriétaire) и 3) классъ непроизводительный (classe sterile).

Классъ производительный начинаетъ производство съ нѣкоторымъ запасомъ капитала, который мы опредѣлимъ въ два милліарда какихъ-нибудь единицъ. Этотъ классъ есть единственный общественный классъ, который производитъ новыя цѣнности и новые доходы (produit net).

Предположимъ, что этотъ produit net въ этомъ году составляетъ три милліарда, такъ что общая сумма производства перваго класса составляетъ 5 милліардовъ.

Затѣмъ, классъ собственниковъ въ началѣ года имѣетъ въ рукахъ сумму денегъ или цѣнностей въ два милліарда; эти цѣнности, полученныя имъ, какъ доходъ еще отъ прошлаго года, и представляютъ собой фондъ потребленія, которымъ классъ собственниковъ располагаетъ, какъ классъ, существующій на доходы.

Наконецъ, третій классъ- непроизводительный, который, хотя и не производитъ никакихъ новыхъ цѣнностей, но тоже нуждается въ извѣстныхъ затратахъ капитала или авансахъ; предположимъ, что этотъ авансъ будетъ равенъ одному милліарду, который и имѣется у него въ началѣ производительнаго года.

Слѣдовательно, вотъ картина общественнаго производства, которую представляетъ себѣ Кенэ. Теперь, какъ распредѣляются эти три милліарда, и какъ вообще происходитъ весь общественный обмѣнъ? Предположимъ, что классъ собственниковъ съ двумя милліардами дохода распредѣляетъ ихъ пополамъ въ цѣляхъ покупки. Онъ нуждается и въ продуктахъ земледѣлія и въ разныхъ предметахъ промышленности.

Мы должны предположить, что классъ собственниковъ покупаетъ у перваго класса продуктовъ земледѣлія на 1 милліардъ; затѣмъ у 3-го класса онъ тоже покупаетъ на 1 милліардъ, такъ что у третьяго класса оказывается въ распоряженіи сумма цѣнностей на 1 милліардъ. 3-ій классъ, непроизводительный, который нуждается въ предметахъ, потребныхъ для своего существованія, на этотъ милліардъ покупаетъ у перваго класса предметы земледѣлія и добывающей промышленности. Такимъ образомъ, изъ трехъ милліардовъ у производительнаго класса остается produit net лишь на 2 милліарда. Но первый классъ тоже нуждается въ услугахъ 3-го класса, въ тѣхъ предметахъ и услугахъ, которые можно получить отъ третьяго класса. Предположимъ, что этотъ первый классъ предъявляетъ спросъ въ такомъ же количествѣ, какъ и 3-ій классъ, на 1 милліардъ. Значитъ, у третьяго класса этотъ первый классъ покупаетъ на 1 милліардъ предметовъ, изготовляемыхъ имъ, такъ что общая сумма покупокъ будетъ уже два милліарда; на 1 милліардъ у него купилъ 2-ой классъ и на 1 милліардъ - 1-ый. Но этотъ милліардъ 3-ій классъ не удерживаетъ въ своихъ рукахъ, потому что онъ нуждается для продолженія производства въ будущемъ году, чтобы былъ возстановленъ его авансъ, его затраты капитала. Слѣдовательно, на этотъ милліардъ непроизводительный классъ покупаетъ предметовъ земледѣлія у класса производительнаго, такъ что это будетъ уже третій милліардъ, на который предъявляется спросъ у перваго класса.

Слѣдовательно, всѣ три милліарда чистаго дохода, произведенные первымъ классомъ, распредѣляются безъ остатка, а затѣмъ оста-

ющіеся два милліарда составляютъ его остатокъ, его авансъ на будущій годъ.

Вотъ процессъ, который представляютъ себѣ физіократы согласно „Экономической таблицѣ". Нужно сказать, что въ этой „Экономической таблицѣ" заключается произвольное допущеніе, съ которымъ и связана теорія физіократовъ.

Именно, здѣсь предполагается, что цѣнность въ 1 милліардъ, затрачиваемая непроизводительнымъ классомъ, не производитъ никакихъ новыхъ доходовъ, никакихъ новыхъ цѣнностей. Между тѣмъ этому же непроизводительному классу приписывается способность продавать эти непроизведенныя цѣнности, потому что собственно авансъ въ 1 милліардъ и долженъ бы былъ составить цѣнность въ 1 милліардъ, тогда какъ окончательная сумма продажи первому и второму составляетъ два милліарда. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, и въ третьемъ классѣ оказывается произведена новая цѣнность, только физіократы не называютъ ее чистымъ доходомъ.

Анализъ этой „Экономической таблицы" былъ помѣщенъ въ сочиненіяхъ Кенэ въ XVIII вѣкѣ. Есть еще болѣе новые документы, открытые только въ 90-хъ годахъ XIX вѣка, которые эту общую суммарную операцію распредѣляютъ на много отдѣльныхъ моментовъ, но въ общемъ идея и содержаніе остаются тѣ же.

Слѣдовательно, классъ собственниковъ и классъ промышленниковъ имѣютъ лишь паразитарное существованіе. Очевидно, при этомъ предположеніи является не безразличнымъ то или иное распредѣленіе чистаго продукта, съ точки зрѣнія интересовъ всего народнаго хозяйства, между

предметами, производимыми первымъ классомъ и предметами, производимыми третьимъ классомъ.

Отсюда понятно, что для государственнаго дѣятеля было существенно только то, что связано съ процвѣтаніемъ земледѣлія, и въ числѣ ихъ правилъ экономической политики значится слѣдующее: „Экономическая политика должна поощрять лишь производительныя издержки и торговлю сырьемъ, безплодныя же издержки предоставить самимъ себѣ, т.е. въ лучшемъ случаѣ не обращать никакого вниманія." Понятно и слѣдующее положеніе: „Нація, владѣющая большой территоріей, годной для обработки, и имѣющая возможность вести большую торговлю сырьемъ, не должна допускать большого наплыва денегъ и людей въ мануфактуры и торговлю произведеніями роскоши въ ущербъ труду и издержкамъ, затрачиваемымъ на земледѣліе, т.к. прежде всего, государство должно быть населено богатыми земледѣльцами."

Въ этомъ ученіи о „produit net" и о производительности одного земледѣлія заключается своеобразная историческая ограниченность, а вмѣстѣ и печать, лежащая на школѣ физіократовъ. Эта идея понятна, какъ противоположность прежнимъ крайностямъ меркантилизма. Если тамъ была взята одна крайность, то здѣсь проявляется другая. Но опровергать въ настоящее время эту мысль, что только земледѣліе даетъ чистый доходъ, не стоитъ. Скорѣй болѣе интереснымъ, съ точки зрѣнія научной, представляется вопросъ о томъ, какимъ образомъ могло сложиться такое странное ученіе. Какъ вы видите, физіократы строятъ свою схему изъ предположенія мѣнового хозяйства и мѣновой цѣнности. Чистый доходъ выражается въ деньгахъ. Онъ

можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ цѣнн хлѣба и вообще продуктовъ земледѣлія, поэтому не нужно понимать ученіе физіократовъ о производительности одного земледѣлія, о чистомъ доходѣ въ грубо натуралистическомъ смыслѣ. Рѣчь идетъ о мѣновыхъ отношеніяхъ цѣнностей. Въ этомъ смыслѣ физіократы были сторонниками повышенія чистаго дохода въ земледѣліи, которое понималось не только въ смыслѣ натуральномъ, но и въ смыслѣ торговли, въ смыслѣ мѣновомъ, въ смыслѣ поднятія цѣнъ на продукты земледѣлія.

Если политика меркантилизма разсматривала земледѣліе лишь какъ средство для развитія промышленности, то здѣсь, напротивъ, земледѣліе вызываетъ совершенно другую оцѣнку. Физіократы являются рѣшительными сторонниками высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, обезпечивающихъ большую доходность земледѣлія. Въ числѣ тѣхъ положеній экономической политики Кенэ, изъ которыхъ два я приводилъ, значится, между прочимъ, такое: „Земли, предназначенныя для культуры зерновыхъ хлѣбовъ, слѣдуетъ соединять по возможности въ большіе участки, эксплуатируемые богатыми фермерами, т.к. въ крупныхъ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, сравнительно съ мелкими, издержки на содержаніе и ремонтъ менѣе значительны, расходы гораздо ниже, чистый продуктъ несравненно значительнѣй. Многочисленность мелкихъ фермеровъ не выгодна для населенія."

Это относится къ повышенію чистаго продукта въ его натуральномъ видѣ. Затѣмъ слѣдуетъ такое положеніе: „Государство не должно стремиться къ пониженію цѣнъ на съѣстные продукты и товары, такъ какъ обоюдная иностранная торговля оказалась бы въ этомъ случаѣ невыгодной для націи. Какова продажная цѣнность, таковъ и доходъ: изобиліе

и низкія цѣны не создаютъ богатства. Неурожай при дороговизнѣ цѣнъ является бѣдствіемъ. Изобиліе же, сопутствуемое высокими цѣнами, создаетъ громадныя богатства."

Физіократы заботятся, стало быть, болѣе о мѣновой цѣнности, нежели о потребленіи, и въ этомъ отношеніи они являются представителями мѣнового хозяйства, которое для своего развитія требуетъ извѣстныхъ рыночныхъ условій. Изъ исторіи и изъ экономики земледѣлія можно многократно убѣдиться въ томъ, насколько физіократы были вообще правы въ оцѣнкѣ значенія извѣстнаго уровня цѣнъ, необходимаго для прогресса земледѣлія. Лучшей политикой, какъ я уже указывалъ, наиболѣе обезпечивающей интересы земледѣлія, физіократы считаютъ свободу торговли, но, вѣрные своему исходному принципу, они стоятъ однако за нѣкоторыя ограниченія ея. Именно, свобода торговли не должна распространяться на ввозъ хлѣба внутрь страны. Такую конкуренцію внутреннему земледѣлію они считаютъ невозможной, недопустимой.

Въ связи съ этимъ ученіемъ о производительности только земледѣлія стоитъ другое, не менѣе знаменитое ученіе физіократовъ, о такъ называемомъ единомъ налогѣ.

Изъ ученія о финансахъ вы узнаете, что мысль о замѣнѣ взиманія разнообразныхъ налоговъ однимъ налогомъ, взимаемымъ только съ одного какого-нибудь податного объекта, весьма настойчиво напрашивалась въ разное время у разныхъ финансовыхъ дѣятелей. И физіократы, исходя изъ своего предположенія о производительности только земледѣлія, по своему, логически заключаютъ, что разъ чистый доходъ производится только въ земледѣліи, а налогъ долженъ затра-

гивать только чистый доходъ, то обложеніе земледѣлія есть лучшій способъ для взиманія налога. Кратчайшій путь совершаетъ налогъ, взимаемый у самаго источника обложенія. Въ какой бы стадіи общественнаго производства мы ни взимали налогъ, это приведетъ неизбѣжно къ тому, что, перелагаясь съ одного плательщика на другого, онъ будетъ взиматься съ чистаго дохода, т.е. съ земледѣлія, и потому самой раціональной формой обложенія физіократы считали налогъ на земельную ренту, на земельный доходъ. Этимъ налогомъ они предполагали замѣнить всѣ остальные налоги. Эта идея, между прочимъ, подала поводъ Вольтеру къ ѣдкимъ насмѣшкамъ надъ физіократами. Вольтеръ написалъ разсказъ-„Человѣкъ, имѣющій 40 экю" (L'homme aux 40 écus), въ которомъ высмѣиваетъ эту физіократическую идею единаго налога. Опять таки не стоитъ особенно останавливаться на опроверженіи этой идеи съ современной точки зрѣнія, потому что она настолько связана съ общимъ физіократическимъ ученіемъ, что и держится и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Можно отмѣтить, что въ новое время наблюдается своеобразное возрожденіе физіократизма. Если мы знаемъ неомеркантилизмъ въ настоящее время, то знаемъ и неофизіократизмъ. Я разумѣю Генри Джорджа, въ доктринахъ котораго много сроднаго (сознательнаго или несознательнаго - вопросъ несущественный) съ физіократами. Джорджъ, подтверждая мысль физіократовъ объ особой производительности земледѣлія, предлагаетъ, въ качествѣ мѣры универсальной, установленіе единаго налога на землю, который поглотилъ бы земельную ренту.

Заслуживаютъ замѣчанія воззрѣнія Кенэ на вопросъ о народонаселеніи. Меркантилисты считали, что умноженіе населенія есть во всякомъ случаѣ благо, къ которому должна стремиться государственная политика. Физіократы, жившіе и въ болѣе позднюю эпоху и тогда, когда бѣдствія перенаселенія въ дореволюціонной Франціи давали себя знать, стали смотрѣть на этотъ вопросъ совершенно другими глазами, и въ этомъ отношеніи они являются предшественниками Мальтуса, именно въ томъ, что устанавливали связь населенія со средствами существованія, и зависимость одного отъ другого. Кенэ считаетъ, что лучшимъ и единственнымъ средствомъ умноженія населенія является развитіе производительнаго труда, т.е., на его языкѣ, земледѣльческаго труда. Но онъ уже констатируетъ, въ сущности предвосхищая положеніе Мальтуса, что населеніе стремится опередить достигнутое развитіе производительныхъ силъ, и что въ этомъ своемъ стремленіи къ увеличенію оно наталкивается на барьеръ, полагаемый достигнутой степенью развитія производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Кенэ можно считать предшественникомъ Мальтуса.

Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить его чрезвычайно глубокій и искренній демократизмъ; можетъ показаться, что Кенэ, защитникъ крупной собственности, капиталистическаго фермерскаго землевладѣнія, подвергающій суровой критикѣ мелкое крестьянское потребительное хозяйство, что онъ смотритъ на жизнь глазами безучастнаго теоретика, интересующагося лишь стройностью выводовъ „Экономической таблицы" или отвлеченнымъ народнымъ хозяйствомъ, его

умноженіемъ, забывая о томъ, для кого это богатство существуетъ, - о народѣ. Такой упрекъ по отношенію къ Кенэ былъ бы такъ же несправедливъ, какъ несправедливы были упреки (я позволю сдѣлать смѣлую аналогію) по отношенію къ нашимъ неомарксистамъ въ 90-хъ годахъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что они хотятъ обезземелить наше крестьянство, тогда какъ они видѣли въ этомъ лишь историческую неизбѣжность. Въ равнодушіи къ интересамъ народа нельзя обвинять Кенэ, эпиграфомъ на своемъ сочиненіи выставившаго положеніе, которое можетъ считаться руководящимъ лейтмотивомъ его экономической дѣятельности, именно: „Если бѣденъ народъ, то бѣдна казна, если бѣдна казна, то бѣденъ король, т.е. государство." Такимъ образомъ, въ основу государственнаго и финансоваго благополучія, забота о которомъ слѣпила глаза меркантилистамъ и заставляла забывать о народныхъ интересахъ, о народной кровной нуждѣ, Кенэ кладетъ именно благосостояніе этого народа. Его искреннія симпатіи къ французскому крестьянству и желаніе ему помочь тѣми средствами, которыя онъ считалъ наиболѣе цѣлесообразными и научными, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Либерализмъ, ученіе объ экономической свободѣ, о невмѣшательствѣ государства, въ настоящее время связывается съ представленіемъ о чемъ то „буржуазномъ" или, точнѣе сказать, несоотвѣтствующемъ интересамъ народа. Это мнѣніе о либерализмѣ Кенэ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Кенэ въ своемъ либерализмѣ настолько же демократиченъ, настолько же руководился пониманіемъ нуждъ народа и стремленіемъ ихъ удовлетворить, какъ это въ настоящее время слѣдуетъ признать за соціалистами. Либерализмъ Кенэ, какъ и со-

БИБЛІОТЕКА

ціализмъ нашего времени, въ этомъ смыслѣ есть только средство, только извѣстнаго характера экономическая политика, которую по тѣмъ или другимъ причинамъ считаютъ наиболѣе цѣлесообразной для того, чтобы выйти изъ извѣстныхъ экономическихъ затрудненій, устранить извѣстную сумму экономическихъ золъ. Такъ что по задачамъ и нравственнымъ мотивамъ Кенэ несомнѣнно является предшественникомъ соціализма или продолжаетъ собой тотъ демократическій потокъ, то демократическое теченіе въ экономической мысли, которое развивается въ дальнѣйшей исторіи политической экономіи и на нашихъ глазахъ. И нужно поставить не на минусъ, а на плюсъ ученію Кенэ замѣчательную особенность его ученія, именно то, что въ изображеніи процесса общественнаго производства Кенэ является первымъ изъ писателей экономистовъ, который разсматриваетъ хозяйство, какъ общественный процессъ, какъ общественное хозяйство, совершенно отрекшись отъ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи я всегда считалъ, и мнѣ кажется нельзя не считать, что настоящимъ творцомъ политической экономіи, въ буквальномъ смыслѣ слова, является не Адамъ Смитъ, а Кенэ, потому что Кенэ поставилъ вопросъ о народномъ хозяйствѣ, какъ вопросъ общественнаго производства, общественнаго обмѣна, извѣстныхъ общественныхъ соотношеній. Онъ поставилъ тотъ вопросъ, которымъ политическая экономія, въ узкомъ смыслѣ слова, занимается, занималась и должна заниматься. Кенэ выпало на долю вызвать къ себѣ, съ одной стороны, исключительную привязанность и восторженное отношеніе, а съ другой - рѣзкое отрицаніе и даже враждебность. Представители школы, имъ основанной,

считали его однимъ изъ мудрецовъ и благодѣтелей человѣчества, наравнѣ съ Сократомъ. Открытіе „Экономической таблицы" Мирабо приравнивалъ къ изобрѣтенію письма и монеты. Но не было недостатка въ критикахъ и враждебныхъ. Въ числѣ этихъ критиковъ заслуживаетъ упоминанія Вольтеръ, который сначала относился къ физіократамъ отрицательно, а затѣмъ сдѣлался другомъ и поклонникомъ Тюрго и другихъ физіократовъ. Затѣмъ, изъ крупныхъ противниковъ физіократовъ слѣдуетъ упомянуть еще Мабли, одного изъ коммунистовъ XVIII вѣка, который въ числѣ другихъ мотивовъ противъ физіократовъ выставлялъ ихъ приверженность къ частной собственности и возведеніе частной собственности въ естественное право, составляющее основу ученія физіократовъ. Это было для коммунистическаго настроенія Мабли глубоко антипатично. Съ точки зрѣнія реалистической политики физіократовъ критиковалъ аббатъ Галіяни. Онъ доказывалъ, что нѣтъ и не можетъ быть такой универсальной политики, которую физіократы видѣли въ свободѣ торговли, что иногда такая политика можетъ быть цѣлесообразна, полезна и желательна, но въ другихъ случаяхъ нуженъ протекціонизмъ.

Что касается школы физіократовъ и ея послѣдователей, то можно назвать рядъ крупныхъ экономистовъ физіократической школы, изъ которыхъ каждый представляетъ собой болѣе или менѣе значительную величину.

Общее собраніе сочиненій всѣхъ физіократовъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка было издано на французскомъ языкѣ Дюпономъ, который во вступительной статьѣ далъ характеристику физіократовъ.

Кромѣ названныхъ мною-Мирабо, Мерсье-де-Ларивьера, Гурнэ -слѣдуетъ отмѣтить еще Летрона и въ особенности Тюрго, извѣстность котораго соперничаетъ съ извѣстностью самого Кенэ.

Тюрго былъ государственный дѣятель предреволюціонной эпохи.

Онъ родился въ 1727 году, въ семьѣ купеческаго старосты въ Парижѣ, и здѣсь готовился къ духовному званію. Онъ былъ избранъ пріоромъ въ Сорбоннѣ, но рѣшилъ отказаться отъ духовнаго званія. Здѣсь онъ началъ знакомиться съ физіократами и энциклопедистами и особенно подружился съ Гурнэ. Въ 1761 г. Тюрго былъ сдѣланъ интендантомъ Лиможскаго губернаторства и старался принимать всякія мѣры къ развитію благосостоянія населенія, особенно же къ борьбѣ съ голодовками. Онъ сдѣлалъ здѣсь рядъ опытовъ примѣненія мѣръ физіократовъ по отношенію къ упорядоченію торговли, и т.к. эти опыты ему удались, то онъ сдѣлался еще большимъ энтузіастомъ этихъ идей. Послѣ смерти Людовика ХУ, при Людовикѣ ХУІ, Тюрго былъ сдѣланъ министромъ торговли въ 1776 году, а затѣмъ генеральнымъ контролеромъ финансовъ. Его дѣятельность въ качествѣ министра финансовъ уже принадлежитъ исторіи. Но въ 1776 году онъ получилъ отставку. Умеръ онъ въ Версали въ 1781 году. Его главное сочиненіе носитъ названіе: „Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ," „Reflexions sur la formation et distribution des richesses". Оно было написано въ 1776 г. для двухъ китайскихъ студентовъ, возвращавшихся изъ Франціи на родину, и изложенныхъ въ видѣ параграфовъ числомъ въ 100. Въ началѣ этого трактата Тюрго останавливается надъ вопросомъ о причинахъ происхожденія торговли. Если бы земля была раздѣлена, разсуждаетъ

Тюрго, въ такомъ количествѣ, что каждый производилъ бы продукты труда, достаточные только для себя, то въ такомъ случаѣ не было бы торговли. Но онъ считаетъ это предположеніе невозможнымъ вслѣдствіе того, что свойства земли различны, а человѣческія потребности многочисленны. Благодаря этому возникаетъ обмѣнъ. При обмѣнѣ земледѣліе является, на ряду съ другими отраслями народнаго труда, лишь одной изъ этихъ отраслей, сохраняя однако свое исключительное значеніе - быть единственнымъ источникомъ существованія общества. Изъ земледѣлія оплачивается трудъ, какъ рабочихъ, занятыхъ въ неземледѣльческихъ отрасляхъ труда, такъ и всѣхъ остальныхъ нерабочихъ членовъ общества, поэтому классъ земледѣльцевъ онъ называетъ классомъ производительнымъ, classe productive. Не земля становится собственностью отдѣльнаго класса землевладѣльцевъ, а воздѣлываютъ ее рабочіе, такъ что классъ производительный, classe productive, распадается на два класса: 1) собственниковъ и 2) рабочихъ. Классъ непроизводительный или оплачиваемый, classe stipendiée, тоже распадается на рабочихъ и на нерабочихъ, т.е. капиталистовъ.

Тюрго въ общемъ пользовался ходомъ мысли Кенэ и физіократической школы. Онъ особенно останавливается надъ вопросомъ о капиталѣ и происхожденіи прибыли на капиталъ. Происхожденіе капитала Тюрго объясняетъ изъ сбереженія. Назначеніе его можетъ быть различно. Онъ можетъ быть употребленъ на покупку земли, затѣмъ на мануфактуры и, наконецъ, можетъ быть приложенъ къ воздѣлыванію земли, торговлѣ и отдачѣ въ ростъ. Какъ бы ни распредѣлялся капиталъ въ различныхъ отрасляхъ труда, во всякомъ случаѣ остается неопровержимымъ то положеніе, что сум-

ма національнаго богатства страны составляется изъ годового чистаго продукта земледѣлія, которая, только обращаясь по разнымъ каналамъ, въ разныхъ формахъ, образуетъ чистый доходъ. Тюрго, какъ и Кенэ, поэтому является сторонникомъ мнѣнія, что земледѣліе есть первоначальный и единственный источникъ всякаго богатства, и, исходя изъ этого, онъ является сторонникомъ единаго налога.

Въ исторіи политической экономіи трактатъ Тюрго заслуживаетъ вниманія главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что здѣсь онъ выступаетъ съ изложеніемъ изученія экономической дѣйствительности, наиболѣе приближающимся какъ къ Адаму Смиту, такъ и вообще къ современной политической экономіи, т.е. включающимъ въ себѣ анализъ не только земледѣлія, но и капитала и капиталистическаго производства, хотя и въ весьма загадочной формѣ.

Физіократы сыграли свою роль на континентѣ, они провозгласили тамъ идеи естественной свободы и защиту земледѣлія, и вліяніе ихъ во французской исторіи, хотя иногда и косвенное, можно прослѣдить уже въ судьбахъ революціоннаго законодательства. Ихъ вліяніе на умы можно наблюдать и за предѣлами Франціи, напр., въ Германіи. Были сторонники этихъ идей и въ другихъ странахъ, и у насъ въ Россіи Екатерина II находилась въ личномъ знакомствѣ и перепискѣ съ представителями физіократовъ, хотя дальше этой переписки не шла. За предѣлами Франціи вліяніе физіократовъ вообще было менѣе, нежели у себя на родинѣ.

Теперь намъ слѣдуетъ перенестись опять въ Англію съ тѣмъ, чтобы обратиться къ знакомству съ Адамомъ Смитомъ, имѣющимъ для

Англіи значеніе, аналогичное съ тѣмъ, какое имѣли физіократы для Франціи, и вообще занимающимъ въ политической экономіи исключительное мѣсто.

Адамъ Смитъ родился въ 1723 году въ Шотландіи, въ семьѣ нотаріуса. Онъ учился въ Глазговскомъ университетѣ и былъ командированъ въ Оксфордъ, гдѣ занимался главнымъ образомъ философіей. Занятія философіей и были его главной спеціальностью. Въ Глазговѣ онъ сдѣлался профессоромъ риторики и эстетики, потомъ логики и нравственной философіи.

Въ 1764 онъ оставилъ профессуру и сталъ путешествовать по Европѣ, былъ въ Парижѣ, посѣтилъ Кенэ, котораго настолько высоко чтилъ, что предполагалъ посвятить ему „Богатство народовъ", впоследствіе однако послѣ смерти Кенэ. Несомнѣнно, онъ въ извѣстной степени подчинялся вліянію идей Кенэ. Послѣ двухлѣтняго путешествія онъ возвратился въ родной городъ и уединился на долгій срокъ, почти на 8 лѣтъ, оставилъ профессорскую дѣятельность, отказавшись отъ всякихъ публичныхъ выступленій, всецѣло сосредоточившись на обработкѣ своего труда, „Богатства народовъ." Черта, во всякомъ случаѣ, отмѣчающая крупный умъ и могучій духъ, эта способность уйти въ себя на много лѣтъ съ тѣмъ, чтобы выносить въ себѣ значительное произведеніе. Въ 1773 году онъ переселился въ Лондонъ, гдѣ и началъ печатаніе своего труда (въ 1775г.), выпустилъ же его въ 1776 году. Скончался Адамъ Смитъ въ Эдинбургѣ въ 1778г. Семьи онъ не имѣлъ и былъ одинокимъ. Вотъ внѣшній скелетъ его біографіи, неблещущей событіями. Гораздо интереснѣй его духовный обликъ. Когда

приходится характеризовать міровоззрѣніе человѣка, занимающаго такую видную роль въ исторіи экономической науки, и въ то же время имѣющаго общее міровоззрѣніе, не вмѣщающееся въ область экономической науки, то тогда является очень большое затрудненіе съ той стороны, что это общее міровоззрѣніе стоитъ обыкновенно въ тѣснѣйшей связи съ современниками и предшественниками даннаго писателя въ области философіи. Между тѣмъ вводить ученія этихъ философскихъ предшественниковъ и современниковъ въ курсъ исторіи политической экономіи невозможно, поэтому приходится быть скромнымъ и ограничиваться самыми общими указаніями въ такомъ важномъ вопросѣ.

Относительно Адама Смита, такъ же какъ и относительно физіократовъ, слѣдуетъ сказать и запомнить, что экономическое міровоззрѣніе Адама Смита, его „Богатство народовъ", есть только уголокъ, одна изъ подробностей его общаго міровоззрѣнія, разработаннаго по широкому философскому плану. Да и былъ онъ профессоромъ нравственной философіи, такъ что его экономическая система вошла лишь какъ одинъ изъ отдѣловъ нравственной философіи, которую онъ читалъ въ Глазговскомъ университетѣ.

Адамъ Смитъ находится въ тѣсной связи съ шотландскими матеріалистами и философами, его предшественниками и современниками. Если выразить отличительныя черты его міровоззрѣнія въ грубой формѣ, то можно сказать, что вообще міровоззрѣніе его есть оптимистическій англійскій деизмъ. Исходной точкой его философіи является чисто религіозное ученіе о Богѣ, Котораго отличительныя черты суть мудрость и благость, и эти черты положены въ основу его

міросозерцанія. Для осуществленія этихъ цѣлей мудрость нуждается въ рядѣ посредствующихъ причинъ, дѣйствующихъ одна на другую по силѣ естественной необходимости, съ механической обусловленностью. Но этотъ естественный механизмъ, который представляется мертвымъ и не имѣющимъ въ себѣ активной цѣли, на самомъ дѣлѣ есть только средство для безконечной мудрости, только инструментъ для осуществленія божественныхъ цѣлей. „Колеса міра устроены такъ, что въ своемъ движеніи производятъ порядокъ, гармонію, красоту и блаженство." Въ этомъ исходномъ пунктѣ міровоззрѣнія Адама Смита и Кенэ можно усмотрѣть весьма большое сходство, хотя философское объясненіе этой точки зрѣнія у нихъ весьма различно. Подобно тому, какъ естество - испытателями изучаются законы міра для того, чтобы понять механизмъ внѣ насъ лежащій, общественный дѣятель, изучающій науку о человѣкѣ, изучаетъ человѣческую душу и ея мотивы для того, чтобы понять механизмъ человѣческой души и ту необходимость, съ которой мотивы чередуются между собой и приводятъ ее къ извѣстному дѣйствію.

Задача философской политики заключается, поэтому, съ точки зрѣнія міровоззрѣнія Адама Смита въ томъ, чтобы, понимая и изучая этотъ механизмъ, уже не внѣшній, а внутренній механизмъ человѣческой души, человѣческихъ мотивовъ, отмѣчать и раскрывать заложенный въ человѣческой душѣ Творцомъ порядокъ, приводящій къ гармоніи. Человѣческая душа, по ученію Адама Смита, обладаетъ различными стремленіями, различными мотивами, въ числѣ которыхъ существуютъ мотивы характера альтруистическаго, связанные съ чувствомъ

симпатіи, и мотивы характера эгоистическаго, связанные съ естественнымъ себялюбіемъ. Смитъ, выводя эти мотивы, не противопоставляетъ ихъ одинъ другому, какъ мотивы нравственные и безнравственные; напротивъ, исходя изъ своей идеи о существованіи общей міровой гармоніи, о существованіи порядка въ мірѣ, дѣйствующаго съ естественною необходимостью, онъ считаетъ, что и тѣ и другія человѣческія дѣйствія служатъ на благо, какъ человѣку, такъ и человѣчеству. Поэтому этическій законъ для человѣка у него является слѣдствіемъ этихъ естественныхъ стремленій человѣка въ тѣхъ границахъ, которыя опредѣляются совѣстью. Благодаря этому, Смитъ не разрываетъ и не противопоставляетъ мотивовъ характера альтруистическаго и мотивовъ характера эгоистическаго, а, напротивъ, констатируетъ присутствіе ихъ въ человѣческой душѣ рядомъ. Изучая ихъ, онъ съ одной стороны, развиваетъ систему, основанную на благожелательности, на альтруизмѣ, а съ другой стороны, изучаетъ то, что получается вслѣдствіе дѣйствія мотивовъ эгоистическихъ. Очень много недоразумѣній въ исторіи политической экономіи связано съ этимъ основнымъ пониманіемъ человѣческой природы у Адама Смита. Дѣло въ томъ, что, кромѣ „Богатства народовъ", и раньше его, Адамъ Смитъ написалъ сочиненіе по нравственной философіи, которое называется „Теорія нравственныхъ чувствъ." Это сочиненіе вышло въ 1759 г. и выдержало при жизни автора шесть изданій. Это сочиненіе представляетъ собой изслѣдованіе нравственной природы человѣка и нравственной жизни, которая развивается на основѣ этой природы. Въ основу нравственной жизни положено здѣсь чувство симпатіи, мотивы альтруистическіе. Подъ сим-

патіей Адамъ Смитъ подразумѣваетъ всякое переживаніе человѣческой личности, которое сопереживается другой человѣческой личностью, такъ что сочувствіе здѣсь понимается буквально: чувство вызываетъ въ другой человѣческой душѣ извѣстный резонансъ. И по мнѣнію Смита, то, что вызываетъ человѣческую симпатію, вмѣстѣ съ тѣмъ является нравственнымъ; чувство симпатіи онъ полагаетъ вообще въ основу нравственной оцѣнки. Даже понятіе совѣсти Адамъ Смитъ сводитъ къ такому сужденію другихъ, хотя и придаетъ ей значеніе внутренняго сдерживающаго мотива; но это значеніе совѣсти уже производное; ея первоначальное происхожденіе связано съ чувствомъ симпатіи. Въ основѣ моральныхъ требованій у Смита лежитъ начало религіозное, заповѣдь Божія. Сущность этой заповѣди Божьей заключается въ томъ, что она требуетъ содѣйствія человѣческому счастью, такъ что человѣкъ, дѣйствующій по мотивамъ морали, является какъ бы сотрудникомъ Бога. Несоотвѣтствіе между наказаніемъ и наградой за дѣла человѣческія, которое наблюдается въ этой жизни, Смитъ устраняетъ ссылкой на будущую жизнь, при чемъ часто говоритъ о невидимой рукѣ, направляющей распредѣленіе благъ и экономическую жизнь. Природа такъ устроена, что то, что осуждается совѣстью и нравственными чувствами, то вредно для общества. Вотъ основная мысль, которая положена и разработана подробно въ сочиненіи „Теорія нравственныхъ чувствъ". Слѣдовательно, спеціальный предметъ изученія этой книги есть вліяніе альтруистическихъ мотивовъ, но такъ какъ Смитъ констатируетъ въ человѣкѣ рядомъ съ альтруистическими и мотивы эгоистическіе, то рядомъ съ изученіемъ мотивовъ альтруистическихъ онъ ставитъ себѣ задачей изученіе мотивовъ эгои-

стическихъ въ различныхъ сторонахъ приложенія къ жизни и въ частности къ экономической дѣятельности. И „Богатство народовъ" явилось какъ бы одной изъ главъ его этической, общефилософской системы, именно главой, изучающей вліяніе эгоистическихъ мотивовъ. Въ этомъ отношеніи планъ чтенія Адама Смита былъ даже шире, чѣмъ это выражено въ двухъ его сочиненіяхъ, именно общій предметъ, по которому Адамъ Смитъ читалъ лекціи, распадается на такія четыре части: въ первой части онъ излагаетъ естественную теологію, во второй части - этику, въ третьей - юриспруденцію, въ четвертой онъ подвергалъ изслѣдованію тѣ „политическія мѣропріятія, которыя основываются на практической неотложности и имѣютъ въ виду увеличить благосостояніе, силу и богатство государства." Въ дальнѣйшемъ была намѣчена система эстетики и, наконецъ, цѣлый рядъ другихъ вопросовъ общественнаго характера. Если забыть или не принять во вниманіе этотъ общій планъ работъ Адама Смита и его міровоззрѣніе, то покажется, что между „Теоріей нравственныхъ чувствъ" и „Богатствомъ народовъ" существуетъ не только несогласованность, а прямо противорѣчіе. Въ одномъ онъ разсматриваетъ человѣка, какъ существо, дѣйствующее по мотивамъ альтруизма, а въ другомъ, какъ существо, преслѣдующее исключительно свою выгоду. „Богатство народовъ" выработало ту фикцію, которая была принята и развита дальше въ политической экономіи, которая осталась даже въ марксизмѣ, фикцію о такъ называемомъ „экономическомъ человѣкѣ", т.е. такое представленіе о человѣкѣ, что человѣкъ руководится всегда и во всемъ исключительно мотивами себялюбія, экономическаго расчета. Это у Адама Смита однако не противорѣчіе, а просто спеціализація изу-

ченія различныхъ сторонъ дѣятельности человѣческой души, при чемъ одно восполняетъ у него другое. „Богатство народовъ", которое считается общепризнаннымъ, какъ первый трактатъ современной политической экономіи, и является, во всякомъ случаѣ, классическимъ сочиненіемъ экономической науки, и по своему происхожденію представляетъ изъ себя какъ бы прикладной отдѣлъ нравственной философіи. Послѣдняя, стало быть, явилась колыбелью для политической экономіи.

Нужно особенно обратить вниманіе на тотъ историческій фактъ, что у физіократовъ и у Адама Смита политическая экономія есть только часть или глава болѣе общаго широкаго міровоззрѣнія и далека отъ той односторонней спеціализаціи, какъ теперь.

Что касается самого сочиненія и общей оцѣнки его, то можно сказать, что оно представляетъ изъ себя произведеніе несомнѣнно выдающагося ума, тонкаго наблюдателя и сосредоточеннаго мыслителя. Оно не является въ то же время произведеніемъ творческаго духа, которое бы пролагало новые пути. Въ этомъ отношеніи Адамъ Смитъ стоитъ ниже, чѣмъ его предшественникъ Франсуа Кенэ. Значеніе Адама Смита не въ томъ, что онъ сказалъ новое, но главнымъ образомъ въ томъ, что онъ старое сказалъ такъ, что оно послышалось какъ бы по новому. Это есть особое свойство литературнаго и научнаго таланта, которое имѣетъ самостоятельную цѣнность на ряду съ научнымъ творчествомъ; но смѣшивать ихъ не слѣдуетъ. Совершенно несправедливо было бы считать, на основаніи этой оцѣнки, Адама Смита какимъ то компиляторомъ. Его работа есть, во всякомъ случаѣ, творческая работа. Что касается внѣшней формы плана сочиненія, то она страдаетъ несистематичностью,

такъ что даже существуютъ особые указатели относительно порядка, въ какомъ его нужно читать, чтобы оно было естественно и последовательно. Но эта несистематичность изложенія не доказываетъ, чтобы ея не было въ головѣ у Смита, или что онъ не руководился какой-либо опредѣленной мыслью для приданія того или другого внѣшняго порядка своему сочиненію. Но эти соображенія были не столько теоретическія, сколько практическія.

Свое сочиненіе Смитъ раздѣляетъ на пять книгъ. Первая книга посвящена вопросу о „причинахъ, вслѣдствіе которыхъ увеличивается производительная сила труда и порядокъ, по которому произведенія труда естественнымъ образомъ распредѣляются между разными классами людей." Подъ этой неопредѣленной рубрикой онъ изслѣдуетъ ученіе о трудѣ и раздѣленіи труда, о заработной платѣ, о прибыли на капиталъ и о рентѣ и, наконецъ, нѣкоторыя данныя объ употребленіи денегъ. Вторая книга посвящена вопросу о природѣ запасовъ и капитала. Здѣсь онъ изучаетъ условія капиталистическаго производства. Третья книга носитъ характеръ исторически-описательный, трактуетъ объ общемъ ходѣ развитія хозяйствъ у разныхъ народовъ и соотвѣтствуетъ нашей теперешней исторіи хозяйственнаго быта. Четвертая книга даетъ общую картину историческаго развитія системъ политической экономіи. Здѣсь онъ главнымъ образомъ считается съ меркантилизмомъ въ теоріи и въ практикѣ. Наконецъ, пятая книга посвящена вопросу о финансахъ.

Я познакомлю васъ съ основными экономическими идеями „Богатства народовъ" довольно подробно, въ виду того, что идеи Адама Смита и его ученіе оказали большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе полити-

ческой экономіи и въ значительной степени воспроизводятся въ современной политической экономіи.

Основное положеніе Адама Смита, съ котораго открывается „Богатство народовъ", есть та великая народно-хозяйственная идея, что истиннымъ источникомъ богатства народовъ, народнаго достоянія является народный трудъ.

Какъ глашатай этой идеи, Адамъ Смитъ не является, конечно, новаторомъ. Я уже сообщалъ, что и у Локка, и у Юма, и у Петти и у цѣлаго ряда предшественниковъ высказывалась мысль о томъ, что трудъ есть источникъ, причина цѣнностей,- тѣмъ не менѣе лишь Адамъ Смитъ эту идею положилъ въ основу пониманія всей экономической жизни; лишь именно онъ сдѣлалъ ее основаніемъ системы политической экономіи. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что такую роль въ исторіи политической экономіи идея труда играетъ только у Адама Смита. „Годовой трудъ народа, учитъ Смитъ, есть первоначальный запасъ, доставляющій ему для его годового потребленія всѣ предметы, необходимые или удобные для жизни, и всѣ эти предметы или бываютъ непосредственными продуктами этого труда или покупаются на него у другихъ народовъ. Въ этомъ провозглашеніи труда источникомъ богатства заключается молчаливая или скрытая полемика съ предшествующими ученіями, съ меркантилизмомъ и физіократами.

Положеніе Смита о томъ, что трудъ есть единственный источникъ богатства, можно дополнить отрицаніемъ основныхъ идей меркантилистовъ и физіократовъ, можно дополнить его прибавкой, что „не земля и

не деньги"- источникъ богатства.

Указывая на этотъ источникъ народнаго богатства, Смитъ предполагаетъ тѣмъ самымъ изслѣдовать механизмъ народнаго хозяйства глубже и всесторонніе, нежели его предшественники, прослѣдить судьбы и организацію человѣческаго труда на протяженіи всего народнаго хозяйства.

Первыя наблюденія Адама Смита, которыя онъ дѣлаетъ относительно человѣческаго труда, и которыми открывается книга первая „Богатства народовъ", относятся къ раздѣленію труда. „Самыя значительныя улучшенія производительной силы труда и наибольшая часть искусства, ловкости и ума, которыми онъ управляется или примѣняется къ дѣлу, обязаны, кажется, раздѣленію труда," говоритъ Адамъ Смитъ. „Чтобы составить себѣ наглядным образомъ понятіе о томъ, какое вліяніе имѣетъ раздѣленіе труда на общую промышленность народа, достаточно только обратить вниманіе на послѣдствія примѣненія этого раздѣленія на какомъ-нибудь отдѣльномъ производствѣ. Обыкновенно предполагаютъ, что раздѣленіе труда доведенно до крайней степени на нѣкоторыхъ мануфактурахъ, гдѣ выдѣлываются предметы самой малой цѣнности. Въ дѣйствительности оно можетъ быть и не идетъ тамъ такъ далеко, какъ на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фабрикахъ; но дѣло въ томъ, что на мануфактурахъ, гдѣ производятся мелкіе предметы, требуемые обыкновенно небольшимъ числомъ потребителей, общее число рабочихъ на нихъ бываетъ невелико, и при томъ тѣ изъ нихъ, которые заняты въ отдѣльныхъ отрасляхъ одного и того же производства, часто могутъ быть собраны въ одной мастерской и находиться вмѣстѣ въ одно время передъ глаза-

ми наблюдателя. Напротивъ, на большихъ фабрикахъ, приготовляющихъ предметы потребленія для большой массы народа, каждая отдѣльная часть работы занимаетъ такъ много рабочихъ, что невозможно бываетъ собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ одной мастерской. На такихъ обширныхъ фабрикахъ можно видѣть вмѣстѣ только такихъ рабочихъ, которые дѣлаютъ какое-нибудь одно дѣло. Хотя на такихъ фабрикахъ работа въ дѣйствительности и раздѣлена на гораздо большее число отдѣльныхъ частей, чѣмъ на мануфактурахъ, однако тамъ это раздѣленіе менѣе замѣтно, а потому оно и меньше обращаетъ на себя вниманіе.* Для примѣра, чтобы понять раздѣленіе труда, Адамъ Смитъ останавливаетъ свое вниманіе на знаменитомъ примѣрѣ булавочной мануфактуры, который переходитъ во всѣ учебники политической экономіи. Онъ говоритъ, что наблюдалъ булавочную мануфактуру, въ которой производство булавокъ раздѣлялось на 18 операцій, производимыхъ 10 рабочими, которые успѣвали сработать вмѣстѣ 48 тыс. булавокъ въ день, такъ что на каждаго рабочаго приходилось 4800 булавокъ; а если бы не было раздѣленія труда каждый не сработалъ бы и 20 булавокъ. Далѣе, изучая раздѣленіе труда, Адамъ Смитъ высказываетъ другое характерное наблюденіе, именно, что „такое разъединеніе работъ бываетъ сильнѣй въ тѣхъ странахъ, которыя достигли наибольшей степени развитія; что въ обществѣ еще грубомъ составляетъ работу одного человѣка, то въ обществѣ болѣе развитомъ распредѣляется между многими рабочими. Въ каждомъ развитомъ обществѣ фермеръ всегда остается фермеромъ, фабрикантъ = фабрикантомъ. Трудъ, необходимый для окончательнаго производства какого-нибудь мануфактурнаго предмета, также почти всегда

распредѣляется между большимъ числомъ рукъ." Въ приведенномъ сужденіи Смита о раздѣленіи труда высказывается соображеніе двоякаго характера. Съ одной стороны его соображенія относятся къ техническому раздѣленію труда или къ раздѣленію труда внутри мастерской. То, что онъ говоритъ о булавочной мануфактурѣ, касается техническаго раздѣленія труда, разложенія общаго производственнаго процесса на рядъ отдѣльныхъ операцій. Это раздѣленіе труда внутри мастерской, порученіе отдѣльныхъ операцій отдѣльнымъ рабочимъ вызывается техническими соображеніями производства, но оно само по себѣ еще не характеризуетъ общественной организаціи труда. Съ другой стороны Адамъ Смитъ говоритъ уже о раздѣленіи труда въ обществѣ, т.е.о раздѣленіи хозяйственныхъ задачъ между отдѣльными лицами. „мануфактуристъ остается всегда мануфактуристомъ, фермеръ - фермеромъ, рабочій - рабочимъ и т.д." Эти два рода раздѣленія труда, которые Смитъ смѣшиваетъ или недостаточно различаетъ,- раздѣленіе труда техническое и общественное, въ мастерской и внѣ мастерской,- хотя и связаны между собой, но суть совершенно разныя вещи. Это смѣшеніе есть большой недостатокъ и неясность Смитовскаго анализа.

Между тѣмъ то и другое не совпадаетъ, потому что техническое раздѣленіе труда болѣе или менѣе свойственно каждой хозяйственной эпохѣ, а общественнымъ раздѣленіемъ труда отличаются уже общественно-хозяйственныя эпохи и больше всего эпоха народнаго хозяйства. Но дѣлаетъ честь аналитическому уму Адама Смита то, что онъ останавливаетъ свое вниманіе прежде всего на этомъ фактѣ раздѣленія труда, потому что, дѣйствительно, основа народнаго хозяйства, того,

которое изучалъ Адамъ Смитъ, т.е. хозяйство начинающагося капитализма и, во всякомъ случаѣ, развитого мѣнового хозяйства, заключается въ широкомъ проведеніи раздѣленія труда. Трудъ становится удивительнымъ по своей сложности и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей силѣ. Необъятно въ виду той же сложности становится и зданіе народнаго хозяйства, которое изучаетъ политическая экономія. Изъ общаго курса политической экономіи вы знаете, что всѣхъ проблемъ, всѣхъ задачъ политической экономіи не было бы, если бы не было общественнаго раздѣленія труда. Вся экономическая жизнь имѣла бы характеръ частнаго хозяйства. Адамъ Смитъ понимаетъ все то великое, совершенно исключительное значеніе, которое имѣетъ это раздѣленіе труда: „это [illegible] умноженіе произведеній, - говоритъ Адамъ Смитъ, - всѣхъ возможныхъ искусствъ и ремеслъ, происходящее отъ раздѣленія труда, вызываетъ въ обществѣ, хорошо управляемомъ, общее благосостояніе, простирающееся въ самые низшіе слои народа. У каждаго рабочаго остается большое количество труда, которымъ онъ вполнѣ можетъ располагать сверхъ того, что онъ употребляетъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, а такъ какъ и другіе рабочіе находятся въ томъ же положеніи, то и является возможность взаимнаго обмѣна большаго количества продуктовъ, составляющихъ избытокъ этого труда. Одинъ рабочій можетъ обильно снабдить другихъ рабочихъ тѣмъ, что имъ нужно, и, въ свою очередь, получить отъ нихъ то, въ чемъ онъ самъ нуждается, вслѣдствіе чего и развивается общее благосостояніе во всѣхъ классахъ общества." Смитъ предлагаетъ далѣе: „присмотритесь, изъ чего въ странѣ образованной и развивающейся состоитъ движимое имущество

простого поденщика или послѣдняго чернорабочаго и вы увидите, что невозможно даже пересчитать людей, которые своимъ трудомъ содѣйствовали снабженію его какой-нибудь частью этого имущества." Въ этомъ отношеніи онъ не видитъ даже разницы между отдѣльными общественными ступенями. „Правда,- говоритъ онъ дальше,- его обстановка покажется чрезвычайно простой и обыкновенной, если сравнить ее съ чрезвычайной роскошью большого барина; однако между обстановкой какого-нибудь европейскаго государя и трудолюбиваго, домовитаго крестьянина не окажется, можетъ быть, такой разницы, какъ между обстановкой этого послѣдняго и какого-нибудь африканскаго государя, властвующаго надъ десяткомъ тысячъ нагихъ дикарей и безусловно располагающаго ихъ свободой и самой жизнью." Естественно возникаетъ вопросъ, откуда же, какимъ образомъ появляется раздѣленіе труда, въ чемъ его источникъ? Адамъ Смитъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ просто и въ извѣстномъ смыслѣ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, наивно. Онъ говоритъ, что раздѣленіе труда „есть необходимое, хотя медленно и постепенно развивающееся, послѣдствіе опредѣленнаго, враждебнаго всѣмъ людямъ стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ взаимному обмѣну одного предмета на другой безъ всякаго предвзятаго расчета[3] относительно ожидаемой отъ того выгоды." Дѣйствительно, въ современной политической экономіи, въ особенности въ современной исторической наукѣ, пролито много свѣта на то, какой сложный, продолжительный и многообразный процессъ раздѣленіе труда и образованіе народнаго хозяйства. Нельзя, разумѣется, винить Смита за то, что онъ не располагалъ научными знаніями этой эпохи. Тамъ, гдѣ

въ его время было пустое мѣсто, оно могло быть заполнено предположеніями болѣе или менѣе дедуктивнаго характера. Въ настоящее время наука представила богатый историческій матеріалъ, позволяющій болѣе точно формулировать вопросъ и на него отвѣтить.

Что касается естественныхъ и психологическихъ предпосылокъ раздѣленія труда, того, что ложится въ основу спеціалистовъ - людей, Адамъ Смитъ смотритъ очень просто и, пожалуй, грубо. Онъ полагаетъ, что „различіе врожденныхъ талантовъ у людей совсѣмъ не такъ велико, какъ мы воображаемъ себѣ, и различныя способности, которыми они, достигнувъ зрѣлаго возраста, отличаются по своимъ занятіямъ, составляютъ въ большинствѣ случаевъ не столько причину, сколько послѣдствіе раздѣленія труда. Различіе между людьми, посвятившими себя самымъ противоположнымъ занятіямъ, какъ, напримѣръ, между философомъ и простымъ носильщикомъ, зависитъ гораздо менѣе отъ ихъ натуры, чѣмъ отъ привычекъ и воспитанія." Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще рѣзче: „философъ по своей природѣ наполовину не представляетъ по своимъ способностямъ и уму такого отличія отъ носильщика, какое существуетъ между дворовой и борзой собакой, между борзой и лягавой, между лягавой и овчаркой. Тѣмъ не менѣе эти различныя породы животныхъ, хотя и принадлежатъ къ одному и тому же виду, почти безполезны другъ для друга." Разумѣется, много правды въ этомъ замѣчаніи. Справедливо, что въ настоящее время профессія и спеціальность опредѣляются въ значительной степени внѣшними условіями, образованіемъ, воспитаніемъ.

экономическимъ положеніемъ и т.д. Про интеллектуальныя профессіи слѣдуетъ сказать то же самое; въ настоящее время образованіе, не только высшее, но и среднее, не каждому доступно. Высшія интеллектуальныя профессіи являются не столько принадлежностью исключительной одаренности, сколько извѣстнаго соціальнаго и имущественнаго положенія, и чѣмъ дальше идетъ нивелировка въ образованіи, чѣмъ оно становится доступнѣе, тѣмъ больше это искусственное различіе уступаетъ мѣсто естественному. Но нельзя согласиться со Смитомъ въ стремленіи къ полному уничтоженію различій между людьми, потому что такой рѣдкій талантъ, какъ талантъ философа, нельзя получить воспитаніемъ; вся исторія культуры и человѣческой мысли говоритъ объ этомъ, и нужно признать, что Смитъ здѣсь чрезмѣрно увлекся въ развитіи своей идеи.

Что касается размѣровъ раздѣленія труда, то Смитъ совершенно правильно и понятно устанавливаетъ, что размѣры раздѣленія труда опредѣляются рынкомъ. И современная историческая наука въ своемъ ученіи о стадіяхъ народнаго быта, о переходѣ хозяйства отъ стадіи семейнаго хозяйства къ городскому, отъ городского къ территоріальному и народному устанавливаетъ то же самое положеніе, что размѣры раздѣленія труда связаны съ размѣрами рынка. Отъ ученія о раздѣленіи труда Адамъ Смитъ переходитъ къ вопросу о деньгахъ. Обыкновенно, въ теперешнихъ учебникахъ политической экономіи ученіе о деньгахъ относится большею частью къ одному изъ послѣднихъ отдѣловъ экономической науки. Смитъ, который изслѣдуетъ раздѣленіе труда и обмѣнъ, естественно тотчасъ же наталкивается на то видѣ-

леніе обмѣна, на тотъ осадокъ, который получается при этомъ раздѣленіи труда и составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ для него условіе, именно останавливается на вопросѣ о деньгахъ. Изъ учебниковъ политической экономіи вы знаете все неудобство натуральнаго обмѣна и всю необходимость выработки, установленія такого товара, который бы являлся всеобщимъ мѣновымъ эквивалентомъ. Такимъ эквивалентомъ становятся деньги. Когда появляются деньги-товаръ, то возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ объ отношеніяхъ между деньгами и тѣми товарами, которые онѣ призваны обращать. Отношенія между деньгами и товарами являются ихъ цѣной, а правиломъ, по которому опредѣляется ихъ цѣна, будетъ ихъ болѣе или менѣе устойчивая цѣнность. Это естественно приводитъ Адама Смита къ изслѣдованію нѣкоторыхъ коренныхъ вопросовъ теперешней теоретической экономіи, къ вопросу о цѣнности. „Слово цѣнность,— разсуждаетъ Адамъ Смитъ; а за нимъ и вся политическая экономія,— имѣетъ двоякое значеніе: цѣнность въ смыслѣ полезности предмета, т.е. цѣнность потребительная, и затѣмъ цѣнность въ смыслѣ выгоды, или цѣнность мѣновая." Смитъ останавливается передъ тѣмъ несоотвѣтствіемъ, которое существуетъ нерѣдко между этой мѣновой и потребительной цѣнностью. Смитъ говоритъ, что богатство, обладающее необходимой потребительной цѣнностью, имѣетъ нерѣдко меньшую мѣновую цѣнность, чѣмъ предметъ роскоши, и наоборотъ. „Нѣтъ, напримѣръ, ничего полезнѣе воды, но на нее почти нельзя ничего купить и едва ли возможно въ обмѣнъ на нее пріобрѣсть что-нибудь. Наоборотъ, алмазъ не имѣетъ почти никакой цѣнности въ отношеніи его непосредственнаго потребленія, а между тѣмъ на него постоянно

вымѣнивается большое количество другихъ товаровъ." Въ установленіи этого несоотвѣтствія и въ разъясненіи правилъ, которыми опредѣляется обмѣнъ, Смитъ выработалъ свою теорію цѣнностей. „Человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря по тѣмъ средствамъ, на которыя онъ можетъ пріобрѣсть предметы необходимости, удобства или удовольствія въ жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности установилось раздѣленіе труда, человѣкъ однимъ только личнымъ трудомъ своимъ можетъ добыть лишь весьма небольшую часть этихъ предметовъ, а наибольшую часть ихъ онъ можетъ получить только отъ труда другихъ. Слѣдовательно, человѣкъ бываетъ богатъ или бѣденъ, смотря по тому количеству труда, которое онъ въ состояніи заказать или купить. Такимъ образомъ, цѣнность всякаго предмета для того, кто, владѣя имъ, не желаетъ однако воспользоваться имъ для своего личнаго потребленія, а предполагаетъ промѣнять его на что-нибудь другое, равняется количеству труда, которое онъ можетъ купить или заказать на него." Вотъ первое опредѣленіе мѣновой цѣнности, которое дѣлаетъ Адамъ Смитъ. Это есть количество труда, которое можно получить взамѣнъ своего товара. „Слѣдовательно, трудъ есть дѣйствительное мѣрило мѣновой цѣнности всякаго товара." Въ дальнѣйшемъ развитіи этой идеи онъ даетъ варіантъ, въ значительной степени отличающійся отъ первоначальной формулировки: „дѣйствительная цѣна всякаго предмета, т.е.то, что каждый предметъ стоитъ въ дѣйствительности тому, кто хочетъ пріобрѣсть его, есть трудъ и усилія, которые онъ долженъ употребить самъ, чтобы пріобрѣсти этотъ предметъ. Что стоитъ въ дѣйствительности каждый предметъ тому, кто пріобрѣлъ его и хочетъ

или самъ пользоваться имъ или промѣнять его на какой-нибудь другой предметъ, это - трудъ и усилія, которые онъ можетъ сберечь себѣ, обладая этимъ предметомъ, или которые можетъ возложить на другихъ." Тутъ уже получается впечатлѣніе, какъ будто Адамъ Смитъ считаетъ основой цѣнности трудъ, затраченный на производство товара. Вообще, въ теоріи цѣнности Адама Смита чередуются и остаются невыясненными эти два варіанта,- иногда основой цѣнности считается трудъ, который заключается въ товарѣ, иногда трудъ, на который внимѣнивается товаръ. Во всякомъ случаѣ, уже изъ приведенныхъ словъ можно заключить, что Адамъ Смитъ является уже вполнѣ сознательнымъ выразителемъ, такъ называемой, „теоріи трудовой цѣнности," которую дальше развилъ Рикардо, и которую отъ него воспринялъ нѣмецкіе соціалисты Родбертусъ и Марксъ. Эта народно-хозяйственная идея въ основѣ своей содержится у Смита. Все, что покупается на деньги или въ обмѣнъ на другіе товары, пріобрѣтается трудомъ, какъ и все то, что добываетъ человѣкъ въ потѣ лица своего. Въ дѣйствительности, деньги и поступающіе въ обмѣнъ товары облегчаютъ намъ напряженность нашихъ усилій. Въ нихъ содержится цѣнность извѣстнаго количества труда. Такимъ образомъ, трудъ былъ первоначальною цѣною, тою монетой, которая была заплачена при первоначальной покупкѣ всякаго предмета. Не за золото и серебро, а только за трудъ были первоначально куплены всѣ богатства міра, и цѣнность ихъ для того, кто владѣетъ ими теперь и старается промѣнять ихъ на новыя произведенія, современно равна количеству труда, на которое онъ можетъ купить или заказать."

Я уже отмѣтилъ неясность двухъ варіантовъ, чередующихся въ ученіи Адама Смита. Эти черты такъ и остаются; но и при этой неясности, идея трудовой цѣнности проводится совершенно послѣдовательно, совершенно сознательно. Это станетъ еще очевиднѣй, когда мы остановимъ наше вниманіе на дальнѣйшихъ моментахъ опредѣленія цѣнности у Адама Смита. Онъ останавливается на томъ вопросѣ, что „хотя трудъ и составляетъ дѣйствительное мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ товаровъ, однако не имъ производится обыкновенно оцѣнка этой цѣнности. Часто бываетъ трудно опредѣлить отношеніе между двумя различными количествами труда, ибо не всегда это отношеніе опредѣляется только временемъ, употребленнымъ на двѣ различнаго рода работы. Тутъ необходимо еще принимать въ расчетъ и различныя степени усилій и ловкости, которыя пришлось употребить на работу. На одинъ часъ какой-нибудь тяжелой работы можетъ потребоваться больше труда, чѣмъ на два часа какой-нибудь легкой работы, или одинъ часъ занятія ремесломъ, на изученіе котораго было потрачено 10 лѣтъ жизни, можетъ потребовать на себя больше труда, чѣмъ обыкновенная работа въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, на которую способенъ всякій человѣкъ безъ предварительнаго приготовленія къ ней. Вѣдь не легко найти точное мѣрило для измѣренія труда или таланта; въ дѣйствительности же при взаимномъ обмѣнѣ произведеній двухъ различныхъ родовъ труда принимаются въ расчетъ и тотъ и другой. Такой расчетъ не имѣетъ, конечно, никакихъ точныхъ основаній и устанавливается просто тѣмъ, что называется „торговаться" на рынкѣ, тою грубою справедливостью, которая, хотя и не имѣетъ никакой точности,

однако совершенно достаточна для обычныхъ житейскихъ отношеній."

Въ приведенномъ отрывкѣ Адамъ Смитъ останавливается надъ вопросомъ о томъ, какой же это трудъ, который можно считать основаніемъ цѣнностей? Мысль эта, которая выражается во всѣхъ трудовыхъ теоріяхъ цѣнности, особенно отчетливо формулирована у Маркса, именно, что трудъ измѣряется рабочимъ временемъ. Но тотчасъ же умъ наталкивается на препятствіе въ приложеніи этого начала. Оказывается, что одинаковое рабочее время можетъ вмѣщать различныя количества труда, благодаря различной интенсивности труда, благодаря неодинаковой тратѣ рабочей силы. Значитъ, единица рабочаго времени въ качествѣ мѣрила единицы труда оказывается недостаточной. Должны быть введены коррективы, что эта единица труда устанавливается лишь при одинаковой интенсивности, при одинаковой заработной платѣ. Уже по этому одному можно сказать, что трудовая теорія цѣнностей не можетъ быть послѣдовательной. Но есть еще болѣе серьезное препятствіе, на которое онъ же указываетъ. Это - различіе качества труда. Это различіе качества труда онъ объясняетъ или различіемъ подготовки или какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ. Остается тотъ фактъ, что равныя количества труда, затраченныя въ равные промежутки времени, имѣютъ различную цѣнность. Марксъ чисто внѣшнимъ образомъ выходитъ изъ этого затрудненія, ссылаясь, вслѣдъ за Смитомъ, на практику рынка, указывая, что на рынкѣ эти различные виды труда, труда высшаго, квалифицированнаго, и труда рядового, обычнаго, приводятся между собой къ нѣкоторому равенству такимъ образомъ, что квалифицированный трудъ представляетъ изъ себя какъ бы въ нѣсколько разъ умноженный

простой трудъ; такъ, одинъ часъ квалифицированнаго труда соотвѣтствуетъ 5,6 и больше часамъ простого труда. Но вопросъ именно въ томъ, какъ это происходитъ (а что происходитъ это, несомнѣнно, мы и безъ того знаемъ). Вопросъ для теоретической политической экономіи заключается не въ томъ, происходитъ ли это или не происходитъ, а въ томъ, чтобы указать правило, масштабъ, по которому это происходитъ. Указаніе же лишь на то, что это происходитъ на рынкѣ, есть косвенное признаніе невозможности объяснить это теоретически. Хотя у Маркса мы такого признанія не находимъ, скорѣй даже у него можно получить такое впечатлѣніе, какъ будто бы имъ дано это объясненіе, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи Смитъ прямѣе, проще и откровеннѣе. Онъ просто указываетъ на то, что называется „торговаться", на ту грубую справедливость, которая хотя и не имѣетъ никакой точности, но совершенно достаточна для обычныхъ житейскихъ отношеній. Такъ что тѣ поправки, тѣ неизбѣжныя ограниченія принципа опредѣленія цѣнности трудомъ, которыя впослѣдствіи дѣлаютъ и Марксъ и частью Рикардо, имѣются отчасти уже у Адама Смита.

Установивъ это общее начало мѣновой цѣнности въ видѣ труда, Смитъ переходитъ къ явленіямъ обмѣна въ болѣе сложномъ видѣ, т.е. предполагая присутствіе денегъ. На рынкѣ между товарами становятся деньги, и та пропорція труда, которая приравнивается въ различныхъ товарахъ, обезличивается и превращается въ деньги, измѣряемыя только ихъ количествомъ. Вслѣдствіе этого самая сущность обмѣна усложняется и затемняется благодаря присутствію этого посредника и, тѣмъ болѣе, что самая цѣнность денегъ, точнѣе сказать, цѣнность денеж-

наго матеріала, золота и серебра, не есть что-то непремѣнное, а есть нѣчто измѣнчивое. Рѣдь для того, чтобы опредѣлить взаимныя отношенія дѣйствительной цѣнности товаровъ между собой на протяженіи извѣстнаго промежутка времени, примѣняются сложные методы (такъ называемыя индексныя числа). Адамъ Смитъ указываетъ на единственный масштабъ для сравненія товаровъ въ различное время, и такимъ масштабомъ все-таки является трудъ. „Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одинаковыя количества труда имѣютъ для рабочаго всегда одинаковую цѣнность. При обычномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности и при обычной степени искусства и ловкости, которыми обладаетъ рабочій, ему всегда приходится жертвовать все одно и той же частью своего досуга, свободы и спокойствія; и каково бы ни было количество товаровъ, получаемое имъ въ вознагражденіе за этотъ его трудъ, цѣна, которую онъ платитъ, остается всегда одинаковой. Правда, за эту цѣну можно купить иногда больше разныхъ предметовъ, но измѣняется здѣсь только цѣнность этихъ послѣднихъ, а никакъ не цѣнность труда, на который они покупаются. Во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ то, что трудно достается или что пріобрѣтается съ большимъ трудомъ, бываетъ дорого, а что достается легко или съ малымъ трудомъ, то бываетъ дешево. Такимъ образомъ, трудъ никогда не измѣняется въ своей внутренней стоимости, и потому онъ представляетъ собой единственное, дѣйствительное и рѣшительное мѣрило, которымъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ опредѣляется цѣнность всѣхъ товаровъ. Онъ составляетъ ихъ дѣйствительную цѣну, тогда какъ деньги составляютъ только нарицательную цѣну ихъ."

Отсюда новое различіе между дѣйствительной цѣнностью и нарицательной. Нарицательная цѣнность есть цѣна въ деньгахъ, колеблющаяся отъ измѣненія цѣны денегъ. Дѣйствительная цѣнность есть дѣйствительная цѣна труда. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Смитъ прибавляетъ къ этому еще другой варіантъ, именно, рядомъ съ трудомъ, онъ считаетъ такимъ мѣриломъ цѣнностей издержки на производство хлѣба. Хлѣбъ является у него неизмѣннымъ мѣриломъ цѣнности товаровъ. Этотъ простой способъ опредѣленія цѣнности трудомъ существуетъ только при такомъ состояніи общества, которое предшествуетъ накопленію капитала и обращенію земли въ частную собственность. Когда же начинается скопленіе капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ употреблять эти капиталы на то, чтобы давать работу людямъ промышленнымъ, которыхъ они и снабжаютъ какъ матеріаломъ, необходимымъ для работы, такъ и съѣстными припасами, съ тою цѣлью, чтобы потомъ самимъ получить барышъ на продажѣ ихъ произведеній или на томъ что люди эти своимъ трудомъ прибавили къ первоначальной цѣнности матеріаловъ. Когда сработанное произведеніе обмѣнено на деньги-ли, на трудъ-ли или на другія произведенія,-это все равно, необходимо: чтобы по оплатѣ стоимости матеріаловъ и вознагражденія рабочему, оставался еще излишекъ, составляющій прибыль предпринимателя, рискнувшаго употребить на это дѣло свои капиталы. Такимъ образомъ: цѣнность, которую рабочіе своимъ трудомъ прибавляютъ къ цѣнности первоначальнаго матеріала, дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ на выдачу заработной платы рабочимъ, а дру

гая составляетъ прибыль предпринимателя на ту сумму его капитала, которая была употреблена имъ на уплату вознагражденія рабочимъ и на раздачу имъ матеріаловъ для работы. Предприниматель не имѣлъ бы никакой выгоды давать заказъ рабочимъ, если бъ онъ не разсчитывалъ получить отъ продажи сработаннаго имъ произведенія что-нибудь сверхъ употребленнаго имъ въ дѣло капитала, и для него не было бы никакого расчета употребить скорѣе большій, чѣмъ меньшій капиталъ, если бы его прибыль не соотвѣтствовала величинѣ употребленнаго въ дѣло капитала." Адамъ Смитъ возражаетъ противъ пониманія прибыли въ качествѣ особой формы заработной платы. Онъ устанавливаетъ своеобразный характеръ дохода на капиталъ, отличающійся отъ заработной платы и составляющій явленіе sui generis своего особаго рода. Такія же притязанія на чистый доходъ предъявляетъ и землевладѣлецъ въ томъ случаѣ, если устанавливается земельная собственность, и, слѣдовательно, естественный источникъ матеріаловъ производства находится въ рукахъ частныхъ лицъ. Въ такомъ случаѣ возникаетъ третья составная часть цѣны, именно земельная рента. Всѣ эти три источника дохода опредѣляются однако трудомъ. „Трудомъ," говоритъ Смитъ, „измѣряется цѣнность не только той части цѣны, которая разрѣшается въ заработной платѣ, но и той, которая разрѣшается въ рентѣ, и той, которая разрѣшается въ прибыли." Другими словами, Адамъ Смитъ устанавливаетъ здѣсь, хотя и въ весьма неясной формѣ, ученіе о прибавочной цѣнности составляющей источникъ двухъ видовъ нетрудового дохода: прибыли на капиталъ и поземельной ренты. Мысль эту можно передать такъ, что въ такомъ состояніи общества, которое предшествуетъ накопленію капитала

и частной собственности на землю, весь трудовой доходъ принадлежитъ лицамъ трудящимся, а при существованіи частной собственности общій продуктъ труда дѣлится на части и образуетъ нетрудовой доходъ, такъ что здѣсь на долю трудящихся остается лишь часть прежняго общественнаго источника дохода.

Дальнѣйшее развитіе эта идея получила въ теоріи прибыли Рикардо, въ ученіи о прибавочной цѣнности у Маркса и въ ученіи о такъ называемой рентѣ вообще у Родбертуса, и въ этомъ отношеніи Смитъ является родоначальникомъ распространенной въ настоящее время теоріи трудовой цѣнности и прибавочной цѣнности.

Что касается размѣровъ каждаго изъ этихъ доходовъ, то остановимся сначала на заработной платѣ. Величина заработной платы, по мнѣнію Адама Смита, устанавливается по взаимному соглашенію предпринимателя и рабочаго „интересы которыхъ прямо противоположны другъ другу. Рабочимъ хочется получить какъ можно больше, а хозяину заплатить какъ можно меньше. Первые стараются сговориться, чтобы поднять заработную плату, а послѣдній, чтобы уменьшить ее. Не трудно предвидѣть, которая изъ этихъ двухъ сторонъ, при обычномъ ходѣ дѣлъ, должна взять верхъ при этомъ спорѣ и насильно предпишетъ другой свои условія Такъ какъ число хозяевъ всегда меньше, то имъ легче сговориться между собой." Адамъ Смитъ формулируетъ здѣсь ту идею, которая впослѣдствіи въ рукахъ Лассаля и Рикардо и вообще представителей соціалистической литературы, получила такую рѣзкую формулировку, именно идею о противоположности интересовъ труда и капитала. Онъ по своей чистой научности и безпристрастію нисколько не

затемняетъ тѣхъ антагонистическихъ отношеній, которыя лежатъ въ основѣ капиталистическаго производства.

Дѣлый рядъ замѣчаній Адама Смита объ отношеніяхъ труда и капитала относится къ специфическимъ условіямъ Англіи того времени и не имѣетъ интереса теперь. Естественнымъ предѣломъ колебаній заработной платы, ниже котораго ее нельзя уменьшить на время сколько-нибудь продолжительное, является, по его мнѣнію, извѣстный existens minimum, т.е. то, что необходимо для его пропитанія.

„Въ большинствѣ же случаевъ требуется нѣсколько больше этого, ибо иначе рабочій не будетъ въ состояніи воспитывать семью, да и самый разрядъ такихъ рабочихъ не могъ бы продолжаться болѣе одного поколѣнія. Извѣстно, что у Рикардо и дальше у Лассаля эта идея естественнаго уровня заработной платы, опредѣляемаго лишь удовлетвореніемъ минимальныхъ потребностей рабочаго, получила весьма большое значеніе. Но идея эта, какъ вы видите, опять таки содержится у Адама Смита.

Что касается движенія заработной платы въ исторіи, то Адамъ Смитъ приводитъ ее въ связь съ общимъ движеніемъ народнаго богатства и накопленіемъ капитала. Въ томъ случаѣ, если накопленіе капитала совершается правильно, и спросъ на трудъ увеличивается, заработная плата повышается; въ томъ случаѣ, если происходитъ застой, промышленность не развивается, то заработная плата сохраняетъ неизмѣнные размѣры, и спросъ на трудъ не увеличивается. Наконецъ, въ случаѣ уменьшенія производства, наступаютъ бѣдствія для страны. Такимъ образомъ, самымъ существеннымъ условіемъ для роста заработной платы

Смитъ считаетъ экономическій прогрессъ. „Если бы богатство какой-нибудь страны было и очень велико, но въ продолженіи долгаго времени не двигалось впередъ, то нельзя ожидать, чтобы заработная плата въ такой странѣ была особенно высока. Доходы и капиталы ея жителей, назначенные на выдачу платы за трудъ, могутъ быть очень велики, но если они въ теченіе многихъ столѣтій оставались все въ одномъ и томъ же, или почти въ одномъ и томъ же, размѣрѣ, то число рабочихъ, ежегодно употребляемыхъ въ дѣло, можетъ легко удовлетворить и даже превзойти спросъ на нихъ въ слѣдующемъ году. Тогда рѣдко будетъ чувствоваться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и хозяевамъ не придется переманивать ихъ другъ отъ друга. Наоборотъ, число рукъ будетъ въ такомъ случаѣ увеличиваться болѣе, чѣмъ сколько ихъ нужно; постоянно будетъ чувствоваться недостатокъ занятій для рабочихъ, и послѣдніе принуждены будутъ для полученія занятій сбивать цѣну одинъ передъ другимъ." Уже изъ этого пониманія отношеній между капиталомъ и заработной платой можно предвидѣть, что Адамъ Смитъ не принадлежитъ къ числу оптимистовъ въ вопросѣ о народонаселеніи. Этотъ вопросъ онъ разсматриваетъ въ связи съ общимъ положеніемъ производства и отношеніемъ между ростомъ капитала и спросомъ на трудъ. Если спросъ на трудъ сокращается, „то заработная плата упала бы до такой дешевизны, при которой рабочіе впали бы въ самое несчастное существованіе. Многіе изъ нихъ не могли бы найти себѣ работы даже и при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, они принуждены были бы умереть съ голоду или искать себѣ пропитаніе въ нищенствѣ, а то, пожалуй, и въ преступленіи. Скоро нищета, голодъ и смертность

опустошили бы рабочій классъ, а отъ него перешли бы и на другіе классы, пока количество населенія не достигло бы опять такого размѣра, при которомъ оно могло бы какъ-нибудь существовать на доходы и капиталы, оставшіеся отъ расхищенія и всеобщаго бѣдствія.

Въ дальнѣйшемъ онъ еще болѣе рѣшительно указываетъ на тѣ препятствія къ размноженію населенія, которыя наступаютъ, если богатство въ странѣ идетъ къ истощенію: „всѣ породы животныхъ размножаются въ зависимости отъ имѣющихся для нихъ на лицо средствъ пропитанія, и нѣтъ такой породы, которая бы размножалась выше этихъ средствъ. Въ развитыхъ же обществахъ недостатокъ средствъ существованія можетъ положить предѣлъ размноженію людей только среди самыхъ низшихъ классовъ народа, и такое явленіе возможно лишь при одномъ условіи - истребленія большей части дѣтей, рождающихся отъ плодовитыхъ браковъ въ этихъ самыхъ классахъ." Такимъ образомъ и у Адама Смита мы встрѣчаемъ мотивы чисто Мальтузіанскаго характера. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что историческая обстановка времени Адама Смита тоже не содѣйствовала оптимистическому пониманію вопроса о народонаселеніи.

Въ дальнѣйшемъ изученіи заработной платы Смитъ ставитъ вопросъ о причинѣ ея различія въ различныхъ отрасляхъ труда. Это ученіе перешло въ ученіе о заработной платѣ, существующее и въ теперешней политической экономіи.

Причины того различія Адамъ Смитъ сводитъ къ слѣдующимъ условіямъ: „1)удовольствіе или неудовольствіе, доставляемое самими

занятіями;2)легкость и доступность обученія имъ, или трудность и величина расходовъ, для этого необходимыхъ;3) большая или меньшая продолжительность занятія промысломъ или перерывъ, которыхъ онъ требуетъ; 4)большее или меньшее довѣріе, требуемое отъ лица, занимающагося промысломъ; 5) вѣроятность или невѣроятность достиженія цѣли." Рядомъ съ этими естественными причинами существуютъ еще и искусственныя, именно, проистекающія изъ политики государства. Адамъ Смитъ имѣетъ въ виду регламентацію меркантилистической политики: „регламентація,-говоритъ онъ,-дѣйствуетъ здѣсь главнымъ образомъ тремя способами: 1)ограничивая въ нѣкоторыхъ промыслахъ конкуренцію меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ сколько обратилось бы къ нимъ безъ ея вмѣшательства; 2)увеличивая въ другихъ промыслахъ число конкурентовъ болѣе, чѣмъ сколько требуется ихъ естественнымъ положеніемъ вещей; 3)стѣсняя свободное обращеніе труда и капиталовъ, какъ отъ одного помѣщенія къ другому, такъ и съ одного мѣста на другое." Противъ всѣхъ этихъ мѣръ регламентаціи Адамъ Смитъ обращается съ самой непримиримой критикой, и здѣсь, вмѣстѣ съ физіократами, онъ является сторонникомъ самой широкой свободы промышленности и невмѣшательства государства. Не безъ пыѳоса говоритъ онъ, что «самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный трудъ, потому что оно есть первоначальный источникъ всѣхъ другихъ правъ собственности. Все достояніе бѣдняка заключается въ силѣ и ловкости его рукъ, и мѣшать ему пользоваться этой силой и этой ловкостью такъ, какъ онъ самъ считаетъ для себя удобнымъ, если только онъ никому не

причиняетъ этимъ никакого вреда, было бы явнымъ насиліемъ надъ этой первоначальной собственностью. Такое насиліе было бы возмутительнымъ посягательствомъ на законную свободу, какъ самого рабочаго, такъ и тѣхъ, кто захотѣлъ бы дать ему какую-нибудь работу; это значитъ въ одно время мѣшать - одному работать, какъ онъ находитъ для себя выгоднымъ, а другому - употреблять его въ работу, какъ ему заблагоразсудится. Въ этомъ случаѣ можно вполнѣ положиться на благоразуміе того, кто нанимаетъ рабочаго; только его собственный интересъ можетъ правильно рѣшить: заслуживаетъ ли рабочій того, что ему даютъ. Заботливость законодателя о томъ, чтобы не употреблялись въ дѣло неспособные, очевидно также нелѣпа, какъ и стѣснительна." Это одно изъ немногихъ мѣстъ, въ которыхъ ярче всего сказывается пафосъ освободительныхъ идей Адама Смита, его защита естественнаго права, свободы труда, при осуществленіи которыхъ, въ силу естественной гармоніи, онъ ожидалъ не только успѣховъ въ промышленности, но и наиболѣе благопріятнаго урегулированія соціальнаго вопроса. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ общую позицію съ физіократами.

Послѣ заработной платы Смитъ обращается къ изученію другихъ элементовъ цѣны, т.е. къ поземельной рентѣ и прибыли на капиталъ. Относительно поземельной ренты онъ высказываетъ, что вообще экономическій прогрессъ, спросъ на предметы земледѣлія повышаютъ и земельную ренту; все, что повышаетъ цѣны на продукты земледѣлія, увеличиваетъ и ренту. Къ самому доходу, къ соціальному значенію этого дохода Адамъ Смитъ относится чрезвычайно

сурово и отрицательно. „Изъ всѣхъ трехъ классовъ общества это - единственный, которому получаемый имъ доходъ не стоитъ ни труда, ни хлопотъ, и которому онъ достается, такъ сказать, даромъ, не требуя отъ него никакого предварительнаго плана и программы дѣятельности. Вслѣдствіе этой беззаботности, составляющей естественный результатъ всегда спокойнаго, удобнаго положенія землевладѣльцевъ, господа эти не только часто пребываютъ въ совершенномъ непониманіи послѣдствій, къ которымъ можетъ привести какое-нибудь предпринимаемое общее преобразованіе, но даже теряютъ способность поразмыслить надъ нимъ, что, однако, необходимо, чтобы понять и предусмотрѣть его послѣдствія." Каковы же его отношенія къ землевладѣльцамъ? Величину прибыли, какъ и высоту заработной платы, Адамъ Смитъ связываетъ съ развитіемъ народнаго хозяйства. Если спросъ на капиталъ увеличивается, раздѣленіе труда усложняется, то и прибыль на капиталъ повышается, въ противномъ случаѣ - наоборотъ. Здѣсь Адамъ Смитъ останавливается надъ изслѣдованіемъ чисто рыночныхъ условій, опредѣляющихъ движеніе процента на капиталъ не углубляясь, подобно дальнѣйшимъ экономистамъ, въ теоретическое обоснованіе этого измѣненія. Въ изученіи капитала, въ теоріи капитала у Адама Смита заслуживаетъ упоминанія то различіе, которое онъ дѣлаетъ между двумя видами капитала, въ зависимости отъ способа его употребленія. Это - капиталъ неподвижный, основной и затѣмъ капиталъ подвижный, оборотный. Неподвижный капиталъ это тотъ, который тратится по частямъ и даетъ своему владѣльцу доходъ, сох-

раняя свою прежнюю форму. Оборотный же капиталъ - такси, который постоянно выходитъ изъ рукъ своего владѣльца и возвращается къ нему въ другой формѣ. Къ основному или неподвижному капиталу Смитъ причисляетъ: 1)полезныя машины и орудія, нужныя для промышленности и земледѣлія; 2) постройки, служащія полезнымъ цѣлямъ; 3) улучшенія земли или меліораціи; 4) полезные таланты, пріобрѣтенные жителями или членами общества. Эта послѣдняя довольно странная и неуловимая категорія капитала едва ли можетъ быть подвергнута точному учету.

Къ оборотному капиталу Адамъ Смитъ относитъ слѣдующія статьи: „1) деньги, при помощи которыхъ остальныя три статьи обращаются и распредѣляются между людьми, пользующимися ими; 2) запасы продовольствія, которые находятся въ распоряженіи мясниковъ, скотопромышленниковъ, фермеровъ, пивоваровъ и другихъ, и отъ продажи которыхъ они надѣются получить прибыль; 3) запасы первоначальныхъ матеріаловъ въ сыромъ видѣ, или такіе болѣе или менѣе обработанные предметы, назначенные на приготовленіе одежды, меблировки и постройки домовъ, которые однако еще ни въ одной изъ этихъ формъ не поступили въ дѣло и находятся въ рукахъ первоначальныхъ производителей; 4) такія издѣлія, готовыя и вполнѣ законченныя, которыя не поступали еще въ распоряженіе потребителей т.е. не проданы." Очевидно, что экономическій смыслъ этого различія относится къ способу затраты капитала, къ способу перенесенія цѣнности капитала на продукты, т.е. такой части, которая тратится по частямъ, и такой, которая тратится немедленно

и цѣликомъ. Но Смитъ при этомъ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ, подрывающихъ самый принципъ, именно, при перечисленіи оборотнаго капитала, Адамъ Смитъ не признаетъ деньги товаромъ, между тѣмъ онѣ, какъ мы знаемъ, не могутъ быть отнесены къ числу вещественныхъ элементовъ капитала. Онъ упускаетъ изъ виду, что деньги есть та форма капитала, которую послѣдній принимаетъ въ извѣстный моментъ круговращенія. Деньги не есть часть капитала постояннаго или оборотнаго, а есть лишь стадія его круговращенія. Стадія круговращенія денежнаго смѣняется производственной; и въ этомъ производительномъ капиталѣ различаются части постоянная и оборотная, которыя затѣмъ переходятъ въ видѣ товаровъ въ товарный капиталъ,-это есть лишь товарная форма всего капитала. Это разграниченіе принадлежитъ главнымъ образомъ Марксу, сдѣлавшему анализъ круговращенія капитала.

Переходя къ ученію о производствѣ и накопленіи капитала, Смитъ дѣлаетъ слѣдующее разграниченіе между различными видами труда, именно онъ раздѣляетъ трудъ производительный и непроизводительный. Это одно изъ разграниченій, которое получило весьма широкую извѣстность въ политической экономіи и подало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. „Есть трудъ,-говоритъ онъ,-увеличивающій цѣнность предмета, къ которому онъ прилагается, и есть другой трудъ, который такого дѣйствія не имѣетъ. Первый трудъ, производящій цѣнность, можетъ быть названъ производительнымъ, второй - непроизводительнымъ." Исходя изъ такого различенія, Адамъ Смитъ признаетъ производительнымъ только трудъ фабричнаго

рабочаго, земледѣльца,- однимъ словомъ, трудъ затрачиваемый непосредственно для изготовленія матеріальныхъ продуктовъ. А трудъ интеллектуальный, какъ не создающій матеріальныхъ продуктовъ, попадетъ въ категорію труда непроизводительнаго. „Какъ производительные и непроизводительные рабочіе, такъ и лица совсѣмъ не работающія, одинаково содержатся на счетъ годового продукта земли и труда. Но этотъ годовой продуктъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не можетъ быть однако безконечно большимъ и долженъ имѣть свои границы. Слѣдовательно, смотря по тому, какая, большая или меньшая, часть этого продукта употреблена въ теченіе года на содержаніе лицъ непроизводительныхъ, большая или меньшая часть его останется на долю лицъ производительныхъ, и, стало быть, больше или меньше будетъ производство въ будущемъ году, потому что общая сумма всѣхъ годовыхъ продуктовъ, за исключеніемъ лишь даровыхъ произведеній земли, есть всегда результатъ производительнаго труда." Очевидно, это различеніе Адамъ Смитъ дѣлаетъ чисто условно, чисто методически, и, какъ всѣ условныя различенія, оно имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Нельзя не признать, что и съ методической точки зрѣнія онъ проводитъ это различеніе слишкомъ узко, ибо съ его точки зрѣнія окажется, что механикъ или чертежникъ, который чертитъ планъ для фабрики или для машины, является непроизводительнымъ рабочимъ, а тотъ рабочій, который будетъ этотъ планъ выполнять, является производительнымъ рабочимъ. Несомнѣнно, что различеніе Адама Смита не имѣетъ въ себѣ никакого принципіальнаго оттѣнка для тѣхъ, кто попадаетъ въ кате-

горіи лицъ непроизводительныхъ. Нужно сказать, что очень часто эта условность различенія Адама Смита сѣмивалась и забывалась, и классъ непроизводительныхъ рабочихъ приравнивался къ классу тунеядцевъ. Такого пониманія, несомнѣнно, не имѣлъ и самъ Смитъ.

Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ IУ книгѣ, Смитъ останавливается надъ разсмотрѣніемъ различныхъ системъ политической экономіи и здѣсь превозглашаетъ свои начала естественной свободы, которыя уже были превозглашены раньше, какъ право на свободное пользованіе своимъ трудомъ: „всякая система, которая старается чрезвычайными поощреніями привлечь къ какой-нибудь промышленности больше капиталовъ, чѣмъ сколько обратилось бы къ ней въ силу естественнаго хода вещей, или чрезвычайными преградами искусственно отвлечь отъ какой-нибудь промышленности часть капиталовъ, которые безъ этихъ мѣръ стали бы искать въ ней выгоднаго помѣщенія, только вредитъ дѣлу, которое ставитъ главнымъ предметомъ своей заботливости. Такая система, вмѣсто того, чтобы ускорить, только задерживаетъ успѣхи общества на пути къ благосостоянію и его дѣйствительному возрастанію, и вмѣсто увеличенія дѣйствительной цѣнности годового продукта земли и труда, только умаляетъ эту цѣнность. И такъ, если совсѣмъ устранить всѣ такія системы поощренія или стѣсненія промышленности, то остается только одна простая и легкая система естественной свободы. Всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, пользуется полной свободой слѣдовать тому пути, который указываетъ ему его собственный интересъ, и употребляетъ свой трудъ и капиталъ какъ

ему заблагоразсудится, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, какъ дѣйствуетъ какой-нибудь другой классъ людей. При господствѣ такой системы правительство совершенно освобождается отъ тяжелой обязанности, которой оно никогда не въ состояніи исполнить, не подвергаясь неизбѣжно обманамъ всякаго рода, и для правильнаго исполненія которой у него не достаетъ ни мудрости, ни знанія человѣческой природы,- отъ обязанности постоянно руководить занятіями каждаго человѣка и направлять ихъ въ ту сторону, которая, по его предположенію наиболѣе соотвѣтствуетъ благу всего общества." Вотъ экономическая программа Адама Смита, которую онъ устанавливаетъ на протяженіи всего своего изслѣдованія. Къ основнымъ принципамъ свободы и невмѣшательства государства въ экономическія отношенія Адамъ Смитъ, какъ практическій реалистъ, все-таки дѣлаетъ извѣстные коррективы. Во-первыхъ, онъ считаетъ допустимымъ существованіе навигаціонныхъ законовъ съ точки зрѣнія политической. Затѣмъ, 2) онъ считаетъ возможнымъ введеніе пошлины на иностранные продукты въ томъ случаѣ, если на продукты внутренняго производства существуетъ внутренняя пошлина, т.е. акцизъ. Третій случай онъ предусматриваетъ, когда пошлина вводится въ отвѣтъ на притѣсненія отечественной торговли въ какой-либо странѣ; четвертый случай -это когда пошлина существуетъ временно, потому что свобода торговли должна быть введена постепенно для того, чтобы не пострадали заинтересованныя лица. Эти общія идеи Адама Смита экономической свободы и невмѣшательства государства, если и современны не соотвѣтствуютъ нашему міровоззрѣнію, то, какъ и всякія великія истори-

ческія идеи, онѣ выражаютъ собой опредѣленную историческую потребность и въ этомъ случаѣ содержатъ въ себѣ историческую правду; и нападки Смита противъ регламентаціи промышленности и указаніе на дѣйствительную неспособность государства регламентировать зарождающуюся промышленную жизнь вполнѣ выражали потребность того времени.

Адамъ Смитъ является однимъ изъ наиболѣе передовыхъ и чуткихъ людей своего времени. То, что онъ былъ односторонникъ, дѣлало лишь сильнѣй его позицію; его вліяніе на политическую экономію Англіи и на весь цивилизованный міръ было чрезвычайно велико. То что я говорилъ по поводу либерализма Кенэ, въ этомъ отношеніи приходится повторить и относительно Адама Смита. Что касается общаго значенія „Богатства народовъ" то, какъ можно было замѣтить изъ изложеннаго, очень многое изъ его экономическаго ученія вошло въ теперешнюю политическую экономію въ прямомъ или измѣненномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, когда мы знакомимся съ „Богатствомъ народовъ" и его экономическими идеями, мы стоимъ уже въ сущности не на исторической, а на современной почвѣ экономической науки. Адамъ Смитъ извѣстными своими сторонами не только не умершій еще экономистъ, но и не умирающій и не способный умереть до тѣхъ поръ, пока существуетъ народное хозяйство и теперешнія хозяйственныя отношенія, которыхъ онъ явился выразителемъ.

МАЛЬТУСЪ И „ОПЫТЪ О НАРОДОНАСЕЛЕНІИ."

Адамъ Смитъ открываетъ собою такъ называемую классическую

школу политической экономіи, къ которой принадлежатъ кромѣ него Мальтусъ, Рикардо, Милль и нѣкоторые другіе.

Намъ предстоитъ познакомиться теперь съ идеями Мальтуса. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о его біографіи. Мальтусъ родился въ дворянской семьѣ въ 1766 году, въ родовомъ имѣніи Рукери въ Суррейскомъ графствѣ. Онъ былъ вторымъ сыномъ въ семьѣ и, согласно англійскому обычаю, былъ предназначенъ съ дѣтства къ духовному званію.

Послѣ высшаго образованія, полученнаго имъ въ коллегіи Іисуса въ Кембриджѣ, въ 1789 году, онъ возвратился въ родное имѣніе и сдѣлался приходскимъ священникомъ въ сосѣднемъ приходѣ Альбюри. Въ то же время онъ предавался занятіямъ наукой. Отецъ его всецѣло былъ захваченъ идеями и настроеніями того времени, въ которомъ очень большую роль игралъ Руссо и его идеи объ естественномъ состояніи и естественной свободѣ человѣка. Съ другой стороны, годъ, въ который Мальтусъ вступилъ въ выполненіе обязанностей приходского священника, былъ годомъ начинающейся французской революціи, которая сначала возбудила горячій энтузіазмъ и симпатіи современниковъ, а затѣмъ своими кровавыми ужасами оттолкнула многихъ. Въ семьѣ Мальтуса между отцомъ и сыномъ велись горячіе споры на эту тему, при чемъ, въ качествѣ рѣдкаго исключенія, Мальтусъ-сынъ оказался консервативнѣе своего отца. Сынъ былъ представителемъ скептическаго и пессимистическаго направленія въ области соціальныхъ вопросовъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія, онъ остановился надъ выясненіемъ вопроса о роли народонаселенія и въ своемъ тихомъ уединеніи предался первымъ размышленіямъ на эти тему. Въ это время

вызвалъ памфлетъ одного изъ англійскихъ представителей фран[illegible]
скаго соціальнаго оптимизма, именно Годвина, который развивалъ
ту мысль, что бѣдность обязана своимъ существованіемъ исключи-
тельно соціальному неустройству, и что достаточно произвести со-
ціальную реформу распредѣленія, чтобы бѣдность была уничтожена.
Полемизируя съ Годвиномъ, Мальтусъ и составилъ мировое знаме-
нитый „Опытъ о народонаселеніи", который далъ ему міровое им[illegible]
Впервые сочиненіе это издано было въ 1798 году без [illegible] обозначенія
имени автора. Это произведеніе представляло собой скорѣй полеми-
ческій памфлетъ, чѣмъ научное произведеніе, въ которомъ со
всею рѣзкостью, радикализмомъ и полемическимъ задоромъ бы[illegible] про-
тивопоставлена точка зрѣнія самого Мальтуса тѣмъ соціальнымъ оп-
тимистамъ, которые, подобно Годвину, видѣли разрѣшеніе всѣхъ
вопросовъ въ реформѣ распредѣленія. Мальтусъ указывалъ здѣсь со
всей энергіей на естественныя, неустранимыя, и въ значительной
степени отъ воли человѣка независящія, причины бѣдности - въ за-
конѣ народонаселенія. Въ этомъ первомъ изданіи было много рѣз-
кости и жестокихъ словъ, сказанныхъ въ увлеченіи доктриной, ко-
торыя онъ потомъ самъ выбросилъ при дальнѣйшей переработкѣ своего
труда. Здѣсь значилось и то мѣсто, которое потомъ цитировалось
во всѣхъ учебникахъ политической экономіи и которое дѣйствитель
но звучитъ жестоко: „Человѣкъ, появившійся на свѣтъ, уже заня-
тый другими людьми, если онъ не получилъ отъ родителей средствъ
для существованія, на которыя онъ въ правѣ разсчитывать, и если

общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ никакого права требовать для себя какого-нибудь пропитанія, ибо онъ совершенно лишній на этомъ свѣтѣ...

На великомъ торжествѣ природы для него нѣтъ прибора. Природа приказываетъ ему удалиться и, если онъ не можетъ прибѣгнуть къ состраданію кого-либо изъ пирующихъ, она сама принимаетъ мѣры къ тому, чтобы ея приказаніе было приведено въ исполненіе. Если же пирующіе стѣснятъ себя и уступятъ ему мѣсто за столомъ, тотчасъ же появятся новые, непрошенные гости и потребуютъ для себя той же милости, ибо вѣсть о томъ, что за столомъ хватаетъ яствъ для вновь пришедшихъ, тотчасъ распространится повсюду. Порядокъ и гармонія торжества будутъ вскорѣ нарушены, изобиліе, царившее прежде, замѣнится недостаткомъ, и счастье пирующихъ омрачится зрѣлищемъ появившейся всюду нищеты и тягостными воплями новыхъ прихлебателей, не нашедшихъ для себя пропитанія, на которое имъ дали основаніе разсчитывать. Тогда, только слишкомъ поздно, пирующіе поймутъ, что они совершили ошибку, нарушивъ строгія правила, установленныя великою распорядительницею пиршества относительно непрошенныхъ гостей, тогда только они догадаются, что природа, заботясь о томъ, чтобы приглашенные были достаточно накормлены, и зная, что у нея нѣтъ яствъ для неограниченнаго числа гостей, изъ разумнаго человѣколюбія устраняла вновь пришедшихъ, когда всѣ мѣста за столомъ были уже заняты."

Произведеніе это, какъ бы на него ни смотрѣть, въ то время, при внѣшнихъ обстоятельствахъ, было дѣломъ большого научнаго и

идейнаго мужества, потому что Мальтусъ рѣшался сказать нѣчто такое, что, какъ онъ и самъ хорошо понималъ, способно было вызвать противъ него общее негодованіе, вслѣдствіе ряда недоразумѣній, и дѣйствительно, эти чувства и были вызваны трудомъ Мальтуса. Съ одной стороны, ему и могло получать похвалы съ такой стороны, съ какой похвалы эти являлись хуже всякой хулы; съ другой стороны, Годвинъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ, начиная съ его отца, дѣлали ему рѣзкія возраженія и укоры.

Въ виду этого Мальтусъ рѣшилъ провѣрить свои научные взгляды и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ по разнымъ странамъ, въ томъ числѣ былъ и въ Россіи, собирая матеріалъ, стараясь выяснить, не осталось ли собираемаго въ европейскихъ странахъ матеріала, противорѣчащаго его „Опыту о народонаселеніи". („Опыта". Черезъ 5 лѣтъ, въ 1803 г., появляется 2-ое изданіе.)

Вскорѣ послѣ второго изданія „Опыта о народонаселеніи" Мальтусъ былъ приглашенъ въ 1805 году профессоромъ политической экономіи въ коллегіи Ость-Индской компаніи, въ Гейлебюри близъ Гертфорда, гдѣ онъ въ то же время исполнялъ обязанности священнослужителя. Въ теченіе 30 лѣтъ службы въ коллегіи Мальтусъ велъ тихую и скромную жизнь ученаго. За это время написанъ имъ рядъ мелкихъ памфлетовъ и болѣе серьезный трудъ по вопросамъ политической экономіи, въ частности по вопросу о хлѣбной торговлѣ и о земельной рентѣ, гдѣ, какъ извѣстно, Мальтусъ является предшественникомъ Рикардо. Онъ издалъ, кромѣ того, сочиненіе общаго

характера подъ заглавіемъ: „Основанія политической экономіи и ихъ примѣненія къ практикѣ." Здѣсь самыя интересныя главы касаются теоріи ренты. Затѣмъ онъ написалъ еще цѣлый рядъ другихъ статей. Нужно сказать, что хотя всѣ эти сочиненія обнаруживаютъ недюжинный умъ и вообще свидѣтельствуютъ о его способностяхъ выдающагося экономиста, эти сочиненія почти забыты, и имя Мальтуса въ исторіи политической экономіи вписано, какъ имя автора „Опыта о народонаселеніи". Въ 1834 году Мальтусъ скоропостижно скончался на 69-омъ году своей жизни. Жизнь его имѣла характеръ уединеннаго кабинетнаго ученаго, сторонившагося отъ большой дороги въ политической дѣятельности и общественной жизни. Тѣ, которые знали Мальтуса лично, свидѣтельствуютъ о выдающихся качествахъ его характера, о его кротости, незлобивости, мягкости, добрѣчивости, искренности,- однимъ словомъ, его личность рисуется самыми привлекательными чертами, такъ что, каковы бы ни были его научныя заблужденія, эта единодушная характеристика лицъ, близко знавшихъ Мальтуса, доказываетъ, что онъ былъ совершенно искрененъ, когда говорилъ о себѣ: „Практическая цѣль, которую я имѣлъ въ виду при написаніи этого сочиненія, какія бы ошибки ни были мною сдѣланы, состояла въ улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества."

Имя Мальтуса и прославлено и обезславлено въ широкихъ кругахъ его „Опытомъ о народонаселеніи." Бываютъ извѣстныя мысли, извѣстныя положенія, которыя необходимо высказать, которыя должны быть высказаны, но тотъ, кто ихъ высказываетъ и беретъ на

себя эту нелегкую задачу, неизбѣжно навлекаетъ на себя, сознательно или несознательно, непопулярность, вражду, и не только при жизни, но и въ исторіи; и это случилось съ Мальтусомъ. Какимъ бы онъ ни былъ, такимъ ли, какъ рисуетъ его современникъ, или „живымъ лицемѣрнымъ попомъ", какъ его называетъ Марксъ, во всякомъ случаѣ онъ поплатился своей репутаціей, и ему пришлось пожертвовать своей популярностью за свои идеи; и въ историческихъ перспективахъ, на извѣстномъ разстояніи, нужно видѣть (въ этомъ) скорѣй подвигъ научнаго мужества и самоотверженія, нежели какой-либо недостатокъ ума или характера. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о его характерѣ и складѣ ума, показываютъ, что въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ онъ не руководствовался, какъ ему часто приписываютъ, какими-либо низменными классовыми интересами. Ни его біографія, ни его политическая дѣятельность (онъ принадлежалъ къ партіи виговъ) не даютъ основанія утверждать, что Мальтусъ былъ тенденціозенъ въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ; поэтому и произведеніе Мальтуса заслуживаетъ и требуетъ къ себѣ, прежде всего, непредубѣжденнаго и безпристрастнаго отношенія, именно потому сугубо требуетъ, что трудно относиться спокойно и безпристрастно къ обсужденію такой теоріи, которая ставитъ вопросъ относительно общаго соціальнаго устроенія человѣчества.

Вопросъ, который поставленъ въ „Опытѣ о народонаселеніи", самимъ авторомъ формулированъ такъ: „Тому, кто захочетъ предусмотрѣть, какой будетъ дальнѣйшій прогрессъ общества, естественно предстоитъ изслѣдовать два вопроса: 1) какія причины затормазили до

сихъ поръ развитіе человѣчества или возрастаніе его благосостоянія? 2) Какова вѣроятность устранить вполнѣ или отчасти эти причины, препятствующія развитію человѣчества?" Другими словами, это - тотъ самый вопросъ, который Мальтусъ обсуждалъ въ спорахъ со своимъ отцомъ, въ полемикѣ съ Годвиномъ и всѣми своими современниками. „Задача настоящей книги,- продолжаетъ Мальтусъ,- заключается преимущественно въ изслѣдованіи послѣдствій великаго и тѣсно связаннаго съ человѣческой природой закона, дѣйствовавшаго неизмѣнно со времени происхожденія общества, но, несмотря на это, мало обращавшаго на себя вниманіе тѣхъ людей, которые занимались вопросами, имѣвшими ближайшее отношеніе къ этому закону. Въ сущности, многіе признавали и подтверждали факты, въ которыхъ проявляется дѣйствіе этого закона, но никто не замѣчалъ естественной и необходимой связи между самимъ закономъ и нѣкоторыми важнѣйшими его послѣдствіями, несмотря на то, что въ числѣ этихъ послѣдствій должны бы были обратить на себя вниманіе такія явленія, какъ пороки, несчастія и то весьма неравномѣрное распредѣленіе благъ природы, исправленіе котораго всегда составляло задачу людей доброжелательныхъ и просвѣщенныхъ. Законъ этотъ состоитъ въ проявляющемся во всѣхъ живыхъ существахъ постоянномъ стремленіи размножаться быстрѣе, чѣмъ это допускается находящимся въ ихъ распоряженіи количествомъ пищи. По наблюденіямъ доктора Франклина, единственной границей воспроизводительной способности растеній и животныхъ является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишаютъ себя средствъ къ су-

ществованію. Если бы, - говоритъ онъ, - поверхность земли лишилась всѣхъ своихъ растеній, то одной породы, напримѣръ, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ею землю; если бы земля не была населена, то одной націи, англійской, напримѣръ, достаточно было бы, чтобы заселить ее въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ." Слѣдовательно, способность человѣческаго рода къ размноженію практически безгранична, и если она чѣмъ-либо ограничивается, то только той обстановкой, въ которой она осуществляется.

Обращаясь къ имѣвшимся въ его время весьма скуднымъ статистическимъ даннымъ (не нужно забывать, что статистика о народонаселеніи относится главнымъ образомъ къ XIX вѣку) и наблюдая движеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, Мальтусъ считаетъ возможнымъ установить періодъ удвоенія населенія въ 25 лѣтъ. Это слишкомъ короткій періодъ, такихъ періодовъ теперь не существуетъ, но тѣмъ не менѣе „изъ пѣсни слова не выкинешь", и фактъ - тотъ, что Мальтусъ, по имѣвшимся въ его время статистическимъ даннымъ, устанавливаетъ этотъ періодъ удвоенія именно въ 25 лѣтъ: „Итакъ, мы можемъ признать несомнѣннымъ положеніе, что если при возрастаніи населеніе не задерживается какими-либо препятствіями, то это населеніе удваивается черезъ каждые 25 лѣтъ и, слѣдовательно, возрастаетъ въ каждый послѣдующій 25-лѣтній періодъ въ геометрической прогрессіи."

Гораздо труднѣе опредѣлить, въ какой степени могутъ возрастать произведенія земли и произведенія человѣческаго труда, удовлетворяющія человѣческимъ потребностямъ. Онъ высказываетъ

вообще сомнѣніе относительно того, чтобы производительность земель странъ старыхъ могла поспѣвать за этимъ приростомъ населенія. „Правда, на земномъ шарѣ въ настоящее время имѣется еще много необработанныхъ и почти незаселенныхъ земель; но можно оспаривать наше право на истребленіе разсѣянныхъ по нимъ племенъ или на вычужденіе ихъ къ заселенію отдаленнѣйшихъ частей своихъ земель, недостаточныхъ для ихъ прокормленія. Если бы мы хотѣли обучить эти племена лучшимъ пріемамъ труда для того, чтобы повысить производительность, потребовалось бы слишкомъ много времени." Какъ видите, Мальтусъ считаетъ невозможнымъ, недопустимымъ тотъ способъ обращенія съ первобытными племенами, который положенъ въ основу европейской колонизаціи, и благодаря которому Америка выбираетъ краснокожее населеніе С.А.Соединенныхъ Штатовъ для того, чтобы тамъ могли водвориться американскіе фермеры. Подобнымъ же образомъ вымираютъ и другія племена при соприкосновеніи съ европейской культурой. Такой способъ распространенія европейской цивилизаціи Мальтусъ считаетъ недопустимымъ. Исходя изъ современнаго состоянія населенныхъ земель, Мальтусъ полагалъ, что средства существованія при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ примѣненія человѣческаго труда никогда не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи. Неизбѣжный выводъ, вытекающій изъ сравненія приведенныхъ выше двухъ законовъ возрастанія, поистинѣ поразителенъ. Допустимъ, что населеніе Великобританіи равняется 11 милліонамъ, и что современная производительность ея почвы совершенно доста-

точна для прокормленія этого населенія. Черезъ 25 лѣтъ населеніе достигнетъ 22 милліоновъ, а продовольствіе, также удвоившись, попрежнему способно будетъ прокормить населеніе. Въ концѣ второго 25-лѣтія населеніе возрастетъ уже до 44 милліоновъ, а средствъ существованія хватитъ лишь для 33 милліоновъ. Въ концѣ слѣдующаго 25-лѣтняго періода изъ 88 милліоновъ населенія уже только половина найдетъ себѣ средства существованія. Въ концѣ столѣтія населеніе достигнетъ 176 милліоновъ, средствъ же существованія хватитъ лишь на 55 милліоновъ, слѣдовательно, остальные 121 милліоновъ должны будутъ умереть съ голоду. Это сопоставленіе ариѳметической и геометрической прогрессій служитъ для Мальтуса наглядньмъ способомъ показать несоотвѣтствіе между темпомъ роста населенія и ростомъ средствъ существованія. Эта прогрессія принадлежитъ къ числу наименѣе основательныхъ сужденій Мальтуса, и ее не защищаютъ въ настоящее время наиболѣе сторонники Мальтуса. Нашъ соотечественникъ, критикъ и антагонистъ Мальтуса, Чернышевскій потратилъ очень много труда и остроумія для разбора этой прогрессіи и доказательства, что даже съ точки зрѣнія самого Мальтуса, эта прогрессія не такъ страшна, какъ кажется. Нужно сказать, что у Мальтуса это лишь способъ иллюстрировать его мысль и вмѣстѣ попытка точно опредѣлить, какъ выражется несоотвѣтствіе между ростомъ населенія и ростомъ средствъ существованія. Но эта прогрессія, даже и въ изложеніи самого Мальтуса, занимала довольно нейтральное мѣсто; для него важно было лишь установить несоотвѣтствіе между движеніемъ на-

родонаселенія и средствами существованія. Законъ о народонаселеніи Мальтусъ считаетъ какъ бы физическимъ закономъ, который поддерживается, въ случаѣ нарушенія, насильственными препятствіями. Мальтусъ различаетъ препятствія двоякаго рода: препятствія предупредительныя и препятствія разрушительныя. „Препятствія предупредительнымъ,- говоритъ онъ,- это способность человѣка предвидѣть и отдѣлять отдаленныя послѣдствія." Благодаря этой способности человѣкъ можетъ воздерживаться отъ размноженія въ томъ случаѣ, если онъ находитъ несоотвѣтствующимъ свое имущественное положеніе. Воздержаніе отъ раннихъ браковъ является, по мнѣнію Мальтуса, наименьшимъ зломъ, вытекающимъ изъ закона о народонаселеніи. „Воздержаніе,- говоритъ онъ,- налагаемое на насъ наиболѣе сильнымъ влеченія, безъ сомнѣнія вызываетъ временное тягостное чувство. Но это зло, очевидно, весьма ничтожно, сравнительно съ другими препятствіями, останавливающими возрастаніе населенія. Воздержаніе является такимъ же лишеніемъ, какъ и множество другихъ, налагаемыхъ на насъ нравственнымъ чувствомъ. Когда воздержаніе сопровождается пороками, происходящее отъ этого зло поражаетъ всякаго наблюдателя. Извращеніе нравовъ, доведенное до такой степени, что оно препятствуетъ рожденію дѣтей, унижаетъ человѣческую природу и оскорбляетъ ея достоинство, оно производитъ такое дѣйствіе на мужчину и еще болѣе извращаетъ характеръ женщины, искажая самыя привлекательныя свойства ея природы. Къ этому необходимо прибавить, что изъ всѣхъ несчастныхъ созданій, быть можетъ, ни одно не подвергается такимъ бѣдствіямъ и не

впадаетъ въ такую крайнюю нищету, какъ тѣ несчастныя жертвы проституціи, которыми изобилуютъ большіе города."

Что касается разрушительныхъ препятствій, то они по своей природѣ весьма разнообразны. „ Къ нимъ относятся всѣ причины, стремящіяся какимъ бы то ни было образомъ, при помощи порока или несчастія, сократить естественную продолжительность человѣческой жизни. Поэтому къ категоріи этихъ препятствій необходимо отнести вредныя для здоровья занятія, тяжкій, чрезмѣрный или подвергающійся вліянію непогоды трудъ, крайнюю бѣдность, дурное питаніе дѣтей, нездоровыя жизненныя условія большихъ городовъ, всякаго рода излишества, болѣзни, эпидеміи, войну, чуму, голодъ. Изслѣдуя препятствія къ размноженію населенія, раздѣленныя мною на двѣ общихъ группы подъ именемъ предупредительныхъ и разрушительныхъ, не трудно замѣтить, что они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и страданіямъ." Въ результатѣ дѣйствія этихъ препятствій получается извѣстная закономѣрность движенія населенія соотвѣтственно средствамъ существованія. Эту закономѣрность Мальтусъ выразилъ въ формѣ трехъ положеній или законовъ. Первый законъ такой: „1) Количество народонаселенія неизбѣжно ограничивается средствами существованія. 2) Народонаселеніе неизмѣнно возрастаетъ всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только это не будетъ остановлено явными и могущественными препятствіями. 3) Эти особыя препятствія точно такъже, какъ и всѣ тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ населеніе къ уровню

средствъ существованія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію."

Исходя изъ этого пониманія закона о народонаселеніи и его значенія, Мальтусъ разсматриваетъ систему естественнаго равенства и соціальную реформу, полемизируя со современниками, а также развиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ политической экономіи, напримѣръ, вопросъ о заработной платѣ и ея уровнѣ, вопросъ о налогахъ для бѣдныхъ и законодательствѣ о бѣдныхъ и др. Въ особенности широкую извѣстность получило отношеніе Мальтуса къ законодательству о бѣдныхъ. Мальтусъ относился къ этому законодательству съ нескрываемой враждебностью, съ принципіальнымъ отрицаніемъ. Не нужно забывать, каково было это законодательство, которое въ курсѣ, посвященномъ аграрному вопросу, я подробно излагалъ. Сейчасъ укажу на то, что законодательство о бѣдныхъ въ Англіи характеризовалось двумя особенностями. Съ одной стороны оно не достигало своей цѣли, именно не помогало и не могло помогать дѣйствительно нуждающимся, а съ другой стороны оно развращало населеніе, насильственно заставляя трудящійся народъ прибѣгать къ приходской помощи въ видѣ такъ называемыхъ доплатъ. Такъ что, какъ бы мы ни смотрѣли на общій вопросъ законодательства о бѣдныхъ, это законодательство не можетъ вызывать никакого сочувствія даже со стороны лицъ, горячо приверженныхъ къ интересамъ трудящихся, и Мальтусъ въ своей критикѣ вполнѣ отчетливо высказываетъ свои мотивы, по которымъ онъ такъ отрицательно къ нимъ относится. Но помимо этой спеціальной при-

чины Мальтусъ видѣлъ въ этомъ законодательствѣ какъ бы косвенное или прямое поощреніе размноженія населенія. Законы о бѣдныхъ поощряютъ размноженіе населенія, 1)нисколько не увеличивая количества продуктовъ потребленія. Разсчитывая на вспомоществованіе своего прихода, бѣдный человѣкъ можетъ въ Англіи жениться, совсѣмъ не имѣя средствъ для прокормленія семьи, а это неизбѣжно влечетъ за собой значительное возрастаніе населенія, а слѣдовательно, постоянное раздробленіе продуктовъ потребленія на меньшія доли. Слѣдствіе этого на вознагражденіе за трудъ людей, не получающихъ пособія, приходится покупать все меньшее и меньшее количество пищи и въ конечномъ результатѣ число лицъ, поступающихъ на попеченіе приходовъ, должно постоянно возрастать. 2)Количество продовольствія, потребляемаго въ приходскихъ рабочихъ домахъ призрѣваемыми, кот. нельзя считать полезными членами общества, настолько не уменьшаетъ долю рабочихъ, т.е. людей, наиболѣе полезныхъ для страны." Законъ о бѣдныхъ былъ отмѣненъ въ Англіи въ 1834 году несомнѣнно подъ вліяніемъ идей Мальтуса, но отмѣненъ былъ безъ той постепенности, которую считалъ необходимою Мальтусъ, и въ этомъ смыслѣ отмѣна эта совершенно не соотвѣтствуетъ его идеямъ. „Главная и постоянная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правленія или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имущества; не во власти богатыхъ доставить бѣднымъ работу и пропитаніе; поэтому бѣдные, по самой сущности вещей, не имѣютъ права требовать отъ нихъ того и другого." Исходя изъ такого пониманія реальныхъ соотношеній вещей, Мальтусъ

вообще отрицаетъ право бѣдныхъ содержаться на общественный счетъ. „Люди, дѣлающіе мнѣ возраженіе, должны доказать, что объ установленномъ мною прогрессіи, или различныхъ степеняхъ возрастанія населенія и средствъ существованія, ошибочны, ибо, если они справедливы, то выводъ, на который они нападаютъ, неосноримъ. Если признать объ прогрессіи правильными, то изъ нихъ вытекаетъ, что если каждый вступитъ въ бракъ, когда ему вздумается, то человѣческаго труда недхватитъ для прокормленія всѣхъ рождающихся. А изъ этого, въ свою очередь, неминуемо вытекаетъ, что право на прокормленіе не можетъ принадлежать всѣмъ людямъ. Допустимъ на время, что въ какой-либо странѣ поземельная собственность распредѣлена поровну между всѣми жителями. Если при этомъ условіи одна половина населенія, побуждаемая благоразуміемъ, станетъ избѣгать въ своей средѣ размноженія, превышающаго доставляемыя землей средства существованія, то она постоянно будетъ пользоваться тѣмъ же довольствомъ, которымъ пользовалась при началѣ раздѣла. Если, наоборотъ, другая половина населенія усвоитъ привычку вступать въ бракъ тотчасъ по выходѣ изъ юношескаго возраста, когда возникаютъ и сильнѣе всего дѣйствуютъ страсти, то очевидно, что и эта половина населенія впадетъ въ самую безвсходную нищету. Спрашивается: на какомъ законномъ или справедливомъ основаніи можетъ эта половина установить свое право разсчитывать на малѣйшую часть принадлежащей другой половинѣ населенія собственности, которая была пріобрѣтена благоразумнымъ воздержаніемъ? Испытываемая этими безразсудными людьми нуж-

да есть слѣдствіе ихъ собственнаго легкомыслія и невѣжества. Самый путь, который привелъ ихъ къ нуждѣ, показываетъ, что если признать ихъ притязанія и сложить съ нихъ часть заслуженныхъ ими бѣдствій, то вскорѣ все общество будетъ вовлечено въ такую же погибель. Добровольныя и случайныя вспомоществованія со стороны богатыхъ людей не мѣшаютъ бѣднымъ пользоваться суровыми уроками природы, когда такая помощь дается съ разборомъ. Что же касается права, то защищать его не представляется возможнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что размноженіе населенія въ Америкѣ представляетъ сверхъестественное явленіе, не зависящее отъ легкости, съ которой можно добыть въ ней средства существованія."

Въ заключительныхъ строкахъ своего сочиненія Мальтусъ допускаетъ, что онъ слишкомъ рѣзко поставилъ вопросъ и впалъ въ нѣкоторое преувеличеніе. „Весьма возможно,- говоритъ онъ,- что найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я чрезмѣрно перегнулъ его въ другую изъ желанія выпрямить его. Но я всегда готовъ исключить изъ моего сочиненія все то, что по мнѣнію свѣдущихъ цѣнителей, противорѣчитъ моей цѣли или мѣшаетъ распространенію истины. Изъ уваженія къ этимъ лицамъ я уже исключилъ нѣкоторыя мѣста, наиболѣе дававшія поводъ къ возраженіямъ; такія исправленія въ особенности коснулись настоящаго изданія. Я льщу себя надеждой, что эти измѣненія улучшили мое сочиненіе, не измѣнивъ его основаній. Но до этихъ измѣненій, какъ и послѣ нихъ, я полагаю, всякій безпристрастный читатель долженъ признать, что не-

смотря на возможныя ошибки, практическая цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ этого сочиненія, состояла въ улучшеніи участи и увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества." Такъ самъ Мальтусъ опредѣляетъ свою задачу.

Ученіе Мальтуса не стоитъ одиноко въ исторіи политической экономіи. Несомнѣнно, онъ имѣетъ цѣлый рядъ предшественниковъ. Вопросъ о народонаселеніи вовсе не есть такой маленькій вопросъ, чтобы можно было допустить, что онъ останется незамѣченнымъ. Можно назвать цѣлый рядъ писателей, предшественниковъ Мальтуса, которыхъ отчасти самъ Мальтусъ называетъ и цитируетъ (такъ что во всякомъ случаѣ Мальтусъ не заслуживаетъ названія плагіатора, какимъ его честитъ Марксъ), отчасти и неизвѣстныхъ ему, относящихся къ XV и XVIII в., дѣйствовавшихъ въ Италіи, Германіи, Англіи и другихъ европейскихъ странахъ. Къ XVI вѣку относится итальянскій писатель Ботеро, къ XVII вѣку Дженовези, предполагавшій геометрическую прогрессію размноженія населенія. Въ XVI в. въ Англіи предшественникомъ Мальтуса является Ралей, въ XVII в. Тэль, въ XVIII вѣкѣ – Франклинъ, Артуръ Юнгъ, въ Германіи – Мозеръ. До извѣстной степени предшественниками его являются и физіократы. Первый законъ Мальтуса, что населеніе ограничено средствами существованія, составляло основное положеніе популяріонистическаго ученія физіократовъ. Такимъ образомъ, Мальтусу здѣсь и не принадлежитъ пальма первенства, на что онъ и самъ не заявляетъ притязаній. Но ему принадлежитъ заслуга и миссія поставить вопросъ такъ остро, что послѣ этого нельзя его ни

забыть, ни снять. Въ этомъ смыслѣ можно сказать даже, что если въ настоящее время отъ собственнаго зданія Мальтусова ученія и не осталось и камня на камнѣ (а я думаю, что это такъ и есть), то вопросъ, поставленный Мальтусомъ, остается. Въ настоящее время странно и безполезно при свѣтѣ современной статистики довольствоваться выводами Мальтуса. Теперь позволительно ставить вопросъ о народонаселеніи гораздо яснѣе и точнѣе, и спорить съ Мальтусомъ относительно его прогрессій и недостойно и неинтересно. Затѣмъ при настоящемъ уровнѣ исторической науки безполезно и неинтересно спорить съ Мальтусомъ относительно его историческихъ главъ, его историческихъ обобщеній. Мы знаемъ гораздо больше, чѣмъ онъ, благодаря успѣхамъ исторической науки въ XIX вѣкѣ, и можемъ поставить этотъ вопросъ гораздо сложнѣе. Но въ результатѣ работы Мальтуса является во всякомъ случаѣ то, что онъ приковалъ вниманіе къ этому вопросу, съ одной стороны, а съ другой—зародилъ сомнѣніе и, мнѣ кажется, разъ на всегда исключилъ возможность наивнаго и благодушнаго оптимизма въ соціальномъ мышленіи, которое было свойственно его отцу и Годвину. Онъ во всякомъ случаѣ этихъ соціальныхъ реформаторовъ, которые строили будущее, исходя изъ соціальнаго переустройства, заставилъ задуматься, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ причинъ, которыя не зависятъ отъ человѣческой воли и которыя могутъ осложнить всякую соціальную реформу. Въ ученіи Мальтуса можно различить двѣ стороны. Одна — это чисто экономическое ученіе о значеніи

народонаселенія и о возможности случаевъ несоотвѣтствія между населеніемъ и средствами существованія; другая – это соціальное ученіе, именно ученіе о томъ, что бѣдность происходитъ исключительно, или главнымъ образомъ, отъ чрезвычайнаго размноженія, а потому средства борьбы съ бѣдностью сводятся къ средствамъ борьбы съ этимъ чрезвычайнымъ размноженіемъ. Мальтусъ „перегнулъ дукъ", какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, въ этой второй части своего ученія, въ соціальной. Здѣсь нельзя отрицать односторонности и увлеченія доктриной, хотя и нельзя не привести цѣлаго ряда историческихъ указаній, которыя нѣсколько объясняютъ односторонность Мальтуса.

Англія въ это время переживала исключительную эпоху. Съ одной стороны, промышленная революція поставила страну на совершенно новые рельсы, съ другой стороны – хозяйственное потрясеніе предыдущей эпохи, пролетаризація сельскаго населенія произвели такой приростъ населенія, главнымъ образомъ среди пауперовъ, какого Англія не видала ни раньше, ни позже. Вся страна страдала несомнѣнно и неоспоримо общимъ перенаселеніемъ, т.е существующія отрасли народнаго труда не въ состояніи были поглотить всѣхъ освободившихся рабочихъ рукъ просто вслѣдствіе недостаточнаго развитія промышленности, что вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ отмѣчалось и во всѣхъ парламентскихъ отчетахъ того времени. Односторонность соціальнаго ученія Мальтуса опредѣляется, кромѣ того, еще и полемикой съ Годвиномъ, который былъ односторонненъ въ противоположномъ направленіи, и

полемизируя съ нимъ, Мальтусъ оказался односторонень и въ своемъ направленіи. Односторонность эта предопредѣлила и судьбы идей Мальтуса въ дальнѣйшемъ развитіи политической экономіи. Естественно ожидать, что отношеніе къ идеямъ Мальтуса въ значительной степени опредѣлится общимъ соціальнымъ міровоззрѣніемъ того или другого писателя. Мальтусъ и при своей жизни и впослѣдствіи имѣлъ одинаково и горячихъ сторонниковъ и противниковъ, при чемъ число сторонниковъ было пожалуй больше, нежели противниковъ. Изъ экономистовъ Англіи ближайшимъ по времени горячимъ сторонникомъ его является Сенверъ, затѣмъ Торнтонъ, авторъ работы о трудѣ, и затѣмъ оба Милля, какъ отецъ, такъ и сынъ (какъ Джемсъ Милль, такъ и Джонъ Стюартъ Милль). Послѣдній считаетъ теорію Мальтуса совершенно неоспоримой. „Способность къ размноженію,- говоритъ онъ,- свойственная всей органической жизни, можетъ считаться безпредѣльной. Человѣческій родъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Способность его къ размноженію безгранична, и его дѣйствительное размноженіе пошло бы чрезвычайно быстро, если бы эта способность могла проявляться съ наиболѣе возможной для него силой." „Опытъ доказываетъ,- далѣе разсуждаетъ Милль,- что большинство людей сами по себѣ никогда не задаются вопросами нравственности, не разбираютъ своихъ поступковъ съ точки зрѣнія справедливаго и несправедливаго, если имъ не повторять объ этомъ возможно чаще; но кто же говоритъ людямъ, пока они остаются въ предѣлахъ брачныхъ отношеній, что у нихъ есть обязанности въ той области, о которой мы говоримъ теперь? Подвер-

гнется ли хоть малѣйшему осужденію и, напротивъ, не встрѣтитъ ли даже доброжелательное отношеніе и участіе тотъ, кто невоздержанностью въ этомъ отношеніи причинитъ столь значительное зло себѣ и своимъ близкимъ? Къ человѣку, невоздержанному въ употребленіи напитковъ, отнесутся съ порицаніемъ и презрѣніемъ всѣ, кто требуетъ отъ другихъ нравственной жизни; когда же дѣло идетъ о благотворительности,- наоборотъ; большая семья и невозможность прокормить ее являются самымъ главнымъ основаніемъ для того, чтобы оказать такому человѣку помощь. Нечего удивляться тому, что замалчиванье этой важной области обязанностей человѣка, заставляя забывать факты вполнѣ естественные, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ отсутствіе у людей сознанія своихъ нравственныхъ обязанностей." Такое же благопріятное отношеніе къ себѣ встрѣчаетъ ученіе Мальтуса и въ современной англійской политической экономіи. По крайней мѣрѣ, очень видные современные экономисты, какъ, напримѣръ, Маршаль и другіе, относятся къ ученію Мальтуса о народонаселеніи съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Подобнымъ же образомъ и въ Германіи представители академической политической экономіи большею частью относятся къ ученію Мальтуса весьма серьезно и съ большимъ признаніемъ его заслугъ.

Разумѣется, ученіе Мальтуса въ настоящее время цѣликомъ, съ прогрессіями и со всѣми подробностями, никто не беретъ, но основной фактъ возможности несоотвѣтствія населенія со средствами существованія и общія экономическія проблемы народонаселенія не только не оспариваются, но и устанавливаются все болѣе

рѣшительно.

Можно назвать цѣлый рядъ экономистовъ нашего времени, разсматривавшихъ въ этомъ смыслѣ проблему о народонаселеніи, какъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ, Густавъ Рюмелинъ, статистикъ Конрадъ, проф.Филипповичъ, Эльстеръ и многіе другіе, считающихъ, что, хотя Мальтусъ въ подробностяхъ и заблуждался, но въ основѣ правъ. Но не мало и противниковъ. Противники эти наиболѣе рѣзкіе и наиболѣе рѣшительные встрѣчаются прежде всего въ лагерѣ соціалистовъ. Это понятно, потому что и самое произведеніе Мальтуса было вызвано полемикой съ идеями характера, если не вполнѣ соціалистическаго, то во всякомъ случаѣ приближающагося къ соціализму, и утвержденіе Мальтуса о томъ, что населеніе можетъ превысить средства существованія дѣйствительно является весьма серьезнымъ и способнымъ зародить весьма серьезное сомнѣніе въ соціалистическомъ представленіи о томъ, что можно найти гармоническій общественный строй. Весь кодексъ соціализма, ученіе о будущемъ обществѣ, будущемъ государствѣ, исходитъ изъ представленія о томъ, что въ реформѣ производства и реформѣ распредѣленія можно найти такое экономическое равновѣсіе, при которомъ не будетъ чувствоваться бѣдность, относительная или абсолютная - все равно. Подразумѣвается, что эта гармонія какъ бы естественно предустановлена, что достаточно устранить препятствія къ ней, въ видѣ существующей соціальной системы, и она установится сама собой. Естественно, утвержденіе, что такая гармонія невозможна по законамъ природы, сдѣлало соціалистовъ

непримиримыми врагами Мальтуса. Принимая во вниманіе тревоги Мальтуса, нужно искать такого состоянія общества, при которомъ не только вопросъ о производствѣ и распредѣленіи разрѣшенъ удовлетворительно, но и вопросъ о соотношеніи между народонаселеніемъ и средствами существованія тоже получаетъ удовлетворительное разрѣшеніе. Слѣдовательно, или нужно показать, какъ онъ можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, или же отвергнуть и самый вопросъ. Этимъ послѣднимъ путемъ и идутъ соціалистическіе критики Мальтуса, каждый по своему.

Французскій соціалистъ Фурье, выработавшій фантастическую систему преобразованія общества посредствомъ хозяйственныхъ группъ, такъ называемыхъ фалангъ и общественныхъ хозяйственныхъ учрежденій, такъ называемыхъ фаланстеръ, расправляется съ Мальтусомъ легко при помощи нѣсколькихъ выводовъ фантастическаго характера. Онъ считаетъ, что слишкомъ быстрый приростъ населенія будетъ парализованъ четырьмя причинами: 1) здоровьемъ женщинъ, 2) пастрософическимъ режимомъ, 3) фанерогамными нравами и 4) всесторонними тѣлесными упражненіями.

Что касается другого французскаго соціалиста, или скорѣй анархиста, Прудона, то онъ тоже считаетъ, что когда будетъ осуществлена общественная реформа по его плану, то вопросъ о народонаселеніи разрѣшится самъ собой. Онъ говоритъ, что „дѣломудріе - спутникъ труда; изнѣженность - принадлежность праздности. Люди умственнаго труда, энергическіе мыслители, всѣ эти великіе труженики малоспособны предаваться любви... Поэтому, ес-

ли, въ силу закона необходимости, мы будемъ болѣе отдаваться труду, нежели отдавались ему наши предки, то съ такою же необходимостью мы все менѣе будемъ предаваться наслажденіямъ любви."

Гораздо болѣе интересны критическія замѣчанія о Мальтусѣ, принадлежащія Марксу. Марксъ подходитъ къ самому корню вопроса о народонаселеніи и возражаетъ Мальтусу, становясь на историческую точку зрѣнія. По мнѣнію Маркса, Мальтусъ формулировалъ абстрактный законъ о народонаселеніи, т.е. такой законъ, который существуетъ лишь для животныхъ и растеній, но онъ не приложимъ къ исторіи человѣчества. Для исторіи человѣчества нужно формулировать историческій законъ движенія народонаселенія, а каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый законъ о народонаселеніи. Обращаясь въ частности къ капиталистической эпохѣ, въ противоположность къ Мальтусу, Марксъ составляетъ свою теорію относительно перенаселенія.

Прежде, чѣмъ обратиться къ этой теоріи, нужно сказать, что въ общемъ Марксъ совершенно правъ; существуетъ лишь историческій законъ народонаселенія, т.е., что формулировать отношенія между населеніемъ и средствами существованія въ общихъ и абстрактныхъ чертахъ - невозможно. Я думаю, что въ этомъ согласился бы съ нимъ и Мальтусъ, несмотря на то, что во многихъ своихъ выраженіяхъ онъ подавалъ поводъ къ этому обвиненію въ абстрактности. Конечно, въ различныхъ историческихъ обстоятельствахъ возможно различное движеніе населенія, но, исходя изъ своего совершенно справедливаго замѣчанія, Марксъ идетъ гораздо даль-

ме, чѣмъ позволяетъ ему его собственныя предпосылки, и, въ концѣ концовъ, этимъ справедливымъ замѣчаніемъ устраняетъ общій вопросъ для всей эпохи некапиталистической, въ частности, для соціалистической.

Что касается эпохи капиталистической, то вотъ тѣ замѣчанія, которыя онъ считаетъ возраженіями противъ Мальтуса. Онъ полагаетъ, что капитализму свойственъ свой особый законъ народонаселенія и перенаселенія. Именно: капиталъ, то увеличиваясь, то сокращаясь, то расширяясь, то сжимаясь, призываетъ и отсылаетъ, притягиваетъ и отталкиваетъ *рабочую силу*, вслѣдствіе чего создается колеблющійся спросъ на трудъ, и этими сокращеніями спроса производится какъ бы перенаселеніе

Кромѣ того, есть въ самомъ характерѣ развитія капиталистическаго производства причина, представляющаяся постояннымъ источникомъ перенаселенія. Причина эта въ томъ, что съ развитіемъ капитализма все большая часть капитала затрачивается на орудія и матеріалы производства, и все меньшая часть - на заработную плату. Вслѣдствіе этого капиталъ даннаго размѣра предъявляетъ все меньшій спросъ на трудъ по мѣрѣ техническаго прогресса. Этимъ сокращеніемъ спроса на трудъ и создается перенаселеніе, т.е.получается избыточное населеніе, не находящее себѣ заработка. Это соображеніе отчасти справедливо, но оно ограничивается въ силѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что общій ростъ всего капитала, прилагаемаго въ производствѣ, можетъ совершаться быстрѣе, нежели это сокращеніе доли капитала, затрачиваемаго на рабочую силу. Благодаря этому общій размѣръ части капитала, расходуе-

мой на трудъ, можетъ увеличиваться и фактически обыкновенно увеличивается, такъ что перенаселеніе на этой почвѣ можетъ и не воспослѣдовать; но во всякомъ случаѣ признаемъ это замѣчаніе справедливымъ. Но этимъ все же не рѣшается вопросъ, существуетъ или не существуетъ въ странѣ перенаселеніе помимо этого, напримѣръ перенаселеніе въ деревняхъ, вызванное естественнымъ ростомъ населенія, обгоняющаго производство и нарушающаго емкость территоріи относительно населенія. Марксъ съ этимъ вопросомъ не считается. Въ сущности то, что указываетъ Марксъ, представляетъ собой лишь одну изъ частныхъ иллюстрацій, частную форму общаго закона населенія, но отнюдь не является устраненіемъ его или ограниченіемъ. Согласно собственной идеѣ Маркса, каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый законъ народонаселенія, а если это такъ, то приходится признать, что каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый вопросъ народонаселенія и, что одно и то же, свою особую угрозу перенаселенія (или же недонаселенія). Во всякомъ случаѣ этимъ указаніемъ Маркса на особую форму капиталистическаго перенаселенія не дается никакого отвѣта на общій вопросъ о томъ, существуетъ или не существуетъ предустановленная гармонія между ростомъ населенія и ростомъ производства, т.е. не угрожаетъ ли все-таки, въ концѣ концовъ, возможность перенаселенія, хотя и въ отдаленномъ, уже соціалистическомъ, будущемъ.

Разборомъ мнѣнія Маркса относительно ученія Мальтуса о народонаселеніи я старался вамъ разъяснить, что общая мысль

Маркса совершенно правильна. Дѣйствительно, каждая форма хозяйства имѣетъ свой особый законъ народонаселенія, и народонаселеніе находится въизвѣстной зависимости отъ формы хозяйства. Дать какую-нибудь простую формулу, исчерпывающую и опредѣляющую характеръ этихъ отношеній для различныхъ историческихъ эпохъ совершенно невозможно, потому что отношенія эти могутъ мѣняться въ самыхъ различныхъ и противоположныхъ направленіяхъ, и одинаково возможно какъ перенаселеніе, такъ и недонаселеніе. Историческое изученіе даетъ въ этомъ отношеніи самые различные примѣры соотношенія народонаселенія и средствъ производства. Можно сказать только одно, что послѣ Мальтуса всякій историкъ хозяйственнаго быта и всякій экономистъ, изучая всѣ другія условія общественнаго хозяйства, не можетъ не останавливать вниманія и на движеніи населенія и на отношеніи народонаселенія къ народному хозяйству.

Я назвалъ уже нѣсколькихъ оптимистическихъ критиковъ Мальтуса изъ соціалистовъ. Къ числу ихъ придется причислить и извѣстнаго американскаго писателя Генри Джорджа, котораго впрочемъ нельзя считать соціалистомъ. Самъ онъ является даже противникомъ соціалистовъ, но во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ отнести къ числу радикальныхъ общественныхъ реформаторовъ. Генри Джорджъ съ чрезвычайнымъ оптимизмомъ возстаетъ противъ ученія Мальтуса. Любопытно, что самые энергичные противники Мальтуса - оптимистическаго оттѣнка, Генри Джорджъ и Кэри - американскіе экономисты, оба являются гражданами Американскихъ Соедин..

Штатовъ съ ихъ необъятной земельной площадью. Амер. Соедин. Штаты въ то время страдали не перенаселеніемъ, а недонаселеніемъ, и впечатлѣніе дѣйствительности въ этомъ отношеніи позволяло нѣкоторый оптимизмъ.

Генри Джорджъ, излагая теорію Мальтуса, высказывается о ней слѣдующими словами: „все это я отрицаю,—говоритъ онъ,—я утверждаю, что справедливо какъ разъ обратное, и утверждаю, что при всякомъ данномъ состояніи цивилизаціи совокупность большаго количества людей легче можетъ быть обезпечена продовольствіемъ, чѣмъ совокупность меньшаго количества. Я утверждаю, что несправедливость общественнаго устройства, а не скудость природы является причиной бѣдности и нищеты, которыя господствующая теорія приписываетъ перенаселенію. Я утверждаю, что вызванное увеличеніемъ населенія къ существованію новые рты требуютъ не болѣе пищи, чѣмъ прежніе, между тѣмъ, какъ руки производятъ больше въ силу естественнаго хода вещей. Я утверждаю, что чѣмъ больше народонаселеніе, тѣмъ выше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна быть та степень благосостоянія, которая при справедливомъ распредѣленіи благъ должна быть предоставлена каждому индивидууму. Я утверждаю, что при состояніи равенства естественный приростъ населенія постоянно стремится сдѣлать каждаго индивидуума богаче, а не бѣднѣе." Генри Джорджъ писатель съ большимъ темпераментомъ, но его утвержденія далеко не всегда подтверждаются убѣдительностью его аргументацій. Говорю такъ при всемъ уваженіи и симпатіи къ этому писателю. Такъ

и въ данномъ случаѣ утвержденіе, что каждый человѣкъ, рождаясь на землѣ, приноситъ съ собой руки и, слѣдовательно, обезпечиваетъ самъ себѣ возможность существованія, обезсиливается рядомъ другихъ соображеній, именно, что раньше, чѣмъ онъ получитъ способность этими руками добывать себѣ средства къ существованію, онъ долженъ 1) долгій періодъ младенчества, дѣтства и юности существовать на средства общества и 2), что самое главное, человѣкъ родится не только съ руками, но и въ опредѣленно-исторической обстановкѣ, въ опредѣленной общественной средѣ. въ данной общественно-хозяйственной организаціи, которая можетъ предъявить спросъ на эти рабочія руки, можетъ и не предъявлять; поэтому сама по себѣ такая индивидуалистическая постановка этого вопроса не отвѣчаетъ дѣйствительной его сложности. Нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ такимъ соображеніемъ, что каждый человѣкъ родится со своими руками, потому что этотъ аргументъ приложимъ лишь тогда, когда земля лишь впервые заселяется. Конечно, Робинзонъ только и могъ то получить, что могъ сдѣлать своими руками, но современный русскій крестьянинъ при существующемъ малоземельи, хотя и имѣющій свои руки, нуждается еще въ землѣ. къ которой онъ могъ бы приложить свой трудъ. Слѣдовательно, правъ или неправъ Мальтусъ, но такъ упрощенно ставить вопросъ, какъ его ставитъ Генри Джорджъ и цѣлый рядъ соціалистическихъ писателей, и какъ онъ нерѣдко ставится - нельзя. Нужно отмѣтить, что изъ среды соціалистовъ не всѣ смотрятъ такъ успокоительно на вопросъ о народонаселеніи, какъ вышепоименованные.

Назову, напримѣръ, одного изъ самыхъ видающихся представителей Марксова соціализма - Карла Каутского, который совершенно не раздѣляетъ оптимизма своего учителя. Онъ полагаетъ, что капиталистическое перенаселеніе есть лишь частная форма перенаселенія, но считаетъ въ значительной степени вѣроятнымъ, что вопросъ о народонаселеніи встанетъ и въ соціалистическомъ обществѣ, поэтому онъ разрѣшаетъ его въ книгѣ о народонаселеніи въ неомальтузіанскомъ духѣ, въ смыслѣ сознательнаго регулированія народонаселенія искусственнымъ сокращеніемъ рождаемости.

Мальтусу, кромѣ критиковъ со стороны соціалистовъ и радикальныхъ реформаторовъ, возражали писатели и разныхъ другихъ направленій, характеризующихся болѣе или менѣе оптимистическимъ отношеніемъ къ вопросу о народонаселеніи.

Заслуживаетъ упоминанія соотечественникъ Мальтуса, англійскій писатель начала XIX вѣка, Садлеръ, который на основаніи цѣлаго ряда вычисленій и соображеній подвергаетъ критикѣ прогрессіи Мальтуса и пытается установить, что народонаселеніе размножается не въ геометрической прогрессіи, а совершенно инымъ способомъ, что средства существованія увеличиваются гораздо быстрѣй, чѣмъ принималъ Мальтусъ. Вслѣдствіе ошибки, допущенной Мальтусомъ въ этихъ прогрессіяхъ, получился и неправильный выводъ, такъ что, если внести соотвѣтствующую поправку, то вовсе не получится такой угрожающей разницы между приростомъ населенія и средствами существованія.

Другая группа возраженій Мальтусу основывалась на сообра-

ненiяхъ религiозныхъ или теологическихъ; ея представители и обрушивались на Мальтуса за то, какимъ образомъ онъ, христiанскiй священникъ, могъ установить такой законъ, какъ бы компрометирующiй устройство мiра и дѣятельность Провидѣнiя. Съ этой точки зрѣнiя Мальтуса подвергаютъ, между прочимъ, критикѣ и франц. писатель Бастiа и американскiй писатель Кэри. „Ученики Мальтуса,- говоритъ Бастiа,- вы нелицемѣрные и оклеветанные друзья человѣчества, неправые только въ одномъ - въ своемъ желанiи спасти человѣчество отъ мнимаго рока,- я могу указать вамъ болѣе утѣшительный законъ: при прочихъ равныхъ условiяхъ, увеличенiе населенiя (плотности,) соотвѣтствуетъ увеличенiю легкости производства." „Гармонiя,- продолжаетъ Бастiа, въ другомъ мѣстѣ,- таковъ окончательный результатъ порядка, установленнаго Провидѣнiемъ и великимъ закономъ природы, въ томъ случаѣ, если они дарятъ безпрепятственно, если ихъ разсматривать самихъ по себѣ, оставляя въ сторонѣ то смятенiе, которое вносятъ въ ихъ дѣйствiе заблужденiе и насилiе. При видѣ этой гармонiи экономистъ можетъ воскликнуть, какъ это дѣлаетъ астрономъ при зрѣлищѣ движенiя планетъ или физiологъ, созерцая расположенiе человѣческихъ органовъ: въ этомъ виденъ перстъ Божiй." Такого же мнѣнiя держится и американскiй экономистъ Кэри. Онъ говоритъ: „возможно ли, чтобы Творецъ впалъ въ такое противорѣчiе съ самимъ собой? Возможно ли, чтобы онъ, утвердивъ во всемъ матерiальномъ мірѣ систему, части которой находятся между собой въ полной гармонiи, подчинилъ затѣмъ человѣка, господина всего мiрозданiя, законамъ,

которые должны породить всеобщую дисгармонію? Возможно ли, чтобы, одаривъ человѣка всѣми свойствами, необходимыми для пріобрѣтенія господства, Онъ подчинилъ того же человѣка законамъ, въ силу которыхъ послѣдній долженъ стать рабомъ природы?" (Далѣе Кэри подвергаетъ этотъ вопросъ разсмотрѣнію и физіологически приходитъ къ заключенію, что степень плодовитости измѣняется обратно развитію нервной системы, и способность продолженія жизни и способность воспроизведенія антагонистичны другъ другу, и этотъ антагонизмъ постоянно поддерживаетъ равновѣсіе между ними.)

Конечно, этотъ теологическій аргументъ имѣетъ силу и интересъ только для тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ того общаго религіознаго міровоззрѣнія, которое раздѣляетъ и Мальтусъ и его критики. Мальтусъ самъ какъ бы предвидѣлъ эти обвиненія въ богохульствѣ, когда говорилъ въ послѣднихъ страницахъ своего труда: „я всегда думалъ, что законъ народонаселенія, болѣе всякаго другого пригоденъ для нашего исправленія и воспитанія. И, дѣйствительно, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ законовъ природы онъ полнѣе другихъ подтверждаетъ изображенное въ Священномъ Писаніи воззрѣніе на назначеніе нашей земной жизни. Такъ какъ, слѣдуя путемъ добродѣтели и умноженія разума, человѣкъ можетъ избѣгнуть вредныхъ для него и для общества послѣдствій закона народонаселенія, то необходимо признать, что въ этомъ великомъ законѣ природы вполнѣ осуществились намѣренія Творца. Поэтому я былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что большинство возраженій противъ

моего сочиненія исходило отъ лицъ, нравственный и религіозный характеръ которыхъ постоянно внушалъ чувство моего глубочайшаго уваженія, и сочувствіе которыхъ мнѣ было бы особенно дорого."

И, дѣйствительно, со своей точки зрѣнія Мальтусъ правъ. Вѣдь то ученіе, представителемъ котораго явился Мальтусъ, вовсе не обезпечиваетъ и не устраиваетъ гармонія человѣческаго существованія на землѣ. Напротивъ, оно разсматриваетъ землю, какъ землю проклятія, на которой въ потѣ лица добывается хлѣбъ; и въ этомъ смыслѣ несоотвѣтствіе между населеніемъ и естественными дарами природы есть только одно изъ частныхъ выраженій той же дисгармоніи, подтвержденіе ненормальныхъ отношеній между человѣкомъ и природой, которыя вообще характеризуютъ грѣховное состояніе человѣка. Въ этомъ отношеніи Мальтусъ былъ гораздо ближе къ правильному пониманію христіанскаго ученія, нежели его противники, которые превращали христіанство въ какую-то сладкую теорію. Съ другой стороны, это несоотвѣтствіе между народонаселеніемъ и средствами существованія вовсе не является, по ученію самого Мальтуса и ученію политической экономіи, непредвидѣннымъ и неустранимымъ. Оно только составляетъ постоянную трудность, задачу, которая должна быть постоянно разрѣшаема, и которая не позволяетъ человѣчеству никогда успокоиться на землѣ. Задача эта въ каждую хозяйственную эпоху ставится по своему, и въ этомъ отношеніи законъ о народонаселеніи можно разсматривать столько же какъ проклятіе, сколько какъ бла-

годѣяніе, потому что нѣтъ болѣе вѣрнаго, болѣе неустраничаго стимула для хозяйственнаго прогресса, какъ законъ народонаселенія.

Нѣкоторые историки изъ русскихъ, напримѣръ, проф. Максимъ Ковалевскій, устанавливаютъ такую точку зрѣнія относительно измѣненія хозяйственныхъ формъ, что прогрессъ хозяйства вызывается ростомъ населенія, что ростъ населенія толкаетъ впередъ, дѣлаетъ необходимымъ переходъ отъ одной хозяйственной формы къ другой; и нельзя не согласиться, что если это и не единственная причина, то, во всякомъ случаѣ, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ хозяйственнаго прогресса. Представить себѣ, какимъ образомъ безъ этой причины человѣчество прошло бы по своему историческому пути отъ хозяйства семейнаго, натуральнаго къ теперешнему міровому, народному хозяйству,- совершенно нельзя, если не принять во вниманіе постояннаго давленія роста народонаселенія. Изучая исторію капитализма, изучая исторію хозяйственнаго быта, мы постоянно констатируемъ, какъ сгущеніе населенія вынуждало дѣлать ту или другую хозяйственную реформу. Въ извѣстномъ смыслѣ весь капитализмъ, вся наша теперешняя промышленность, все народное богатство нашей эпохи связано съ тѣмъ состояніемъ перенаселенія, которое человѣчество испытало наканунѣ капитализма. Капитализмъ явился средствомъ повышенія емкости территоріи относительно населенія. Такая гармонія, не предустановленная, а постоянно достигаемая, не какъ данная, а

какъ задача,- вотъ что нужно для человѣчества, вотъ что гораздо болѣе соотвѣтствуетъ тому христіанскому мировоззрѣнію, представителемъ котораго является Мальтусъ, нежели фальшивый и слащавый оптимизмъ.

Мы должны еще остановиться на группѣ мнѣній критиковъ Мальтуса, исходящихъ изъ совершенно другихъ предпосылокъ, т.е. изъ предпосылокъ физіологическихъ.

Если одни старались доказать, что Мальтусъ богохульствуетъ, то другіе утверждали, что Мальтусъ противорѣчитъ наукѣ, и что физіологія устраняетъ возможность человѣческаго перенаселенія. Представителемъ этой точки зрѣнія въ Англіи, въ первую половину XIX вѣка, былъ англійскій писатель Добльдэ, очень рѣзко формулировавшій свою идею, затѣмъ Гербертъ Спенсеръ, который въ своихъ общихъ основаніяхъ біологіи высказываетъ такую общую мысль, что процессъ индивидуализаціи усложняетъ индивидуальность и находится въ обратномъ отношеніи къ процессу размноженія. „Прогрессъ,- говоритъ онъ,- въ отношеніи величины, сложности строенія и подвижности предполагаетъ регрессъ по отношенію къ плодовитости, а прогрессъ къ плодовитости предполагаетъ регрессъ къ величинѣ, сложности строенія и удобоподвижности." Отсюда Спенсеръ дѣлаетъ заключеніе, что 1) чѣмъ меньше организмъ (т.е. чѣмъ меньше матеріала обращается на его индивидуацію), тѣмъ сильнѣе его воспроизводство. 2) Чѣмъ меньше сложенъ и дифференцированъ организмъ, тѣмъ больше его плодовитость. 3) Чѣмъ менѣе подвижно и дѣятельно животное, тѣмъ больше его плодовитость,

ибо тѣмъ менѣе расходуется матеріала на движеніе." На этомъ основаніи Спенсеръ дѣлаетъ заключеніе, что прогрессъ цивилизаціи выразится въ повышеніи духовныхъ способностей, въ усложненіи нервной системы, которая приведетъ въ числѣ своихъ другихъ послѣдствій къ ослабленію плодовитости, и это движеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока человѣчество не придетъ къ равновѣсію, не достигнетъ такого состоянія, когда каждая пара будетъ производить на свѣтъ двухъ дѣтей. Можно задаться вопросомъ, почему онъ это считаетъ нормой? Мы знаемъ, что во Франціи въ настоящее время считается нормой, если мелко-буржуазная семья имѣетъ только одного ребенка. Тотъ же аргументъ подтверждаетъ и нѣмецкій писатель Альфредъ Носсичъ.

Трудно очень не біологу высказать что-нибудь по поводу этого соображенія на половину біологическаго характера. Можно указать лишь на то, что другіе біологи, не менѣе Спенсера авторитетные, совершенно иначе смотрятъ на это дѣло. Извѣстно, что Дарвинъ свою идею борьбы за существованіе и происхожденіе видовъ въ связи съ борьбой за существованіе формулировалъ самому себѣ, читая Мальтуса. Ученіе Мальтуса является для него чѣмъ то безспорнымъ и само собой разумѣющимся. Такъ различны могутъ быть мнѣнія естествоиспытателей по этому вопросу.

Остановлюсь въ заключеніе на послѣдней стадіи, которую получили вопросъ о народонаселеніи и Мальтусовская доктрина въ практикѣ. Это такъ называемое неомальтузіанство.

Послѣ попытокъ обезсилить тревогу о народонаселеніи все-

возможными аргументами, сначала въ Англіи, а затѣмъ и во всемъ мірѣ все сильнѣе и сильнѣе стало развиваться такое пониманіе ученія Мальтуса: Мальтусъ правъ, населеніе и его умноженіе представляетъ реальную опасность, оно дѣйствительно имѣетъ постоянную тенденцію размножаться свыше средствъ продовольствія, и наука, и въ особенности медицинская наука, должна дать средства регулированія населенія безъ ограниченія браковъ. Развитіе этой идеи вводитъ насъ въ такія медицинскія подробности, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться, но основная идея совершенно ясна. Въ 70-хъ годахъ XIX вѣка въ Англіи образовалась неомальтузіанская лига, которая, начавши тамъ свою агитацію, затѣмъ перенесла ее на континентъ и въ настоящее время имѣетъ отдѣлы почти во всѣхъ странахъ, становясь все болѣе и болѣе вліятельной. Вопросъ этотъ трудно обсуждать съ одной только экономической точки зрѣнія, потому что каковы бы ни были экономическіе аргументы, они сталкиваются съ цѣлымъ рядомъ другихъ аргументовъ этическихъ, соціальныхъ и общекультурныхъ.

Подводя итоги всему сказанному до сихъ поръ, я долженъ сказать, что ростъ народонаселенія есть величайшій фактъ въ экономическомъ развитіи, и Мальтусъ, который со всей энергіей на этотъ фактъ указалъ, имѣетъ всемірную заслугу передъ человѣчествомъ; тѣмъ не менѣе какое-нибудь удовлетворительное практическое примѣненіе этой идеи въ смыслѣ регулированія населенія и точнаго приспособленія его движенія къ развитію народнаго хозяйства - вообще невозможно, и вотъ почему. Дѣло въ томъ,

что вопросъ объ увеличеніи народонаселенія передъ каждымъ изъ людей становится не какъ вопросъ общественный, не какъ вопросъ народно-хозяйственный, а какъ вопросъ индивидуальный. Могутъ быть разныя соображенія въ данной семьѣ и въ данномъ случаѣ за вступленіе въ бракъ или противъ, за многосемейность или за малосемейность. Въ теперешней Франціи крестьянство изъ экономическихъ соображеній не имѣетъ больше 1 - 2 дѣтей, чтобы не дѣлить свою надѣльную землю; также и мелкая буржуазія часто не имѣетъ больше 1 - 2 дѣтей для того, чтобы не дѣлить своего имущества. Но это - соображенія частно-хозяйственныя, которыя могутъ совсѣмъ не соотвѣтствовать народнохозяйственной точкѣ зрѣнія. Новыя данныя вноситъ сюда и современная постановка женскаго вопроса. Развивающееся женское движеніе, развивающееся стремленіе женщинъ принимать участіе въ политической и культурной жизни нашего времени, находящееся въ извѣстномъ смыслѣ въ противорѣчіи съ обязанностями семьи и материнства,- все это имѣетъ вліяніе на то или иное практическое рѣшеніе этого вопроса въ каждой отдѣльной семьѣ. Но всѣ эти отдѣльныя рѣшенія въ своей суммѣ дадутъ нѣчто новое,- результатъ абсолютно не предусмотрѣнные. Можно считать, что каждый отдѣльный французскій крестьянинъ поступаетъ очень благоразумно, не увеличивая своей семьи больше, чѣмъ онъ можетъ содержать, но оказывается, что для французскаго народа это значитъ - потеря его экономическаго и политическаго значенія, потому что въ теченіе одной четверти вѣка она стала въ полтора раза почти малочисленнѣе Германіи,

сосѣдней съ ней и находящейся во враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Еще черезъ полвѣка населеніе будетъ относительно гораздо меньше, а это соотношеніе и для экономическаго развитія Франціи окажется гибельнымъ. Другой примѣръ мы видимъ въ Австраліи, гдѣ движеніе населенія совершается по мальтузіанскому рецепту, т.е. остается почти неподвижно. Въ настоящее время это является для Австраліи гарантіей соціальнаго благополучія, гарантіей того, что тамъ не будетъ перенаселенія, и, слѣдовательно, будетъ поддерживаться тотъ высокій уровень благосостоянія, котораго она достигла. Но достаточно нарушенія политическаго равновѣсія, достаточно малѣйшаго толчка, и желтая раса своей численностью смететъ все это соціальное Эльдорадо. Такіе примѣры могутъ быть безконечно разнообразны, но остается безспорнымъ фактъ, что отдѣльныя лица, отдѣльныя семьи не могутъ предусмотрѣть народно-хозяйственнаго и историческаго значенія того движенія населенія, которое они обсуждаютъ и въ которомъ участвуютъ въ своей семейной практикѣ. Въ этомъ смыслѣ мальтусовскія требованія или совѣты обращенія къ отдѣльнымъ семьямъ не имѣютъ собственно того народно-хозяйственнаго значенія, которое они имъ приписываетъ.

Мнѣ кажется, что при томъ поворотѣ, который все болѣе и болѣе замѣчается въ общественномъ мнѣніи европейскаго и американскаго міра, и при томъ настроеніи, которое существуетъ, при той страшной распространенности нео-мальтузіанской литературы и нео-мальтузіанскихъ практическихъ рецептовъ, въ настоя-

ящее время скоро можетъ стать подъ вопросъ способность по край-
ней мѣрѣ отдѣльныхъ европейскихъ и американскихъ расъ увеличиваться и,
слѣдовательно, исторически прогрессировать. Во Франціи среди
экономистовъ патріотовъ вопросъ о „depopulation" представляетъ
предметъ величайшихъ заботъ и тревогъ. Я полагаю, то же должно
происходить и въ Австраліи.

Во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ нѣтъ энергичнаго роста населе-
нія, покупаемаго хотя цѣной временнаго и частичнаго перенаселе-
нія, вездѣ печать историческаго застоя и неподвижность вырисо-
вываются все яснѣе и яснѣе. Въ этомъ отношеніи существуетъ по-
всюду какое-то несоотвѣтствіе между стремленіемъ къ имущественному благополучію отдѣльныхъ лицъ и процвѣтаніемъ расы, связаннымъ съ размноженіемъ.

Съ одной стороны несомнѣнно, что то увеличеніе народонасе-
ленія, которое имѣется въ русскомъ крестьянствѣ, является од-
ной изъ причинъ величайшей бѣдности этого населенія, а съ дру-
гой стороны этимъ создается базисъ для такого экономическаго и
національнаго прогресса въ будущемъ, какой только возможенъ
при благопріятныхъ естественныхъ географическихъ условіяхъ, и
который исключается для страны, находящейся въ застоѣ. Слѣдо-
вательно, и вообще этотъ вопросъ приходится рѣшать не по ап-
ріорнымъ соображеніямъ, апріорнымъ рецептамъ, а лишь по точномъ
историческомъ учетѣ, сообразуясь съ постановкой этого вопроса
въ каждой отдѣльной странѣ; и никакого общеобязательнаго прак-
тическаго совѣта сдѣлать отсюда нельзя. Въ этомъ Мальтусъ на-

правъ. Мальтусъ думалъ прописать рецептъ и спасти человѣчество отъ перенаселенія. Этого сдѣлать нельзя. Но что бы ни говорили его критики, какъ бы ни злословили его за его мнимую жестокость, во всякомъ случаѣ за нимъ остается та заслуга, что вопросъ о народонаселеніи, имъ поставленный, не можетъ быть ни снятъ, ни устраненъ изъ экономическаго мышленія и общественнаго сознанія.

РИКАРДО.

Третьимъ представителемъ классической школы политической экономіи является Давидъ Рикардо. Давидъ Рикардо родился въ 1772 году въ семьѣ богатаго еврейскаго купца. Онъ съ дѣтства былъ предназначенъ для профессіи своего отца и съ 14 лѣтъ уже участвовалъ въ биржевыхъ операціяхъ и на этомъ поприщѣ достигъ большого богатства и уваженія. Онъ отличался большой независимостью характера и въ это время разошелся, между прочимъ, со своею семьей. Одной изъ причинъ этого было то, что онъ принялъ христіанство, а его семья, ортодоксальная-еврейская, не могла примириться съ этимъ, и это было вообще причиной неладовъ между нимъ и его отцомъ. Онъ былъ, слѣдовательно, предоставленъ самому себѣ. До 25 лѣтъ онъ прилежно занимался математикой, химіей и минералогіей, на политическую же экономію его натолкнуло впервые „Богатство народовъ". Слѣдовательно, Рикардо не получилъ систематическаго образованія и является талантливымъ са-

моучкой. До 1809 года онъ выпустилъ первую свою экономическую работу „О высокой цѣнѣ золотихъ слитковъ", посвященную вопросамъ денежнаго обращенія и денежнаго кризиса, случившагося въ это время въ Англіи. Въ 1811 - 1816гг. онъ пишетъ рядъ работъ о банкахъ и хлѣбнихъ пошлинахъ. Въ 1817 году появилось въ свѣтъ главное его сочиненіе „Основи политической экономіи", изданное имъ по настоянію друзей, побѣдившихъ скромность и застѣнчивость Рикардо. Черезъ 2 года, въ 1819 году, это сочиненіе вышло вторнмъ изданіемъ. Рикардо уже къ 25 году пріобрѣлъ милліонное состояніе своими биржевими операціями, сдѣлался крупнимъ землевладѣльцемъ, пріобрѣлъ имѣніе, которое, какъ извѣстно, даетъ въ Англіи политическія права, и сдѣлался членомъ палати общинъ, которнмъ оставался до самой смерти. Въ палатѣ общинъ онъ былъ замѣтнимъ дѣятелемъ, благодаря своему практическому уму и личнымъ достоинствамъ, находился въ дружбѣ съ видными экономистами своего времени, въ частности былъ связанъ самими близкими узами съ Мальтусомъ. Адама Смита онъ чтилъ, какъ своего учителя.

Рикардо является едва ли не самымъ вліятельнымъ экономистомъ XIX вѣка. Это въ особенности станетъ яснимъ, если мы примемъ во вниманіе, что вліяніе Рикардо на экономическую мисль и экономическую жизнь проявляется не только непосредственно черезъ его сочиненія, но, главнимъ образомъ, посредствомъ тѣхъ экономическихъ писателей, міровоззрѣніе которнхъ онъ въ значительной степени или опредѣлилъ или наложилъ на нихъ неизгладимую печать; писатели эти - Лассаль, Марксъ, Родбертусъ, которне до извѣстной

степени и являются проводниками вліянія Рикардо; поэтому если суммировать его вліяніе на научное и соціальное движеніе XIX в., прямое и косвенное, то можно сказать, что оно было совершенно исключительное. Рикардо обладалъ совершенно исключительнымъ тонкимъ, аналитическимъ умомъ и удивительной прозрачностью мысли, логичностью, послѣдовательностью въ изложеніи своихъ мыслей. Но это не все, что есть у Рикардо. Отличительная особенность мышленія у Рикардо, которая унаслѣдована дальнѣйшей политической экономіей и сохранилась и въ настоящее время,- это крайняя отвлеченность, крайняя абстрактность его пониманія экономической жизни и экономическихъ феноменовъ. Эта отвлеченность сама по себѣ была бы не столь большимъ зломъ, потому что она связана со многими достоинствами, если она не сопровождается злоупотребленіемъ, состоящимъ въ насильственномъ упрощеніи дѣйствительной жизни. Если бы я зналъ о каждомъ изъ васъ, положимъ, что каждый имѣетъ глаза, голову, волосы, то, въ сущности говоря, я почти ничего не зналъ бы о васъ. Но если бы, кромѣ того, я, исходя изъ такого отвлеченнаго знанія, въ сущности безспорнаго, но въ то же время на столько отвлеченнаго, что нисколько не характеризуетъ изучаемый объектъ, путемъ логическихъ комбинацій и логическихъ выводовъ сталъ развивать цѣлую систему, то когда передо мной окажется эта цѣльная, логичная, „красивая система", то я самъ себя ею такъ сказать загипнотизирую. Этотъ мой грубый и фантастическій примѣръ находитъ свою параллель въ области экономическихъ отношеній, когда берутся самые общіе, самые от-

влеченные признаки того, что происходитъ въ общественной экономической жизни, и на основаніи только этихъ признаковъ строится система политической экономіи. Система получится очень стройная, очень ясная, логичная. Такая система легче строится, чѣмъ обобщеніе, основанное на какомъ бы то ни было конкретномъ изученіи. Человѣческій умъ по своему устройству, по характеру познанія, настолько жаждетъ этой стройности и цѣльности, видя въ ней законченное зданіе, что подобная ясная система воспринимается наиболѣе легко, наиболѣе охотно, безъ сопротивленія. Эта отвлеченная схема имѣетъ большое значеніе 1) логической гармоничностью и 2) все-таки указаніемъ самыхъ общихъ признаковъ, которыми характеризуются явленія въ дѣйствительности болѣе сложныя. Нѣчто подобное можно сказать и о Рикардо. Самъ Рикардо, обладая въ высшей степени абстрактнымъ умомъ, построилъ свою систему на основаніи нѣсколькихъ абстрактныхъ предпосылокъ, и система получилась въ высшей степени отвлеченная, далекая отъ конкретной дѣйствительности и исторіи. Къ сожалѣнію, эта условность его обобщеній не всегда принималась достаточно во вниманіе, ихъ считали подлиннымъ выраженіемъ дѣйствительности. Рикардо предопредѣлилъ дальнѣйшій путь политической экономіи, отклонивъ ее отъ историческаго русла на путь безплодныхъ абстракцій, или, по крайней мѣрѣ, очень сильно повліялъ на это развитіе. Нельзя отрицать того, что Марксъ, отчасти даже Родбертусъ, имѣли склонность къ историческому изученію, но и они воспроизводятъ эти особенности мышленія Рикардо. То, что у Рикардо было въ значи-

тельной степени еще наброскомъ, то у Маркса и Родбертуса получаетъ характеръ выработанной системы и выражено у Маркса въ трехъ толстыхъ томахъ съ безчисленнымъ количествомъ математическихъ иллюстрацій. Возвращаясь къ Рикардо, нужно сказать, что эта особенность его мышленія являлась естественнымъ выраженіемъ его собственной личности, его духовнаго склада. Эта привычка къ отвлеченности и математическое воображеніе, которыя онъ выработалъ въ своей банкирской дѣятельности, отразились и въ изслѣдованіяхъ политической экономіи. Что касается общаго міровоззрѣнія Рикардо, то оно вообще отличается отъ міровоззрѣнія и физіократовъ, и Смита, и Мальтуса. Рикардо является послѣдователемъ англійскаго писателя Іереміи Бентама, основавшаго школу, такъ называемаго, утилитаризма. Это этическое ученіе основывалось на томъ, что человѣкъ руководится и долженъ и можетъ руководиться въ своихъ поступкахъ своимъ личнымъ интересомъ, своей пользой, но что этому интересу, этой пользѣ соотвѣтствуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ интересы и другихъ людей, и, слѣдовательно, разумно понятые интересы личности приводятъ къ извѣстнымъ благопріятнымъ дѣйствіямъ относительно другихъ людей. Самъ Бентамъ считалъ возможнымъ мотивы человѣческихъ дѣйствій и человѣческія дѣйствія исчислить самымъ точнымъ образомъ. Онъ мечталъ о наукѣ, называемой имъ нравственной ариѳметикой, въ которой съ точностью ариѳметики исчислялись бы мотивы за и противъ личныхъ интересовъ, вреда и пользы. Въ области политической экономіи это міровоззрѣніе привело къ созданію и установленію той, въ

высшей степени сомнительной, предпосылки, которая легла въ основаніе всѣхъ изслѣдованій классической школы и оказала большое вліяніе въ политической экономіи,- предпосылкѣ о такъ называемомъ „экономическомъ человѣкѣ". По этой предпосылкѣ предполагается, что человѣкъ въ своей экономической дѣятельности руководится 1) исключительно личнымъ экономическимъ интересомъ и 2) что онъ наилучше понимаетъ этотъ экономическій интересъ, такъ что, исходя изъ этого предположенія, человѣкъ превращается въ очень простую, какъ бы счетную машину, дѣйствіе которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно довольно точно предусмотрѣть. Такъ разсуждалъ Бентамъ, такъ разсуждала его школа и такъ разсуждалъ и Рикардо. Въ примѣненіи къ политической экономіи слѣдуетъ изъ такого положенія то, что если каждый человѣкъ является, съ одной стороны, безграничнымъ эгоистомъ, а съ другой - разумнымъ эгоистомъ, то это и создаетъ требуемую гармонію. Вслѣдствіе этой ариѳметики интересовъ и основное положеніе общаго міровоззрѣнія Рикардо является поэтому такимъ, что при преслѣдованіи своихъ интересовъ человѣкъ находится въ удивительномъ соотвѣтствіи съ „общимъ благомъ общества", и что, съ другой стороны, „святость собственности представляетъ величайшую гарантію общества.

Обращаясь къ его экономическому ученію, мы должны остановиться на рядѣ вопросовъ экономической теоріи и, прежде всего, на вопросѣ о теоріи цѣнности. Въ теоріи цѣнности Рикардо является продолжателемъ и отчасти усовершенствователемъ Адама Смита. Адамъ Смитъ, какъ вы помните, установилъ противорѣчи-

вую и неясную теорію цѣнности, въ которой варьируются два несогласныхъ между собой ученія: 1) цѣнность опредѣляется трудомъ, который можно вымѣнять на товаръ, и 2) цѣнность опредѣляется трудомъ, который нужно затратить на товаръ. Рикардо высказываетъ болѣе рѣшительный и опредѣленный принципъ: „цѣнность предмета, или количество всякаго другого предмета, на которое онъ обмѣнивается, опредѣляется относительнымъ количествомъ труда, необходимымъ для производства, а не большимъ или меньшимъ вознагражденіемъ за этотъ трудъ." Въ этомъ отношеніи онъ вноситъ поправку въ ученіе Адама Смита и устраняетъ его двойственность. Относительно вопроса о различныхъ видахъ труда и о томъ, какъ эти различные виды труда сводятся къ одной общей единицѣ, Рикардо, также какъ и Смитъ, ограничивается тѣмъ, что указываетъ, что это происходитъ, и что оцѣнка всякаго рода труда совершается рыночной практикой. „Оцѣнка всякаго рода труда скоро устанавливается на рынкѣ и съ достаточной точностью примѣняется ко всѣмъ практическимъ требованіямъ и большею частью зависитъ отъ сравнительной ловкости рабочаго и напряженности его труда. Если однажды установилась такая сравнительная лѣстница оцѣнокъ, она подвергается потомъ лишь небольшимъ измѣненіямъ. Если рабочій день ювелира стоитъ дороже одного дня простого рабочаго, то это уже давно установившееся отношеніе сохраняетъ свое надлежащее мѣсто на лѣстницѣ мѣновыхъ цѣнностей.

Итакъ, сравнивая мѣновую цѣнность одного и того же предмета за различное время, можно не обращать особаго вниманія на

относительную ловкость и напряженность труда, котораго требуетъ производство этого предмета, потому что эти свойства имѣютъ одинаковое вліяніе какъ въ то, такъ и въ другое время."

Къ этому общему опредѣленію цѣнности и труда Рикардо дѣлаетъ важную поправку относительно вліянія цѣнности капитала, именно онъ указываетъ, что на цѣнность оказываетъ вліяніе не только трудъ, который затрачивается непосредственно, но и тотъ трудъ, который затраченъ на производство орудій производства или на капиталъ. Но и это опредѣленіе цѣнности терпитъ рядъ отклоненій и ограниченій. Ограниченія эти опредѣляются тѣмъ обстоятельствомъ, что различные капиталы имѣютъ различную прочность; съ другой стороны различные товары требуютъ различнаго времени для своего изготовленія. Если два товара требуютъ одного и того же количества труда для своего изготовленія, но это количество затрачивается въ промежутки времени не равные между собой, въ такомъ случаѣ тотъ товаръ, который изготовляется въ болѣе продолжительный промежутокъ времени, будетъ стоить дороже того товара, который изготовляется въ промежутокъ времени болѣе короткій. Это происходитъ благодаря тому, что капиталъ, затрачиваемый здѣсь на производство, требуетъ своего вознагражденія по средней нормѣ процентовъ. Значитъ, если одинъ товаръ изготовляется въ годъ, а другой въ 2 года, то въ первомъ случаѣ проценты на капиталъ причитываются за одинъ годъ, а во второмъ :- за два года. Другой случай вліянія различной прочности капиталовъ постояннаго и перемѣннаго таковъ: предположимъ, что мы имѣемъ два капи-

тала, изъ которыхъ одинъ затрачивается на заработную плату, а другой - только на 1/3. Если повышается заработная плата, то это повышеніе испытаютъ въ неравной степени тотъ и другой капиталъ, потому что въ одномъ заработная плата составляетъ половину, а въ другомъ лишь 1/3. Тогда тотъ капиталъ, въ которомъ на заработную плату затрачивается 1/2, принужденъ увеличить свои затраты больше, чѣмъ тотъ, въ которомъ затрачивается только 1/3. Это приведетъ къ тому, что продукты, изготовленные при большемъ участіи труда будутъ стоить дороже, чѣмъ продукты, изготовленные при меньшемъ участіи труда, т.е., что вліяніе повышенія заработной платы отразится на этихъ капиталахъ, вслѣдствіе ихъ различныхъ составовъ, различно. Затѣмъ такое же вліяніе имѣетъ , при равной величинѣ издержекъ производства товаровъ, различіе капиталовъ, принимающихъ участіе въ производствѣ. Если, напримѣръ, одинъ товаръ изготовляется при участіи капитала опредѣленнаго размѣра, а другой товаръ, хотя бы его трудовая цѣнность и равна была первому, но изготовляется при участіи капитала большаго размѣра, то цѣнность ихъ будетъ различна въ силу того, что въ ней долженъ быть оплаченъ средній процентъ на капиталы неодинаковаго размѣра. Слѣдовательно, здѣсь Рикардо вводитъ цѣлый рядъ ограниченій въ принципъ опредѣленія цѣнности трудомъ. Ограниченія эти заимствованы имъ изъ практической жизни и, констатируя ихъ, онъ не даетъ имъ теоретическаго объясненія, не приводитъ въ соглашеніе съ своей собственной теоріей цѣнности. Между тѣмъ для трудовой теоріи цѣнности въ невозможности послѣдовательно, безъ ограниченій, объяснить

явленіе обмѣна и лежитъ камень преткновенія. Дѣйствительно, если цѣнность опредѣляется трудомъ, настоящимъ или прошедшимъ-все равно, то какимъ образомъ могутъ имѣть вліяніе на эту цѣнность различныя посторонніе обстоятельства? Это - фатальный вопросъ для всей теоріи трудовой цѣнности. Для Маркса этотъ вопросъ представляетъ[87] такой же степени больное мѣсто, какъ и для Рикардо, который ближе на немъ не останавливается, ограничиваясь этимъ практическимъ указаніемъ. Такимъ образомъ общій его выводъ относительно цѣнности таковъ: „вслѣдствіе различныхъ отношеній, въ которыхъ постоянные и оборотные капиталы употребляются въ различныхъ отрасляхъ промышленности, значительно измѣняется общее правило, сохраняющее безусловно свою силу лишь при томъ состояніи общества, когда производство требуетъ исключительно ручного труда. По этому общему правилу измѣненіе въ цѣнности товаровъ зависитъ только отъ большаго или меньшаго количества труда, употребленнаго на ихъ производство. Но соображенія, изложенныя въ этомъ отдѣленіи, доказываютъ намъ, что и независимо отъ всякихъ измѣненій въ количествѣ затрачиваемаго труда, одного уже повышенія заработной платы достаточно для того, чтобы вызвать пониженіе мѣновой цѣнности предметовъ, производство которыхъ требуетъ затраты опредѣленнаго постояннаго капитала: чѣмъ больше будетъ этотъ капиталъ, тѣмъ больше понизится мѣновая цѣнность товаровъ."

Это заключеніе и это ограниченіе, можно сказать, подрываетъ самую основу трудовой цѣнности, потому что вноситъ въ нее такую

поправку, которая проистекаетъ изъ совершенно другого принципа и этимъ самымъ нарушаетъ ея единство.

Теперь обращусь къ ученію о распредѣленіи. Слѣдуетъ отмѣтить, что имя Рикардо здѣсь связано съ теоріей земельной ренты, однако въ этой связи его имени съ теоріей земельной ренты заключается нѣкоторая историческая несправедливость, въ которой самъ Рикардо неповиненъ. Дѣло въ томъ, что теорія земельной ренты, связанная съ именемъ Рикардо, въ дѣйствительности была изложена раньше Мальтусомъ, Вестомъ, Андерсономъ, такъ что Рикардо принадлежитъ только наиболѣе законченная формулировка съ одной стороны, а съ другой стороны приведеніе ея въ связь съ общей теоріей распредѣленія. По ученію Рикардо: „рента есть та часть продукта земли, которую платятъ землевладѣльцу за право пользованія первоначальными и неистощимыми силами почвы." Рикардо тщательно отличаетъ эту своеобразную природу ренты отъ прибыли на капиталъ, съ которой ее часто смѣшиваютъ. Тотъ видъ ренты, который изучаетъ Рикардо, есть рента впослѣдствіи названная Марксомъ дифференціальной рентой, т.е. рентой, возникающей и существующей благодаря различію между земельными участками и условіями ихъ разработки. Онъ имѣетъ дѣло только съ разницей и проходитъ мимо земельной ренты, основывающейся не на этой разницѣ, а на другой причинѣ. Рикардо указываетъ три условія возникновенія земельной ренты. Первое условіе – это переходъ отъ участковъ большаго плодородія къ участкамъ меньшаго плодородія. Рикардо представляетъ себѣ первоначальное заселеніе земли такимъ образомъ, что „эконо-

мическій человѣкъ, со свойственной ему экономической безошибочностью, сначала избираетъ участки наиболѣе плодородные, а затѣмъ обращается къ менѣе плодороднымъ участкамъ. Было много разъ замѣчено въ литературѣ (особенно энергично американскимъ писателемъ Кэри), что въ дѣйствительности заселеніе не такъ происходило, что заселялись сначала земли не наиболѣе плодородныя, а наиболѣе доступныя. Это - историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но все же остается фактъ, что 1) когда приступаютъ къ обработкѣ земли неравнаго плодородія, то послѣдствіе неравной производительности этихъ участковъ создается нѣкоторая разница. Эта разница и есть первый источникъ земельной ренты. Вторымъ такимъ источникомъ по Рикардо является различіе разстояній земельныхъ участковъ отъ рынка. Это различіе экономически выражается въ различіи издержекъ перевозки, и это можетъ быть приравнено какъ бы къ различію плодородія, т.е. участокъ, хотя бы и равнаго плодородія, но отстоящій отъ рынка на болѣе далекомъ разстояніи, является какъ бы участкомъ менѣе плодороднымъ. Третьимъ условіемъ возникновенія земельной ренты является неравномѣрная производительность послѣдовательныхъ затратъ капитала, затрачиваемаго на одномъ и томъ же земельномъ участкѣ. Если этотъ фактъ существуетъ, то въ такомъ случаѣ это различіе производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала, примѣняемаго на одномъ и томъ же участкѣ, какъ бы соотвѣтствуетъ различному плодородію земельныхъ участковъ, и это различіе тоже составляетъ источникъ дифференціальной ренты

Итакъ, дифференціальная рента возникаетъ 1) вслѣдствіе разницы плодородія земельныхъ участковъ, 2) вслѣдствіе разницы ихъ разстоянія отъ рынка и 3) вслѣдствіе разницы въ производительности затратъ капитала, послѣдовательно примѣняемыхъ на одномъ и томъ же участкѣ. Въ основѣ послѣдняго предположенія лежитъ, какъ легко понять, законъ убывающаго плодородія почвы. Такимъ образомъ характерной чертой теоріи ренты Рикардо является то, что онъ связываетъ ее только съ разницей въ условіяхъ земледѣльческаго производства. Въ основѣ ея лежитъ то предположеніе, что самыя неблагопріятныя условія положенія земледѣльческаго капитала не даютъ земельной ренты, и что самые неплодородные земельные участки тоже не даютъ земельной ренты. Вообще заключеніе Рикардо относительно земельной ренты поэтому таково: „причина, - говоритъ онъ, - почему возвышается мѣновая цѣнность сырыхъ продуктовъ, заключается въ необходимости затратить добавочный трудъ на худшія почвы, позднѣе другихъ поступившія въ обработку, а никакъ не въ рентѣ, платимой землевладѣльцу. Мѣновая цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на его производство на худшихъ почвахъ, позднѣе поступившихъ въ обработку, или той части капитала, которая не платитъ никакой ренты. Хлѣбъ дорожаетъ не потому, что платится рента, а наоборотъ, - рента платится потому, что хлѣбъ становится дороже; совершенно правильно было замѣчено, что хлѣбъ не подешевѣлъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы землевладѣльцы отказались совсѣмъ отъ ренты. Принятіе такой мѣры привело бы только къ тому, что нѣкоторые фермеры стали бы жить

господами; но при этомъ нисколько не уменьшилось бы количество труда, необходимаго для производства сырыхъ продуктовъ на почвахъ наименѣе плодородныхъ." Рикардо полемизируетъ съ Адамомъ Смитомъ, который ренту приводилъ въ связь съ высотой цѣнъ на хлѣбъ и существованіемъ частной собственности на землю, позволяющей земельнымъ собственникамъ требовать себѣ земельной ренты. „Адамъ Смитъ неправъ,- говоритъ онъ,- предполагая, что правило, первоначально устанавливающее меновую цѣнность товаровъ, а именно, сравнительное количество труда, необходимое для ихъ производства, можетъ совершенно измѣниться вслѣдствіе обращенія земель въ частную собственность и платежа ренты." Разногласіе между Смитомъ и Рикардо вполнѣ, очевидно, не къ вопросу о дифференціальной рентѣ, т.е. не о той части ренты, которая связана съ различіемъ въ условіяхъ вложенія земледѣльческаго капитала, а о той части ренты, которая возникаетъ въ силу существованія частной земельной собственности. Эта рента позднѣе Марксомъ названа абсолютной рентой, въ противоположность рентѣ дифференціальной, получаемой вслѣдствіе разницы въ условіяхъ земледѣльческаго производства. Въ этомъ столкновеніи двухъ мнѣній - Адама Смита и Рикардо - едва ли можно считать справедливымъ мнѣніе Рикардо, который стремился къ тому, чтобы сохранить вѣрность трудовой теоріи цѣнности и оставить незыблемымъ то положеніе, что цѣнность хлѣба опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на производство при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, тотъ фактъ, что всякая земля, независимо отъ ея плодородія, при извѣстной плотности населе-

нія имѣетъ цѣну, опредѣляемую ея капитализованной рентой, свидѣтельствуетъ о томъ, что способность земли давать ренту находится въ связи не только съ разницей условій земледѣльческаго производства, но и съ существованіемъ частной собственности на землю Марксъ такъ формулировалъ это положеніе, что абсолютная земельная рента создается частной земельной собственностью. Эта абсолютная земельная рента, какъ справедливо характеризуетъ ее Смитъ, есть та часть земельнаго дохода, которая создается притязаніями частныхъ земельныхъ собственниковъ. Это ученіе не противорѣчитъ и совершенно не ограничиваетъ ученія о дифференціальной рентѣ. Дифференціальная рента опредѣляется разницей въ условіяхъ земледѣльческаго производства, а абсолютная рента есть тотъ доходъ, который даетъ каждый земельный участокъ просто, какъ таковой. Эта абсолютная рента можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ интенсивности спроса на землю, она зависитъ отъ общаго состоянія общества. Эта абсолютная рента вліяетъ на цѣны земледѣльческихъ продуктовъ въ повышательномъ направленіи.

Земельную ренту можно приравнять какъ бы къ налогу на хлѣбъ, который взимается при его продажѣ. Слѣдовательно, при абсолютной земельной рентѣ земельный собственникъ заявляетъ притязаніе на часть общественнаго дохода и взимаетъ таковой въ видѣ части цѣны на хлѣбъ.

Съ именемъ Рикардо связано ученіе о заработной платѣ, формулированное имъ съ большой ясностью и рѣшительностью и заслуживающее того, чтобы съ нимъ познакомиться.

Заработная плата есть цѣна труда, а трудъ, по ученію Рикардо, есть самостоятельный товаръ,-то, за что продается трудъ, есть какъ бы цѣна труда. „Трудъ,- говоритъ онъ,- такъ же, какъ и всѣ предметы, которые покупаются и продаются, и количество которыхъ можетъ быть увеличено или уменьшено, имѣетъ цѣну естественную и рыночную. Естественная цѣна труда - та, которая необходима, чтобы доставить рабочимъ возможность къ существованію и продолженію своего рода, безъ размноженія и сокращенія его. Имущество, которымъ располагаютъ рабочіе для содержанія себя и своего семейства, необходимаго для сохраненія числа рабочихъ, зависитъ не отъ количества денегъ, получаемыхъ ими въ видѣ заработной платы, но отъ количества средствъ пропитанія и другихъ необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, къ которымъ они привыкли и которые могутъ купить на заработанныя ими деньги. Слѣдовательно, естественная цѣна труда зависитъ отъ цѣны средствъ пропитанія и другихъ предметовъ, необходимыхъ и полезныхъ для содержанія рабочаго съ его семьей. Съ возвышеніемъ цѣны этихъ предметовъ возвышается и естественная цѣна труда и, наоборотъ, она понижается вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣны этихъ предметовъ." „Естественная цѣна всѣхъ предметовъ,- разсуждаетъ онъ далѣе,- за исключеніемъ сырыхъ продуктовъ и труда, стремится къ пониженію, вслѣдствіе увеличенія богатства и народонаселенія." Слѣдовательно, эта естественная цѣна труда отличается отъ рыночной цѣны труда. „Рыночная цѣна труда - та, которую рабочій дѣйствительно получаетъ въ силу отношеній между спросомъ и предложеніемъ, - трудъ бываетъ дорогъ,

когда мало рабочихъ рукъ и, наоборотъ, дешевъ, когда ихъ много. Сколько рыночная цѣна труда ни отклоняется отъ естественной цѣны его, но она все таки, подобно цѣнѣ другихъ товаровъ, стремится всегда приблизиться къ послѣдней." Отношеніе между рыночной и естественной цѣной можетъ измѣняться, рыночная цѣна можетъ быть выше или ниже естественной, но при всѣхъ колебаніяхъ естественная цѣна составляетъ уровень, около котораго тяготѣетъ рыночная цѣна. Это тяготѣніе обусловливается, по мнѣнію Рикардо, такимъ образомъ: „когда рыночная цѣна труда ниже его естественной цѣны, положеніе рабочихъ бываетъ самое плачевное, потому что бѣдность лишаетъ ихъ возможности пользоваться всѣми предметами матеріальнаго и духовнаго благосостоянія, которые, вслѣдствіе привычки, сдѣлались для нихъ безусловно необходимыми. Такое состояніе продолжается до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ лишеній, не сократится число рабочихъ или пока не возрастетъ спросъ на трудъ; тогда рыночная цѣна труда опять возвышается и достигаетъ естественной цѣны его, и только тогда рабочій окажется въ возможности пользоваться тѣмъ благосостояніемъ, какое доставитъ ему естественный уровень его заработной платы." Это разсужденіе особенно типично для мышленія Рикардо, абстрактное изученіе экономическихъ явленій позволяетъ ему разсуждать здѣсь чисто математически. Если предложеніе труда выше, чѣмъ заработная плата, то заработная плата понижается, вслѣдствіе чего ухудшается положеніе рабочихъ и задерживается размноженіе, предложеніе труда сокращается; если же наоборотъ, то усиленное размноженіе увеличиваетъ количество труда и, увели-

чивая предложеніе, понимаетъ заработную плату. Это разсужденіе, которому нельзя отказать въ послѣдовательности, если разсуждать абстрактно, какъ легко убѣдиться, совершенно не улавливаетъ конкретнаго историческаго движенія заработной платы, которое только и можетъ быть интересно для экономистовъ. Дѣйствительно, это представленіе о томъ, что рабочій классъ размножается и вымираетъ, увеличивается и сокращается соотвѣтственно колебаніямъ спроса на рабочую силу, слишкомъ упрощено. Для того, чтобы рабочій классъ могъ сократиться или увеличиться, требуются не годы и мѣсяцы, а десятилѣтія, если, конечно, это вымираніе не вызвано какимъ-нибудь стихійнымъ бѣдствіемъ. Кромѣ того, въ самомъ характерѣ спроса и предложенія на рабочую силу, какъ было выяснено послѣдующими экономистами, въ самомъ характерѣ этихъ отношеній между капиталомъ и трудомъ есть нѣчто, что не позволяетъ ихъ характеризовать, какъ конкуренціи всего рабочаго класса ко всему капиталу. Кэрнсъ указалъ, что въ предѣлахъ рабочаго класса существуютъ опредѣленныя группы между собой не конкурирующія; въ настоящее время это суть группы обученныхъ рабочихъ - спеціалистовъ, замкнутыхъ въ профессіональные союзы, слѣдовательно, вся эта картина отношеній между трудомъ и капиталомъ усложняется и видоизмѣняется до такой степени, что это общее заключеніе, отвлеченно разсматриваемое, безспорное и справедливое, указанными соображеніями дѣлается безсодержательнымъ. Далѣе, исходя изъ того не абстрактнаго пониманія заработной платы, а отчасти изъ впечатлѣній исторической дѣйствительности, которая окружала его, Рикардо дѣ-

дастъ общее заключеніе о томъ, что заработная плата имѣетъ естественное тяготѣніе держаться на уровнѣ средствъ, необходимыхъ для существованія рабочаго и его размноженія. Это положеніе опять таки очень отвлеченно и имѣетъ мало конкректнаго содержанія, между тѣмъ оно сыграло большую роль въ исторіи политической экономіи, потому что оно было использовано и справа и слѣва, какъ апологетическими защитниками капиталистическаго строя, такъ и его критиками. Первые указывали на то, что повышеніе заработной платы невозможно, ибо противорѣчитъ естественному закону; вторые же, какъ,напримѣръ,Лассаль, въ своей критикѣ капиталистическаго строя, на основаніи этого закона доказывалъ безисходность положенія рабочихъ при капиталистическомъ производствѣ. Между тѣмъ разсматриваемое положеніе Рикардо, благодаря своей абстрактности, въ сущности ничего не выражаетъ, потому что въ него можетъ быть вложено различное конкректное содержаніе. Existensminimum, которому равна заработная плата, можетъ быть и очень высокъ и очень низокъ и въ разныхъ странахъ очень различенъ. Это впрочемъ сознаетъ и самъ Рикардо, который говоритъ: „но не слѣдуетъ думать, что естественная цѣна труда, выраженная въ съѣстныхъ припасахъ и другихъ предметахъ первой необходимости, всегда устойчива и постоянна; она измѣняется въ разное время въ одной и той же странѣ и бываетъ, смотря по обстоятельствамъ, весьма различна въ разныхъ странахъ. Это зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ народа. Англійскій рабочій считалъ бы свою заработную плату ниже ея естественнаго уровня и недостаточной для содержанія своей семьи, если бы онъ

не могъ покупать на нее никакой другой пищи, кромѣ картофеля и не могъ имѣть другого жилища, кромѣ грязной землянки, а между тѣмъ такое черезчуръ скромное существованіе считалось бы достаточнымъ для жителей тѣхъ странъ, гдѣ жизнь дешева и гдѣ такія скромныя потребности легко удовлетворяются. Многія удобства, которыми пользуется теперь англійскій рабочій въ своемъ жилищѣ, считались бы въ отдаленныя времена англійской исторіи предметами роскоши." Рикардо дѣлаетъ здѣсь такую поправку, такое ограниченіе своего закона, которое лишаетъ его всякой опредѣленности, а въ этой опредѣленности и заключается его сила.

Слѣдующій практическій выводъ, который Рикардо дѣлаетъ изъ своей теоріи заработной платы, относится къ законодательству о бѣдныхъ. Обыкновенно враждебное и отрицательное отношеніе къ существовавшему въ Англіи въ началѣ XIX вѣка законодательству о бѣдныхъ принято взводить на Мальтуса, дѣлать одного Мальтуса отвѣтственнымъ за дѣйствительную или мнимую жестокость по отношенію къ рабочимъ на томъ основаніи, что онъ былъ противникомъ законовъ о бѣдныхъ, но при этомъ забываютъ, что такимъ же противникомъ былъ и Рикардо. Рикардо говоритъ: „заработная плата, подобно всякому другому договору, должна быть предоставлена свободной и независимой конкуренціи рынка и должна быть всегда независима отъ насильственнаго вмѣшательства правительства." Это положеніе, которое соединяетъ Рикардо со Смитомъ и Мальтусомъ и вообще со школой экономическаго либерализма, въ устахъ Рикардо, установившаго такую безотрадную пессимистическую теорію заработной

платы, звучитъ однако совершенно иначе, чѣмъ въ устахъ Адама Смита, ожидавшаго осуществленія всеобщей гармоніи отъ такой экономической свободы. Рикардо, высказывая такое положеніе, продолжаетъ: „опредѣленное и прямое стремленіе англійскаго законодательства по отношенію къ бѣднымъ діаметрально противоположно этимъ до очевидности яснымъ принципамъ. Эти законы, далеко не соотвѣтствующіе благодѣтельному желанію законодателя улучшить положеніе бѣдныхъ, ведутъ лишь къ тому, что ухудшаютъ положеніе и бѣдняковъ и богачей. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать бѣдныхъ богатыми, они составлены такъ, что богатыхъ дѣлаютъ бѣдными. И пока наши настоящіе законы о бѣдныхъ будутъ оставаться въ силѣ, вслѣдствіе естественнаго хода вещей, средства, предназначенныя для содержанія бѣдныхъ, будутъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока они не поглотятъ собою всего чистаго дохода страны или, по крайней мѣрѣ, всего, что правительство можетъ изъ него оставить намъ, по удовлетвореніи своихъ настоятельныхъ потребностей въ расходахъ на общественныя нужды. Гибельное стремленіе этихъ законовъ не представляетъ уже тайны послѣ того, какъ она раскрыта талантливымъ перомъ Мальтуса; съ тѣхъ поръ всѣ друзья бѣдныхъ должны горячо желать скорѣйшей отмѣны этихъ законовъ. Къ несчастью они изданы такъ давно и подъ ихъ вліяніемъ сложились такія привычки бѣдныхъ, что теперь потребовалась бы большая предусмотрительность и сноровка для того, чтобы безопасно вырвать ихъ съ корнемъ изъ нашей государственной системы. Наиболѣе горячіе сторонники отмѣны этихъ законовъ согласны теперь въ томъ, что, если желательно противодѣйствовать настоятель-

нѣйшей нуждѣ тѣхъ, въ пользу которыхъ были изданы эти законы, то приходится приниматься за ихъ отмѣну очень осторожно и дѣйствовать постепенно."

Такимъ образомъ, Рикардо является вполнѣ единомышленникомъ Мальтуса по отношенію законодательства о бѣдныхъ.

Затѣмъ его пониманіе закона заработной платы, сводящееся къ тому, что она держится на низшемъ уровнѣ средствъ существованія, на такъ называемомъ existensminimum-ѣ, подтверждается еще и его ученіемъ о налогахъ. Я не буду излагать всего ученія о налогахъ, но не могу не отмѣтить, что Рикардо до такой степени былъ убѣжденъ въ точности и вѣрности своего закона о заработной платѣ, что считалъ обложеніе заработной платы какими-либо налогами нецѣлесообразнымъ по тои причинѣ, что этотъ налогъ все равно будетъ переложенъ на капиталиста путемъ повышенія заработной платы. Заработная плата до такои степени обрѣзана, что взять съ нея никакого налога нельзя; слѣдовательно, если будетъ взиматься налогъ съ заработной платы, прямой или косвенный, то онъ только повыситъ заработную плату, и этотъ налогъ будетъ переложенъ на капиталиста. Это заключеніе неправильно, потому что переложеніе налога съ заработной платы на капиталъ совершается вовсе не такъ безболѣзненно и не такъ полно, какъ здѣсь предполагается. Но любопытно, что самъ Рикардо считаетъ этотъ законъ о заработной платѣ точнымъ и незыблемымъ, и на основаніи этого онъ дѣлаетъ заключеніе, что обложеніе заработной платы не цѣлесообразно и отвергаетъ a priori такое обложеніе.

Что касается отношеній между заработной платой и прибылью, то Рикардо установилъ, какъ извѣстно, обратное отношеніе между прибылью и заработной платой. Чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ниже прибыль, и наоборотъ. Другими словами Рикардо установилъ тотъ естественный и до извѣстной степени неустранимый антагонизмъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, который связанъ съ основными условіями капиталистическаго производства. Дѣйствительно, это - самоочевидная истина, что если одна и та же прямая линія дѣлится на двѣ части, то чѣмъ больше одинъ отрѣзокъ, тѣмъ меньше другой. Но это заключеніе имѣетъ силу лишь при томъ предположеніи, что эта линія неизмѣнна; но при историческомъ развитіи, при динамическомъ изученіи, намъ приходится имѣть дѣло съ измѣнчивыми величинами, при чемъ вся эта линія, подлежащая дѣленію на двое, можетъ или увеличиваться или уменьшаться. Итакъ, практика и теорія показываютъ (на это указалъ американскій экономистъ Г.Джорджъ), что если можно наблюдать обратное соотношеніе между заработной платой и прибылью, то можно наблюдать, въ извѣстныхъ случаяхъ, и прямое, т.е., гдѣ больше заработная плата, тамъ больше и прибыль. Такое положеніе вещей особенно наблюдается въ Америкѣ. Конечно, это не устраняетъ тѣхъ антагонистическихъ отношеній, о которыхъ говорилъ Рикардо, что прибыль и заработная плата суть части одного и того же дохода. Но это вводитъ значительное ограниченіе и поправку въ его законъ. Возможно такое положеніе вещей, при которомъ одновременно выигрывали (или проигрывали) обѣ стороны - и трудъ и капиталъ; и положеніе Рикардо имѣетъ

силу только для даннаго статическаго положенія вещей, но уже не достаточно для пониманія динамики общественнаго процесса.

Изъ ученія о прибыли и заработной платѣ Рикардо не трудно вывести естественную тенденцію распредѣленія, не трудно дать отвѣтъ на такой вопросъ: какъ измѣняется взаимное отношеніе заработной платы, ренты и прибыли на капиталъ въ ихъ историческомъ развитіи? Въ настоящее время, когда передъ нами лежитъ раскрытой исторія капитализма за цѣлое столѣтіе въ разныхъ странахъ, отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко, какъ для Рикардо. Я думаю, что самое благоразумное будетъ воздержаться отъ общаго отвѣта на вопросъ и замѣнить его рядомъ конкректныхъ историческихъ отвѣтовъ. Для Рикардо, который всѣ отношенія беретъ въ отвлеченномъ видѣ, которому рисуются лишь общія очертанія, вопросъ допускалъ простой отвѣтъ, основанный на такихъ посылкахъ. Доказано, что земельная рента возвышается съ развитіемъ богатства, ростомъ населенія и ростомъ земледѣльческаго производства. (Конечно, при этомъ теперешняго аграрнаго кризиса Рикардо не предусматривалъ.) Затѣмъ доказано, что это повышеніе земельной ренты связано съ повышеніемъ цѣнъ на продукты земледѣлія, входящіе въ заработную плату, повышеніе земельной ренты приводитъ, слѣдовательно, къ повышенію денежной заработной платы, и чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ меньше прибыль на капиталъ. Слѣдовательно, рента имѣетъ естественную тенденцію къ повышенію заработной платы, въ натуральной своей величинѣ хотя и остающейся на неизмѣнномъ уровнѣ existensminimum-а, въ денежномъ же своемъ выраженіи повышающейся. Наконецъ, прибыль на ка-

питалъ имѣетъ естественную тенденцію къ пониженію.

Заслуживаетъ упоминанія еще ученіе Рикардо о деньгахъ. Ученіе о деньгахъ - это самая сильная и самая практическая сторона его теоріи, что объясняется въ значительной степени тѣмъ, что здѣсь онъ былъ не только отвлеченнымъ мыслителемъ, но и практикомъ, и его банкирскій опытъ вооружалъ его нужными практическими знаніями. По этому вопросу Рикардо является основателемъ и однимъ изъ важнѣйшихъ представителей такъ называемаго Currency-Theorie, или количественной теоріи денегъ.

Эту теорію онъ развивалъ въ своихъ памфлетахъ. Цѣнность денегъ находится въ прямой зависимости отъ ихъ количества, и тотъ практическій вопросъ, на который Рикардо отвѣчалъ въ этой теоріи, былъ именно вопросъ о томъ, какимъ образомъ довести бумажныя обезцѣненныя деньги, выпущенныя Англійскимъ Банкомъ, до ихъ номинальной цѣнности (al pari). Онъ разрѣшалъ это просто. Нужно уменьшать ихъ количество до тѣхъ поръ, пока онѣ не поднимутся. Дальнѣйшія ученія о деньгахъ внесли значительную поправку въ эту простую количественную теорію; было указано, что самое количество денегъ, которое потребуется для обращенія товаровъ, опредѣляется не только цѣнностью оборотнаго капитала, но и быстротой обращенія монеты. Затѣмъ указано было, что деньги въ нѣновомъ и особенно капиталистическомъ хозяйствѣ употребляются не только какъ средство обращенія, но и какъ средство сбереженія. Слѣдовательно, отношеніе между признаніемъ цѣнности денегъ и ихъ количества значительно сложнѣе.

Во всякомъ случаѣ, для своего времени вліяніе Рикардо въ банковой политикѣ было очень могущественно и сказалось на банковомъ законодательствѣ.

Заслуживаетъ упоминанія для характеристики міровоззрѣнія Рикардо еще его общая точка зрѣнія на народное богатство, на валовой и чистый доходъ. О Рикардо лордъ Брунъ выразился такъ, что „какъ будто онъ свалился съ неба." Лордъ Брунъ, повидимому, хотѣлъ отмѣтить этимъ чрезвычайное безпристрастіе Рикардо въ его дедукціи.

Рикардо принадлежитъ къ числу тѣхъ экономистовъ, которые спеціальную точку зрѣнія политической экономіи, именно точку зрѣнія возрастанія мѣновыхъ цѣнностей, проводятъ иногда дальше, чѣмъ это допустимо. Эта особенность его сказывается особенно наглядно на вопросѣ о валовомъ и чистомъ доходахъ и ихъ отношеніи къ населенію: „Если только чистый доходъ націи, т.е. ея рента и прибыль, остаются одни и тѣ же, то нѣтъ ни малѣйшей важности, состоитъ ли нація изъ 10, или 12 милліоновъ жителей. Средства по содержанію флота, арміи и всякаго рода непроизводительнаго труда должны находиться въ соотвѣтствіи съ ея чистымъ, а не валовымъ доходомъ." Если бы 5 милліоновъ людей могли произвести столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 милліоновъ, то пища и одежда 5 милліоновъ составляла бы чистый доходъ. Будетъ ли представлять для страны какую-нибудь выгоду, если на производство такого же чистаго дохода потребуется 7 милліоновъ человѣкъ,

другими словами, если 7 милліоновъ человѣкъ будутъ работать надъ производствомъ такого количества пищи и одежды, которое достаточно для 12 милліоновъ? Пища и одежда 5 милліоновъ человѣкъ продолжала бы оставаться чистымъ доходомъ. Употребленіе на производство большаго числа людей не дало намъ возможности прибавить къ нашей арміи и флоту ни одного человѣка, ни внести гиней больше налога.

Вотъ разсужденіе, подъ впечатлѣніемъ котораго французскій экономистъ Сисмонди въ началѣ XIX вѣка выразился по поводу Рикардо: „Какъ? Богатство для васъ - все, а люди ничего не значитъ?"

Эту точку зрѣнія историкъ политической экономіи Ингрэмъ справедливо характеризуетъ, какъ возрожденіе меркантилизма.

Но, несомнѣнно, что при такомъ общемъ міровоззрѣніи, личный характеръ Рикардо, по научному безпристрастію и справедливости, остается выше упрековъ. Его любовь къ правдѣ проявилась особенно ярко въ его отношеніи къ вопросу о машинахъ, которыя онъ сначала оцѣнивалъ лишь съ точки зрѣнія увеличенія производительности труда, но, понявъ ихъ соціальное значеніе и нѣкоторыя отрицательныя стороны, Рикардо не замедлилъ признать недостаточнымъ прежнее свое пониманіе (смотрѣть главу о машинахъ).

Джонъ Стюартъ Миллъ.

Смитъ, Мальтусъ и Рикардо, суть важнѣйшіе представители, такъ называ

классической школы политической экономіи. Но онъ насчитываетъ еще рядъ менѣе важныхъ представителей, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является Джонъ Стюартъ Милль, жившій съ 1806 до 1873 годъ. Основные свои взгляды Милль изложилъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Нѣкоторые неразрѣшенные вопросы политической экономіи", въ которой соединено нѣсколько этюдовъ по вопросамъ политической экономіи. Изъ нихъ первый этюдъ посвященъ вопросу о международномъ обмѣнѣ, второй - о потребленіи, третій - вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, четвертый - о прибыли и, наконецъ, пятый - касается вопроса о методахъ политической экономіи; этому вопросу Д.С.Милль посвящаетъ много страницъ въ своей „Логикѣ". Милль является столько же политико-экономомъ, сколько и философомъ, даже больше философомъ. Его перу, кромѣ „Системы логики", принадлежитъ нѣсколько философскихъ трактатовъ. Политическая экономія Милля извѣстна намъ по его специальному изслѣдованію въ видѣ очень популярнаго курса, подъ заглавіемъ: „Основанія политической экономіи въ связи съ нѣкоторыми положеніями общественной философіи". Этотъ курсъ не представляетъ собой самостоятельнаго изслѣдованія. Онъ повторяетъ предыдущее развитіе экономической науки, обогащая ее лишь нѣкоторыми практическими соображеніями. Но главное достоинство этого курса, - это ясность изложенія, по крайней мѣрѣ многихъ главъ, что сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ какъ на родинѣ, такъ и за предѣлами ея, и въ томъ числѣ и въ Россіи. Курсъ политической экономіи Милля читался раньше, читается и до сихъ поръ, является и до сихъ поръ руководствомъ по политической эко-

номіи. „Основанія политической экономіи" были переведены на русскій языкъ въ 60-хъ годахъ Н.Чернышевскимъ, который издалъ ихъ со своими примѣчаніями, въ которыхъ онъ выпрямляетъ Милля въ соціалистическую сторону и въ которыхъ онъ полемизируетъ съ нѣкоторыми его основными положеніями. Въ „Основаніяхъ политической экономіи" заслуживаютъ упоминанія нѣкоторые отдѣльные вопросы. Въ числѣ этихъ вопросовъ слѣдуетъ назвать вопросъ о мелкой земельной собственности и объ аграрномъ законодательствѣ. Милль имѣлъ передъ собой тяжелую картину сельскохозяйственныхъ отношеній Англіи, и онъ относится къ мелкой земельной собственности гораздо положительнѣй, нежели предыдущіе экономисты. Онъ устанавливаетъ для законодательства задачу насажденія этой собственности. Соотвѣтствующія страницы у Милля представляютъ собой настоящій дифирамбъ мелкой земельной собственности; здѣсь то и употреблено много разъ впослѣдствіи цитированное выраженіе: „дайте мелкому собственнику безплодную скалу, и онъ ее своимъ трудомъ превратитъ въ плодородный садъ." По вопросу о заработной платѣ Милль высказываетъ рядъ соображеній, дополняющихъ и ограничивающихъ желѣзный законъ заработной платы Рикардо и Мальтуса. Онъ указываетъ, что заработная плата опредѣляется не только конкуренціей, но и обычаями, привычками и потребностями рабочаго класса. Кромѣ того, Милль отрицательно относится къ идеѣ невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. При этомъ въ теченіе своей жизни Милль медленно и постепенно передвигается отъ либерализма и индивидуализма къ соціализму.

Заслуживаетъ упоминанія еще одно произведеніе Милля, хотя оно лежитъ внѣ области политической экономіи, это - его „Автобіографія", въ которой онъ разсказываетъ, какъ шло его духовное развитіе. „Автобіографія" также имѣется на русскомъ языкѣ и представляетъ собой очень интересный психологическій документъ.

Слѣдующимъ представителемъ классической политической экономіи является Кэрнсъ. Ему принадлежитъ рядъ монографій, изъ которыхъ важнѣйшая-о методахъ политической экономіи. Кромѣ того, ему же принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „О нѣкоторыхъ основныхъ принципахъ политической экономіи", которое распадается на три части: о цѣнѣ, о трудѣ и капиталѣ и о международной торговлѣ. Кэрнсъ въ этой книгѣ, между прочимъ, касается вопросовъ о заработной платѣ, условіяхъ конкуренціи труда. Если Миллъ сдѣлалъ шагъ впередъ при изслѣдованіи имъ отвлеченной формулировки заработной платы Рикардо, указавъ на ограниченіе этого закона обычаемъ и привычками, то Кэрнсъ вводитъ еще другое соображеніе, именно указываетъ, что конкуренція между представителями труда и капитала вовсе не совершается въ той общей формѣ, какъ это представляетъ себѣ Рикардо. Въ дѣйствительности рабочій классъ распадается на группы рабочихъ спеціалистовъ въ данной области; эти группы между собой фактически не конкурируютъ, и конкуренція протекаетъ въ предѣлахъ этихъ обособленныхъ группъ. Вслѣдствіе этого весь процессъ взаимоотношенія труда и капитала пріобрѣтаетъ совершенно другой характеръ. Это - весьма

важное соображеніе, особенно для теоріи трэдъ-юніоновъ, профессіональныхъ союзовъ, самое существованіе которыхъ основано на этой идеѣ существованія группъ, не конкурирующихъ между собой, замкнутыхъ въ опредѣленныхъ границахъ.

Менѣе громкое имя изъ представителей англійской политической экономіи принадлежитъ трудолюбивому Макъ-Куллоху и Сеніору. Послѣднему принадлежитъ формулировка нѣкоторыхъ интересныхъ идей въ политической экономіи, которыя если не были новы, то, во всякомъ случаѣ, своеобразно выражены. Ему принадлежитъ, между прочимъ, наиболѣе отчетливая, крайняя формулировка ученія о заработномъ фондѣ, т.е.о томъ, что заработная плата опредѣляется частнымъ изъ дѣлимаго - опредѣленнаго заработнаго фонда и дѣлителя - количества рабочихъ, слѣдовательно, равна дроби, въ которой числитель - заработный фондъ, а знаменатель - число рабочихъ. Сеніоръ происхожденіе капитала объяснялъ изъ воздержанія. Всѣ капитали, полагаетъ онъ, происходятъ путемъ воздержанія, и прибыль является вознагражденіемъ за это качество.

Кромѣ Сеніора, заслуживаетъ упоминанія еще Торнтонъ, который написалъ книгу о трудѣ. Подобно Сеніору, онъ стоитъ на почвѣ теоріи заработнаго фонда и отрицаетъ осуществимость притязаній рабочихъ союзовъ.

Англійская школа политической экономіи имѣетъ еще рядъ другихъ второстепенныхъ представителей. Общее ихъ направленіе, насколько они связаны съ классической школой, характеризуется болѣе или менѣе рѣшительнымъ либерализмомъ, защитой невмѣшательства госу-

дарства въ хозяйственныя отношенія. Въ 30-хъ годахъ въ Англіи образовалась лига защиты свободной торговли, основанная Кобденомъ; она имѣла главной задачей борьбу съ пошлинами на хлѣбъ, отмѣны которыхъ она добивалась. Такъ какъ наиболѣе энергичную дѣятельность она проявила въ Манчестерѣ, то самое направленіе въ политической экономіи, отстаивающее свободу торговли и невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія, т.е. направленіе экономическаго либерализма, носитъ иногда названіе манчестерскаго направленія, иногда это направленіе носитъ названіе фритредерства, т.е. свободной торговли (отъ слова free-trade).

Манчестерство отличается отъ ученія физіократовъ и Адама Смита, съ ихъ системой естественной свободы, во-первыхъ, отсутствіемъ соотвѣтствующей философской доктрины, которая была общая у физіократамъ и Адаму Смиту, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что, высказанное въ болѣе позднюю историческую эпоху, оно въ соціальномъ смыслѣ получаетъ другія, менѣе привлекательныя, черты.

Фритредерство перенеслось на континентъ, и послѣдователи классической школы на континентѣ распространяютъ завѣты экономическаго либерализма.

ЖАНЪ БАПТИСТЪ СЭЙ.

Во Франціи наиболѣе яркимъ представителемъ экономическаго либерализма и выразителемъ идей классической экономической шко-

БИБЛІОТЕКА

ли является Жанъ Баптистъ Сэй, живший отъ 1768 по 1832 г. Сэй вообще) пользуется преувеличенной дурной славой въ исторіи политической экономіи. То, что намъ извѣстно о немъ изъ его біографіи, не дастъ, во всякомъ случаѣ, никакихъ основаній сколько-нибудь заподозривать его личную честность и принципіальность. Сэй былъ очень независимаго образа мыслей, и за свои идеи подвергся преслѣдованію со стороны тогдашняго французскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи ученымъ, въ то же время имѣлъ и практическія способности и сумѣлъ составить себѣ состояніе въ хлопчатобумажной промышленности, которой раньше никогда не занимался.

Научное значеніе Сэя приближается къ тому, которое Миллъ имѣлъ въ свое время и для своего народа. Онъ является популяризаторомъ, въ которомъ хотѣли было видѣть французскаго Смита, но который въ дѣйствительности былъ второго разряда Миллемъ. Его трудъ, представляющій собой систематическое изложеніе политической экономіи, былъ очень популяренъ въ свое время, многими лицами охотно читался и содѣйствовалъ распространенію экономическихъ знаній во Франціи вообще. Въ настоящее время сочиненія Сэя не представляютъ самостоятельнаго интереса для науки, кромѣ одной теоріи и по сейчасъ заслуживающей упоминанія. Это, именно, его теорія рынковъ.

Періодическіе кризисы, которые происходили въ Англіи въ началѣ XIX вѣка, поставили передъ экономической мыслью задачу ихъ объясненія. Мальтусъ, отвѣчая на вопросъ о причинахъ кризисовъ и о средствахъ избавленія отъ нихъ, доказывалъ, что отъ

кризисовъ можно избавиться повышеніемъ потребленіемъ предметовъ роскоши, поэтому онъ и указывалъ на значеніе землевладѣльцевъ, какъ такихъ потребителей вообще непроизводительнаго потребленія.

Сэй борется съ этой идеей, доказывая, что въ дѣйствительности средствомъ противъ перепроизводства является дальнѣйшее производство товаровъ, слѣдовательно, съ нимъ надо бороться не путемъ развитія непроизводительнаго потребленія, а дальнѣйшимъ развитіемъ производительности страны. Сэй разсуждаетъ такъ: „человѣкъ въ промышленности старается сообщить цѣнность своимъ продуктамъ, создавая для нихъ какое - либо полезное употребленіе, и, можно надѣяться, что его товаръ будетъ оцѣненъ и проданъ только тамъ, гдѣ есть люди, имѣющіе средства купить его. Изъ чего состоятъ эти средства? Изъ другихъ цѣнностей, изъ другихъ продуктовъ, плодовъ промышленности, изъ ихъ капиталовъ, земель. А изъ этого слѣдуетъ, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ, что сбытъ для продуктовъ создается самимъ производствомъ.

„Если какой-нибудь продавецъ матерій скажетъ: „въ обмѣнъ на мои продукты я требую не продуктовъ, а денегъ", то ему не трудно было бы доказать, что покупатель его товара можетъ заплатить ему деньгами, полученными за товары, которые онъ продастъ въ свою очередь. Ему можно было бы отвѣтить такъ: тогда фермеръ купитъ ваши матеріи, если у него будетъ хорошій урожай, и онъ купитъ у васъ ихъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе будетъ его жатва. Но онъ ничего не купитъ, если самъ ничего не произведетъ. Да и сами вы у него купите хлѣба и мяса лишь настолько, насколько

сработали матеріи. Вы утверждаете, что вамъ нужны не продукты, а деньги, а я вамъ говорю, что вамъ нужны продукты. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ деньги? Не правда-ли, затѣмъ, чтобы купить на нихъ сырыхъ матеріаловъ для вашей промышленности или съѣстныхъ припасовъ для васъ самихъ? Но изъ этого вы сами видите, что вамъ нужны не деньги, а продукты. Деньги, за которыя вы продадите ваши продукты и на которыя вы купите другіе продукты, будутъ служить для той же цѣли двумъ другимъ сторонамъ, а потомъ опять въ другой и въ третій разъ и такъ безъ конца". Сэй отмѣчаетъ и то вліяніе на сбытъ товаровъ, которое оказываетъ урожай хлѣба: „хорошій урожай выгоденъ не только земледѣльцамъ, но и торговцамъ всѣми другими продуктами, а не однимъ хлѣбомъ. Покупаютъ всегда больше, когда урожай больше; наоборотъ, дурной урожай вредитъ всѣмъ продажамъ."

„Если это такъ, то откуда берется, спросятъ меня, такое большое количество товаровъ, которые иногда загромождаютъ обращеніе, потому что не находятъ себѣ покупателей? – На это я отвѣчу, что если товары не продаются, или продаются съ убыткомъ, то они, значитъ, превышаютъ сумму потребностей въ нихъ, или потому, что ихъ было произведено слишкомъ много, или еще болѣе потому, что другія производства дали товаровъ меньше, чѣмъ нужно. Извѣстныхъ продуктовъ слишкомъ много, потому что не достаетъ другихъ."

Односторонность и неполнота ученія Сэя заключается въ томъ, что онъ беретъ капиталистическое производство только какъ товаро-

ное производство и разсматриваетъ отдѣльныя области производства, какъ разновидности производства товаровъ. Между тѣмъ, при капиталистическомъ производствѣ эти товары суть не просто товары, а товарная форма производительнаго капитала. Въ этихъ товарахъ воспроизводятся тѣ элементы цѣнности, которые вообще имѣются въ капиталистическомъ производствѣ, т.е. воспроизводится затраченная часть постояннаго капитала, заработная плата и прибыль. Значитъ, теорія рынковъ должна показать, какъ въ товарномъ рынкѣ размѣщаются эти отдѣльные элементы капитала. Но такъ вопроса Сэй не ставилъ и не могъ ставить вслѣдствіе того, что самый анализъ капиталистическаго производства у Сэя отличается неполнотою. Тѣмъ не менѣе, въ основѣ своей идеи Сэй былъ болѣе правъ, нежели Мальтусъ.

Ф Р Е Д Е Р И К Ъ Б А С Т І А.

Изъ представителей экономическаго либерализма во Франціи слѣдуетъ упомянуть еще о Фредерикѣ Бастіа, жившемъ отъ 1801 по 1850 г. Это - одно изъ наиболѣе опорочевныхъ въ широкихъ кругахъ именъ въ исторіи политической экономіи. Бастіа въ свое время былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ, искреннихъ и, можно сказать, увлекательныхъ, искусныхъ выразителей экономическаго либерализма. Нечего и говорить о томъ, что какихъ-либо обвиненій противъ его личной жизни на основаніи его біографіи привес-

ти нельзя. Его жизнь протекла въ скромномъ трудѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, отъ какихъ-либо карьерныхъ стремленій. Онъ былъ совершенно захваченъ своими идеями. Бастіа умеръ отъ чахотки, при чемъ въ послѣднее время, уже въ болѣзни, писалъ свой послѣдній трудъ объ „Экономическихъ гармоніяхъ."

Бастіа написалъ рядъ произведеній, большею частью памфлетнаго характера, въ которыхъ онъ въ остроумной формѣ выражаетъ свои идеи. Самое главное изъ этихъ произведеній носитъ названіе „Экономической гармоніи", почему и самое это направленіе носитъ иногда названіе „гармонизма." Въ своихъ сочиненіяхъ онъ занимается разнообразными вопросами экономической жизни и экономической политики. Очень извѣстны его соображенія относительно происхожденія процентовъ на капиталъ и самого капитала. (Изложеніе и критику этихъ соображеній мы находимъ у германскаго соціалиста Родбертуса). Соображенія эти, какъ у Рикардо, вообще какъ у абстрактныхъ теоретиковъ, введени гипотетически, на измышленномъ примѣрѣ. Бастіа приводитъ такой примѣръ: два столяра работаютъ, при чемъ одинъ дѣлаетъ рубанокъ, затрачивая на него 10 дней, и затѣмъ этимъ рубанкомъ предполагаетъ работать остальные 290 дней года, расчитывая этимъ рубанкомъ повысить производительность своего труда. Къ этому плотнику - Якову приходитъ его сосѣдъ, Гильомъ, и проситъ „услуги" - ссудить ему этотъ рубанокъ на годъ. Между ними происходитъ договоръ, въ которомъ Бастіа въ поточной формѣ воспроизводитъ аргументи сторонниковъ и противниковъ прибыли на капиталъ. Его собственная

мысль такова, что сосѣдъ Гильомъ не только долженъ возвратить совсѣмъ новый рубанокъ, но такъ какъ онъ пользовался „услугой" и этимъ лишилъ Якова возможности пользоваться своимъ рубанкомъ, то долженъ еще возмѣстить понесенный Яковомъ ущербъ. Отсюда Бастіа выводитъ законность и неизбѣжность процентовъ. Эту идею онъ формулируетъ слѣдующими положеніями: "1) законность процентовъ основывается на слѣдующемъ положеніи: всякій, кто соглашается дать капиталъ на извѣстный срокъ, оказываетъ услугу. Стало быть, процентъ законенъ въ силу принципа: услуга за услугу. 2) Непрерывность процентовъ основывается на положеніи: берущій взаймы долженъ сполна вернуть занятое въ извѣстный срокъ, слѣдовательно, если предметъ или его цѣнность возвращены его собственнику, то онъ можетъ опять дать ее взаймы. Когда она будетъ возвращена ему во второй разъ, онъ можетъ отдать ее взаймы въ третій разъ, и т.д. до безконечности."

Это соображеніе, можетъ быть и правильное, имѣетъ тотъ основной недостатокъ, что оно внѣисторично, оно не считается съ конкретно существующими условіями происхожденія капитала и капиталистическихъ отношеній. И здѣсь Бастіа подлежитъ такой критикѣ, какъ и Рикардо и другіе представители классической школы.

Отстаивая законность и непрерывность процентовъ, Бастіа съ ѣдкой ироніей нападаетъ и критикуетъ мнѣніе тѣхъ, кто отъ всѣхъ золъ ждетъ помощи у государства. Эта его ирония противъ вѣры во всемогущество государства, государственнаго фетишизма, имѣ ко-

жется, во многомъ не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. И въ настоящее время слишкомъ легко различныя трудности разрѣшаютъ ссылкой на государство, огосударствленіе, государственное вмѣшательство и т.д. Между тѣмъ, въ дѣйствительности сила государства хотя и велика, но во всякомъ случаѣ она находится въ прямой зависимости отъ силъ общества, вообще отъ реальныхъ возможностей. „Государство,—говоритъ Бастіа,— что это такое? Гдѣ оно? Что оно дѣлаетъ? Что должно дѣлать?" „То, что мы знаемъ теперь про него, это - какая то таинственная личность, которая навѣрное больше всего на свѣтѣ хлопочетъ, больше всѣхъ торопится, болѣе всѣхъ занята работой, съ которою болѣе всѣхъ совѣтуются, которую болѣе всѣхъ обвиняютъ, къ которой чаще всѣхъ взываютъ о помощи."..... „Сто тысячъ голосовъ изъ печати и съ трибуны кричатъ ему все разомъ:

организуйте трудъ и рабочихъ;

искорените эгоизмъ;

подавите нахальство и тиранію капитала;

сдѣлайте опыты съ паровозомъ и яйцами;

изборозднте страну желѣзными дорогами;

орошите равнины;

облѣсите горы;

устройте образцовыя фермы;

учредите благоустроенныя мастерскія;

населите Алжиръ;

викормите дѣтей;

обучите юношество;

поддержите старость;

разомкните жителей городовъ по деревнямъ;

уравновѣсьте выгоды всѣхъ промышленностей;

давайте взаймы деньги безъ процентовъ всякому, кто желаетъ получить;

освободите Италію, Польшу и Венгрію;

воспитайте и усовершенствуйте верховую лошадь;

поощряйте искусство, дайте намъ музыкантовъ и танцовщицъ;

запретите торговлю и заодно создайте намъ торговый флотъ;

откройте истину и заодно заронните въ наши головы сѣмена разума.

Назначеніе государства - просвѣщать, развивать, расширять, укрѣплять, одухотворять и освящать душу народовъ. Я ничего такъ не желаю, какъ если бы вы дѣйствительно открыли внѣ насъ существующее благотворительное и неистощимое въ своихъ дѣяніяхъ существо, называемое государствомъ, которое бы имѣло наготовѣ хлѣбъ для всѣхъ ртовъ, работу для всѣхъ рукъ, капиталы для всѣхъ предпріятій, масло для всѣхъ ранъ..... которое бы предусматривало всѣ наши нужды, предупреждало бы всѣ наши желанія, удовлетворяло бы нашу любознательность, исправляло бы всѣ наши проѣзхи, всѣ наши ошибки и избавляло бы насъ отъ всякой предусмотрительности, осторожности, проницательности, опытности, порядка, экономіи, воздержанія и всякаго труда". Но, по мнѣнію Бастіа „государство - это фикція, посредствомъ которой всѣ стараются жить на счетъ всѣхъ", отказываясь отъ своей иниціативы и своей отвѣтственности. Это мнѣніе,

конечно, преувеличено, какъ преувеличена вся позиція экономического либерализма, но въ немъ есть то здоровое зерно, что оно направлено противъ легкомысленнаго преувеличенія могущества государства. Это легче всего возникаетъ въ государствахъ, управляемыхъ деспотически и бюрократически, пока общество не имѣетъ осязательнаго ощущенія этой мощности государства. Но чѣмъ болѣе государственность растворяется въ обществѣ, чѣмъ болѣе государственное правленіе становится общественнымъ самоуправленіемъ, тѣмъ болѣе ощутимы реальныя границы государственной мощи. Чѣмъ болѣе воспитывается и развивается личная инициатива, личныя способности, тѣмъ болѣе государство теряетъ эту роль всесильнаго фетиша, отъ котораго ожидается разрѣшеніе всѣхъ трудностей.

Бастіа называется обыкновенно „гармонистомъ", потому что въ основу своего міровоззрѣнія онъ кладетъ вѣру во всеобщую гармонію интересовъ. Изъ этого принципа онъ выводитъ и свой либерализмъ, требованіе всеобщей свободы, результатомъ которой и будетъ гармонія. Гармонизмъ Бастіа является запоздалымъ повтореніемъ того, что высказалъ Кенэ, Смитъ, и, благодаря такому запозданію, нѣкоторыя стороны его ученія, конечно, казались болѣе опасной односторонностью, чѣмъ было въ свое время. Но критическая позиція Бастіа открываетъ ему нѣкоторыя такія стороны, которыя остаются закрытыми для направленій преувеличивающихъ вліяніе государства, и, какъ критикъ, онъ имѣетъ поэтому больше значенія, нежели своими положительными утвержденіями.

Въ противоположность Бастіа, во французской литературѣ тогда

уже была высказана мысль о недостаточности принциповъ экономическаго либерализма экономистомъ Сисмондомъ де Сисмонди. Этотъ экономистъ является однимъ изъ предшественниковъ современной исторической школы и соціальной политики. Онъ отличается, съ одной стороны, сочувствіемъ къ судьбамъ рабочаго класса, а съ другой-онъ нападаетъ на отвлеченность политической экономіи, которая, по его выраженію, была не болѣе, какъ хрематистикой, т.е. экономіей денегъ и мѣновыхъ цѣнностей, и недостаточно вниманія оказывала человѣку и личности самого трудящагося. Государству онъ ставитъ задачу вмѣшательства въ промышленную жизнь въ цѣляхъ соціальнаго мира. Сисмондъ де-Сисмонди извѣстенъ въ политической экономіи, какъ горячій поклонникъ и защитникъ мелкаго земледѣлія.

Въ Германіи абстрактная политическая экономія имѣетъ въ началѣ 19-го вѣка крупнѣйшаго представителя въ лицѣ одного изъ сильнѣйшихъ экономическихъ умовъ Германіи и одного изъ точнѣйшихъ мыслителей- именно Тюнена. Его перу принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изолированное государство". Въ этомъ сочиненіи, какъ показываетъ само названіе, онъ разсматриваетъ гипотетическій случай, какъ сложились бы экономическія отношенія, если бы всѣ условія соотвѣтствовали въ точности теоретическимъ предположеніямъ. Здѣсь онъ выводитъ теорію поземельной ренты, совпадающую съ теоріей Рикардо, но строитъ ее вполнѣ независимо отъ него. Большая часть его трактата посвящена экономіи сельскаго хозяйства. Онъ изслѣдуетъ здѣсь, какъ располагается

въ различныхъ массахъ и въ различномъ разстояніи отъ центральнаго города различныя сельско-хозяйственныя системы въ зависимости отъ отношенія къ рынку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ очень много практическихъ подтвержденій изъ своей собственной практики. Онъ также много интересовался вопросомъ о заработной платѣ и стремился вывести теоретически естественное увеличеніе заработной платы посредствомъ сложныхъ математическихъ и теоретическихъ соображеній онъ пришелъ къ заключенію, что естественная заработная плата опредѣляется квадратнымъ корнемъ изъ произведенія величины, выражающей собой сумму средствъ, необходимыхъ для существованія рабочихъ, и величины продуктовъ труда рабочихъ, такъ что, если первую величину обозначить черезъ „а", а вторую „в", то истинная величина заработной платы выразится квадратнымъ корнемъ изъ „ав" ($\sqrt{ав}$). Тюненъ такъ дорожилъ этимъ открытіемъ, что приказалъ эту формулу выгравировать на своемъ могильномъ памятникѣ.

Тюненомъ я закончу изложеніе ученій болѣе или менѣе примыкающихъ къ классической школѣ или вообще къ направленію экономическаго либерализма.

Экономическій либерализмъ неизбѣжно долженъ былъ вызвать противъ себя и идейную и практическую реакцію. Эта реакція должна была возникнуть въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, не могъ не возбуждать протеста отвлеченный апріоризмъ классической школы, тѣ дедуктивные пріемы, односторонность которыхъ больше всего сказалась у Рикардо. Реакціей противъ апріорныхъ отвле-

ченностей классической школы является историзмъ, историческое направленіе политической экономіи. Затѣмъ направленіе экономическаго либерализма и проповѣдь государственнаго невмѣшательства должны были вызвать и практическую реакцію, съ одной стороны, у защитниковъ интересовъ производства, а съ другой - интересовъ распредѣленія съ точки зрѣнія экономической и съ точки зрѣнія соціалистической.

Съ точки зрѣнія экономической можно ожидать возраженій противъ либерализма, какъ наиболѣе цѣлесообразной формы экономической политики, какъ противъ наиболѣе разумнаго способа развитія производительныхъ силъ. Противъ либерализма выступаетъ протекціонизмъ, ученіе о необходимости покровительственнаго вмѣшательства государства, нео-меркантилизмъ. Что касается области соціальнаго распредѣленія, то здѣсь противъ либерализма выступаетъ соціализмъ, требующій вмѣшательства государства въ область распредѣленія.

Что касается историзма, то хотя и существуетъ въ исторіи политической экономіи направленіе, называющее себя спеціально исторической школой, но въ дѣйствительности историзмъ не является особенностью какой-либо одной школы, это есть просто симптомъ большей зрѣлости нашей науки, она по самой своей природѣ есть наука историческая. Только на самой ранней ступени своего развитія она могла довольствоваться абстрактными дедукціями, Робинзонадами, которыя не имѣютъ историческаго значенія. Дальнѣйшее развитіе политической экономіи должно было дѣлать и дѣлало ее все

болѣе исторической.

ФРИДРИХЪ ЛИСТЪ.

Наиболѣе полнымъ и талантливымъ представителемъ протекціонизма въ своей критикѣ смитіанизма и манчестерства является германскій писатель Фридрихъ Листъ, который былъ не только теоретическимъ мыслителемъ, но и практическимъ дѣятелемъ. Его бурная и неудачливая въ личномъ отношеніи жизнь протекла въ патріотическомъ служеніи своему отечеству; и недаромъ современная Германія въ числѣ создателей нѣмецкаго національнаго могущества съ благодарностью упоминаетъ и все болѣе и болѣе оцѣниваетъ Фридриха Листа. Листъ родился въ 1789 году въ Рейтлингенѣ и учился въ Тюбинденѣ. Въ 1817 г. онъ получилъ кафедру въ томъ же Тюбинденскомъ университетѣ. Въ 1819 г. Листъ сталъ во главѣ нѣмецкаго торговаго союза и въ томъ же году избранъ въ Вюртенбергскую палату депутатомъ отъ своего роднаго города Рейтлингена. Здѣсь онъ навлекъ на себя нерасположеніе правительства позиціей, которую онъ занялъ. Онъ сразу внесъ предложеніе относительно отмѣны внутреннихъ таможенъ и заключенія торговаго союза германскихъ государствъ. Германія въ то время распадалась на рядъ мелкихъ государствъ, раздробленныхъ между собой таможенными ставками, и, конечно, достиженіе завершенія экономическаго объединенія этихъ государствъ было наи-

болѣе настоятельной задачей, которую созналь въ себѣ Фридрихъ Листъ. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ попытку организовать оппозицію, за что былъ по требованію министерства удаленъ изъ палаты и приговоренъ къ 10 мѣсяцамъ тюрьмы. Отсюда начинается его скитальческая жизнь. Онъ бѣжитъ во Францію; но черезъ два года, надѣясь на монаршую милость, возвращается на родину. Здѣсь его арестовываютъ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюрьмы высылаютъ за границу. Онъ уѣзжаетъ сначала въ Швейцарію, а затѣмъ въ 1825 г. въ Америку. Здѣсь онъ пріобрѣтаетъ извѣстность своими экономическими статьями и наживаетъ себѣ состояніе благодаря удачному веденію промышленныхъ предпріятій. Послѣ этого онъ возвращается въ Европу и въ 1881 году получаетъ мѣсто американскаго консула въ Лейпцигѣ. Въ это же время онъ начинаетъ свою агитацію въ пользу германской системы желѣзныхъ дорогъ. Не нужно забывать, что это было время, когда только что началось желѣзно-дорожное строительство, и понятно, что для оцѣнки всего экономическаго значенія желѣзно-дорожнаго строительства и извѣстнаго его плана постройки германской системы этихъ дорогъ требовалось много экономической проницательности. Промышленный кризисъ въ Америкѣ лишилъ Листа всего его состоянія. Въ 1841 году вышла его книга „Національная система политической экономіи", представляющая собой важнѣйшій вкладъ Фридриха Листа въ экономическую науку. За этотъ трудъ Іенскій университетъ присудилъ ему степень доктора правъ. Послѣдніе годы своей жизни, уже съ разстроеннымъ здоровьемъ, Листъ много путешествуетъ, не на-

ходя себѣ покоя. Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1846 году, на 57-омъ году своей жизни. Что касается его возрѣній, то даже ныне о немъ черпаются главнымъ образомъ изъ его произведенія: „Національная система политической экономіи". Эта книга имѣетъ очень выразительный эпиграфъ: „Et la patrie et l'humanite," т.е. „и родина и человѣчество". Этимъ эпиграфомъ и заглавіемъ онъ уже устанавливаетъ разницу между своей политической экономіей и смитовской, вообще классической. Классическая экономія является космополитической, его политическая экономія - національной. Между личностью и человѣчествомъ, по мнѣнію Листа, стоитъ государство или нація. „Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ въ государствѣ или націи можетъ достигать своихъ индивидуальныхъ цѣлей несравненно легче, нежели въ одиночествѣ, точно также всѣ націи несравненно легче достигали бы своихъ цѣлей, если бы онѣ были соединены правомъ, вѣчнымъ миромъ и свободой сношеній." А для того, чтобы это осуществить, требуется извѣстное могущество отдѣльной націи, а это могущество зависитъ отъ ея экономическаго положенія. „Чѣмъ болѣе развивается и совершенствуется народное хозяйство націи, чѣмъ она цивилизованнѣе и могущественнѣе, тѣмъ больше возвышается ея цивилизація и могущество, тѣмъ сильнѣе можетъ развиваться экономическое образованіе."

„Въ національно-экономическомъ поступательномъ движеніи націи нужно различать слѣдующія главныя стадіи развитія: состояніе дикости, состояніе пастушеское, земледѣльческое, земледѣльческо-мануфактурное, наконецъ, земледѣльческо-мануфактурно-коммер-

ческое."

Листъ пользуется для классификаціи историческими хозяйственными дѣленіями. Въ настоящее время экономическая наука пользуется другой классификаціей; но самая идея исторически разсмотрѣть хозяйственныя формы въ ихъ послѣдующей связи для того времени имѣетъ большую научную цѣнность

„Переходъ земледѣльческихъ народовъ въ классъ земледѣльческо-мануфактурно-торговыхъ націй можетъ совершиться подъ вліяніемъ свободнаго обмѣна не иначе, какъ въ предположеніи, что у всѣхъ націй, призванныхъ къ развитію мануфактурной жизни, въ одно и то же время совершался одинаковый процессъ развитія, и въ такомъ только случаѣ, если бы націи не полагали другъ другу различныхъ препятствій на пути ихъ экономическаго преуспѣянія и если бы онѣ не мѣшали ихъ истогическому движенію войнами и таможенными ограниченіями."

Но такъ какъ такихъ условій очевидно не существуетъ, то приходится ставить вопросъ о тѣхъ средствахъ, которыя должны въ государствахъ содѣйствовать развитію производительныхъ силъ. Такимъ средствомъ является таможенная охрана и введеніе пошлинъ. Онъ говоритъ: „націи, менѣе другихъ развитыя, вслѣдствіе болѣе раннихъ успѣховъ другихъ націй и вслѣдствіе чужеземныхъ таможенныхъ системъ, принуждены въ самихъ себѣ отыскивать средства для переходя отъ земледѣльческаго состоянія въ мануфактурное и, насколько это для нихъ возможно, для ограниченія посредствомъ собственной таможенной системы торговли съ націями,

опередившими ихъ и стремящимися къ мануфактурной монополіи."

„Таможенная система, поэтому, не есть, какъ утверждали, изобрѣтеніе спекулятивныхъ головъ, а естественно вызвана стремленіемъ народовъ къ самосохраненію и къ обезпеченію своего благосостоянія и преуспѣянія и къ установленію преобладанія ихъ надъ другими націями."

Политическая экономія Смита и его школы, по мнѣнію Листа, есть экономія мѣновыхъ цѣнностей. Онъ же хочетъ создать экономію развитія производительныхъ силъ. Въ настоящее время понятіе производительныхъ силъ и развитія производства до такой степени связаны съ ученіемъ Маркса и его школы, что забываютъ о томъ, что первый, кто высказалъ эту мысль, былъ Листъ. При этомъ самое пониманіе идеи производительныхъ силъ у него полнѣй, богаче, плодотворнѣй, нежели у Маркса. У Маркса пониманіе производительныхъ силъ устанавливается главнымъ образомъ съ точки зрѣнія мѣновыхъ, матеріальныхъ цѣнностей, не столько силъ, сколько продуктовъ, между тѣмъ Листъ ставитъ вопросъ о развитіи производительныхъ силъ въ ихъ живомъ, органическомъ, творческомъ состояніи, не въ ихъ статикѣ, но въ исторической динамикѣ. „Производительныя силы народовъ зависятъ не только отъ труда, сбереженій, нравственности и способности людей или ихъ обладанія естественными сокровищами и матеріальными капиталами, но также отъ соціальныхъ, политическихъ и гражданскихъ учрежденій и законовъ и главнымъ образомъ отъ обезпеченности ихъ бытія, самостоятельности и національной моши. Какъ бы ни были отдѣльные люди бережливы, при-

лежны, искусны, предпріимчивы, разумны и нравственны, однако безъ національнаго единства, безъ національнаго раздѣленія труда и безъ національной кооперації производительныхъ силъ-націи никогда не въ состояніи достигнуть высокой степени благосостоянія и могущества или обезпечить себѣ прочное обладаніе своими интеллектуальными, соціальными и матеріальными богатствами."

Въ другомъ мѣстѣ онъ еще яснѣе устанавливаетъ понятіе производительныхъ силъ, именно какъ способность создавать богатства, такъ что развитіе производительныхъ силъ у Листа есть понятіе источника мощи націи, которая суммируется изъ силъ духовныхъ, соціально-политическихъ и матеріальныхъ. Далѣе Листъ останавливается на вопросѣ о воспитательныхъ средствахъ, которыя должны быть примѣнены по отношенію къ народному хозяйству. Эти воспитательныя средства различны въ зависимости отъ историческаго момента. Ложность манчестерской школы и классической политической экономіи именно состоитъ въ томъ, что онѣ видятъ въ либерализмѣ и государственномъ вмѣшательствѣ исторически безъ-лемый всеобщій принципъ экономической политики. Между тѣмъ, по мнѣнію Листа, такая политика пригодна для государства, находящагося на ступени земледѣльческой. „Желать поднятія земледѣлія посредствомъ таможенныхъ пошлинъ - задача безсмысленная, такъ какъ внутреннее земледѣліе можетъ быть экономически поднято лишь туземною же фабрично-заводскою промышленностью, и такъ какъ запрещеніе ввоза чужеземныхъ сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ земледѣлія задержитъ развитіе мануфактурной промышленности страны

Дальнѣйшее развитіе экономической жизни поставило рядъ ограниченій этому принципу, но въ общемъ эта мѣра справедлива въ томъ отношеніи, что само земледѣліе не нуждается въ покровительственныхъ пошлинахъ для своего развитія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока страна является экспортирующей. Но когда страна переходитъ отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности, то тогда необходима таможенная охрана отъ конкуренціи государствъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія. Листъ разсматриваетъ таможенныя пошлины, какъ воспитательныя средства, которыя должны быть отмѣнены по миновапіи надобности. Онъ называетъ ихъ иногда костылями промышленности, будучи убѣжденъ, что „протекціонная система является единственнымъ средствомъ для поднятія отставшихъ странъ до уровня опередившихъ ихъ націй, которыя отъ природы не получили никакой вѣчной монополіи мануфактурной промышленности, а лишь выиграли во времени передъ другими націями; поэтому протекціонная система является съ указанной точки зрѣнія могущественной силой, влекущей націю къ конечной цѣли - ассоціаціи народовъ, а слѣдовательно, къ истинной свободѣ торговли." Такъ понимаетъ Листъ значеніе пошлинъ въ историческомъ развитіи. Въ настоящее время эти идеи Листа сдѣлались до такой степени признанными истинами политической экономіи, что свобода торговли защищается лишь какъ частное средство въ примѣненіи къ опредѣленнымъ условіямъ, но отнюдь не какъ универсально примѣнимое начало экономической политики. Принципъ исторически-относительной національной обособленности

данного хозяйства, выдвинутый Листомъ, получилъ всеобщее признаніе въ политической экономіи. Слѣдующей заслугой Листа является болѣе глубокое понимание самой общественной экономіи. „Вся общественная экономія націи вообще должна быть разсмотрѣна съ точки зрѣнія принципа раздѣленія операцій труда и комбинаціи производительныхъ силъ.. ..Высшее раздѣленіе труда въ странѣ составляетъ раздѣленіе труда умственнаго и труда физическаго. Они находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Чѣмъ больше умственное производство содѣйствуетъ развитію нравственности, религіознаго чувства, просвѣщенію, увеличенію знанія, расширенію свободы и политическому совершенствованію, развитію личной и имущественной безопасности гражданъ и внѣшнему могуществу націи, тѣмъ обширнѣе будетъ и матеріальное производство; чѣмъ болѣе матеріальное производство производитъ богатства, тѣмъ болѣе успѣховъ достигаетъ умственное производство. „Наисовершеннѣйшее раздѣленіе труда и наилучшая комбинація производительныхъ силъ въ матеріальномъ производствѣ оказываются въ земледѣліи и фабрично-заводской промышленности."

Листъ выводитъ такимъ образомъ политическую экономію изъ того тупика, въ который привелъ ее Смитъ своимъ различеніемъ производительнаго и непроизводительнаго труда и признаніемъ производительнымъ лишь трудъ, создающій матеріальныя цѣнности. Но не этимъ только Листъ вноситъ поправку въ систему Смита. Онъ указываетъ на слѣдующія три основныя черты политической экономіи Смита: „во-первыхъ, безпочвенный космополитизмъ, кото-

рый не признаетъ сущности національности и не принимаетъ въ расчетъ національныхъ интересовъ; во-вторыхъ, бездушный матеріализмъ, который всюду преимущественно замѣчаетъ только чувственныя цѣнности и упускаетъ изъ виду нравственные и политическіе интересы настоящаго и будущаго, а также производительныя силы націи; въ третьихъ, разрушительный партикуляризмъ и индивидуализмъ, которые, не понимая сущности природы соціальнаго труда и дѣйствія ассоціаціи производительныхъ силъ въ ея наивысшихъ проявленіяхъ, разсматриваютъ, въ сущности, лишь частную производительность въ томъ видѣ, въ какомъ она развилась бы при свободѣ отношеній въ обществѣ, т.е. во всемъ человѣчествѣ, если бы оно не было расчленено на отдѣльныя націи."

Но между отдѣльнымъ человѣкомъ и человѣчествомъ стоитъ нація съ ея особымъ языкомъ и литературой, съ ея собственнымъ происхожденіемъ и исторіей, съ ея собственными нравами и обычаями, законами и учрежденіями, съ ея правами на существованіе, независимость, прогрессъ, вѣчную устойчивость и съ ея обособленной территоріей; образовавшись въ ассоціацію посредствомъ солидарности умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, составляя одно самостоятельное цѣлое, которое признаетъ надъ собой авторитетъ закона, но въ то же время, какъ цѣлое, владѣя еще естественной свободой по отношенію къ другимъ подобнаго рода ассоціаціямъ, націи, при существующемъ міровомъ порядкѣ, не можетъ обезпечить свою самостоятельность и независимость иначе, какъ собственными силами и своими частными средствами. Подобно тому, какъ отдѣльный че-

ловѣкъ только благодаря націи и въ нѣдрахъ націи достигаетъ умственнаго образованія, производительной силы, безопасности и благосостоянія, такъ и цивилизація человѣчества немыслима и невозможна иначе, какъ при посредствѣ цивилизаціи и развитія націи." Поэтому „задача политической (національной) экономіи заключается въ экономическомъ воспитаніи націи и въ подготовленіи ихъ къ вступленію во всемірное общество будущаго." Поэтому, подводя общія заключенія, Листъ характеризуетъ систему Смита, какъ космополитическую политическую экономію, которая „по существу дѣла ничто иное, какъ система частной экономіи всѣхъ индивидуумовъ страны или всего человѣчества, какимъ бы оно было, если бы не существовало ни отдѣльныхъ государствъ, ни націй, ни національныхъ интересовъ, ни особыхъ государственныхъ устройствъ и культуръ, ни войнъ, ни національныхъ стремленій; это ничто другое, какъ теорія цѣнностей, конторская или купеческая теорія, а не ученіе о томъ, какимъ образомъ возбудить, увеличить, поддержать и обезпечить производительныя силы націи въ выгодахъ ея цивилизаціи, благосостоянія, могущества, устойчивости и независимости."

Листъ является основателемъ исторической политической экономіи. Онъ вполнѣ сознательно и отчетливо ставитъ задачи экономической жизни на историческую почву и въ этомъ состоитъ его значеніе въ исторіи политической экономіи.

СОЦІАЛИЗМЪ. ЕГО ВИДЫ. ВАЖНѢЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

Въ порядкѣ изложенія намъ предстоитъ сейчасъ глава о соціализмѣ. О соціализмѣ я читаю спеціальный курсъ и поэтому, въ виду недостаточности оставшагося времени, я принужденъ быть очень кратокъ и ограничиться самыми основными чертами и фактами.

Въ пору торжества идей либерализма, когда физіократы, Адамъ Смитъ, а еще позже фритредеры провозглашали принципы государственнаго невмѣшательства въ экономическія отношенія, ихъ воодушевляло убѣжденіе, что осуществленіемъ свободы устанавливается соціальная гармонія, что наилучшимъ способомъ разрѣшенія не только экономическихъ, но и соціальныхъ вопросовъ является именно невмѣшательство государства въ экономическія отношенія. Но чѣмъ больше развивались эти послѣднія, тѣмъ больше выяснялась сначала односторонность и недостаточность, а затѣмъ и прямая ошибочность этихъ началъ, тѣмъ болѣе росло разочарованіе въ либерализмѣ, какъ системѣ экономической политики.

Начало XIX столѣтія, какъ вы знаете, ознаменовалось бурнымъ ростомъ капиталистическаго производства, обнаружившемъ при этомъ наиболѣе отрицательныя, наиболѣе суровыя свои соціальныя послѣдствія, сначала въ Англіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Антагонизмъ, заложенный въ капиталистическомъ производствѣ, рознь труда и капитала, постепенное накопленіе богатства съ одной стороны и нищета рабочаго класса или, по крайней мѣрѣ, низкій уровень ихъ благо-

состоянія съ другой, все это съ необыкновенной силой стало передъ общественнымъ сознаніемъ и больше всего передъ сознаніемъ самихъ лично заинтересованныхъ въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса классовъ. Весь XIX вѣкъ и наше время, можно сказать, стоитъ подъ знакомъ соціальнаго вопроса (неразрѣшеннаго и до сихъ поръ), какъ его поставила новѣйшая капиталистическая жизнь. Соціальный вопросъ въ самомъ общемъ смыслѣ - борьба съ бѣдностью, съ имущественнымъ неравенствомъ — всего не представляетъ собой особенности только нашего времени; напротивъ, мы не знаемъ такой счастливой исторической эпохи, которая бы не имѣла своего вопроса о бѣдности, своего соціальнаго вопроса. Но современный соціальный вопросъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ отличается отъ соціальнаго вопроса другихъ историческихъ эпохъ особой отчетливостью своей постановки и поэтому особой остротой, слишкомъ сознается всѣми, чтобы отъ соціальнаго вопроса можно было бы какъ-нибудь уйти сознаніемъ и не стоять по отношенію къ нему въ томъ или другомъ положительномъ или отрицательномъ отношеніи. Бѣдность, необезпеченность труда, безработица, которыя ставятъ вопросъ о правѣ на трудъ, о возможности приложенія своего труда, затѣмъ продолжительный рабочій день, недостаточная заработная плата и другія нужды труда, — все это вызываетъ широкое развитіе въ обществѣ соціалистическихъ и коммунистическихъ идей и все это совершенно подрываетъ идеи экономическаго либерализма. Либерализмъ, какъ соціальная политика, не потребовалъ даже какихъ-либо особыхъ теоретическихъ опроверженій: онъ просто былъ отвергнутъ самой жизнью. Просто жизнь пере-

мѣстилась на другую историческую плоскость, съ которой всѣ перспективы представляются иначе, чѣмъ онѣ представлялись Адаму Смиту и физіократамъ. Если они боролись съ вмѣшательствомъ государства, то соціализмъ протестуетъ противъ недостаточности этого вмѣшательства и хочетъ распространить и усилить это вмѣшательство, онъ представляетъ въ этомъ смыслѣ, какъ я указывалъ ранѣе, возвратъ къ идеямъ меркантилизма, но только въ ихъ соціалистическомъ приложеніи. Общая идея соціалистическаго преобразованія народнаго хозяйства именно и сводится къ тому, чтобы вмѣсто отдѣльныхъ хозяевъ или индивидуалистическихъ хозяйствъ, находящихся между собой въ отношеніи свободной конкуренціи, поставить одного хозяина - само общество, организованное въ государство. Государству при этомъ предоставляется вся полнота экономической мощи. Оно соединяетъ въ себѣ всю энергію предпринимателя и заводитъ весь распредѣлительный механизмъ.

Если сдѣлать шагъ еще дальше и предположить обобществленіе не только производства, но и потребленія, то получимъ коммунизмъ, болѣе полное, рѣшительное осуществленіе соціализма. Всѣ эти идеи о томъ, чтобы устранить частную конкуренцію и вручить въ руки государства или самоуправляющихся общественныхъ союзовъ веденіе хозяйства, какъ мы знаемъ, не только не новы, но чрезвычайно стары. Мы уже познакомились съ рядомъ соціалистическихъ системъ глубокой древности, напр., у Платона, среднихъ вѣковъ, эпохи реформаціи и болѣе поздней эпохи. Соціализмъ нашего времени находится въ непосредственной связи съ фактомъ хозяйственной жизни нашего вре-

мени. Онъ представляетъ собой систему, построенную на переработкѣ этихъ фактовъ подъ ихъ впечатлѣніемъ. Соціализмъ въ этомъ смыслѣ есть прежде всего антиманчестерство, антилиберализмъ, онъ прежде всего возникаетъ какъ отрицаніе либерализма, какъ протестъ противъ него. Поэтому онъ характеризуется вѣрой въ творческое могущество государства, вѣрой, которую, какъ вы помните, такъ иронически изображаетъ Бастіа. Однако это антиманчестерство, эта государственная форма соціализма не есть единственная, которую знаетъ новое время. Рядомъ съ этой государственной концепціей соціализма новое время знаетъ и антигосударственную, анархическую его концепцію. Анархическій соціализмъ, отрицая соціальное могущество, при этомъ указываетъ, что и антиманчестерство все-таки слишкомъ много отрицаетъ за государствомъ, слишкомъ много отдаетъ въ руки государственной власти. Нельзя ли совсѣмъ отстранить государство и организовать общества безъ государственныхъ формъ на основѣ общественныхъ, самоуправляющихся союзовъ. Этотъ союзъ можетъ вести хозяйство на общесоціалистическихъ или даже коммунистическихъ началахъ. Въ такомъ случаѣ получится то, что называется или анархическимъ коммунизмомъ или анархическимъ соціализмомъ. Онъ существуетъ подъ различными названіями, но во всякомъ случаѣ характеризуется отрицательнымъ отношеніемъ къ государству.

Такимъ образомъ, соціализмъ можетъ быть или государственный или же антигосударственный, анархическій. Понятіе соціализма можетъ быть принимаемо и въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ слова.

Въ послѣднемъ можно разумѣть подъ соціализмомъ уже осуществленный соціалистическій строй, т.е. тотъ конечный результатъ, котораго достигнетъ общество, развивающееся въ соціалистическомъ направленіи; въ такомъ случаѣ изъ понятія соціализма нужно будетъ исключить все то, что представляется историческимъ движеніемъ по отношенію къ этой конечной цѣли. Можно понимать соціализмъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ болѣе эволюціонномъ, т.е. вкладывать въ его понятіе не только конечную цѣль, какъ предѣлъ развитія, но и путь къ нему, и тогда получится болѣе широкое пониманіе соціализма, какъ извѣстной системы соціальной политики или совокупности различныхъ мѣръ (порядка), преобразующихъ постепенно, болѣе или менѣе рѣшительно, народное хозяйство въ направленіи соціалистическомъ. Соціализмъ, понимаемый въ этомъ широкомъ смыслѣ, конечно, неизбѣжно является тѣмъ, что нѣмцы называютъ Stück-Socialismus, частичнымъ соціализмомъ, и въ этомъ смыслѣ его понятіе расширяется настолько, что, строго говоря, заключаетъ въ себѣ почти всю соціальную политику; каждый соціальный законъ, направленный на охрану труда или къ страхованію рабочихъ, или ограниченію рабочаго дня, или увеличенію заработной платы и т.д. можетъ быть понимаемъ, какъ мѣра частично приближающая насъ къ соціализму, заключающая въ себѣ, такъ сказать, кусокъ этого соціализма. Соціализмъ въ этомъ широкомъ и практическомъ смыслѣ принимаетъ различныя формы, обозначаемыя обыкновенно отдѣльными терминами.

Говорятъ о государственномъ соціализмѣ, чтобы обозначить этимъ именно совокупность мѣръ соціальнаго характера, принимаемыхъ госу-

дарствомъ,- сюда относится вся область соціальнаго законодательства. Говорятъ о муниципальномъ соціализмѣ, чтобы имъ обозначить совокупность мѣръ, касающихся хозяйства, вѣдомаго муниципалитетами, различными самоуправляющимися единицами. Затѣмъ говорятъ о кооперативномъ соціализмѣ, чтобы выяснить тѣ хозяйственныя преобразованія, которыя вырабатываются кооперацією.

Соціализмъ можно различать также по практическимъ методамъ воздѣйствія, по тѣмъ путямъ, которые то или другое ученіе предлагаетъ для осуществленія цѣли. Можно различать на основаніи этого критерія соціализмъ мирный, или эволюціонный, и соціализмъ революціонный. При чемъ этотъ революціонный соціализмъ можетъ рекомендовать различные пути - или по преимуществу политическій или по преимуществу экономическій. Этимъ революціоннымъ соціализмомъ политическаго типа себя считаетъ и особенно считалъ себя раньше марксизмъ, который надѣялся на захватъ политической власти путемъ парламентскаго представительства. Примѣръ революціоннаго соціализма экономическаго характера представляетъ собой развивающійся въ послѣднее время, и особенно во Франціи, синдикальный соціализмъ, такъ наз. революціонный (си)ндикализмъ, который въ принципѣ отрицаетъ парламентскіе политическіе пути и въ то же время рекомендуетъ революціонныя мѣры для достиженія соціалистическаго преобразованія общества, главнымъ образомъ всеобщую стачку.

Также и соціализмъ эволюціонный, или мирный, можетъ быть по преимуществу политическимъ или по преимуществу экономическимъ. Большинство существующихъ парламентскихъ соціалистическихъ партій

въ настоящее время, хотя и удерживаютъ революціонныя требованія въ программахъ, представляютъ собой такія партіи мирнаго практическаго соціализма. Все кооперативное движеніе, которое такъ могущественно въ Англіи и Бельгіи, напр., представляетъ собой мирный экономическій соціализмъ.

Изъ самаго понятія соціализма, ставящаго себѣ извѣстныя практическія задачи и въ то же время обосновывающаго свои требованія теоретически, ясно, что теорія и практика въ соціализмѣ сливаются почти нераздѣльно.

Что касается теоретическихъ основаній соціализма, то здѣсь могутъ быть большія различія, какъ въ области чисто экономическихъ ученій, такъ и въ области общихъ ученій. Что касается экономическихъ теорій соціализма, то слѣдуетъ сказать, что самой характерной и распространенной среди соціалистовъ экономической теоріей является ученіе классической школы, въ особенности ученіе Рикардо о трудовой теоріи цѣнности со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Это ученіе въ той или иной модификаціи, той или иной переработкѣ, принимается очень многими соціалистами сравнительно въ весьма раннюю эпоху. Трудовая теорія цѣнности сдѣлалась столь распространенной среди соціалистовъ теоріей не потому вовсе, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы она была сама по себѣ, по самому существу соціалистической. Мы знаемъ, что и раньше существовали и въ настоящее время существуютъ соціалисты, совсѣмъ не раздѣляющіе трудовую теорію цѣнности, считающіе ее не научной, не отвѣчающей фактамъ дѣйствительности. Такую большую распространенность она

получила вслѣдствіе тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы изъ этой теоріи. Выводы эти — такъ называемая теорія капиталистической эксплуатаціи (Ausbeutungstheorie). Эта теорія эксплуатаціи характеризуется тѣмъ, что разъ цѣнности создаются трудомъ, то прибыль на капиталъ и вообще нетрудовой доходъ является продуктомъ неоплаченнаго труда, слѣдовательно, капитализмъ основывается на этомъ неоплаченномъ трудѣ, на эксплуатаціи рабочаго класса. Хотя ни Смитъ, ни Рикардо, которые это ученіе выставили сами, отнюдь не сдѣлались благодаря этому соціалистами, но это ученіе оказалось настолько удобной и благодарной основой для критики капитализма, что оно очень рано сдѣлалось по преимуществу соціалистическимъ. Это ученіе о прибавочной цѣнности и значеніи труда, какъ единственнаго создателя цѣнности, появляется въ экономической литературѣ уже въ 18-омъ вѣкѣ. Такъ, оно вполнѣ отчетливо выражено въ 18-омъ вѣкѣ англійскимъ кваке-ромъ Беллерсомъ и затѣмъ соціалистами начала 19-го вѣка: Грэемъ, Томсономъ, Годскинмъ, впослѣдствіи Овеномъ, нѣкоторыми французскими соціалистами, а затѣмъ нѣмецкими соціалистами: Родбертусомъ и Марксомъ. И только въ самые послѣдніе десятилѣтія 19-го вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ австрійской теоріи, не только среди экономистовъ несоціалистическаго направленія, но и среди соціалистовъ, наблюдается все чаще и чаще отказъ отъ трудовой теоріи цѣнности по мотивамъ научнаго характера. Затѣмъ распространеннымъ общимъ ученіемъ соціализма является другое положеніе классической школы, формулированное съ наибольшей ясностью тоже Рикардо, именно законъ заработной платы, по которому она держится на минимумѣ, то что обыкно-

венно Лассаль называлъ желѣзнымъ закономъ заработной платы. Или же оно замѣняется еще болѣе широко формулированной, такъ называемой, теоріей обнищанія, согласно которой положеніе рабочихъ не улучшается развитіемъ капитализма, но скорѣй даже ухудшается или, по крайной мѣрѣ, остается безъ измѣненія. Наконецъ, общепризнанной экономической теоріей соціализма является такое ученіе о концентраціи производства и поглощеніи болѣе крупными предпріятіями болѣе мелкихъ. Эта идея вполнѣ отчетливо сознается уже въ началѣ 19-го вѣка французскимъ соціализмомъ, напр., Фурье. Она играетъ существенную роль у Родбертуса и Маркса. Изъ приведеннаго ясно, насколько велика научная зависимость экономическихъ идей соціализма отъ классической школы, болѣе всего отъ Рикардо.

Обращаясь къ соціализму, какъ къ общей теоріи, какъ къ общему міровоззрѣнію, мы должны отмѣтить, что обыкновенно и экономическій идеалъ и практическія средства, предлагаемые той или иной соціалистической системой, обыкновенно конструируются какъ выводы изъ болѣе общихъ теоретическихъ посылокъ. Соціализмъ въ настоящее время притязаетъ быть цѣлостнымъ, общимъ міровоззрѣніемъ. Естественно можетъ быть поставленъ вопросъ о характерѣ различныхъ соціалистическихъ системъ въ связи съ этими общетеоретическими предпосылками.

Прежде всего несомнѣнно, что соціализмъ, какъ система практической политики, какъ планъ хозяйственнаго преобразованія, отнюдь не связанъ съ какимъ-либо однимъ опредѣленнымъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ. Исторія соціализма можетъ лучше всего показать, что

къ соціализму приходили и приходятъ, отправляясь изъ различныхъ міровоззрѣній. Поэтому слѣдуетъ перечислить главные типы соціализма по этимъ общимъ предпосылкамъ. Въ этомъ смыслѣ можно указать слѣдующіе три основные типа соціализма: соціализмъ христіанскій, философско-идеалистическій и матеріалистическій. Что касается перваго вида соціализма, то здѣсь, какъ показываетъ само названіе, соціалистическія требованія выставляются какъ требованія религіозной этики, какъ способъ практическаго осуществленія христіанской любви и солидарности. Примѣры такого соціализма въ наибольшемъ количествѣ даетъ Англія, которая выставила цѣлый рядъ соціалистовъ, начиная съ эпохи реформаціи, проникнутыхъ духомъ христіанства; затѣмъ позднѣе, въ серединѣ 19-го вѣка, здѣсь выступили группы соціалистовъ, сами называвшихъ себя христіанскими соціалистами, затѣмъ такіе крупнѣйшіе соціалистическіе (соціальные) и политическіе мыслители, какъ Томасъ Карлейль и Рескинъ, стоятъ на почвѣ христіанскаго міровоззрѣнія.

Примѣры христіанскаго соціализма можно указать во всѣхъ другихъ странахъ; такъ, въ Германіи существуетъ, такъ называемое, евангелически-соціальное движеніе, хотя и не вполнѣ соціалистическое. Во Франціи первый крупнѣйшій соціалистъ 19-го вѣка Сенъ Симонъ озаглавилъ свой соціалистическій трактатъ: „Новое христіанство." Сюда можетъ быть отнесенъ и Фурье и затѣмъ цѣлый рядъ соціалистовъ: Леруа, аббатъ Ламенэ и др. Въ Россіи сюда относится, до извѣстной степени, В.С.Соловьевъ и его школа.

Философско-идеалистическій соціализмъ принадлежитъ главнымъ образомъ Германіи, которая выставила цѣлый рядъ крупнѣйшихъ предста-

вителей философскаго идеализма. Зачатки соціализма находятъ даже Канта. Затѣмъ несомнѣннымъ соціалистомъ является Г.Г.Фихте, одинъ изъ геніальныхъ представителей классическаго идеализма. Идеалистомъ въ философіи является Лассаль, а равнымъ образомъ и Родбертусъ. Затѣмъ въ самое послѣднее время выступаетъ цѣлый рядъ дѣятелей и теоретиковъ соціализма, которые въ своемъ общефилософскомъ міровоззрѣніи являются идеалистами, главнымъ образомъ неокантіанскаго направленія.(Сюда же можно отнести въ извѣстномъ смыслѣ Жореса.).

Наконецъ, матеріалистическій соціализмъ связывается съ матеріалистической философіей различныхъ оттѣнковъ. Этого типа соціализмъ является широко распространеннымъ, количественно онъ представляется, вѣроятно, даже наиболѣе распространеннымъ видомъ соціализма въ настоящее время.

Однимъ изъ раннихъ представителей этого соціализма въ Англіи является Робертъ Оуэнъ и цѣлый рядъ соціалистовъ, примыкающихъ къ лѣвому крылу радикальнополитическаго движенія въ Англіи, извѣстному подъ именемъ чартизма. Наиболѣе чистымъ представителемъ матеріалистическаго соціализма является Марксъ и его школа, и все движеніе, какъ политическое, такъ и экономическое, вызванное имъ какъ Пруссіи, такъ и въ другихъ странахъ.

Изъ этого перечня вы можете заключить, что соціализмъ не е одно законченное міровоззрѣніе, неизмѣнное съ начала до конца.

Я перечислилъ основныя или, по крайней мѣрѣ, представляющіеся мнѣ наиболѣе важными принципы классификаціи видовъ соціализма. Ко всѣмъ этимъ перечисленнымъ классификаціямъ и даже вмѣсто нихъ

прибавляютъ еще одну: раздѣленіе соціализма на научный и утопическій.

Различеніе между соціализмомъ научнымъ и утопическимъ основывается на произвольной переоцѣнкѣ однихъ соціалистическихъ направленій и недоцѣнкѣ другихъ. Это разграниченіе было введено Энгельсомъ, при чемъ имъ подразумѣвалось, что научнымъ соціализмомъ является только марксизмъ (теперь иногда къ Марксу присоединяютъ еще Родбертуса), а всѣ остальные виды соціализма суть утопическіе. Но болѣе углубленное пониманіе какъ природы соціалистическихъ ученій, такъ и выяснившейся въ исторіи сравнительной цѣнности различныхъ системъ рѣшительно не позволяютъ намъ сдѣлать такую расцѣнку. Въ каждой изъ соціалистическихъ системъ имѣются элементы какъ научные, такъ и не научные, ошибочные, а также сверхнаучные, и ни одна не имѣетъ правъ притязать на какую-либо исключительную научность. Поэтому правильнѣй въ результатѣ чисто научнаго анализа каждой системы (618) указать, что представляетъ въ ней научную цѣнность, а что не представляетъ, нежели теперь надѣлять ту или иную систему направленіемъ научнымъ или ненаучнымъ.

Теперь обращусь къ краткой характеристикѣ соціализма въ 19-омъ столѣтіи въ Зап. Европѣ. Начну съ Англіи, во-первыхъ, какъ родины новѣйшаго соціализма, а во-вторыхъ, какъ страны наиболѣе рано обнаружившей основныя противорѣчія капиталистическаго строя. Если не останавливаться на второстепенныхъ представителяхъ соціализма, то наиболѣе крупнымъ соціалистомъ первой половины 19-го вѣка въ Англіи является несомнѣнно Робертъ Овенъ.

Робертъ Овенъ былъ въ большой степени практическимъ дѣятелемъ,

соціальнымъ реформаторомъ, нежели соціалистическимъ теоретикомъ. Происходя изъ бѣдной семьи, онъ своимъ трудомъ и своей энергіей весьма рано составилъ себѣ состояніе и сдѣлался однимъ изъ собственниковъ хлопчато-бумажной фабрики въ Нью-Ланаркѣ. Здѣсь онъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ въ смыслѣ воспитанія фабричнаго населенія, затѣмъ вообще улучшенія положенія рабочаго класса, что въ Нью-Ланаркъ пріѣзжали изъ разныхъ странъ посѣтители осматривать его, какъ достопримѣчательность. Оставивъ Нью-Ланаркъ, Овенъ увлекается разными практическими начинаніями, предпринимаетъ нѣсколько коммунистическихъ экспериментовъ (Въ Америкѣ и Ирландіи). Затѣмъ онъ увлекается соціально-революціоннымъ движеніемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, извѣстнымъ подъ названіемъ чартизма, выставившаго сначала требованіе введенія всеобщаго избирательнаго права. Къ этому времени относится мысль Овена относительно основанія всеобщаго рабочаго союза, который бы принялъ въ свое вѣдѣніе все производство и такимъ образомъ осуществилъ бы соціалистическое хозяйство. Эта идея имѣла блестящій, но кратковременный и непрочный успѣхъ, смѣнившійся полнымъ разочарованіемъ. Въ то же время Овенъ дѣлаетъ попытку осуществленія трудового банка, т.е. такого банка, который бы устранилъ необходимость денегъ; при посредствѣ этого банка, по представленію Овена, продукты труда обмѣнивались бы на продукты потребленія непосредственно, участіе прибавочной цѣнности было бы устранено. Банкъ этотъ тоже потерпѣлъ неудачу. Дальнѣйшая практическая дѣятельность Овена и наиболѣе значительная по своимъ историческимъ послѣдствіямъ принадлежитъ къ области кооперативнаго движенія. Овенъ, хотя и связывалъ

со своими опытами кооперации большія задачи, нежели они могли разрѣшить, но справедливо считается духовнымъ отцомъ кооперативнаго движенія. Онъ былъ воодушевленъ идеями рабочей самопомощи, осуществляемой на почвѣ экономической организаціи для совмѣстнаго потребленія, а также для совмѣстнаго производства; въ дальнѣйшемъ, хотя и съ большими измѣненіями, онѣ осуществились въ развитіи кооперативнаго движенія.

Что касается теоретическихъ идей Овена, то онъ принадлежитъ, какъ я уже упоминалъ, къ числу представителей матеріалистическаго соціализма. Основная его соціально-философская идея состоитъ въ томъ, что человѣкъ, отдѣльная личность есть вполнѣ продуктъ той общественной среды, въ которой онъ живетъ, и вслѣдствіе этого онъ не отвѣтственъ за свои дѣйствія и за свои поступки.

Въ слѣдующую эпоху 40-60-хъ годовъ наиболѣе вліятельной группой соціалистовъ въ Англіи была группа, такъ называемыхъ, христіанскихъ соціалистовъ. Во главѣ ихъ стоитъ проф. Моррисъ, затѣмъ священникъ Чарльзъ Кингслей, адвокатъ Лэдловъ и цѣлый рядъ другихъ видныхъ и пользовавшихся общимъ уваженіемъ представителей англійской интеллигенціи. Эти лица съ одной стороны содѣйствовали раскрытію разныхъ соціальныхъ язвъ, отрицательныхъ сторонъ положенія рабочаго класса, а съ другой-поставили своей задачей разрѣшеніе соціальнаго вопроса мирнымъ путемъ, развитіемъ кооперацій и въ этомъ смыслѣ продолжали до извѣстной степени экономическія идеи Овена. Кромѣ того, по ихъ иниціативѣ черезъ парламентъ прошли нѣкоторые очень важные для рабочихъ законы, и затѣмъ ими былъ основанъ народный университетъ

въ цѣляхъ просвѣщенія англійскихъ рабочихъ. Христіанскіе соціалисты, поддерживавшіе связь съ англиканской церковью, вмѣстѣ съ тѣмъ находились подъ вліяніемъ одного изъ величайшихъ людей Англіи 19-го вѣка, Томаса Карлейля. Хотя Карлейль не является въ строгомъ смыслѣ соціалистомъ въ полномъ объемѣ, но какъ соціальный моралистъ, какъ критикъ капиталистическаго строя Карлейль, собственно, можетъ быть поставленъ въ ряду соціалистовъ. Въ критикѣ Карлейль отправляется отъ предпосылокъ христіанско-этическаго, общерелигіознаго характера, и въ этомъ смыслѣ его больше всего можно сблизить съ Толстымъ. Извѣстно, напримѣръ, выступленіе Карлейля памфлетомъ по вопросу о чартизмѣ, его причинахъ и значеніи чартизма въ соціально-революціонномъ движеніи, благодаря которому вскрылась передъ англійскимъ обществомъ неприглядная картина новаго положенія рабочаго класса, создавшагося въ капитализмѣ.

Карлейль въ своемъ памфлетѣ о чартизмѣ съ необыкновенной силой раскрываетъ истинную сущность чартизма, который нисколько не былъ подавленъ репрессіями. Затѣмъ въ рядѣ своихъ сочиненій, въ особенности въ „Прошлое и настоящее", „Sartor Resartus", Карлейль подвергаетъ такой безпощадной критикѣ систему свободной конкуренціи экономическаго либерализма, что болѣе рѣзкой критики нельзя найти у представителей и болѣе рѣшительнаго соціализма. Въ качествѣ средства противъ золъ свободной конкуренціи Карлейль предлагаетъ организацію труда, во главѣ которой стояли бы лица по своему призванію, по своимъ талантамъ достойныя этого („капитаны промышленности".)

Къ Карлейлю близко примыкаетъ своимъ общимъ міровоззрѣніемъ и своимъ отношеніемъ къ капитализму и своимъ соціальнымъ моализмомъ другой знаменитый писатель начала 19-го вѣка-Джонъ Рескинъ.

Рескинъ подвергаетъ капитализмъ критикѣ не только съ той же стороны, какъ и Карлейль, но и со стороны эстетической. Онъ, будучи первокласснымъ художественнымъ критикомъ и вообще эстетикомъ, показываетъ, насколько уродуетъ красоту природы, красоту человѣка, красоту человѣческой души окружающая его соціальная обстановка. Въ своихъ практическихъ выводахъ Рескинъ до извѣстной степени приближается къ Карлейлю. Наконецъ, изъ представителей соціализма въ самое новѣйшее время, въ наши дни, въ Англіи наиболѣе заслуживаетъ вниманія и является для насъ характернымъ, такъ называемое, общество фабіанцевъ. Это - общество интеллигентовъ, ученыхъ, писателей, которые стоятъ на почвѣ эволюціоннаго, мирнаго и частичнаго соціализма, и свое прозвище приняли отъ полководца Фабія, какъ извѣстно, получившаго названіе кунктатора, т.е. медлителя. Къ числу фабіанскихъ соціалистовъ относятся и наиболѣе крупные экономисты современной Англіи-супруги Сидней и Беатриса Веббъ.

Теперь перейду къ Франціи. Во Франціи уже въ предреволюціонное время, въ 18-мъ вѣкѣ, можно слышать соціалистическіе мотивы и можно назвать цѣлый рядъ представителей соціалистическихъ идей 18-го вѣка - Морелли, Мабли, Бриссо и Бабефъ, который въ эпоху великой французской революціи, въ 1795 г., устроилъ даже заговоръ для отмѣны частной собственности. Наиболѣе извѣстнымъ французскимъ писателемъ, привлекшимъ вниманіе къ соціалистическимъ идеямъ въ началѣ

19-го вѣка, является графъ Сенъ-Симонъ, — по отзывамъ его біографовъ, необыкновенно привлекательная, блестящая личность, внушавшая къ себѣ восторженное отношеніе у людей, знавшихъ его.

Онъ былъ изъ древняго знатнаго рода, но разорился и, находясь въ нищетѣ, вырабатывалъ свои идеи. Сенъ-Симона нельзя причислить къ безусловнымъ представителямъ соціализма, ему остается въ значительной степени чужда идея противопоставленія интересовъ труда и капитала, для него и то и другое сливаются въ понятіе промышленности, какъ силы, которую онъ противопоставляетъ старымъ феодальнымъ аристократическимъ привиллегіямъ. Эта сила созидательная и творческая требуетъ для себя соотвѣтственнаго мѣста въ государствѣ и связывается не съ наслѣдственными привиллегіями, а съ личными заслугами. У Сенъ-Симона особенно интересно развитіе этой идеи въ томъ отношеніи, что онъ связываетъ ее съ особыми объясненіями исторіи. Онъ формулируетъ здѣсь нѣкоторыя идеи, сдѣлавшіяся весьма извѣстными и распространенными впослѣдствіи въ марксизмѣ, именно идею классовой борьбы и до извѣстной степени идею экономическаго объясненія исторіи (экономическій матеріализмъ). Есть основаніе думать что Сенъ-Симонъ черезъ посредство нѣмецкаго экономиста Лоренца Штна, написавшаго изслѣдованіе о французскомъ соціализмѣ, имѣлъ косвенное вліяніе и на Маркса. Наряду съ этимъ Сенъ-Симонъ подчеркиваетъ начало равенства, въ смыслѣ равенства условій приложенія труда для каждой отдѣльной личности и отрицанія сословныхъ привиллегі Въ своемъ важнѣйшемъ наиболѣе соціалистическомъ трактатѣ, названномъ имъ: „Новое христіанство", Сенъ-Симонъ высказываетъ ту мысль, что

соціальный вопросъ разрѣшимъ лишь на почвѣ религіи. Люди должны считать другъ друга братьями, и религія есть та сила, которая приведетъ къ скорѣйшему разрѣшенію соціальнаго вопроса. Идеи, выраженныя Сенъ-Симономъ, получили болѣе отчетливое и притомъ болѣе опредѣленное соціалистическое истолкованіе въ рукахъ его учениковъ, его школы, во главѣ которой стоятъ Базаръ и Анфонтенъ. По ученію сенсимонистовъ, существуютъ вообще два начала, на которыхъ строится общество: эгоизмъ, которому соотвѣтствуетъ индивидуализмъ, и затѣмъ единство, которому соотвѣтствуетъ ассоціація. Эти два начала, центробѣжная и центростремительная силы, въ различныхъ комбинаціяхъ соединяются въ разныя эпохи исторіи, и преобладаніе той или другой опредѣляетъ собой характеръ данной эпохи. Соотвѣтственно преобладанію силъ разрушительныхъ, эгоистическихъ, эпоха бываетъ критической, съ преобладаніемъ разлагающихъ процессовъ, а преобладаніе ассоціирующихъ, соединяющихъ началъ образуетъ органическую эпоху, въ которой процессъ роста, творчества преобладаетъ надъ противоположными процессами. Вся исторія человѣчества съ этой точки зрѣнія представляется для учениковъ Сенъ-Симона какъ чередованіе органическихъ и критическихъ эпохъ, при чемъ первая, органическая, эпоха относится къ классическому міру, именно къ эпохѣ расцвѣта Греціи и величія Рима; періодъ упадка древняго Рима, такъ называем., эллинистическая эпоха, принадлежитъ уже къ эпохамъ критическимъ. Затѣмъ новая органическая эпоха наступаетъ съ христіанствомъ и продолжается до реформаціи, съ которой начинается новая критическая эпоха, продолжающаяся и до нашихъ дней.

Съ Сенъ-Симона, по мнѣнію его учениковъ, начинается уже новая органическая эпоха, когда раздробленное общество на началахъ какъ бы новой религіи соединяется въ ассоціаціи. Организація производства въ эту новую эпоху должна измѣниться въ томъ смыслѣ, что каждый долженъ найти соотвѣтственное мѣсто въ обществѣ, и для этого должна быть устроена та эксплуатація человѣка человѣкомъ, которая существовала сначала въ видѣ рабства, затѣмъ крѣпостничества и, наконецъ, сохраняется въ видѣ наемнаго труда. Новой органической эпохѣ надлежитъ уничтожить привиллегіи богатства, для чего непосредственнымъ средствомъ служитъ отмѣна наслѣдственнаго права; имущества должны распредѣляться по масштабу способностей, но распоряженіе имуществомъ все-таки должно оставаться въ частныхъ рукахъ. Итакъ, каждому по способностямъ и обладателю данной способности соотвѣтственно его работѣ. Государство должно взять въ свои руки регулированіе всего производства и потребленія, для этого оно должно устроить центральный банкъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ распоряженіе землей и капиталомъ, оно должно распоряжаться промышленностью и торговлей, наблюдать за ними и т.д. Однимъ словомъ, ученики Сенъ-Симона предписываютъ государству цѣлый рядъ такихъ задачъ, которыя вообще предписываютъ ему и другіе соціалисты. Ученикамъ Сенъ-Симона удалось образовать школу, число послѣдователей которой въ 1831 году доходило до 40 тысячъ человѣкъ, но движеніе оставалось главнымъ образомъ интеллигентскимъ и не просачивалось въ ряды массы, поэтому оно имѣетъ въ исторіи значеніе главнымъ образомъ какъ идейное броженіе, подготовляющее дальнѣйшее развитіе соціали-

-тическихъ идей.

Младшимъ современникомъ Сенъ-Симона былъ Шарль Фурье (1772 -1857

Фурье выработалъ въ рядѣ своихъ сочиненій сложную, запутанную, странную по формѣ, соціалистическую систему, въ которой психологическія соображенія и даже космологическія чередуются съ экономическими и практическими. Центромъ системы Фурье является человѣческая личность, имѣющая извѣстныя потребности и стремленія и ищущая ихъ удовлетворенія. Эти стремленія вложены въ человѣка Богомъ и, по мнѣнію Фурье, сами по себѣ доброкачественны, такъ что ихъ удовлетвореніе не способно нарушить общественную гармонію, въ особенности въ томъ случаѣ, если они будутъ удовлетворяться по соотвѣтственному плану. Въ такомъ случаѣ они могутъ создать даже взаимное притязаніе членовъ общества, его сплотить. Нужно предоставить, слѣдовательно, естественнымъ стремленіямъ общества свободное развитіе; невозможность ихъ удовлетворять есть основное зло, связанное съ ошибочной организаціей общества. За эту дисгармонію, за нищету массъ и разныя соціальныя изъяны Фурье бичуетъ современное общество. Настоящую эпоху онъ называетъ эпохой цивилизаціи, при чемъ она отличается въ его представленіяхъ не только относительной бѣдностью, вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія, но и абсолютной бѣдностью, бѣдностью производства. Для того, чтобы отъ нея освободиться, нужно повысить прежде всего производительность труда, развитіе производительныхъ силъ; для этого нужно, съ одной стороны, повысить количество труда, а съ другой—улучшить его организацію. Количество

труда уменьшается въ настоящее время вслѣдствіе существованія в нихъ, нетрудящихся элементовъ общества,—съ одной стороны, дом нихъ членовъ семьи, дѣтей, прислуги, стариковъ, а съ другой — лі обезпеченныхъ и не считающихъ себя обязанными трудиться; надлежа организація общества сумѣетъ использовать разныя силы и наиболѣе производительнымъ образомъ. Другимъ источникомъ современной бѣдно сти, по мнѣнію Фурье, является мелкая форма производства, его раз ленность; по его убѣжденію, крупныя предпріятія неизбѣжно поглощ мелкія, и они технически настолько цѣлесообразнѣе, что рано или п но наступитъ время, когда совсѣмъ небольшое число крупныхъ капит листовъ станетъ во главѣ производства. Мысль Маркса о концентрац производства, приводящей къ поглощенію мелкихъ производителей нем гими крупными капиталистами, вполнѣ отчетливо формулирована уже у Фурье. Эта концентрація производства привела бы къ цѣлому ряду в годъ, связанныхъ вообще съ болѣе крупными предпріятіями. Поэтому высказывается и противъ раздробленія мелкихъ земельныхъ участко противъ раздѣленія потребленія; въ производствѣ должна быть ес ственно даже вводима крупная форма. Переходъ отъ эпохи цивилиза къ эпохѣ достодолжнаго существованія человѣка будетъ эпохой, кот Фурье называетъ эпохой гарантизма, названной имъ такъ потому, въ эту эпоху каждому гарантируется, обезпечивается необходимое существованія. Для этой цѣли устанавливается государствомъ деше кредитъ, затѣмъ страхованіе рабочихъ и доступность орудій труда средниxъ сословій. Эта эпоха гарантизма должна повести къ создан новаго соціальнаго строя, основаннаго на крупной хозяйственной ед

ницѣ, на организаціи производительныхъ ассоціацій, называемыхъ фурье фалангами, живущими совмѣстно въ общихъ зданіяхъ, называемыхъ фаланстерами; на каждую фаланстеру онъ считаетъ по 400 семействъ. Однимъ словомъ, старая идея, которую вы помните и у Мора съ его общими обѣдами, общими домами (а еще ранѣе у Платона), повторяется и у Фурье. Отличительной особенностью Фурье здѣсь является то что хотя онъ вводитъ нѣкоторыя черты коммунизма, именно крупное производство, право всѣхъ на трудъ, обезпечивающее, слѣдовательно, устраненіе нищеты, но въ то же время оставляетъ нѣкоторыя черты индивидуализма, именно, частная собственность въ его проектѣ не уничтожается, она только принимаетъ форму права не на средства производства, а на участіе въ продуктѣ общаго дохода. Поэтому весь продуктъ труда распредѣляется такимъ образомъ: $^{5}/_{12}$ отдается труду, $^{4}/_{12}$ питалу и $^{3}/_{12}$ – таланту.

Одну изъ самыхъ интересныхъ идей Фурье представляетъ его проектъ организаціи труда въ фаланстерахъ; какимъ образомъ достигнуть всеобщей повинности труда, если къ труду не побуждаетъ угроза нищеты и нужды? – Этотъ вопросъ есть вообще одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и, можно сказать, роковыхъ для механическаго соціализма: какъ ввести всеобщую повинность труда, не прибѣгая къ идеѣ долга, личной отвѣтственности, слѣдовательно, личнаго нравственнаго развитія. Для тѣхъ соціалистическихъ системъ, которыя этотъ элементъ личности и ея свободы устраняютъ, остается только одинъ путь: государственное принужденіе, общая повинность труда, и государствомъ. Фурье отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ связи со своей

теоріей о человѣческихъ потребностяхъ и въ связи со своей классификаціей человѣческихъ влеченій и страстей. Излагать эту классификацію было бы сложно и долго, но основная мысль Фурье заключается въ томъ, что при извѣстномъ благопріятномъ распредѣленіи труда каждый человѣкъ найдетъ для себя то, къ чему онъ склоненъ, при этомъ трудъ будетъ наслажденіемъ, удовольствіемъ, онъ становится подобенъ игрѣ. Фурье сравниваетъ организацію труда въ фаланстерахъ съ дѣтской игрой. Если предоставить каждому заниматься его любимымъ дѣломъ, то тяжесть труда будетъ устранена, а вся производительность труда будетъ увеличена. Къ этому онъ прибавляетъ еще другой аргументъ: онъ говоритъ, что въ настоящее время наиболѣе непріятный трудъ оплачивается наиболѣе скудно, между тѣмъ въ этихъ фаланстерахъ плата за трудъ должна быть тѣмъ выше, чѣмъ непріятнѣе трудъ.

Затѣмъ въ развитіе своей идеи онъ вноситъ много страннаго, курьезнаго или соблазнительнаго, между прочимъ, онъ вводитъ здѣсь свободную любовь, нѣчто въ родѣ безпорядочнаго полового общенія. Но справедливы были указанія, что критиковать его на основаніи этихъ странностей и чудачествъ внѣшности было бы не вполнѣ правильно, и въ общемъ развитіе соціалистической мысли Фурье занимаетъ довольно опредѣленное и довольно замѣтное мѣсто.

Идеи Фурье имѣли много послѣдователей; во Франціи изъ его учениковъ наиболѣе извѣстенъ Консидеранъ. Идея ассоціаціи, какъ средства разрѣшенія соціальнаго вопроса, послѣ Фурье довольно прочно укореняется во французскомъ соціализмѣ и находитъ цѣлый рядъ сторонниковъ, главнымъ образомъ въ группѣ французскихъ христіанскихъ

соціалистовъ, такови Бюше, Поль Леру, аббатъ Ламенэ, Пеккеръ и всѣ тѣ христіанскіе соціалисти, которые полагали въ основу экономическихъ преобразованій производительныя ассоціаціи. Но особенно большую извѣстность принципъ ассоціацій пріобрѣлъ въ связи съ именемъ французскаго соціалиста Луи Блана. Луи Бланъ пропагандировалъ принципъ производительныхъ ассоціацій, которыя основывались бы при правительственной поддержкѣ, на оказываемый правительствомъ кредитъ. Свободную конкуренцію производства, предоставленіе собственному ходу, Луи Бланъ считаетъ необходимо приводящимъ къ соціальному бѣдствію; и замѣнить принципъ свободной конкуренціи предлагаетъ принципомъ ассоціаціи. Луи Бланъ не только теоретически отстаивалъ свои идеи, но ему пришлось подвергнуть ихъ практической провѣркѣ, именно, во время февральской революціи 1848 г. во Франціи, революціи, которая носила рѣзко выраженный соціальный характеръ и когда были произведены двоякаго рода соціалистическіе эксперименти. Съ одной стороны, временное правительство приняло на себя обязательство бороться съ безработицей устройствомъ мастерскихъ для безработныхъ. Правительство поставило себѣ задачей практически осуществить признаніе права на трудъ. Съ этой цѣлью были ассигнованы суммы для организаціи различныхъ общественныхъ работъ съ цѣлью дать заработокъ безработнымъ. Разумѣется, всѣ эти эксперименты кончились неудачно. Дѣйствительно, для государства, имѣющаго ограниченныя средства, почерпаемыя обычно путемъ налоговъ, при оставленіи въ полной силѣ свободной конкуренціи, бороться такими ограниченными средствами съ результатами этой системы-безработицей, очевидно, не

подъ силу. Очень скоро обнаружилось, что количество лицъ, обращавшихся къ государственной помощи, гораздо больше, чѣмъ государство можетъ ея оказать. Другой экспериментъ, произведенный декретомъ собранія въ іюлѣ 1848 г., имѣлъ въ виду осуществить Луи-Блановскую идею производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ. Было ассигновано 3 мил. франковъ для оказанія помощи производительнымъ ассоціаціямъ, но эти деньги были затрачены безрезультатно, и этотъ экспериментъ также кончился ничѣмъ.

Изъ французскихъ соціалистовъ первой половины 19-го вѣка большой извѣстностью пользуется еще Жанъ Батистъ Прудонъ, жившій отъ 1809 -1865 г. Однако называть Прудона соціалистомъ можно только съ большими ограниченіями. Онъ сближается съ соціализмомъ въ критикѣ темныхъ сторонъ современнаго соціальнаго строя. Въ положительной своей части онъ является не соціалистомъ, а скорѣе индивидуалистомъ, притомъ съ анархическимъ оттѣнкомъ.

Наибольшей извѣстности изъ сочиненій Прудона пріобрѣли его мемуары подъ заглавіемъ: „Что такое собственность?", появившіеся въ 1840 году, какъ работа написанная на тему, заданную Парижской Академіей Наукъ. Прудонъ здѣсь разсматриваетъ одну за другой теоріи обоснованія собственности: 1) теорію первоначальнаго захвата, въ согласіи съ которой собственность появляется вслѣдствіе распредѣленія земельныхъ участковъ при первоначальномъ разселеніи; 2) теорію трудовую, согласно съ которой собственность возникаетъ въ связи съ тѣмъ, что на нее затрачивается трудъ, при чемъ наиболѣе трудно для этой теоріи объяснить собственность на земельные

участки; 3) теорію легальную, объясняющую собственность существованіемъ законовъ, ее охраняющихъ. Всѣ эти теоріи онъ по различнымъ мотивамъ отвергаетъ, такъ что собственность въ его глазахъ лишается всякаго оправданія. Поэтому онъ отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи мемуара, „что такое собственность?" извѣстнымъ парадоксомъ, что собственность есть воровство. Если вы припоминаете, эту формулировку наука наша знала съ очень отдаленныхъ временъ, именно нѣкоторые средневѣковые писатели такъ относились къ частной собственности по мотивамъ религіозно-аскетическимъ, такъ смотрѣлъ, напримѣръ, св. Амвросій, Везарій фонъ-Гейстербергъ и др. Собственностью создается возможность присвоенія нетрудового дохода, т.е. собственность есть источникъ полученія прибавочной цѣнности, а такъ какъ это Прудонъ считаетъ спеціальнымъ закономъ, то онъ и является противникомъ собственности. Но одновременно онъ - и противникъ коммунизма, такъ какъ коммунизмъ, по его мнѣнію, обусловливаетъ эксплуатацію сильныхъ слабыми, подобно тому, какъ частная собственность, наоборотъ, эксплуатацію слабыхъ сильными.

Самымъ основнымъ экономическимъ сочиненіемъ Прудона является книга подъ заглавіемъ: „Система экономическихъ противорѣчій", вышедшая въ 1846 г.. Это есть основной трудъ Прудона, гдѣ онъ излагаетъ цѣлую теоретическую систему, основанную на теоріи цѣнности. По мнѣнію Прудона, вся экономическая система капитализма состоитъ изъ противорѣчій, при чемъ основнымъ противорѣчіемъ, лежащимъ на днѣ, такъ сказать, этой системы, является противорѣчіе между мѣновой и потребительной цѣнностями, именно несоотвѣтствіе, которое

существуетъ между полезностью, важностью и необходимостью предмета для жизни и его мѣновой цѣнностью, рыночной оцѣнкой. Въ связи съ этимъ онъ изслѣдуетъ всѣ основные факты капиталистическаго хозяйства. Прудонъ хочетъ освободиться отъ темныхъ сторонъ капиталистическаго хозяйства и основникъ его противорѣчій уничтоженіемъ денегъ и процентовъ на капиталъ. Но способъ уничтоженія денегъ и процентовъ на капиталъ Прудонъ видитъ не въ общественной или государственной организаціи производства, а въ системѣ, которую онъ называетъ „мутуалистической", основанной на взаимности, т.е. на взаимной связи отдѣльныхъ производствъ, которыя все-таки остаются частными и другъ отъ друга независимыми. Для установленія это системы Прудонъ проектируетъ трудовой банкъ, при посредствѣ котораго были бы устранены деньги, и товары получили бы способность непосредственной вымѣниваемости. Въ мѣновомъ хозяйствѣ качествомъ непосредственной обмѣниваемости или, какъ говорится въ политической экономіи, способностью быть всеобщимъ мѣновымъ эквивалентомъ обладаютъ только деньги. Прудонъ хочетъ съ помощью своего трудового банка распространить это качество на всѣ товары. онъ практикуетъ, слѣдовательно, такое учрежденіе, въ которое всякій производитель могъ бы представить свой товаръ и получить тѣ товары, которые ему нужны, при чемъ посредникомъ для него были бы трудовыя деньги, выраженныя въ ассигнаціяхъ, написанныхъ на извѣстное количество часовъ труда. При посредствѣ такого банка, по мысли Прудона, уничтожились бы всѣ злоупотребленія при обмѣнѣ, и могла бы быть осуществлена болѣе важная цѣль, именно безплатный

кредитъ: банкъ могъ бы осужать на основѣ трудовой цѣнности орудія производства производителямъ, не взимая за это процентовъ. Такимъ образомъ было бы побѣждено основное зло современнаго общества – проценты на капиталъ.

Прудонъ былъ наканунѣ того, чтобы примѣнить свои идеи къ практической жизни, уже былъ основанъ банкъ, но до конца дѣло не дошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Я упомянулъ, что Прудонъ придерживался анархическихъ воззрѣній; онъ считалъ, что мутуалистическая система въ производствѣ приведетъ къ устраненію государства за его ненужностью и замѣнитъ законы свободно установленнымъ договоромъ; принципъ, на которомъ построена и экономическая и политическая организація у Прудона, есть свобода въ смыслѣ антигосударственномъ и антисоціалистическомъ. Останавливаться на критикѣ воззрѣній Прудона не представляется здѣсь цѣлесообразнымъ.

Собственно Прудономъ и заканчивается рядъ французскихъ соціалистовъ, получившихъ всемірную или, по крайней мѣрѣ, общеевропейскую извѣстность, хотя имъ, понятно, не заканчивается работа соціалистической мысли во Франціи, но главный центръ вниманія въ серединѣ и во второй половинѣ 19-го вѣка переносится въ Германію выставившую цѣлый рядъ крупнѣйшихъ представителей соціализма въ лицѣ Лассаля, Родбертуса и Маркса.

Фердинандъ Лассаль жилъ съ 1825 по 1864 гг. Его извѣстность основывается столько же на его научной и литературной дѣятельности, сколько и на практической, агитаціонной работѣ, приведшей къ основанію

рабочей соціалистической партіи въ Германіи. Подъ предсѣдательствомъ Лассаля и въ значительной степени его энергіей былъ основанъ всеобщій германскій рабочій союзъ за годъ до смерти Лассаля. Хотя этотъ союзъ послѣ его смерти насчитывалъ всего 4000 членовъ, но фактически онъ явился началомъ теперешней соціалъдемократической партіи въ Германіи.

Въ области теоретической Лассаль проявилъ себя, съ одной стороны, чисто научными изслѣдованіями по наслѣдственному праву, затѣмъ по греческой философіи /философіи Гераклита Темнаго) и отчасти въ брошюрахъ и статьяхъ характера экономическаго и историко-философскаго. По своимъ общимъ идеямъ Лассаль примыкаетъ къ философіи Гегеля и отчасти Фихте, вообще къ философіи германскаго идеализма, по своимъ же экономическимъ идеямъ Лассаль является послѣдователемъ отчасти Рикардо, отчасти Луи Блана и вообще французскихъ соціалистовъ съ ихъ идеями объ ассоціаціяхъ. Въ своихъ рѣчахъ Лассаль обычно развивалъ ту мысль, что рабочему сословію въ данный историческій моментъ принадлежитъ совершенно исключительное историческое призваніе, что оно является носителемъ основной идеи исторической эпохи.

Если для среднихъ вѣковъ, по мнѣнію Лассаля, руководящей была идея землевладѣнія, феодальной аристократіи, если эпоха отъ великой французской революціи до 1848 г. есть эпоха господства буржуазіи, такъ послѣ 1848 г. наступаетъ эпоха, характеризующаяся историческимъ призваніемъ и ролью рабочаго сословія; и это историческое призваніе онъ имъ убѣждаетъ осуществить. Но чтобы ра-

бочее сословіе было въ состояніи осуществить свое призваніе, необходимо, чтобы оно отдало себѣ ясный отчетъ въ своемъ историческомъ, соціальномъ и экономическомъ положеніи. Въ области экономической Лассаль столкнулся съ сильной агитаціей среди рабочихъ, направленной къ созданію среди нихъ ассоціацій или обществъ самопомощи. (Эти общества самопомощи,) вообще идеи организаціи рабочаго сословія на основѣ экономической взаимопомощи въ Германіи проповѣдывалъ, главнымъ образомъ, Шульце-Деличъ, съ которымъ въ борьбу и вступилъ Лассаль. Лассаль доказывалъ въ полемикѣ съ Шульце-Деличемъ, что никакія, сколько-нибудь существенныя улучшенія въ положеніи рабочихъ, въ увеличеніи заработной платы, вообще улучшеніе жизненной обстановки, не могутъ быть достигнуты посредствомъ экономической взаимопомощи потребительными обществами и вообще различными экономическими паліативами по той причинѣ, что заработная плата опредѣляется желѣзнымъ закономъ. Этотъ желѣзный законъ, учитъ Лассаль, вслѣдъ за Рикардо, держитъ заработную плату на уровнѣ средствъ необходимыхъ для жизни. Слѣдовательно, въ предѣлахъ этого экзистенц-минимума никакія существенныя улучшенія невозможны. Желѣзный зак заработной платы сдѣлался главнымъ рычагомъ въ его борьбѣ съ идеями экономической самопомощи Шульце-Делича; и на немъ же обосновалъ онъ и свой положительный проектъ.

Положительный проектъ Лассаля въ значительной степени напоминаетъ мысль Луи Блана объ основаніи производительныхъ ассоціацій рабочихъ. Рабочіе только тогда могутъ надѣяться на с венное улучшеніе въ своемъ экономическомъ положеніи, если частные

капиталисты будутъ вытѣснены и замѣнены коллективными предпріятіями изъ самихъ рабочихъ. Шульце-Делічъ, вообще сторонники экономической самопомощи тоже стремились внушить рабочимъ, въ особенности ремесленникамъ, значеніе производительныхъ ассоціацій или артелей. Отличіе Лассаля отъ Шульце-Делича заключается въ томъ, что Лассаль считаетъ эту идею осуществимой и разрѣшаемой только при условіи государственной помощи этимъ производительнымъ ассоціаціямъ на почвѣ государственнаго кредита. Эти ассоціаціи могутъ только въ томъ случаѣ сдѣлаться способными выдерживать конкуренцію, если будутъ снабжены достаточными капиталами, а имъ, по мнѣнію Лассаля, можетъ ихъ снабдить только государство, если только оно захочетъ ихъ снабдить. Такъ что же представляетъ изъ себя государство? — Государство, обращаясь къ рабочимъ, говоритъ Лассаль, если оно соотвѣтствуетъ фактическому соціальному составу населенія, должно быть-вы сами, потому что рабочіе представляютъ собой большинство населенія. А для того, чтобы они получили вліяніе, соотвѣтствующее ихъ численности, необходимо, чтобы избирательная система давала этому вліянію соотвѣтствующее выраженіе, а это возможно только при введеніи всеобщаго избирательнаго права. Слѣдовательно, идея производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ приводитъ Лассаля къ требованію всеобщаго избирательнаго права.

Итакъ, всеобщему германскому рабочему союзу Лассаль указывалъ задачу прежде всего политическаго характера, именно добиваться всеобщаго избирательнаго права. Такимъ образомъ Лассаль этимъ

предопредѣлилъ германское рабочее движеніе, какъ движеніе по преимуществу политическое; какъ извѣстно, всеобщее избирательное право черезъ годъ послѣ смерти Лассаля было введено, но не какъ завоеваніе рабочаго класса, но какъ слѣдствіе политическаго расчета со стороны Бисмарка, введшаго всеобщее избирательное право.

Скоро послѣ смерти Лассаля его основная идея производительныхъ ассоціацій и, равнымъ образомъ, желѣзный законъ заработной платы были отвергнуты его же собственной партіей.

Крупнымъ теоретикомъ соціализма въ Германіи былъ Карлъ Родбертусъ фонъ-Ягецовъ, жившій отъ 1805 г до 1875 г. Родбертусу принадлежитъ рядъ трудовъ, относящихся къ области какъ экономической теоріи, такъ и къ исторіи, главнымъ образомъ къ экономической исторіи античной древности, затѣмъ онъ занимался также вопросами поземельнаго кредита. Въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ онъ развиваетъ трудовую теорію цѣнности и проистекающую изъ нея теорію прибыли на капиталъ или, какъ онъ ее называетъ, теорію „ренты вообще". Эпоха капиталистическаго производства, по мнѣнію Родбертуса, характеризуется раздѣльностью капиталовладѣнія, землевладѣнія и труда. Для того, чтобы возможно было капиталистическое производство, необходимы экономическія и правовыя условія. Необходима извѣстная производительность труда, которая долженъ производить больше, чѣмъ потребляетъ рабочій, давать извѣстный остатокъ. Юридическое условіе — есть право собственности на орудія производства, позволяющее капиталистамъ и затѣмъ землевладѣльцамъ присваивать этотъ излишекъ, который Родбертусъ и называетъ рентой

вообще. Рента вообще распадается на двѣ части, на прибыль на капиталъ, представляющій чистый доходъ капиталиста, и поземельную ренту, долю землевладѣльца. Существованіе земельной ренты онъ объясняетъ тѣмъ, что въ землевладѣніи отсутствуетъ сырой матеріалъ, а, слѣдовательно, и самая затрата капитала на сырой матеріалъ. Между тѣмъ, капиталы стремятся къ равной прибыли. Значитъ, если затрата капитала въ земледѣліи будетъ меньше, чѣмъ въ промышленности на всю ту долю, которая была затрачена въ послѣдней на сырой матеріалъ, поэтому общая доходность въ послѣдней выше, чѣмъ въ промышленности, и излишекъ дохода земледѣлія и составляетъ земельную ренту. Отличительной чертой ученія Родбертуса является еще его теорія заработной платы. Онъ училъ, что доля заработной платы въ продуктѣ, независимо отъ того, увеличивается или уменьшается заработная плата абсолютно, съ развитіемъ капиталистическаго производства имѣетъ тенденцію къ уменьшенію, поэтому рабочій классъ получаетъ все меньшую долю въ производимыхъ продуктахъ и можетъ все въ уменьшающейся степени быть покупателемъ этихъ продуктовъ; и такъ какъ его покупательная способность сокращается, то въ итогѣ образуется остановка въ сбытѣ товаровъ и торговые и промышленные кризисы. Что касается практическихъ идей Родбертуса, то Родбертусъ принадлежитъ къ числу соціалистовъ-консерваторовъ, которые больше всего надѣются на полезное творческое вмѣшательство государственной власти въ экономическія отношенія, и вообще не ожидалъ скораго соціалистическаго переворота. Онъ высказываетъ, что соціалистическій строй наступитъ не скоро, такъ черезъ 500 л.,

а пока надо заботиться о соціальныхъ реформахъ, на первомъ мѣстѣ объ урегулированіи заработной платы.

Слѣдующимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ соціалистовъ Германіи является Карлъ Марксъ, живній отъ 1818 - 1883 гг. Идеи Маркса, помимо ихъ научнаго и теоретическаго значенія, интересны потому, что въ настоящее время онѣ опредѣляютъ теоретическое міровоззрѣніе германской соціалъдемократической партіи и отчасти вліяютъ на соціалистическое движеніе нѣкоторыхъ другихъ странъ. Идеи его относятся, съ одной стороны, къ области философіи исторіи, а съ другой - къ политической экономіи. Что касается философіи исторіи, то міровоззрѣніе Маркса опредѣляется, какъ экономическій матеріализмъ, - онъ считаетъ основаніемъ всѣхъ соціально-историческихъ процессовъ развитіе производительныхъ силъ, факторъ экономическій. Но развитіе производительныхъ силъ совершается съ исторической необходимостью, и перемѣна въ ихъ развитіи влечетъ за собой перемѣну въ политическомъ строѣ общества, въ его сознаніи психологіи, въ его отвлеченныхъ и идеологическихъ построеніяхъ. Всѣ формы производительныхъ отношеній въ исторіи до настоящаго времени отличаются характеромъ антагонистическимъ, въ основу ихъ положено противорѣчіе, дисгармоническое отношеніе. Вслѣдствіе этого вся исторія, протекшая до сихъ поръ и настоящаго времени, характеризуется классовой борьбой, при чемъ въ этой классовой борьбѣ выражается антагонистическій характеръ развитія производительныхъ силъ. Въ области экономической Марксъ является, какъ и Родбертусъ, продолжателемъ Рикардо и развиваетъ его трудовую

цѣнности, подобно нѣкоторымъ англійскимъ теоретикамъ и Родбе су, въ томъ направленіи, что онъ становится орудіемъ обличенія и критики капитализма. Подобно тому, какъ Родбертусъ объясняетъ существованіе ренты вообще изъ излишка произведеній труда, сверхъ своего содержанія, такъ и Марксъ существованіе нетрудового дохода объясняетъ прибавочнымъ трудомъ рабочихъ, производящихъ сверхъ необходимаго для своего существованія прибавочную цѣнность, которою и создается прибыль на капиталъ, проценты, земельная рента, вообще различные нетрудовые доходы. Общее развитіе капиталистическаго хозяйства Марксъ изображаетъ такими чертами: вслѣдствіе поглощенія болѣе крупными хозяйствами болѣе мелкихъ происходитъ концентрація производства; размѣры производства становятся все болѣе и болѣе крупными, и число капиталистовъ, руководящихъ производствомъ, вслѣдствіе этого все уменьшается; такимъ образомъ капиталистическое производство само подготовляетъ организацію производства изъ одного центра.

Концентрація производства, сопровождающаяся, по ученію Маркса, и сосредоточеніемъ рабочихъ массъ и прогрессирующимъ ихъ угнетеніемъ со стороны капитала, такъ что развитіе капитализма пріобрѣтается, какъ созрѣваніе основного капиталистическаго противорѣчія между трудомъ и капиталомъ, при чемъ моментъ, когда это противорѣчіе окончательно созрѣетъ, и явится моментомъ революціоннаго созданія соціалистическаго строя. По мнѣнію Маркса, развивавшаго свои экономическія идеи въ рядѣ сочиненій, въ наиболѣе сжатой формѣ въ „Коммунистическомъ манифестѣ", составленномъ

вмѣстѣ съ Энгельсомъ, а въ видѣ научной системы въ произведеніи „Капиталъ". Этими замѣчаніями ограничу по недостатку времени изложеніе ученій соціалистовъ и сдѣлаю теперь краткую характеристику новѣйшаго состоянія политической экономіи, главнымъ образомъ, академической, представители которой являются преподавателями высшихъ учебныхъ заведеній.

Новѣйшая политическая экономія въ общемъ характеризуется слѣдующими отличительными чертами: прежде всего историзмомъ. Историзмъ есть вообще основная черта научной мысли нашего времени, и я не преувеличу, если скажу, что это есть одна изъ величайшихъ и плодотворныхъ идей второй половины, въ особенности конца 19-го вѣка. Его девизъ - все изучать въ исторіи, въ историческомъ развитіи, въ историческомъ становленіи, все понимать исторически, обо всемъ спрашивать исторически. Этотъ историзмъ, прежде всего, противоположенъ абстрактному, апріорному, дедуктивному способу разсмотрѣнія и разсужденія, который отличаетъ раннюю политическую экономію классической школы, а до извѣстной степени и соціалистовъ, поскольку они основываются на классической школѣ, особенно же на Рикардо.

Благодаря этому стремленію къ историзму, въ экономической наукѣ стираются-и, можетъ быть, не безъ ущерба для научной ясности - граница, которая отдѣляетъ собственно политическую экономію и экономическую исторію. Въ настоящее время можно назвать цѣлый рядъ писателей и цѣлый рядъ сочиненій, относительно которыхъ не

никакъ не скажете навѣрно, куда они относятся: къ политической экономіи или къ экономической исторіи, потому что и сама политическая экономія представляетъ собой въ настоящее время какъ бы кусокъ экономической исторіи. Пріурочить къ какому-либо одному имени это величайшее теченіе научной мысли невозможно, можно сказать, что оно создано всѣмъ развитіемъ научной мысли и за предѣлами политической экономіи, поэтому ошибочно приписывать заслугу политическаго историзма какой-либо одной школѣ, хотя бы и именующей себя спеціально исторической. Но такъ какъ такая историческая школа все-таки существуетъ, то я долженъ упомянуть о ней и назвать главныхъ ея представителей.

Въ сущности духовнымъ родоначальникомъ историческаго пониманія въ политической экономіи является уже Фридрихъ Листъ, но заслуга назвать свое направленіе историческимъ, дать, такъ сказать, имя ребенку принадлежитъ германскому экономисту Вильгельму Рошеру, который еще въ 40-хъ годахъ выпустилъ сочиненіе, озаглавленное: „Политическая экономія съ исторической точки зрѣнія". За Рошеромъ послѣдовали Гильдебрандтъ, затѣмъ Карлъ Книсъ, написавшій сочиненіе: „Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода", и цѣлый рядъ другихъ авторовъ. Нельзя сказать только, чтобы имъ было уже дано торжество историческому методу въ политической экономіи, ибо торжество это установляется не провозглашеніемъ этого метода, а его примѣненіемъ самимъ дѣломъ, и въ этомъ смыслѣ, конечно, создателями исторической политической экономіи являются тѣ, которые наиболѣе поработали въ области

историческаго изученія экономическихъ отношеній.

Здѣсь нужно назвать прежде всего престарѣлаго Густава Шмоллера, написавшаго цѣлую библіотеку историческихъ изслѣдованій; затѣмъ Карла Вюхера, наиболѣе выдающагося представителя исторической политической экономіи нашихъ дней, и затѣмъ цѣлый рядъ изслѣдователей историческаго направленія, напр., А. Гольда, написавшаго „Исторію развитія Англіи", Шульце-Геверница, написавшаго исторію крупной промышленности Англіи и Россіи, и т.д.

Историческая постановка проблемы политической экономіи имѣла, между прочимъ, то значеніе, что она раздвинула рамки изученія, можно сказать, до безпредѣльности.

Въ настоящее время, можно сказать, буквально нѣтъ эпохи и нѣтъ страны, экономическое изученіе которой съ исторической точки зрѣнія не представляло бы научнаго интереса, и успѣхи этого изученія выражаются въ томъ, что все яснѣе вырисовывается эволюція хозяйственной жизни, измѣненіе хозяйственныхъ формъ, историческая преемственность ихъ и ихъ историческая послѣдовательность,—мы поймемъ сами себя гораздо полнѣе и глубже, если узнаемъ свою исторію.

Особенностью новѣйшей политической экономіи является также и то, что можно назвать ея эмпиризмомъ, который выросъ изъ нѣкотораго разочарованія и до извѣстной степени утраты вкуса къ апріорно-дедуктивнымъ построеніямъ классической школы и вообще теоретической политической экономіи, къ ея законамъ, построеннымъ на основаніи отвлеченныхъ положеній.

Среди представителей исторической школы равнодушіе или пренебре-

женіе къ вопросамъ экономической теоріи имѣетъ широкое распространеніе, и можно назвать лишь отвлеченныя исключенія среди ея представителей, которые чужды этого равнодушія и пренебреженія (напр., проф. Зомбартъ). Современная экономическая наука охотнѣе всего предметомъ своего изученія избираетъ конкретно-описательныя или историческія изслѣдованія, не обобщенія, выводы или законы, а прежде всего установленіе новыхъ фактовъ. Въ этомъ, если хотите, сказывается извѣстная научная безпринципность и безразличіе и извѣстная безпомощность; съ другой стороны, въ этомъ выражается и большая научная зрѣлость. Дедуктивная конструкція, робинзонады, къ которымъ прибѣгали ранѣе, въ настоящее время представляются дѣтскимъ, наивнымъ состояніемъ науки, къ которому просто невозможно возвратиться. Въ то же время экономическая наука приходитъ къ необыкновенной спеціализаціи и дифференцированію; это стоитъ, конечно, въ связи съ безмѣрнымъ усложненіемъ самаго объекта ея изслѣдованія; вѣдь народное хозяйство представляетъ собой сложнѣйшій механизмъ, и подобно тому, какъ теперь нельзя знать медицину вообще, а можно знать хорошо ухо, горло, носъ, равнымъ образомъ все труднѣе оказывается знать политическую экономію вообще, а приходится имѣть дѣло съ аграрнымъ вопросомъ, коопераціями и т. далѣе. По этимъ причинамъ экономическая наука настоящаго времени и заваливается спеціальными монографіями, спеціальными изслѣдованіями. Наука ушла въ эти спеціальныя изслѣдованія и сравнительно утратила общія перспективы. Однако это связано еще съ той ея слабостью, что въ политическую экономію вообще вносится очень

мало критическаго философскаго духа; проблема критики познанія, проблемы болѣе или менѣе общефилософскаго характера рѣдко занимаютъ спеціалистовъ, занятыхъ детальными изслѣдованіями политической экономіи. Конечно, можетъ быть это и облегчаетъ ихъ специальную работу, но это отражается на характерѣ экономической литературы.

Отличительной особенностью современной политической экономіи, на ряду съ ея историзмомъ и съ эмпиризмомъ, является еще та доминирующая роль, которую въ ней играетъ интересъ соціально-политическій, вопросы соціальныхъ реформъ.

Отличіе между соціально-политическимъ направленіемъ и соціалистическимъ въ данномъ случаѣ не столько принциніальное, сколько методологическое, по способу подхожденія къ вопросамъ. Тѣ стороны хозяйственной жизни, которыя соціалисты, въ особенности вышедшіе отъ классической школы, берутъ въ формѣ общихъ „законовъ" или „тенденцій", соціальные политики раздробляютъ на большое количество отдѣльныхъ конкретныхъ вопросовъ соціальной реформы, и въ этомъ смыслѣ современная экономическая эпоха характеризуется, какъ фактическое поглощеніе соціализма стремленіемъ къ соціальной политикѣ. Это направленіе соціально-политическое очень рѣзко обозначилось въ 70-хъ годахъ въ Германіи, когда былъ основанъ въ 1872 г. въ Эйзенахѣ „Союзъ соціальной политики". Этотъ союзъ за 37 лѣтъ своего существованія совершилъ по истинѣ колоссальную научную работу: десятки томовъ изслѣдованій историческихъ конкретныхъ описаній, касающихся разныхъ вопросовъ экономической

и соціальной жизни. Во главѣ этого союза стоятъ профессора, почему въ 1871 г. Оппенгеймъ пустилъ въ ходъ ироническое названіе „катедеръ-соціализмъ", т.е. профессорскій соціализмъ.

Соціальная политика включаетъ въ себя разные оттѣнки и направленія, также какъ и катедеръ-соціалисты представляютъ собой весьма пестрое собраніе изъ представителей консерватизма, какимъ является напр., Шмоллеръ, до почти соціалистовъ, къ которымъ неопредѣленно приближается, напр., Зомбартъ; но отличительной особенностью всѣхъ ихъ является детальное, такъ сказать, дѣловое изученіе вопросовъ соціальнаго характера. Иногда это направленіе и само себя характеризуетъ, какъ этическое направленіе. Шмоллеръ въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій называетъ его историко-этическимъ, но такое наименованіе представляется скорѣе всего недоразумѣніемъ и философскимъ и практическимъ. Въ практическомъ смыслѣ это направленіе, конечно, не можетъ имѣть монополіи быть этическимъ, а въ философскомъ смыслѣ оно вовсе не отличается какимъ-либо особымъ спеціальнымъ отношеніемъ къ этикѣ, которое давало бы право на это.

И въ области соціальной политики какія-либо обобщающія изслѣдованія и обобщающія заключенія также отсутствуютъ и, можетъ быть, столь же преждевременны и затруднительны, какъ и въ области историческаго изслѣдованія.

Для нашего времени, для теперешняго состоянія науки наиболѣе характерное явленіе представляютъ сводные теоретическіе трактаты или словари, энциклопедіи, составленные изъ очень многихъ

спеціальнихъ статей, изъ которыхъ каждая составлена спеціалистомъ вопроса. Лучшимъ, можно сказать, классическимъ выраженіемъ политической экономіи въ настоящемъ ея состояніи является многотомная энциклопедія, такъ называемый „Словарь Общественнихъ наукъ" ("Handwörterbuch der Staatswissenschaften"), выходящій подъ общей редакціей Конрада, Эльстера, Лексиса, Ленинга, но фактически представляющій собой коллективний трудъ, множество спеціальнихъ изслѣдованій. Того же типа и „Словарь народнаго хозяйства" (Wörterbuch der Volkswirtschaft) подъ редакціей Эльстера.

Энциклопедіи представляютъ собой особенность не только одной германской литературы, но и другихъ странъ; и у насъ есть нѣчто соотвѣтствующее въ видѣ экономическихъ статей энциклопедическаго словаря, а отчасти въ рядѣ попытокъ создать экономическіе словари или экономическія энциклопедіи. Вообще, это есть форма научнаго произведенія, наиболѣе соотвѣтствующая современному положенію научнихъ знаній.

Характеризовать отдѣльнихъ представителей изъ нинѣ дѣйствующихъ спеціалистовъ политической экономіи, конечно, у меня не хватаетъ времени. Назову самыя извѣстныя имена среди германскихъ экономистовъ; на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ здѣсь Шмоллеръ столько же политичнымъ своимъ изслѣдованіемъ, сколько и потому, что онъ имѣлъ наибольшее количество учениковъ и такимъ образомъ основалъ наиболѣе вліятельную школу. Вмѣстѣ съ Шмоллеромъ, на кафедрѣ Берлинскаго университета дѣйствуетъ престарѣлий Ад. Вагнеръ, направленіе котораго обозначается, какъ государственний

соціализмъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать историка хозяйственныхъ формъ Бюхера, такие плодотворно вліяющаго на развитіе экономической науки, профессора Мюнхенскаго университета Брентано, имѣющаго массу видныхъ учениковъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ Шульце-Геверницъ. Отличительной особенностью школы Брентано является ея стоемленіе въ исторіи соціальнаго развитія 19-го вѣка искать путей къ соціальному миру. Не случайно, что Брентано явился въ 70-хъ годахъ однимъ изъ ранних изслѣдователей англійскаго трэдъ-юніонизма и его значенія въ соціальныхъ отношеніяхъ.

Особое мѣсто занимаетъ въ исторіи „австрійская школа", занимающаяся главнымъ образомъ экономической теоріей.

Отличительной особенностью теоретической мысли второй половины 19-го вѣка является отчужденность и нѣкоторая даже оппозиціонность по отношенію къ классической политической экономіи.

Трудовая теорія цѣнности и трудовая теорія прибыли въ современной теоретической политической экономіи встрѣчаетъ по отношенію къ себѣ растущее равнодушіе, въ особенности послѣ того, какъ появился въ 1894-омъ году третій томъ „Капитала", многихъ разочаровавшій, когда выяснилась невозможность провести трудовую теорію цѣнности послѣдовательно, безъ ограниченій, черезъ всю систему политической экономіи. Несомнѣнно, что послѣ 1894 года шансы австрійской школы, которая борется съ трудовой теоріей цѣнности, весьма увеличились.

Школа эта, развивающая новую теорію цѣнности и капитала,

называется австрійской, благодаря тому, что наиболѣе крупные представители ея занимаютъ каѳедры въ австрійскихъ университетахъ; ее называютъ еще теоріей предѣльной полезности, потому что въ основѣ ея лежитъ теорія опредѣленія цѣнности благъ по предѣльной полезности.

Представителями этой теоріи являются: Джевонсъ, Бенъ-Баверкъ, Визеръ, Менгеръ. Сюда же присоединяется до извѣстной степени математическое направленіе политической экономіи, представителями котораго являются: Россенъ, Вальра, Курно, Эджсвортъ и нѣкоторые другіе, и особенность котораго состоитъ въ широкомъ употребленіи математическихъ символовъ для изображенія экономическихъ идей. Математическими символами изображаются отдѣльныя экономическія понятія, затѣмъ надъ ними производятся математическія дѣйствія и получаются нѣкоторые выводы, которые, по мнѣнію этой школы, имѣютъ общe-теоретическій характеръ. Это абстрактное направленіе противопоставляетъ себя историзму, но не оказываетъ на него никакого опредѣленнаго вліянія, а существуетъ скорѣй просто рядомъ съ нимъ, не соединяясь и не сливаясь.

БИБЛ. ОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Оглавление.

Стр.

Введение. Связь экономического мировоззрения с общим мировоззрением эпохи 3.

Глава I Исторический характер политической экономии 18

II Платон. Общие исторические условия его времени. Тяжкий кризис в жизни Греции: политический (афинская демократия и ее черта), социальный (классовая борьба, противоположность богатства и бедности), духовный (влияние софистов). Сократ. 23.

III Социальный кризис в греческой демократии 29.

IV Биография Платона. Учение об идеях. Два мира: горний и дольний. 39

V. Политея; ее содержание 44.

VI Характеристика „Политии" Платона. Ее всемирно-историческое значение 52

VII Аристотель; его жизнь и основная мысль мировоззрения. 62

VIII Учение Аристотеля о человеческой общности. 71.

IX Вопрос о рабстве и о производительности труда у Аристотеля. 72

X Экономическое учение Аристотеля 75
XI Критика учения Платона 78
XII Идеальное государство у Аристотеля 83
XIII Сократическая школа. Ксенофонт. Киренская школа. Киники. 85
XIV Стоическая школа. Анахронизм Зенона. Проповедь гуманности в стоицизме 91.
XV Экономические учения у римлян 98
XVI Экономическое состояние древнего мира в связи с рабством 95
XVII Отношение христианства к имущественным различиям и рабству 121
XVIII Вопрос о так называемом первохристианском коммунизме и благотворительности. 129
XIX Послеапостольский век. 132
XX Суждения о богатстве отцов церкви: Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста 135
Экономические мировоззрения эпохи средних веков 146
Гуманистическая эпоха. Томас Мор; его жизнь и мировоззрение. „Утопия" и ея отзвуки. 242

— Рабле. Кампанелла. „Государство солнца". 212.
— Меркантелизм, как первое мировоззрение политической экономии. Его основная черта в теории и практике. Судьбы его развития.
— Учение о денежном и торговом балансе. 284.
— Постепенное смягчение меркантелизма и переход к учению о свободной торговле в Англии и Франции. Представители перехода.
— Посошков и его труд „о скудости и богатстве". 314
— Локк, Д. Юм. 342
— Физиократы
— Адам Смит. 3
— Мальтус и „Опыт о народонаселении". ч
— Рикардо. у
— Джон-Стюарт Милль ч
— Жан Батист Сэй ч
— Фредерик Бастиа.
— Фридрих Лист.

Социализм; его виды; важнейшие представители.